

Флейм Корвин
ВОР И УБИЙЦА

Королевские аркебузиры исполнили вынесенный приговор, но вместо меня расстреляли другого. Теперь я в долгу и обязан жизнью человеку, который искал лучшего в мире вора. Он нашел меня. Предстоящий путь опасен, и, возможно, убийца справится с ним лучше, чем вор.

Глава 1. Площадь Правосудия

— А ну поднимайтесь!

Отвыкшие глаза на миг ослепли от света.

— Шевелитесь, грязные свиньи! И поторапливайтесь, пока я добрый!

В камеру ввалился самый жирный из виденных мной в королевской тюрьме надсмотрщиков. На дюжину шагов от него несло перегаром, и зловонные пары из его пасти мгновенно смешались с затхлым воздухом каменного мешка, в котором свои последние часы коротали арестанты. К коим, как ни горько это признать, принадлежал и я.

Следом за надсмотрщиком через полуоткрытую дверь из обитого медью почерневшего дуба вошли два тюремных алебардиста в желто-оранжевых королевских цветах. Еще несколько гремели ржавым железом в освещенном факелами коридоре. Древки их оружия основательно укоротили, чтобы управляться в тюремных помещениях.

— По одному и на выход! — проревел тюремщик, звякнув связкой массивных ключей, зажатых в толстых и коротких пальцах. Такие у меня всегда вызывали отвращение.

Опершись на закованные в кандалы руки, я неуклюже поднялся. Рана под рубцом на левой ноге напомнила о себе тремя уколами боли. Проклятый пепел! Ведь почти зажила.

— Да шустрой там!

Цепи на ногах позволяли делать только короткие шажки, которые изрядно бы меня повеселили, смотри я на это дело со стороны. Но дьявол! Я там, где я есть. Проклинаю тот день, когда мы наполнили паруса и погнались за караваном купцов!

— Один, второй, — поднеся к небритой роже фонарь и скорчив отвратную гримасу, тюремщик пересчитывал переступающих порог камеры заключенных, — третий, четвертый...

В меня ткнула лапа с зеленой татуировкой.

— ... пятый, шестой, седьмой, восьмой. Ага, все тут, — тряся обвислым животом, тюремщик зашелся хриплым хохотом. — Да и куда ж вам надеваться!

Зрелище ржущего надсмотрщика вызывало у меня отвращение. Я отвел взгляд.

— Ты чего морду воротишь?

Тюремщик дернул меня за рукав рубахи. К моему лицу приблизились зло сощуренные налитые кровью глаза.

— Стройте этих и ведите на площадь, — бросил алебардистам тюремщик, — а мы с господином капитаном скоро нагоним. Ты ведь капитан? Не так ли?

Отвечать я не собирался, да и не успел бы. Пудовый кулачище угодил прямо в солнечное сплетение. Задыхаясь, я рухнул на колени, изо рта потекла вязкая слюна. Я поймал на себе выразительные взгляды Чекко и Лоиса. Помочь, капитан? Я резко мотнул головой. Не вмешивайтесь!

Жирный гад от души пнул сапогом по ноге, угодив точно по почти зажившей ране. После вспышки боли меня затопила ненависть. Стража уже отвела парней на дюжину шагов, и с тюремщиком я остался один на один. Собравшись, ждал, когда он подойдет поближе.

Плюнув мне под ноги, надсмотрщик опустил на корточки в нескольких шагах слева, подперев спиной стену.

— Это тебе не купцов щипать, пират, — зло рассмеялся он и потянулся к болтавшейся

на поясе фляжке, подставив мне свой бок.

Я рванулся, вложив в прыжок все оставшиеся после месяца заключения силы. Тюремщик вскочил, отшвырнув флягу, а я вспорол пустоту и влетел плечом в шершавую кладку. Толстяк оказался необычайно проворен. Пока я поднимался, он ловко обошел меня справа и смачно врезал тыльной стороной ладони по спине. Грохнувшись на колени, я не успел даже дернуться, как получил еще один удар по лопаткам и уткнулся лицом в сырой пол. Надсмотрщик придавил спину тяжелым коленом, умело заломив руки. Попытка шевельнуться принесла избитому телу адскую боль.

— Не ерепенься, — услышал я сквозь собственный хрип, — вас ведут на суд и, сам знаешь, какой приговор вынесет лорд Деспилье. Но не отчаивайся.

Я замер. Речь надсмотрщика преобразилась совершенно и в лучшую сторону.

— Есть человек, который хочет, чтоб твоя душа осталась среди живых. Если не наделаешь глупостей, то увидишь завтрашнее утро. Будь спокоен и хотя бы внешне покорен судьбе. А теперь... Пшел, собака!

Прежний тюремщик вернулся. Наградив пинком и отборными ругательствами, он погнал меня по коридорам королевской тюрьмы. Я двигал ногами, словно пьяный, гадая о странном тюремщике и моем таинственном доброжелателе. Предположения возникали самые дикие, вплоть до слуг Сатаны!.. Ох, не о том думается на пороге смерти! Чтобы отогнать непрощенные мысли, я бездумно считал попадавшиеся на пути двери камер.

Когда грубые лапы вытолкали из ворот тюрьмы, постарался выбросить из головы сумасшедшие домыслы. Конечно, насколько это возможно в нынешнем положении. Будь что будет!

Площадь Правосудия и прилегающие улочки были заполнены гомонящим народом. За восемь месяцев столица королевства Арнии несколько не изменилась. Разве что, появились траурные полотнища.

Нахлынули воспоминания, как обчистил дворец вице-короля Заморских владений арнийских монархов да отправился транжирить золотые руали в Ревентоль. Помню, я славно отметил свое двадцатисемилетие! Меньше года прошло. Потом, когда наскучили дни и ночи разгульного празднества, вдруг помыслил поменять воровское ремесло на пиратскую удачу. Остатков от великолепного куша из дома вице-короля хватило, чтобы на Костяном крабе, острове вольного братства, снарядить приличный корабль.

Фортуна благоволила, золото и серебро само плыло в руки. Спустя два месяца флибустьерства в свою флотилию пригласил Рыжий Крюк, самый грозный и щедрый среди свободного братства пират, чье имя гремело в самых дальних портах.

Задались веселые деньки! А потом угодили в хитрую ловушку. Арнийцы, арнидокцы, герийцы и лекантицы забыли свои извечные дразги и устроили ненавистному Рыжему Крюку западню. Сам Крюк ушел, но его капитаны нет. Мы дрались отчаянно, однако и мой «Скорпион» взяли на абордаж, и теперь я снова в Ревентоле. Я и семеро тех, кто выжил на корабле.

Парней построили гуськом, сковав кандалы одной цепью. Впереди высилась могучая фигура Чекко, за ним — близнецы Жак и Жан. В затылок Жану смотрел седой Гюг, моя правая рука на "Скорпионе". Рубаки Лоис и Дино оказались неразлучны даже здесь, они стояли рядом. Последним был Булез. Замок цепи на моих оковах щелкнул за его спиной.

Тюремные алебардисты заняли места по обе стороны от нас.

— Живо вперед!

Заключенных направили к противоположному краю площади сквозь прямой проход в орущей толпе, осыпаящей пиратов проклятиями и ядовитыми насмешками. Люд сдерживался двойным рядом королевских гвардейцев в идеально сшитых камзолах и позолоченных кирасах. Рядом с ними любой из тюремной стражи смотрелся гадким утенком.

Когда до гранитного помоста, на котором обычно вершили правосудие королевские судьи, было уже не более двух десятков футов, алебардисты остановились. Под улюлюканье ревентольцев нас заставили упасть на колени и велели ждать. Недолго.

На помост взошел судебный пристав. Призвав к тишине, он громогласно объявил:
— Верховный судья Высокого трибунала королевства лорд Деспилье!

Наверх поднялся граф Альберт Деспилье. Поджарый, с вытянутым высохшим лицом, черными, глубоко посаженными глазами, он как нельзя лучше подходил под свою недобрую репутацию. Облаченный в пурпурную мантию, судья смерил холодным взглядом притихших горожан и уселся в высокое кресло, поставленное справа от пустующего места короля.

Вдовствующая королева-мать Мария-Луиза почила три недели назад, и убитый горем сын, теперешний король Герард V, оплакивал утрату в аббатстве Мон-Терье. Хотя лично я полагал, что Герард предавался в аббатстве отнюдь не траурному молению. О враждебных отношениях Герарда с матерью поговаривали далеко за пределами королевства.

Слева от монаршего трона пустовало место кардинала. Кто же в нем устроится? Старческая немощь кардинала Кунигуда давно стала притчей во языцех. Неужели и оно будет незанятым?

— Архиепископ Антуан! — известил пристав, разрешив мои раздумья.

Кто ж еще! Архиепископ слыл первым из претендентов на мантию Кунигуда.

Антуан оказался высоким человеком с открытыми и благородными чертами лица. Однако, как ни крути, он член Высокого трибунала, и при этой мысли зародившаяся было симпатия молниеносно исчезла.

— Королевский обвинитель лорд Тренкап!

Это имя мне ничего не говорило. Да и сам лорд Тренкап не производил особого впечатления: какой-то неприметный господин в коричневом костюме. Зато, когда услышал имя королевского защитника, признаться, стало не по себе. Развеялись последние сомнения, каким приговором завершится трибунал.

— Вице-король Заморской Арнии лорд Даман!

Будучи пиратом, я не делал тайны, откуда взялись руали, что позволили снарядить "Скорпион", и очень скоро весь Костяной Краб знал, кто обчистил сундуки арнийского вице-короля. Само собой, весть об этом недолго добиралась до резиденции Конрада Дамана. Даман нанял убийц, которые отправили на тот свет моего первого и единственного настоящего друга, боцмана «Скорпиона» Дью Вермана, и едва не добрались до меня. К Даману появились кровные счета.

Да, это был он! Его пухлые щеки и блестящую лысину не спутать ни с чьей другой.

Первое, что сделал Даман, как только вскарабкался на помост, это нашел взглядом меня. Вице-король скривился своей приторной ухмылкой, в его глазах зажегся мстительный огонек.

Сняв воображаемую шляпу, я картинно поклонился и наигранно пригладил чуть взлохмаченную прическу. Мои прямые черные волосы опускались до плеч. Толпа незамедлительно разродилась злорадным хохотом. Разговоры о жадности вице-короля давно

дошли до Ревентоля, и о моем визите в подвал Конрада Дамана здесь тоже были наслышаны.

— Именем милостью божьей короля Герарда V Высокий трибунал слушает дело о морском разбое, — произнес верховный судья, хищно взглянув на подсудимых. — Вызывается Лоис Вект.

Младшие судебные приставы, сменившие тюремную стражу, сняли цепной замок и вытолкали Лоиса вперед.

Суд вышел скорый и жестокий. Выслушав обвинителя и не менее обличительную речь Дамана, нашего "защитника", Деспилье дал слово Лоису, который лишь презрительно покосился на реюший над трибуналом королевский флаг и отвернулся.

— Смертная казнь, — сухо проронил верховный судья, не удосужившись соблюдности протокол. В торговом Ревентоле пират — это хуже, чем детоубийца.

Лоиса приковали к столбу смертников. К его чести, держался он молодцом.

Затем Деспилье называл имена Гюга, Булеза, Чекка, Жана и Жака. Их судилище, в коем не проглядывалось и намек на выслушивание свидетелей и прочие тонкости, получилось таким же коротким и с тем же приговором. Лишь семнадцатилетним близнецам Деспилье уготовил иную участь.

— Смертная казнь заменяется пятилетней каторгой на галерах.

Сделалось искренне жаль их. Больше трех лет на арнийских галерах не выдерживал никто, и это поистине хуже смертной казни.

Рядом со мной теперь оставался лишь Дино.

— Николас Гард, — потребовал судья.

Приставы приблизились ко мне и, освободив от цепи, толкнули к помосту.

Едва шагнув, я вдруг почувствовал острую боль в ноге. Рана напомнила о себе весьма некстати. С трудом сохраняя маску спокойствия, я старался сейчас только не хромать. Все что угодно, лишь бы не доставить лишнего удовольствия толпе, бьющейся в экстазе в предвкушении казней.

— Николас Гард, — начал зачитывать судебное заключение Тренкап, — вы обвиняетесь...

Я не слышал его. Вышедшее из-за Кафедрального собора святого Франциска яркое солнце не только ослепило меня, но и как будто оглушило. В голове крутились слова тюремщика. Неужели сказанное им всего лишь дьявольский розыгрыш? Я начал думать, что это так, надежда на спасение едва теплилась.

— Гард, у вас есть, что сказать в свое оправдание? Лорд Даман высказался, — обратился ко мне Деспилье.

Я даже не заметил, что нес вице-король. Покачнув головой, я ответил:

— Скажу лишь, что ничуть не раскаиваюсь в содеянном.

— Тогда виновен, и ваша виновность, Гард, как капитана корабля флибустьеров и приспешника Рыжего Крюка, более чем очевидна. Наказание — смертная казнь, — верховный судья повернулся к приставам. — Уведите его.

— Позвольте, ваша честь! — вдруг поднялся Даман, нервно вытирая платком вспотевшую лысину.

Что у него на уме? Или Даману недостаточно моей смерти?

— Защите есть что добавить?

— Да, ваша честь.

— Что ж, извольте, — Альберт Деспилье откинулся на спинку кресла, не сводя с меня

змеинового взора.

— Всем известно, — торопливо начал Даман в навалившейся на площадь гробовой тишине, — о булле папы Иннокентия XII, что говорит про незамедлительное отлучение от Матери Церкви всех детей от богопротивной связи сыновей и дочерей человеческого рода с расами нелюдей, а также всех потомков этих детей...

Наверно, я побледнел, замысел Дамана прояснился. Он хотел лишить меня последнего, что еще оставалось. Права на покаяние!

— Ваша честь, я должен уточнить, — неожиданно вмешался архиепископ. Ни проронивший до сих пор ни звука церковник заговорил, когда разбирательство коснулось преступлений против Святой Церкви. Именно для этого и должен был присутствовать кардинал на каждом заседании Высокого трибунала. — В булле Иннокентия XII написано лишь о рекомендации отлучать от лона Церкви детей, рожденных от связи людей с эльфами, гномами, орками и прочими. Но отнюдь не об императивном велении на сей счет.

Даман тяжело задышал и покрылся бурыми пятнами.

— Спасибо, — обратился к архиепископу Деспилье. — Трибунал учел ваше замечание.

К растерявшемуся вице-королю уверенность вернулась быстро, он вкрадчиво продолжил:

— И поговаривают, что в роду Гарда имелись орки.

Конрад Даман бросил в мою сторону взгляд и самодовольно надул щеки.

— У меня все, ваша честь, — сказал он.

— Принимая во внимание вышесказанное лордом Даманом, трибунал обязан проверить указанное обстоятельство, — цинично произнес верховный судья. — Поднимите Гарда наверх.

Два пристава схватили меня за локти и потащили на помост. Дабы унижить еще больше, приставы тянули спиной вперед.

— Я распоряжусь, чтобы сюда принесли Обруч, — сказал архиепископ.

— Не стоит утруждаться, ваше преосвященство, все уже готово, — Деспилье улыбнулся в мою сторону.

Меня снова бросили на колени. Теперь в шаге от стола, за которым сидел королевский трибунал.

Рядом застыл старший пристав, держа на вытянутых руках поднос с Обручем. Просто Обруч, без каких бы то ни было украшений. Единственным его отличием являлась редчайшая красная сталь, из какой его выплавили, и, конечно, магия. Та магия, которую святые отцы заключили в десятки обручей из красной стали и которая позволяла определить несчастных, о коих говорилось в булле Иннокентия XII.

Подобно затравленному зверю я наблюдал, как архиепископ Антуан принял у пристава Обруч, поднял над моей головой и начал медленно опускать вниз. Обмануть Обруч невозможно. Себя тоже. Мою прабабку изнасиловали орки, и посему я обречен на отлучение от Церкви. А, значит, меня выдаст боль; а, значит, перед смертью не будет покаяния; а, значит, точно отправлюсь в Ад!

Обруч коснулся головы. Спустя мгновение охватила невыносимая боль. Я выдержал три удара сердца и закричал. Я кричал, кричал и кричал.

Пришел в себя уже у столба смертников.

Приставы вели к гранитному помосту Дино.

— Эх, Николас, крепко тебе досталось, — заметив, что я очнулся, заговорил старик Гюг.

— Да, — захрипел пересохшим горлом Чекко, — ты, капитан, орал, словно уже жарился на углях в Преисподней.

— Заткнись, Чекко! — напустились на него остальные. — Вечно лезешь со своими тупыми шутками.

Я молчал. Все безразлично.

— Эй, взбодрись капитан! — попытался ухмыльнуться Гюг. — Не все так худо, как тебе кажется.

Я поднял мутный взор.

— Антуан, благослови боже его причинное место, — Лоис не смог отказать себе в последней вольности, богохульстве, — сказал, дескать, твоя участь и так незавидна и не стоит её усугублять...

— Короче, — перебил его Чекко, — Антуан не стал отлучать тебя. Видел бы ты, как взбесился господин Деспилье, а Даман, черт бы его побрал, тот вообще слюнями брызгал. Но архиепископ стоял на своем, как скала. Нет, и все.

В душе я почувствовал легкость и свободу. Не знаю, как такое возможно у столба смертников, но возможно. Я с искренней благодарностью посмотрел на Антуана.

Тем временем к нам присоединился и Дино.

На радость собравшейся толпе старший пристав торжественно объявил:

— Приговор Высокого трибунала королевства приводится в исполнение немедленно!

Многотысячное море голов завопило от восторга. А еще твердят про эпоху просвещенного века!

Справа от гранитного помоста серела каменная гранитная стена. Её прозвали Стеной казней. Она появилась в Ревентоле в тот месяц, когда я кутил в здешних трактирах. В те дни у Марии-Луизы возникла серьезная проблема: гильдия палачей взвинтила небывалую цену на свои услуги. Тогда-то и выскочил как чёртик из табакерки граф Альберт Деспилье. Пообещав королеве-матери разобраться с палачами, он занял должность верховного судьи с весьма заманчивым денежным жалованием и массой привилегий, а вместо палачей привлек к казням королевских аркебузирова, и у этой срочно возведенной стены солдаты теперь расстреливают осужденных.

Эх, не думалось восемь месяцев назад, что доведется стоять перед дулами аркебуз на площади Правосудия.

Судебные приставы подошли к Лоису. Его осудили первым, посему он первым предстанет перед Господом. Лоису вставили в рот кляп, дабы не поносил короля и трибунал, а на голову надели грязный мешок. «Милостивым» королевским эдиктом преступников спасали от тяжкой доли смотреть в глаза смерти.

К столбу смертников, громыхая, подкатился черный фургон. Внутри фургона находился священник, который свершит для преступника таинство покаяния, дабы избавить его душу от груза грехов. В фургоне имелось две дверцы: одна около кучера, а вторая — у оси задних колес.

Лоиса подвели к фургону и толкнули в распахнутую заднюю дверь. Спустя несколько минут кучер склонился к крохотному окошку, а после сообщил, что таинство окончено. Приставы отодвинули засов и, не церемонясь, вытянули Лоиса наружу. Нет, Лоис не сопротивлялся, но и облегчать жизнь приставам явно не собирался. Пусть сами тащат, коль

им надобно.

Лоиса приволокли к стене и развернули лицом к аркебузирам. Приставы торопливо убрались, и солдаты поняли оружие.

— Пли!

Лоис упал без единого звука. Среди нас тоже царило молчание, каждый думал о своем.

За Лоисом последовали Гюг, Булез и Чекко. Близнецов куда-то увели. Снова остались я и Дино. К столбу приблизилась тройка приставов. Мой черед... Последнее, что я видел — это четверо окровавленных тел у испещренной пулями стены. Рот заткнули тряпкой, а когда надели мешок, в нос ударил удушливый запах мертвечины. Мешки не раз использовались и долго потом не снимались с расстрелянных.

Меня подвели к фургону и с силой толкнули внутрь. Сзади с лязгом задвинулся засов.

На спине выступил ледяной пот. Почему тишина? Неужто Даман подговорил священника, и я все-таки приму смерть без покаяния?! Скрипнуло, как будто каблук растер пыль, и вновь лязгнул засов. На сей раз спереди.

Мешок слетел на пол фургона.

Передо мной стоял высокий, крепко сложенный человек, лет сорока на вид, монашеский наряд которого резко контрастировал с ликом воина. Незнакомец вынул из моего рта кляп и тут же, деловито используя ключ с тюремным клеймом, освободил от оков. Сначала руки, а затем ноги.

— Все расспросы после, — бросил он, — а сейчас раздевайся. Донага и быстро!

Успев распрощаться с жизнью, я был ошеломлен происходящим, мысли мои путались, но руки сами потянулись к пуговицам. Удовлетворенно кивнув, незнакомец скрылся за тяжелой, делившей фургон надвое, дверью с решетчатым окошком. Через миг он вернулся и кинул мне сверток.

— Оденешь это, — сказал он.

За его могучей спиной показалась обнаженная фигура. Человек одного со мной роста. Кожа его отливала нездоровой синевой; лицо, казалось, окаменело. Он был неестественно равнодушен. Монах отстранился, и обнаженный нагнулся к моей рубахе.

Я остолбенел. Он мог надевать мою одежду только для одного!

— Что замер? — яростно прошипел над ухом первый незнакомец. — Он неизлечимо болен, и его семье щедро заплатили, чтобы заменить тебя у Стены казней.

Не дожидаясь ответной реакции, монах опрокинул меня на пол и стащил оставшийся сапог и штаны. Когда обреченный на смерть завершил с одеянием, он нацепил на него кандалы, вставил в рот кляп и спрятал страшно спокойные глаза под мешком.

По совести говоря, я был еще как тряпичная кукла. Поняв, что на вразумительные действия в эти минуты я не способен, незнакомец схватил меня и сверток одежд в охапку и, цедя сквозь зубы ругательства, оттащил на половину, где должен располагаться священник. Задвинув засов, он дал знак кучеру.

— Хотя бы посиди тихо и смирно, — велел незнакомец.

Это словно протрезвило. Что ж, судьба в очередной раз лихо завертела мной. Посмотрим, к чему приведет новый зигзаг. Я потянулся к свертку. В нем обнаружилась монашеская ряса и скромный наряд реventольца достатка ниже среднего, но еще не нищенствующего.

— Тс-с! — незнакомец поднес палец к губам.

Не догадываясь, что схватили за локти отнюдь не капитана флибустьеров, судебные

приставы выдернули из фургона беднягу, принявшего мой крест, и громко хлопнули задней дверцей.

Воспользовавшись паузой, я торопливо оделся.

— Так-то лучше, — одобрительно произнес незнакомец.

Снаружи грянул залп аркебуз.

Переждав, пока притихнет кроважидный рев толпы, незнакомец ехидно произнес:

— Поздравляю со вторым рождением!

Я чувствовал себя последним подлецом.

— Но кто и почему... — начал я.

— Уже ведь говорил, побереги расспросы на потом.

— Хотя бы ваше имя, сударь.

— С сим пожалуйста. Оливер Фоссато. В прошлом солдат удачи, ненадолго монах, а ныне снова наемник. Может обращаться ко мне на ты, и достаточно просто — Фосс. А теперь повременим с беседой. Накинь капюшон и будь тише воды!

Глубокий капюшон монашеской рясы укрыл половину лица.

В фургон вбросили последнего из смертников. Дино. На этой раз обряд покаяния был соблюден до точки.

Мою душу раздирала злоба, обида и стыд. Я должен помочь другу. Но как? Любая попытка избавить Дино от казни закончится лишь тем, что аркебузиры расстреляют его, меня и еще моего таинственного спасителя. Я не мог рисковать жизнью Фосса. Знаю, это трусливое и низкое оправдание. Но, дьявол меня подери! Я не мог ничего! Кровь и песок!

Прости, Дино... Его увели.

Я грузно осел вниз.

— Догадываюсь, что у тебя на сердце, — рядом устроился Фосс, — но иначе нельзя.

Фургон трясся по булыжникам площади Правосудия.

Ухнули аркебузы и... Будь проклята эта толпа!

Покойся с миром, Дино...

— Зачем я вам?

Отчего-то я был уверен, что Фосс действует не один.

Оливер покачал головой:

— Ты нужен одному весьма могущественному человеку. Ты ведь не пират. Ты вор, и всегда был им, даже когда разменивал морские ветра под флагом Крюка. Ты вор, и вор, какие еще не рождались в этом мире. А хваленые подвалы Конрада Дамана для тебя были сущим пустяком, видал ты и похлеще. Я знаю это и ты, Николас, знаешь это.

Я пытался не отвести взгляд и не перемениться в лице. Он чертовски прав. Но откуда...

— Поверь, мой наниматель долго следил за твоими, хм, приключениями, — Фосс перебил ход моих размышлений; он словно бы читал мои мысли, — и ему многое известно. Да ты и сам понимаешь, что в определенных кругах имя Николаса Гарда на слуху.

Мой взор случайно упал на крохотное оконце. Фургон подкатил к тюремным воротам!

— Не волнуйся. Эта телега ведь оттуда.

Ворота медленно и со скрипом распахнулись. Фургон вновь затрясся, однако ненадолго.

— Приехали, Николас. Поднимайся, и что бы ни случилось, молчи и не откидывай капюшон!

Фосс выпрыгнул через распахнувшуюся дверцу, я последовал за ним. Мы очутились в полукруглом внутреннем дворике, скромных размеров. Никаких выходящих на него окон

заметно не было, только несколько дверей. Кучер, не говоря ни слова и не оборачиваясь, скрылся за одной из них.

— Лошади готовы.

Обернувшись на новый голос, я непроизвольно отпрянул. Рядом стоял тот самый жирный тюремщик! Он держал под уздцы двух пегих жеребцов; явно не из самых лучших конюшен, но вполне крепеньких.

— Не волнуйся, — произнес Фосс. Мое поведение забавляло его, — это свой человек.

— Извини за тумачи, приятель, — добродушно пробасил толстяк, — но иначе было нельзя.

Я не нашел, что сказать.

— Как там, Акан? — обратился к тюремщику Фосс.

— Все чисто.

— Тогда не будем медлить. По коням!

Когда я и Оливер запрыгнули в седла, Акан сунул Фоссу фонарь и повел жеребцов к неприметным невысоким воротам напротив тех, что минуту назад впустили нас во дворик. Толстяк кивнул Оливеру и запер ворота, оставшись по ту сторону створок из потемневших от времени неокрашенных досок. Мы снова вдвоем. За воротами тянулся такой же малопримечательный туннель со стенами из необтесанного камня, без окон и дверей. Вдобавок низкий, проходило постоянно наклоняться.

Туннель вывел к воротцам, которые на вид ничем не отличались от первых двух. Спешившись, Фосс притушил лампу и поставил её наземь, а затем чуть раздвинул створки ворот, лишь бы смог проехать всадник, и я вновь оказался на площади Правосудия.

Фосс вывел за мной своего скакуна и закрыл проход.

— Давай за мной, — мой спаситель ловко вскочил в седло.

Продираясь сквозь расходившийся по домам люд, я старался не смотреть в сторону Стены казней. А вокруг сновали горожане! Я услышал скрип собственных зубов. Как же я ненавидел реVENTольцев в тот миг!

Особняки богатых кварталов сменились одноэтажным РеVENTолем, то тут, то там начали попадаться лачуги бедняков.

— Молчи, — вновь предупредил Фосс.

Кривая улочка Нижнего города уперлась в величественную стену Внешних бастионов столицы арнийского королевства. У ворот как всегда переминалась с ноги на ногу хмурая очередь. Крестьянам и простым обывателям эдиктом Марии-Луизы повелевалось покидать город только через Северо-западные ворота. Низшее монашество, рясы которого сидели и на нас, также относилось к числу черного люда.

Под испепеляющими взглядами мы пустили лошадей напрямиком к десятку пикинеров.

— Куда без очереди! — сдвинул брови потрепанный пятью десятками лет капрал.

— Спасать грешные души, сын мой, — свесившись с коня, Фосс сунул в его ладонь серебряный руаль.

Довольно крякнув, капрал спрятал монету под кирасу:

— Говорил и буду говорить, что у святых отцов акромья четок всегда найдется, чем погреть руку. Пропустить их!

РеVENTоль остался позади. Северный тракт уносил прочь. Я не знал, что ждет завтра, но, по меньшей мере, завтра у меня имеется!

Глава 2. Гусь и окорок

За косыми струями ливня в ночной мгле едва угадывались островерхие крыши домов очередной деревни. Скакали весь день, и мои силы уже на исходе. Ещё этот зарядивший с полудня дождь!

Тяжелые тучи сделали ночь темной, но не чернее моих дум. В воспоминаниях я снова и снова возвращался к трибуналу. Судилище без шанса избежать смертный приговор или каторгу... Четыре месяца назад Даман убил Вермана и сегодня еще пятерых: Булеза, Гюга, Чекко, Дино и Лоиса. Пятерых моих людей, моих товарищей, а двоих обрек на худшее, чем смерть.

Даман и теперь вот Деспилье; два человека, которые не знают, что Николас Гард жив. Жив, и поэтому сполна расплатится по кровавому счету. Они узнают!

Мысли о мести долго не позволяли усталости взять верх. Но проклятый пепел! Я вымотался до предела. Грубая монашеская ряса и одежда под ней промокли под холодным дождем середины осени до нитки. Деревенька кончается, но обещанного Фоссом трактира с сухой постелью и горячим ужином не видать.

— Почти приехали, — произнес Оливер.

Это я и сам понял! За изгибом Северного такта в темноте показались ярко освещенные окна придорожного трактира. До отдыха рукой подать. Я почувствовал, что не могу избавиться от дурацкой блаженной улыбки.

— Давай за мной!

Фосс вдруг свернул с мощеного тракта на едва приметную дорожку, уходившую в густую рощу.

— Куда... — сдавленно вырвалось у меня.

Оливер быстро скрылся в темном пятне среди расступившихся деревьев. Мне не оставалось ничего иного как пустить своего жеребца следом, пока Фосс не ускакал слишком далеко. Из-за близко нависающих ветвей ночь на боковой дороге казалась гораздо непрогляднее, чем на тракте. Фосса и его коня почти не видно, поэтому приходилось ориентироваться скорее на слух, чем на зрение.

— Пол лиги и будет кров, — нарушив молчание, бодро выкрикнул Оливер.

— Большой или малой? — выдавил я, стараясь погасить вспышку злости. Конечно, он не устал! Не он же просидел в месяц в королевской тюрьме.

— Что?

— Лиги большой или малой?

— Малой. Большая лишь у моряков в чести.

Не буду скрывать, стало чуточку легче. Господи, я сейчас вывалюсь из седла!..

— Добрейшие, отворяйте! — возглас Фосса вырвал из незаметно подкравшегося сна. — Эй! Есть кто живой?

Дождь немного стих. Узкая дорога уперлась в высокий деревянный забор, какой часто встретишь у зажиточных крестьян: крепкий, на каменной кладке. Только раза в два выше, чем обычно. Перед массивными воротами на ветру качалась вывеска с изображением гуся и окорока, на двух семифутовых шестах ярко горели стеклянные фонари.

— Кампо, выпотроши тебя черти, проспишь всех постояльцев! — вновь загорланил

Оливер и что было сил застучал кулаком по дубовой створке.

Под таким натиском ворота, наконец, распахнулись. Слуги в длиннополых ливреях схватили жеребцов под уздцы и повели внутрь просторного двора, посреди которого гордо высился двухэтажный трактир. Именно гордо и именно высился, поскольку фасад постоянного двора не затерялся бы и среди самых дорогих кварталов больших городов и столиц.

Не дожидаясь, пока слуги заведут лошадей под навес перед крыльцом, Фосс спрыгнул наземь и с видом человека не раз здесь бывавшего уверено зашагал в трактир. Я не столь ловко соскочил с седла — лошади никогда не были моим сильным местом — и последовал за ним.

Просторный ярко освещенный холл, роскошный и практически пустой. На широких окнах с позолоченными рамами висели шелковые занавеси, под ногами пружинил мягкий ковер. Напротив входных дверей блестела покрытая лаком стойка. По обе стороны от нее вдоль стен располагались кабинки из красного дерева и толстой ткани: для тех, кто желал уединения. Все они пусты; может, по причине позднего времени.

Из полутора дюжин столов, занимавших остальное пространство, был накрыт только ближний к камину, и то лишь для одной персоны. Немолодой господин доканчивал ужин. Характерная борода клинышком выдавала в нем подданного огсбургской короны. Более никого. Будь я на месте хозяина сего заведения, ломал бы руки от подобного "наплыва" постояльцев.

Кстати, сам трактирщик, немолодой мужчина с проседью в волосах, дружески беседовал с Фоссом и расстроенным от отсутствия гостей почему-то не выглядел. Трактирщик обладал крупным телосложением, но не от полноты, а от дремавшей в нем силы. Даже сейчас, когда годы щедро посеребрили виски, на руках с закатанными по локоть рукавами играли тугие канаты мышц.

— Маргарет! — позвал он, когда я подошел ближе. — Проводи господина в его комнату.

Присев в реверансе, Маргарет, миловидная служанка в белоснежном чепчике и накрахмаленном кружевном воротничке, пригласила подняться на второй этаж.

Николас Гард шагал по лестнице, оббитой дорогим ковром, оставляя за собой лужи воды. Но, право слово, в то мгновение мне было совершенно наплевать на это. Как только представил, что ждет теплая комната с сухой и мягкой постелью, глаза начали слипаться сами собой, а ноги едва передвигались.

— Скоро поднимусь, — окликнул меня Фосс.

Ответить я не удосужился, мне и на него было глубоко наплевать.

— Ваш номер, сударь, — сказала служанка, отперев замок и протягивая мне ключи, — общий зал и две комнаты. Одну займете вы, другую ваш компаньон.

— Спасибо.

— Желаете чего-нибудь горячего?

Хотелось спать, но и перекусить тоже был не прочь.

— Да, и, пожалуйста, в номер.

— Если позволите, десять минут.

Когда Маргарет исчезла, я двинулся в спальню. Широкую кровать уже разостлали. Не помню, как скинул с себя промокшую одежду и нырнул под одеяло в объятья сна.

Я открыл глаза. Утро, которого быть уже не могло! А я живой... Живой, неувечный королевским правосудием и свободный. Чудо наяву! Я лежал и тихо наслаждался одной единственной мыслью. Жив!

Секундья стрелка настенных часов отмеряла круг за кругом. Меня постепенно опутывали тягостные раздумья. Я цел, а парни будут кормить червей.

Напротив висело Распятие. Поднявшись, я завернулся в простыню и встал перед ним на колени. Молитва выдалась сумбурной, но я помянул каждого из казненных вчера, прося Бога Отца и Бога Сына принять их грешные души. Нет, молитва не искупит мою вину перед товарищами, потому как окончательно прощусь с ними лишь после мести. Но, закончив с молитвой, я ощутил странное облегчение. Удивительно, ведь я совсем не набожен.

Отступив на два шага, я развернулся, оставляя тяжелые воспоминания у Распятия. Дино, Чекко, Гюг, Булез и Лоис — не первые, кто был рядом и кого уже нет. Некоторые смерти отомщены... Жаль, что далеко не все, но, клянусь, команда моего корабля не окажется забытой. Какой именно будет месть? Я не знал. Сейчас я думал только о смерти Дамана и Деспилье. Я не убийца, а вор, только лишь один исход поставит точку в этой истории.

Дальнейшие планы пока не строил, сейчас нужно лечь на дно и восстановить силы, а отмщение случится уже потом, и до тех пор я буду гнать воспоминания о погибшей команде. Потому что те, кто рядом, иногда погибают, но, если сам ускользнул от Костлявой Джейн, то должен жить. Жить, а не убиваться. Так всегда говаривал Старик, и именно это он повторил, умирая на моих руках.

Часы показывали четверть второго.

— Фосс, — негромко позвал я, светя голым торсом в общей зале номера.

Во второй комнате было также пусто, а идеально заправленная кровать не могла ответить, ночевал ли здесь кто-то вообще. Я вернулся в зал и ещё раз оглянулся.

Как же так!

У широкого окна на стуле висела новая одежда. Не скажу почему, но я ни на мгновение не усомнился, что роскошный наряд, стоивший, на взгляд, больше, чем хороший домик в провинциальном захолустье, предназначался именно мне. К сожалению.

Высокие сапоги из редкой нынче красной кожи с серебряными пряжками; штаны с модным в придворных салонах лоском; тонкая кружевная рубашка, вышитая под старогвендарский узор; ярко зеленый камзол с золотыми пуговицами и широкополая шляпа с перьями королевского фоариу могли бы вызвать восторг у сынков реventольских богачей, но не у вора. Никогда не чурался дорогих костюмов, однако не таких, как перья у попугая на насесте. Я обреченно вздохнул, одеть-то придется.

Только сперва умыться!

Ванна к моему восторгу оказалась полна еще не остывшей воды. Я медленно погрузился в неё, чувствуя кожей, как смывается пот и тюремная грязь.

— Недурно, — признался я.

Шпага с камнями на эфесе являлась отнюдь не безвкусной игрушкой. Настоящее оружие, сделанное убивать, а не для рисовки в руке франта, разбазаривающего отцовское наследство. Меня опять понесло...

Взглянув на зеркало и покачав головой, я пристегнул клинок к поясу. В животе давно и настойчиво урчало. Повинуясь чувству голода, покинул номер и направился на поиски хозяина таверны. Длинный коридор был пуст. В противоположной стороне от полукруглого

окна вниз спускалась лестница, и оттуда раздавались слабые голоса.

— Владыка!

Вздрогнув от неожиданности, я развернулся. Слева от неприметной распахнутой двери, согнувшись и закрыв лицо руками, стояла женщина. Эльфийка!

Никогда не видел перворожденных, слишком мало осталось их в этом мире, но ошибиться было нельзя. В домотканом крестьянском платье из простой шерсти, со спутанными волосами, однако это была эльфийка, и как будто без ошейника. Почти везде на Большом Орноре эльфам запрещено появляться без ошейника раба. В Арнии тоже.

— Владыка, — горячо зашептала она, не отрывая ладоней от лица, — Олари-Гвендар пал, Сапфировый Берег утонул в крови, а четверем псам этого мало. Их армии у наших границ. Владыка! Что будет с нашими Лесами?

Истеричные интонации, которые зазвучали в голосе эльфийки с первых слов, заставили подумать о помешательстве перворожденной. Я отступил на шаг. Сумасшедшие всегда будили во мне брезгливость.

— Мадам... — проронил я. Кажется, она приняла меня за кого-то другого.

— Кровь! Кровь и смерть! Деревья горят.

Эльфийка замолкла и вдруг вскрикнула:

— Смотри! Смотри, что они сделали с моими глазами!

Я непроизвольно вздрогнул. Зрелище не для слабонервных, вместо глаз — зажившие рубцы, а некогда прекрасное лицо изрезано шрамами. Эльфийка вновь спрятала обезображенный лик и упала на колени, тихо плача и скуля.

Однажды Бог Отец, а может сам Дьявол, явили алхимикам гномов секрет пороха. Те, посчитав новый порошок пустой забавой для фейерверков, продали секрет его изготовления людям. На свое горе. Очень скоро у людских армий появились бомбарды, а за ними и аркебузы. Магия древних рас оказалась бессильной против нового оружия.

Первыми истребили и загнали в резервации орков Большого Орнора, самого обширного материка Орнора. Затем союз четырех возвысившихся людских королевств — Арнии, Леканта, Арнидока и Герии — разбил гномов Седых, Бурых и Железных гор. Еще семь лет понадобилось четверем королям, прозванных за алчность и жестокость четверьмя псами, чтобы поделить между собой Закатный Орнор и Дальний Орнор, западные и восточные материки. А затем настал черед перворожденных. Им, конечно же, припомнили распятие Бога Сына, а также все остальное: что было и чего не могло быть, но стало правдой в устах Вселенской инквизиции. Начались войны Святого Отмщения!

В Первую эльфийскую войну разрушили Олари-Гвендар и Сапфировый Берег, царстве эльфов на большом южном архипелаге и на лежащем за островами материке — Зеленом Орноре. Во Вторую эльфийскую войну уже горели леса перворожденных Гвендара, самого крупного из королевств эльфов, которое простиралось на севере Большого Орнора. Жестокость, с которой уничтожалась раса бессмертных, не знала границ. Когда от эльфов осталась лишь горстка, их Владыка и лучшие маги наложили на свои земли чудовищное проклятье. Леса эльфов превратились в ад, ужас поселился среди сумрака и теней в обезображенных дьявольским колдовством рощах. Твари, которых, казалось, изрыгнула Преисподняя, нападали на солдат и днем и ночью. Страх погнал смертных прочь, а на карте материка появилось огромное черное пятно. Темное Запустение, окруженное Сумеречьем, как нарекли пограничные с ним земли. Скоро Темное Запустение стали называть проще — Запустением.

Но и того, что захватили четыре пса, было предостаточно. Мир перекроили на глазах всего одного поколения. Арния, Герия, Лекант и Арнидок принялись выжимать соки из новоприобретенных колоний, время от времени вгрызаясь друг другу в глотки, а остальные людские королевства вот уже полтора столетия влачат жалкое существование в тени большого квартета. Лишь молодая Огсбургская империя хищно скалит зубы, интригует и, как мнится многим, ждет своего часа.

— Мадам, вам чем-нибудь помочь? — я попытался успокоить эльфийку. Жалость к ней поборола мою неприязнь. — Принести воды?

Перворожденная никак не отреагировала, словно позабыла обо мне. Я навис над ней, не ведая, как поступить.

— Лека, Лека! Что ты здесь делаешь? — по узкой лестнице за серой дверцей, запыхавшись, поднималась служанка. Опасливо глянув на меня, она склонилась к эльфийке и успокаивающее заговорила с ней. Как ни странно, это подействовало, перворожденная прекратила плакать и доверчиво наклонила голову к горничной.

— Сударь, пожалуйста, не говорите мастеру Кампо, что видели Леку, — умоляюще обратилась она ко мне, подняв эльфийку с пола. Служанка по-сестрински походила на Маргарет, только постарше и чуть полнее. — Хозяин не любит, когда Лека попадает на глаза гостям.

— Да, конечно.

— Спасибо, сударь. Вы очень добры.

Шепча что-то эльфийке, горничная увела Леку вниз, еще раз просящее взглянув на меня. Что за судьба выбелила волосы бессмертной и покрыла лицо морщинами? Почему она назвала меня Владыкой, верховным титулом эльфийских чародеев? Я простоял какое-то время на месте, глядя на затворившуюся дверь, пока чувство голода не прервало раздумья.

Приблизившись к лестнице, спускающейся в гостиничный холл, я услышал зычный бас:

— Трактирщик! Товь лошадей да побыстрее! И кружку темного эля!

Стуча подбитыми каблуками, к хозяину заведения двигала широкоплечая громада в синем мундире королевского лейб-лейтенанта. А внизу уже не так пусто. На прежнем месте сидел огсбургец, словно и не покидал его на ночь. У окна шептались трое купцов с длинными усами, то и дела тыча пальцами в толстый гроссбух. Женский смех за ширмой выдал влюбленную парочку. Но главное, за столиком посреди зала с Фоссом беседовал пухлощекий господин в костюме, отделанном с богатой вульгарностью.

Незаметно для незнакомца, устроившегося спиной к лестнице, Оливер дал знак остаться наверху. Неужели это мой таинственный спаситель и наниматель? Я отошел к стене и начал внимательно наблюдать за собеседниками.

— Ты чего городишь, милейший! Бери дорожный разряд и впрягай лошадей! Да не вздумай подсунуть мне дохлых кляч, как в той деревне у тракта!

Трактирщик мотнул головой, что-то втолковывая гвардейцу. Фосс сломал сургучовую печать на полученном от незнакомца письме и внимательно прочитал его, держа над зажженной свечой. Перед ним всего лишь посыльный... Я разочарованно выругался. Старик говаривал, что глупо оценивать внешний вид заказчика, когда получаешь куш. Знаю глупо, но отчего-то приятней грабить подлецов и королевских вельмож-хапуг, чем исполнять их прихоть. Пальцы, жадные до золотых монет, противно перебирали громоздкие четки. Естественно, еще и ценитель салонной моды.

— Не морочь голову! — офицер навалился на стойку.

Трактирщик протянул лейтенанту какой-то желтый лист. Уткнувшись в него, гвардеец изредка косился на хозяина заведения, а закончив читать, молча опрокинул кружку эля, кинул медяк и, схватив медвежьей лапой брошенный на стол палаш, широко зашагал к дверям, рыча на трижды клятого вице-губернатора Гренгори и его драные вшивыми котами привилегии.

Собеседник Фосса пялился на пару тугих кошель, перекочевавших на стол из кармана Оливера. Фосс опустил письмо к огню свечи. Когда лист бумаги сгорел, посыльный поднялся, забрав мешочки с монетами, и немедля уплыл прочь.

— Это он? — на всякий случай поинтересовался я, спустившись на первый этаж.

Мой вопрос рассмешил Фосса до крайности.

— Слава богу, нет, — сквозь смех ответил Оливер, — сей экземпляр годен лишь на роль мальчика на побегушках да для отвода глаз.

Фосс проследил взглядом за тронувшейся каретой, добавив:

— Такого трудно не заметить.

— Да уж.

— Кстати, ты, наверно, еще не завтракал, — сказал он и подозвал к себе служанку. — Маргарет, будь любезна, накорми сэра Христофера.

Когда служанка удалилась за вином, бобами с мясом и картофелем с зеленью, Фосс пояснил:

— Назовись новым именем пока здесь, на всякий случай. Твоя новая фамилия — Бонн.

Я кивнул. Затеянная Фоссом игра мне совершенно безразлична, сейчас больше волновало урчание в животе.

— Вино волшебное, очень рекомендую, — Оливер наполовину наполнил высокий бокал

— Какой-то странный трактир, — сказал я.

— Находишь его необычным? — Фосс приподнял бровь и с иронией взглянул на меня.

— Нахожу, — я с трудом оторвался от созерцания дымящихся тарелок, расставляемых передо мной доброй феей Маргарет.

Оливер пожал плечами и пригубил вина.

Маргарет наклонилась к столу, умело расставляя приборы. В вырезе её платья красиво белела молочная грудь. Заметив, куда падает мой взгляд, Фосс понимающе улыбнулся. Когда служанка направилась на кухню, две пары мужских глаз одобрительно проводили её приятные формы до двери.

— Девчонок моих не обижайте, — на стол легла огромная тень. Трактирщик подмигнул Фоссу и уселся рядом. — Девки у меня ладные, да не для лапанья. Для развлечений в округе всегда открыты двери матушки Соли. У нее две новые милашки появились. Говорят, прямо из дворца лерпийских дождей. Огонь, а не девицы!

— А что ж им не сиделось в Лерпо, да еще во дворце дождей? — Оливер скривил нарочито недоверчивую гримасу. — А, Кампо?

— Не знаю. Наверно, старикашки совсем зачали на своих сундуках, а в наших краях молодухам есть, где разгуляться.

— Особенно под крылом матушки Соли, — Фосс с сожалением повертел наполовину опустевший бокал, — надо бы её навестить.

— Её?

— Тебе, старый пройдоха, давно пора отучиться ловить людей на словах. Всех клиентов распугаешь.

— А тебе, пропойца, надо промочить горло. Уж больно у тебя разнесчастный вид, когда смотришь в бокал. Пойдем в подвал, выберем бочонок, вспомним прошлое да решим, когда навестим старушку Соли.

— Кстати, — обратился ко мне Оливер, поднимаясь со стола, — Христофер, у вас есть невеста. Нет? Тогда едемте с нами! Опять же, дамы из дворца лерпийских дождей!

— Пошли, сводник, — трактирщик хлопнул Фосса по спине, увлекая его за собой.

Фосс был заметно навеселе. Интересно, от вина или от общения с хозяином гостиницы. Они явно знакомы и при том давно. Странное дело — дружба наемника и трактирщика. Хотя, что здесь странного? Трактир. Его роскошь в здешней глуши, эльфийка, губернаторские привилегии. В общем... К черту! Я мысленно махнул на все рукой и принялся за завтрак.

Вспомнился Лерпо.

В фермерской Новой Лернии ходили легенды о богатстве торговых городов Семиградья, в особенности о Лерпо. В мои одиннадцать лет, когда увидел его с борта купеческой шебеки, город почудился еще сказочнее, чем представлялся по рассказам. В тот день я не хотел повернуть время вспять, чтобы не сбегать с фермы отчима; чтобы не пробираться тайком на первый попавшийся корабль, не подумав, что он может пойти куда-то еще кроме Семиградья; не сидеть шесть дней в трюме, пока не кончилась еда и вода; и потом полтора месяца не терпеть насмешки команды с кручением пальцем у виска. Слава богу, меня не выкинули за борт, а сделали юнгой за тарелку супа из солонины, и я был счастлив, когда капитан шебеки отпустил сопливого мальчугана на все четыре стороны. Мое счастье длилось три дня. После очень хотелось есть. Через неделю я лежал под старым мостом, умирая от голода, и до слез хотелось домой. Тогда меня и нашел Старик.

— Сударь, пожалуйста, выслушайте меня, — к столу подошла Маргарет. Служанка говорила едва слышно, почти шепотом, умоляюще сложа ладони на груди. — Она отлучилась только на минуту, на кухню, а Лека исчезла. Не рассказывайте об этом мастеру. Кампо не любит, когда Лека досаждают постояльцам. Мастер будет очень сердит на сестру.

Я был очень удивлен просящим тоном Маргарет и каким-то детским испугом в её глазах и поэтому не сразу сообразил, что речь идет о слепой эльфийке.

— ...когда поднялась наверх, увидела вас и Леку, и по...

Маргарет осеклась на полуслове. Ни я, ни она не заметили, как Фосс очутился рядом. Служанка испуганно захлопала ресницами и поспешила из зала. Я подумал, что будь с Фоссом хозяин гостиницы, она упала бы в обморок.

— Ты видел слепую эльфику?

— Кто она такая? И откуда здесь перворожденная?

Оливер задумчиво посмотрел в окно. Его взгляд был устремлен не во двор.

— Кампо и я родом из Зеленых Кантонов, — заговорил Фосс после непродолжительной паузы. — Деревню, где я вырос, не найти ни на одной карте. Вокруг только леса с волчьими тропами. Судьба в этой глуши одна — рубить лес да сплавливать его вниз по реке до ближайшего городка. И нищета! Поэтому я едва дождался семнадцатой зимы и каждое утро выглядывал в окно родительского дома с одной единственной надеждой. Когда же появится вербовщик! Наконец, этот день пришел, и я записался в вольную дружину. На девятнадцать лет красный трилистник стал мне семьей. Он вышит на нашем знамени.

Эмблема дружины ни о чем не говорила мне, но это не важно. Зато все знают, что ни одна дружина из Кантонов не запятнала свою честь, и лучших пикинеров, чем эти наемники

в мире не существовало. Это правда.

— Там я познакомился с Кампо. Поначалу мы едва на ножах не подрались, ведь Кампо родом из соседней деревни, — Фосс задумчиво почесал подбородок. — Косились друг на друга мы недолго, до первой заварухи. После Боденского сражения побратались, и так уже больше двух десятков лет. Знаешь, это были годы сплошных войн, но я часто и с теплом вспоминаю то время. Мы были молоды и веселы.

Оливер снова ненадолго задумался.

— Однажды мы поняли, что пора на покой, и покинули дружину. Кампо задумал открыть трактир где-нибудь в спокойном местечке. Деньги у него имелись, он всегда слыл прижимистым на сей счет. А я ввязался в одну авантюру, которая оставила меня совершенно без гроша. Помаялся какое-то время и принял монашеский сан. Ненадолго, — Оливер искренне рассмеялся. — Да, это было ошибкой, монах из меня вышел никудышный. Как-то зимней ночью я взял на душу еще один грех. Снял рясу и перемахнул через монастырскую стену. Снова стал солдатом удачи, только теперь у меня был лишь собственный клинок и две серебряные монеты, но на сей раз мне повезло. Очень скоро я встретил Хозяина, кому служу и поныне.

Чего и мне пророчишь! Однако вслух я произнес иное:

— Ты ни словом не обмолвился о слепой эльфийке.

— Перворожденная случайно попала к Кампо, — ответил Фосс. — Дела у него тогда шли скверно. Заведение больше походило на чуть облагороженный сарай и располагалось у той деревни, где вчера свернули в лес. Кампо рассказывал, что Лека постучалась в дверь поздно ночью, она вся дрожала от холода и едва держалась на ногах. Никто до сих пор не знает, откуда она явилась в здешние края. Кампо не прогнал её, и его великодушие было вознаграждено. У Леки есть Дар. На сто шагов рядом с ней никто не в силах колдовать, её Дар словно гасит все другие. И еще. Она чувствует, если кто рядом пытается что-нибудь подсмотреть, подслушать или украсть. Особенно при помощи магии. Кампо, не будь дураком, смекнул, что это ему сулит, и деньги потекли к нему рекой. Теперь в его трактире ведутся важные переговоры и тайные встречи, и ни один самый искусный шпион никогда не скажет, что происходило в стенах «Гуся и окорока». Сейчас эльфийка собственность Кампо. Правда, он не заставляет её носить ошейник; здесь, в трактире, это не возбраняется.

Признаюсь, так и чесалось проверить сказанное Фоссом на деле.

— Даже не думай вор, — резко произнес Оливер. — Здесь это бес-по-лез-но. Ты не сможешь услышать шепот за стеной или увидеть монету в кромешной темноте.

Мне очень не понравились эти слова.

— ... а равно красться без единого звука, раствориться в темноте или справиться с магическим замком.

Да, мне определено не нравилось сказанное. Слишком немногие знали, какой именно магией обладает Николас Гард, и почти все они умерли много лет назад и за много лиг от Арнии.

— У тебя напряженный вид, — произнес Фосс.

— Есть от чего напрячься, — процедил я.

— Не спорю, — Фосс заговорил тише, как будто вздумал успокоить меня. — Мало кто любит, когда раскрываются его самые сокровенные тайны, и когда такое происходит, понимаешь, что человек, сидящий напротив, далеко не случайно появился в твоей жизни.

Я исподлобья смотрел на бывшего наемника, ожидая, что еще он скажет.

— Говорю я не о себе, — продолжал Оливер. — Говорю о нашем Хозяине. Он долго следил за тобой.

— Хочешь сказать о твоём Хозяине.

— Нет, о нашем Хозяине. Ведь, если ночная крыса взялась за заказ, то доведет его до конца. Даже ценой своей шкуры! И лучше, если ночная крыса обязана жизнью, а это наш случай. Так, Гард, последний из ночных крыс?

Это уже слишком! Никто, кроме мертвецов, не знал, что последняя ночная крыса еще бродит под луной.

— Кто наниматель?!

— Всему свое время.

Фосс долго и внимательно вглядывался в мое лицо, а мне было не до него. Казалось, Оливера послал сам Дьявол. Я почти поверил в это.

— И платит он весьма и весьма щедро, — произнес Фосс и вдруг изменившимся тоном добавил, — Пойдем, выберешь себе новую лошадь, сэръ Христофер.

Глава 3. Встречи

Мышастый неторопливо ступал по дороге, ведущей к гостинице мастера Кампо. В сумерках очертания деревьев выглядели размытыми. В эту осеннюю пору темнело быстро, а холодало еще скорей. Пришпорив жеребца, я зябко повел плечами и посетовал на собственное легкомысленное желание захватить с утра только легкий плащ.

За неделю, проведенную в трактире, я отоспался и отъелся как никогда. Дни выдались блаженные, почти райские. Почти, потому что угнетала неизвестность.

После памятной беседы первого дня Фосс больше не заговаривал о чем-либо серьезном, а, едва я начинал спрашивать, он или отмахивался, или находил новую тему для разговора. Оливера, кстати, нет в трактире уже два дня. Я же, по совету хозяина таверны, провел их в заведении матушки Соли. Нахваленные Кампо дамы дело свое знали, они и впрямь из Лерпо.

Я тосковал по этому городу, там я нашел новую семью. Старик сделал из меня едва ли не принца и самого заветного жениха купеческой столицы Большого Орнора. Но, главное, он передал мне секреты ремесла и развил во мне пять тлеющих огоньков магии. Старик говорил, что я вор от рождения, во мне Звезда Харуза: пять воровских Дара.

Скучал ли я по старику? Конечно! Я любил его. Главари ночных крыс слыл легендой, большинство даже считали его личность вымыслом, а он жил себе да посмеивался в ус. Лишь когда кто-то переходил дорогу его клану, старик напоминал о себе. С ночными крысами предпочитали не связываться и многочисленные купеческие гильдии, и дожи города, и отбросы городского дна, которым сливали самую грязную и трудную работу особого толка. Пока не появился он... Кровь и песок! Прочь воспоминания!..

Обычно, когда в память вырвались события того дня, что убил почти всех из нас, я срывал знатный куш, и карета уносила последнего из ночных крыс подальше от теней прошлого.

Но не сейчас. Я обязан жизнью кому-то неизвестному и должен отработать долг. Бог воров Харуз или демон, как называли его церковники, не простит, если я не отплачу по долгу крови. Однажды я нарушил клятву, и ночных крыс стерли в прах, как будто их и не было, а прежнего Николаса Гарда не стало...

Огни гостиницы появились как всегда неожиданно.

Во дворе освещенного фонарями трактира переминалась с ноги на ногу немолодая женщина в поношенном платье фермерской жены. У ног женщины стояла большая корзина, доверху наполненная яблоками. Крестьянка робко пыталась обратить на себя внимание, но сновавшая туда-сюда прислуга Кампо совершенно не замечала её.

— Почем товар?

Усталое лицо озарилось надеждой. Не слушая цену, я протянул три серебряные монеты из кошелька, что получил от Фосса «на расходы». Дрогнувшим голосом фермерша залепетала слова благодарности, неуклюже наполнила куль фруктов и протянула его мне. На эти деньги она дотянет до весны. Я заметил на пальце крестьянки кольцо вдовы и испытал жалость к её детям. Фермерская доля тяжела, мне ведомо это не понаслышке.

Покинув седло, я с удовольствием ощутил под ногами землю.

Никогда не был мастаком в верховой езде. Мышастый, очевидно чувствуя это, все время норовил досадить мне, и я надумал подкупить его. Седой и почти беззубый конюх Кампо

прошепелявил о слабости Мышастого. Яблоки! Я показал жеребцу краснобокого красавца. Конь зло и с подозрением покосился на меня и чуть не откусил пальцы, затем требовательно посмотрел на куль яблок. Его фырканье стало довольным. Я дал Мышастому второе яблоко, но сейчас жеребец отошел на второй план.

Как и её госпожа, служанка была одета во все черное. Камеристка молча подошла к фермерше и, не произнеся ни звука, протянула монету. Не столь щедрую как моя, но для крестьянки и это было за счастье. Получив куль, служанка развернулась к гостинице. Глядя ей в спину, я вдруг почувствовал на себе чужой пристальный взгляд. Из окна второго этажа, отодвинув занавеску, смотрела она. Вся в черном, строгая и величественная, в такой же маске, как у горничной.

Она появилась в трактире три дня назад. Я доканчивал ужин, когда во двор вкатилась темно-серая крытая двуколка. Лицо возницы прятал глубокий капюшон, и он больше походил на мертвеца, чем на живого человека: в его скупых движениях не было ни капли лишнего.

Расплывшись в широкой улыбке трактирщика, Кампо поспешил во двор встречать новых гостей. Двуколка привезла двоих. Госпожа внимательно выслушала Кампо, что-то кратко ответила и протянула тугой кошель. Гостиничные слуги приняли у горничной багаж, карета укатила обратно в ночь, а новая постоялица и её камеристка переступили порог «Гуся и окорока». Пропустив горничную вперед, госпожа на миг задержалась и сквозь прорези в маске окинула взглядом холл.

Я смотрел на неё, как замороженный. Сначала взгляд притягивался её платьем из дорого черного сукна, оно бросало открытый вызов моде своим мрачным цветом, полным отсутствием разрезов и высоким глухим воротом, а затем я понял, что от дамы в черном исходит какая-то сила, суть которой оставалась тайной. Это ощущалось явственно, и, наверно, не мной одним. Облик новой постоялицы не показался кому-то из прислуги или гостей неуместным либо карнавальным, и она была красива. Почему-то я был уверен в этом, несмотря на маску, плотную шаль на плечах, перчатки и сверхстрогое платье.

Сейчас она пристально смотрела на меня, словно ожидала чего-то. Я натянул поглубже широкополую шляпу и попытался сделать вид, что не заметил внимания к своей персоне, а, когда снова глянул вверх, в окне никого не было.

Таинственная леди вызывала во мне жгучий интерес. Утром встретил её на лестнице. Аромат её духов поманил к себе, словно свет ночного мотылька. Я попробовал завести разговор, и был обожжен взглядом, она обошла меня стороной словно пустое место. Но её запах сказал, что она не только красива. Она еще и молода. Запах никогда не врал.

Я зло и протяжно выругался. Меня тянуло к юбке, будто зеленого юнца!

Внимание привлёк нарастающий шум. Через несколько минут в просторный двор «Гуся и окорока» въехали четыре кареты без гербов и дюжина всадников. Вооруженные до зубов слуги напоминали бандитов.

Пребывание в трактире становится занимательным. Показавшийся из гостиницы Кампо остановился на пороге в учтивой позе. Он не выглядел озабоченным, ребята у него крепкие, и все знают, где припрятан верный клинок.

Каждый экипаж привез по три человека. Они сбились в кучу и принялись о чем-то таинственно шептаться. Мне стало смешно. Они тоже были в масках, шляпах и длиннополых плащах как на карнавале в Цилирии. Настоящие заговорщики.

Вскоре они подозвали хозяина трактира, и после короткого разговора в руки

трактирщика перетекло целое состояние. Да, репутация вещь прибыльная.

Когда дюжина господ в плащах последовала в гостиницу, я отвернулся. Не мог скрыть ухмылку. Я все еще улыбался, когда проходивший мимо заговорил, и его голос я не спутал бы ни с одним другим. Красная маска скрывала Конрада Дамана.

Минуту я стоял в оцепенении, наблюдая сквозь окна, как в холле осматриваются двенадцать масок. Я размышлял, как поступить дальше, и не сразу заметил, что ладонь опустилась эфес шпаги. Это отрезвило. Я вор, а не убийца, и месть нужно подавать холодной. Передав Мышастого уставшему ждать помощнику конюха, я посильней натянул поля шляпы и двинул в гостиницу, не спуская глаз с красной маски. Никаких мыслей, что делать дальше, я не имел и, действуя по наитию, переступил порог гостиницы.

Стараясь не привлекать к себе лишнего интереса и не оборачиваясь лицом к Даману, я неспешно обогнул вновь прибывших. Я превратился в слух. Как же хотелось обострить его! Как мне не хватало магии воровского бога!

— Господа, — раздалось из-за спины, — встретимся внизу, а пока у каждого есть по часу.

— Пожалуйста, ключи от ваших номеров, — произнес Кампо, — пойдете, я покажу. Я поднимался по лестнице. Позади застучали подбитые каблуки дюжины пар сапог. Я должен знать, где остановится вице-король!

Наш номер располагался в конце коридора, что очень кстати. Замешкавшись у своей двери, я осторожно посмотрел через плечо, чтобы запомнить, где поселится красная маска. Номер Дамана оказался рядом, на противоположной стороне и отлично просматривался через узкую щель незакрытой двери. Я не зажигал светильник, и со стороны щель не заметят.

Я делал это сотни раз, затаился в темноте и ждал. Ждал, сам не зная чего, но ждал. Коридор был тих и пуст. Я не спускал взгляда с двери в номер Дамана. Медленно протекли сначала пять минут, потом десять. Пятнадцать. Со стороны лестницы послышались шаги.

Наверх поднимался постоянно торчащий в холле огсбургец. Он потерял личину вечного благодущия и выглядел крайне сосредоточенным. Имперец сжимал под мышкой тугой саквояж. Огсбургец миновал свой номер и негромко постучался к Даману! Дверь открылась практически мгновенно, словно за ней нетерпеливо ждали стука, и впустила гостя.

Спустя полминуты я действовал. Неслышным воровским шагом я очутился у номера вице-короля. За дверью шел разговор, но даже с почти орочьим слухом слов не разобрать. Проклятая эльфийка! Нужна магия! Я едва сдерживался от нарушения запрета «Гуся и окорока».

С замиранием сердца прислонился ухом к двери. Только бы никто не высунулся в коридор! Я мог услышать отдельные слова, только общий смысл разговора из них не складывался. Однако самое главное я не пропустил. Конрад Даман и имперец прощались. Я спешно вернулся в свой номер.

Даман остался один, имперец спустился вниз, наверно, за свое привычное место, к элю и сарделькам, а я нетерпеливо теребил выуженную из рукава булавку и отсчитывал минуты до истечения часа.

...Двери распахнулись практически одновременно, и маски по одному или парами направились в холл трактира. Красная маска среди них!

Дверь номера Дамана и булавка! Булавка вещь нехитрая, но не в руке опытного вора, тем более лучшего ученика Старика. Вчера любопытства ради опробовал её на замке собственного номера. Ничего неожиданного в нем не обнаружилось. В замке от покоев

Дамана тоже. Дверь молча затворилась за моей спиной.

Здесь ничего примечательно кроме пузатого, оббитого медью сундучка. На его крышке гномья резьба; значит, запорный механизм тоже гномий. Это могло существенно осложнить дело.

Я досадливо цокнул языком. Замок действительно сделан гномом, да не абы кем, а настоящим мастером. Такой замок без специальных инструментов не открыть, и очень-очень немногие могли бы с ним совладать без помощи магии с одной булавкой в руке. Но я лучший вор.

Внутри лежали десять щедро набитых кошель и три бумаги.

Первой оказался королевский патент на назначение барона Конрада Дамана на должность генерал-губернатора Загорья или как еще именовали это северное графство — Арнийское Сумеречье. Да уж, не теплое вице-королевство у южных морей: до Запустения рукой поддать, и горцы, вечно косящиеся на ревентольских монархов! Зато целая россыпь железных и серебряных рудников. Даман найдет, где погреть руки.

Две другие бумаги скреплялись печатью с незнакомым гербом. Это интриговало. Сорвав печати, я ничуть не разочаровался, что выдаю свой визит Даману. В первой подробно анализировались действия Конрада Дамана, шпиона и отступника. О! Он хороший шпион. Я покосился на кошель — работа Дамана оценивалась полновесными имперскими марками. Вторая бегло наставляла Дамана относительно новой должности генерал-губернатора Загорья. Конечно, с точки зрения, имперских интересов; особенно подробно описывались способы связи с огсбургскими агентами.

Обе бумаги скреплялись подписью самого имперского канцлера. Высокого полета мошенник барон Даман! Умудриться устроиться сразу на двух стульях! Да каких! Это его и погубит. Я спрятал обе бумаги во внутренний карман камзола. Они обязательно окажутся на столе арнийского короля. Жаль не сейчас, сперва дело моего спасителя, но Герард обязательно их прочитает. Это я себе обещал.

Какое-то мгновение я рассматривал кошельки, потом и они перекочевали со стола ко мне. Приятная тяжесть, что ни говори. В деньгах сейчас нужды нет, но как лишний раз не насолить Даману? Тем паче золотые марки!

Вот и все. Неприятный сюрприз ожидает Конрада. С этой мыслью я вернулся к себе в номер. Бумаги и золото спрятал в шкаф и, натянув на глаза шляпу, спустился в холл.

Безумие! Я не отдавал отчет своим действиям. Мной овладело какое-то сумасшествие! Жажда мести затмила разум.

Маски уединились в кабинке, которая смогла вместить дюжину человек. Я нашел себе место за ближайшим столиком. Недалеко, но как будто подозрений ни у кого не вызвал, и попросил легкого вина и мяса.

Без магии Харуза разговор масок угадывался с огромным трудом.

— ... представляю новых членов нашего сообщества, — мне все же удалось разобрать слова, звучащие за тканевой стеной, — граф Маркан, граф Донбери и барон Даман.

— Очень радостно, что граф Маркан и граф Донбери все-таки решились присоединиться к нашей партии. Голоса их фракций в парламенте очень нужны нам, — заговоривший вторым обладал зрелым и сильным голосом, его уверенный тон выдавал предводителя среди масок. — Также приятно видеть барона Дамана. Жаль, что граф Деспилье не смог покинуть столицу...

— Граф Деспилье, а также я и наши товарищи воодушевлены известием о возвращении

вашей светлости из ссылки. Старая перечница почилла как нельзя вовремя, — узнаю елейный голос Дамана.

Предводитель собравшихся, вероятно, не одобрил, что его столь бесцеремонно перебили.

— Деспилье действительно так полагает? — холодно поинтересовался он.

— Разумеется, ваша светлость.

— Странно слышать подобное от людей, которых вся столица записывала в фавориты старой королевы.

— Мы служили и служим не Марие-Луизе, а арнийскому королевству, — Даман не растерялся и нашел, что ответить. Однако прозвучало все довольно фальшиво.

— Мы тоже служим королевству. Видит Господь, это правда. Объединив общие усилия наших сторонников, Арния вернет былые позиции в мире.

Даман снова попытался уверить в своей преданности.

— Не забывайте, барон, только общими усилиями удалось добиться вашего нового назначения. Мы очень рассчитываем на серебро Загорья.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Даман. — Я как раз хотел обсудить...

— Об этом позже, — осек Дамана предводитель. — Известия и слухи до провинции доходят с большим опозданием. Вы же все из столицы. Я хочу знать последние новости. Говорите, кому есть, что сказать.

Дальнейший разговор напоминал военный совет.

— Что в парламенте?

— Палата общин бурлит. Она бесполезна и бестолкова как всегда, но теперь к нашей фракции присоединятся голоса консерваторов графа Донбери и новых роялистов графа Маркана. Столь нужный нам закон пройдет.

— А в палате лордов, как я понимаю, проблем с ним не ожидается?

— Не ожидается, ваша светлость.

— Хорошо. Кстати, о палате лордов. У нас есть перевес в голосах пэров? Это к вопросу о новом адмирале флота.

— Сейчас пэров больше волнует, кто возглавит Кабинет и когда вообще он будет сформирован.

— И...

— Сегодня кандидатура лорда-мэра Ревентоля выглядит незыблемой. Король явно благоволит к нему. Тут мы бессильны.

— Проклятый Хартс, чертов выскочка, — зло прошипел предводитель заговорщиков. — Без Кабинета влиять на молодого короля будет крайне затруднительно. Господа, нужно во чтобы то ни стало подорвать кредит доверия к Хартсу и его будущему Кабинету.

— Но Хартс еще не премьер-министр, — возразил кто-то.

— Вы, барон, сомневаетесь, что это произойдет до конца месяца? Я лично нет.

— Есть и хорошая новость. Новый кардинал и столичные клирики отделились от короля. Кардинал Антуан и Его Величество пока не показывают вида, что появились разногласия, однако я ручаюсь, что между ними сейчас бездна.

— В самом деле ручаетесь?

— Ручаюсь, ваша светлость, — голос был тихим, и оттого ответ прозвучал неубедительно.

— Что ж, посмотрим, — произнес властный голос, — Антуан совсем не прост.

Возможно, ссора с королем всего лишь интрига. Тем не менее, его разрыв с государем очень вовремя. Жаль старика Гудмунта, прежний кардинал был тих и безобиден.

— Но нет худа без добра, ваша светлость.

— Вы правы, милорд. Через полгода Антуан поедет в Тиму для высочайшего утверждения нового сана. К тому времени он бы очень мешал нам здесь. Но он непременно уедет, а папа придержит его при себе.

— Папа хочет много!

— Придется дать это папе. Королевству ни к чему новая конфронтация со священным престолом.

— Ваша светлость, очень многие недовольны уступками Тиме.

— И вы в их числе, граф?

— И я, ваша светлость.

— Думаю, что смогу убедить присутствующих в своей правоте, — послышалось в ответ. В прозвучавших словах не было никакой угрозы. Одна спокойная и непоколебимая уверенность. — Мне так же интересны новости о маршале королевства и герцоге Гриффиле.

— Со дня похорон королевы маршал практически не показывается на людях, а Гриффил наоборот с помпой вернулся в столицу после амнистии всем ссыльным. Но через три дня почему-то отправился в свое родовое поместье.

— Довольно интригующе. Они ведут между собой переговоры?

— Нет, и это абсолютно достоверно.

— Уже радуется. Необходимо подобрать к ним ключи, а, если не получится, нужно нейтрализовать влияние обоих на двор и парламент. Все наши усилия необходимо сосредоточить на этой цели. Даже Хартс вторичен по сравнению с маршалом и герцогом.

За ширмой говорили еще долго, и я, никогда не интересовавшийся арнийской политикой, начал терять интерес к происходящему. По правде говоря, я совершенно запутался в омуте представших передо мной интриг.

Понятно было только одно. Хоть Мария-Луиза и слыла изрядной стервой, но за корону цеплялась крепко. Покойница железной хваткой держала парламент и душила малейшие поползновения дворцовых группировок в сторону собственной власти. После её кончины двор зашевелился, распался на старые и новые альянсы. Аристократия вгрызлась друг другу в глотку и начала схватку за ум и душу молодого короля.

Я размышлял, как в этой мутной воде доставить королю Герарду бумаги Дамана. Может быть просто, по-воровски, проникнуть в покои арнийского монарха? Но не уверится ли тогда король, что бумаги поддельные?

— Задумался, Христофер? Или вино в голову дало?

Это был Фосс. В мятом плаще и с синяками под неславшими долгие часы глазами.

— Пойдем, — продолжил Фосс, — время собирать камни.

Я молча последовал за Оливером. Меня охватило сильное волнение.

— Здесь Даман.

— Не только он, — мрачно ответил Фосс.

На дворе стемнело окончательно. К экипажам масок прибавилась новая карета без гербов, только стояла она чуть поодаль. За ней в причудливой игре теней фыркали лошади еще одних вооруженных охранников. Фосс направился напрямик к прибывшему экипажу. Мы залезли внутрь.

— Монсеньёр, — вырвалось у меня. — Ваше...

— Не нужно, Гард, — перебил меня кардинал Антуан. — Не время для формальностей.

Я все же поцеловал перстень арнийского первосвященника, одетый поверх багровой перчатки. Людям моей профессии негоже лишний раз гневить Бога Отца и Бога Сына.

— В трактире герцог Чезмур и компания, — сказал Оливер.

— Очень занимательно, — кардинал даже поддался вперед. — Их много?

— Кажется, здесь собрались все.

— Впрочем, так и должно быть, — скорее себе сказал кардинал, — старому лису давно пора показать нос их ссылки. Многое отдал бы за то, чтобы знать, о чем они шепчутся.

Антуан задумчиво потеревил бородку.

— Вам случайно не удалось услышать разговор того многочисленного собрания?

Я отрицательно мотнул головой. Признаюсь, далось это с некоторым замешательством. Антуана я видел второй раз в жизни, и при близком знакомстве он также вызывал большую приязнь. Дело даже не в том, что кардинал спас от пуля. Его открытое лицо совсем еще не старого человека и взгляд глубоких и очень пронизательных глаз вызвали доверие. Только такому человеку мог служить Фосс, ему хотелось верить.

Тем не менее, я соврал. Я обязан Антуану и, клянусь именем Харуза, сполна отплачу по долгу! Если только он не назовет чрезмерную цену, тогда я просто смоюсь. Но в любом случае влезать в дворцовые интриги желания у меня нет.

— Жаль. Очень жаль, — сказал Антуан. — Даст бог, их замыслы быстро всплывут на поверхность. Не так ли, Оливер?

— Так, монсеньер.

— Скажите, Град, — обратился ко мне кардинал, — что вы знаете об интронизации в сан первосвященника королевства?

Вопрос Антуана сбил с толку и показался неуместным, но я честно ответил общеизвестными истинами.

— В любом королевстве после смерти старого кардинала совет архиепископов выбирает нового. В Арнии в этом вопросе решающее слово имеет король, — Антуан смотрел на меня спокойным, но очень пронизательным взглядом. Я не понимал, зачем у меня вынается то, что скажет последняя столичная кухарка. — После новый кардинал отправляется в Тиму, где папа утверждает его в сани. А новый первосвященник королевства присягает целованием святого перстня Бога Сына.

— И что потом? — пытливо посмотрел на меня кардинал.

— Потом новый кардинал отвечает на дюжину вопросов папы о вере и свершениях церкви в королевстве. Затем отвечает на дюжину вопросов епископов Тимы и задает свои двенадцать вопросов.

— И никто не в силах лгать и лукавить, ибо святая сила перстня Бога Сына не позволяет сие, — подытожил мой рассказ Антуан и тяжело вздохнул.

Я решил, что кардинал вспомнил о, мягко говоря, натянутых отношениях между арнийской церковью и священным престолом. Скоро выяснилось, что я ошибся.

— Что скажете, Николас, — Антуан стиснул четки, — если узнаете, что святой перстень украли, а взамен подсунули искусную подделку?

Я не клирик. Не набожный прихожанин. Я вор.

— Вы хотите вновь украсть святой перстень и вернуть его в Тиму, и чтобы это сделал я.

— Да, Гард! — глаза кардинала словно запылали. — Вы вновь украдете его и вернете Матери Церкви. Только сначала отдадите его мне. Через полгода я буду в Тиме на

утверждении моего сана. Перстень должен быть у меня! От этого выиграет священный престол, арнийская церковь и Арния.

— Согласен, — просто ответил я.

— Не все так просто, — в перчатках кардинала появилось Распятие в две ладони длиной. Из магической красной стали!

— Что это? — спросил я, хотя уже знал ответ. Клятвенный крест! Сейчас от меня потребуют произнести клятву, которая навсегда переплетется с моей судьбой, и если я нарушу её... Об этом лучше не вспоминать. Однажды я отступил от клятвы, скрепленной магией клятвенного креста, и ночных крыс не стало...

— Поклянитесь, Гард, что вы будете делать все возможное и невозможное, чтобы принести перстень Бога Сына мне, — кардинал протянул мне Распятие.

— Клянусь, — сорвалось с уст, когда взялся за клятвенный жезл. Я на мгновение ослеп, чтобы вновь видеть после вспышки света, мелькнувшей только предо мной. Дьявол! Это она, магия клятвенного креста!

О, Харуз! Что это было? Что я наделал! Достаточно всего одно слова! И оно прозвучало помимо моей воли! Как?.. Я обреченно вздохнул и вернул крест. Не знаю, что толкнуло произнести клятву, однако отныне я принадлежу кардиналу. Не требовалось даже повторять клятву слово в слово, да и саму клятву можно было бы составить коряво... Это пустое, важен смысл. Магия сделает все сама.

После кивка кардинала заговорил Фосс:

— Награда будет щедрой. Золотом.

Оливер назвал цену, за какую можно купить короля! Только зачем мне золото, если так глупо положил жизнь на клятвенный крест? Я не смогу отказаться от данного обещания без чудовищных последствий для всего того, что мне дорого. Пускай сейчас меня ничто не держит, нет ничего родного для меня, только расплата все равно окажется чрезмерной. Магия найдет, куда ударить побольней... Я могу идти к исполнению клятвы хоть всю жизнь, но нельзя отойти в сторону, взять передышку. Только вперед!.. Кажется, кардинал что-то молвит.

— Вам известно об Ордене Грааля? — Антуан пытливо разглядывал меня. — В прошлом это самый могущественный и богатый орден. Рыцари Грааля почти не имели дел с Церковью. Долгих двести лет нельзя было сказать, что они истинно в лоне церкви.

Теперь я слушал и очень внимательно, поскольку понимал, что моя жизнь вот-вот соприкоснется с историей почти забытого ордена.

— Однажды случилось то, к чему все шло. Рыцари Грааля сблизились с эльфами, замахнулись на саму Матерь Церковь и были уничтожены. Все до единого рыцаря были преданы мечу, а слухи, что кто-то из рыцарей спасся и втайне возродил орден, чтобы отомстить, так и остались слухами, — Антуан неожиданно замолк, словно задумался, но скоро продолжил. — Так думали все, в том числе и я. До недавнего времени.

Я падал в пропасть, куда канул древний орден.

— Осталось одно логово рыцарей. Последний оплот ордена Грааля, где и таятся отступники. Пока еще таятся, — поправился Антуан. — Святой перстень там.

Мне вспомнились живучие и жуткие байки о рыцарях Грааля.

— Туда вы и отправляетесь, Гард.

— Где их крепость?

— В Запустении.

— Глубоко внутри Запустения, — произнес Фосс. — Далеко от его окраины. Незадолго до войны с Гвендаром эльфы позволили построить в своих владениях орденский форпост.

Это приговор!

Запустение!

В ушах до сих пор звенело это слово. Ни Бог Отец, ни Бог Сын еще не сотворили замок который не поддастся вору, а я вор! Чтобы очутиться у замка, вору нередко требуется гораздо большее искусство, чем для вскрытия самого хитрого затворного механизма. Так практически всегда. Но как добраться до чего-то, что в самом сердце Запустенья? Туда, куда не углубляются ни многотысячные армии, ни безумно храбрые сорвиголовы-одиночки, а, если последние все же находятся и претворяют свои самоубийственные замыслы в жизнь, то мир их больше никогда не видит.

Карета кардинала уехала. Наши немногочисленные пожитки, свернутые в тугие тюки, уже на лошадях. Фосс прощался с Кампо, я кутался в походный плащ. Наш путь начинается этой ночью. Очень неблагоприятно оставаться в одном трактире с Даманом, тем паче после моего визита в его номер.

Маски еще сидели на первом этаже трактира. Я, глядя в окно на генерал-губернатора Загорья, похлопывал по карману с его бумагами. Это отвлекало от тяжелых раздумий, в которых тонул после клятвы и разговора с арнийским кардиналом. Проклятый пепел! Запустение!

Наконец, мы оказались в седлах. Фосс уверенно направил своего жеребца во тьму за забором, я последовал за ним. У ворот согнулась чья-то фигура.

Когда подъехали ближе, меня прошиб холодный пот. Та самая слепая эльфийка! Она словно прозрела, её лицо было направлено прямо в мою сторону. Перворожденная как будто силилась что-то разглядеть, она безмолвствовала.

А я вдруг понял, я вдруг вспомнил. Я использовал магию в «Гусе и окороке». Я был необычайно взволнован и, видимо, утратил контроль над собой. Я обратился к магии, когда вскрывал сундук в номере Дамана, и, когда подслушивал разговор масок. Я воровал и шпионил!

Но почему эльфийка молчала?

Глава 4. Замок Сош

Копыта лошадей застучали по мостику из серых досок. Канавка со сточными водами под деревянным настилом, обозначавшая границу города, осталась позади. Норич больше походил на большую деревню, причем самую грязную из тех, что когда-либо попадались мне раньше.

— Что верно, то верно, — согласился с моими суждениями Фосс и хлестнул плетью по скрюченной руке нищенки, что потянулась к его жеребцу.

Даже в дне пути от Ревентоля бродяги попадались часто, а мы в дороге уже неделю, и нищие превратились в привычную часть пейзажа. В окрестностях Норича, главного города самого удаленного от столицы графства, сновали целые стаи нищих. Несмотря на суровость законов.

Монаршие эдикты запрещали бродягам топтать городскую пыль и шататься по королевским трактам. Нарушители отлавливались драгунами. Те, кто попадались властям впервые, лишались уха, второй — другого уха. На третий раз палач вырывал ноздри. Если горькая судьба снова сводила с шерифом, бедолага отправлялся на виселицу.

Правда, чем больше виселиц возводилось, тем бродяги становились многочисленнее, и сейчас я озабочен тем, чтобы не подпустить к нашим лошадям других оборванцев. В нескольких шагах от городских стражников, которые лениво переминались по ту сторону мостика, можно не опасаться за свою жизнь. Но только не за кошельки!

Фосс свирепо рыкнул и снова огрел по тощей руке, а я с демонстративной ленцой обнажил шпагу. Это, в конце концов, подействовало, и нас оставили в покое. Пришпорив коней, два всадника покинули Норич.

Через три малые лиги нищих на тракте поубавилось, но безносые и безухие среди них теперь встречались гораздо чаще. Двум вооруженным до зубов дворянам не стоило опасаться их. Мы и не опасались, как и они нас. Бродяги дрожали только перед красными мундирами драгун.

Я зябко поежился. Здесь у подножия гор верховое путешествие не самое удобное времяпрепровождением. Темные — теперь лишнее внимание ни к чему — шерстяные камзолы мелкопоместной знати и тяжелые, подбитые мехом плащи, как оказалось, плохо защищали от холода. Все из-за слишком частых дождей. Слишком частых для любого другого угла Большого Орнора, но не для самого северного арнийского графства по эту сторону Долгого Хребта. Я лишь уповал на скорое окончание нашей поездки. По словам Оливера, замок, куда мы держим путь, в двух часах езды.

Фосс только что закончил с очередным актом моего посвящения в дебри ревентольской политики. Слушал его я не слишком старательно, пропуская основную часть повествования мимо ушей, и вникал только в главное. Молодой король и новый кардинал являлись гораздо большими союзниками, чем демонстрировали на публике, и их внешний разлад был частью многоходовой игры. Не скажу, что эти рассказы утомляли, ведь в дороге заняться нечем. Но, когда бывший наемник сменил тему разговора, я почему-то обрадовался.

— Почти добрались, — сказал он.

Мы свернули с большого такта на проселочную дорогу. По обоим сторонам тянулась дикая роща. Половина деревьев сбросила листву, серые мокрые стволы с голыми ветками

навевали тоску. Через несколько дней уже ноябрь.

Фосс резко дернул поводья. Недалеко прогремел одинокий выстрел.

— Ты слышал?

Оливер кивнул и вытащил из седельной сумки один из своих четырех пистолей.

— Точно стреляют, — произнес он, когда раздался второй выстрел.

— Может охотник?

— Может и охотник, — Оливер пустил жеребца легкой рысью, — но что-то подсказывает, там нужна помощь.

Я поскакал за Фоссом и тоже вытащил пистоль.

Через несколько изгибов дороги послышались возбужденные крики и ругань. Две дюжины бродяг с палками и камнями в руках окружили карету. В паре десятков шагов от неё лежал возница с окровавленной головой. Над ним нависли двое нищих с хищными оскалами на грязных бородатых рожах. Раздался третий хлопок и громила, дернувший на себя дверцу экипажа, осел наземь, рядом с ним уже валялось окровавленное тело. Банда разразилась яростным ором и плотней обступила карету. Нас пока не увидели.

Фосс тихо выругался.

— Пригляди за кучером, — метнул он.

Оливер бросил поводья, выхватил второй пистоль и, правя ногами, помчался прямо на разбойничью толпу.

Нас заметили. Бродяги кинулись в стороны. Но не все. Тройка самых отчаянных ринулась навстречу Оливеру. Первый из них, наверно, не знал, что такое боевой конь, и был забит копытами; двое других, более ловкие, решили наброситься с разных сторон. Один попытался схватить жеребца за уздцы, другой — стащить Фосса с седла. Массивная пуля сделала из его лица кашу, разбойник рухнул наземь без единого стога. Разрядив второй пистоль, Фосс избавился от последнего нападавшего.

Бросив теперь уже бесполезные железяки, Оливер выхватил два других пистоля и широко раскинул руки.

— Ну, — крикнул он, — кто еще?

Разбойники заколебались, но ненадолго. Разделившись на несколько групп, они начали неспешно выползать на дорогу. Часть двинулась в мою сторону.

Я соскочил с Мышастого, так как чувствовал себя в седле не столь уверенно, как бывший наемник и, также обнажил пистоль, направив оружие на ближайших бродяг. У моих ног лежал возница, он находился в беспамятстве и слабо постанывал.

— Сдавайтесь! — заорал лысый урод с выдранными ноздрями. — Все одно, всех не перестреляете.

Он держался на отдалении, но Фосс не промахнулся. Бродяга рухнул на колени, а потом уткнулся лицом в землю. Оливер стрелял в пах. Не убив, пуля сделала из разбойника жутко вопящее существо, для которого мир превратился в боль. Чем сильнее он кричал, тем меньше решимости оставалось на лицах бандитов.

Точку поставил я. Один из разбойников поднял с земли камень и осторожно, дабы никто не увидел, вынул из кармана ремень с петлей на конце. Такой пращей сняли кучера. Я выстрелил и достал новый пистоль. Убивал я не впервые, но на сей появилось нечто вроде сожаления.

Одно дело забирать чью-то жизнь в горячке абордажного боя или пырнуть ножом на узкой ночной улице, чтобы грабитель не ударил первым. Совсем другое — убить, чтобы

остудить чей-то пыл, хотя и сейчас не светский раут! Эти глупые сожаления вдруг сильно обозлили меня. Помянув дьявола, я принялся искать новую цель.

— Мы уходим, — из толпы разбойников послышался хриплый возглас, — не стреляйте!

Косясь на нас, бандиты деловито обчистили своих мертвых товарищей. После, не церемонясь, схватили чуть поутихшего лысого на руки и убрались с дороги. Скоро их спины скрылись за серыми деревьями, теперь мы могли спрятать оружие.

Фосс слез с коня и зашагал к карете. Есть ли в ней кто-то живой, мы не знали, ибо пассажиры до сих пор себя не проявили. Я же наклонился к зашевелившемуся вознице и помог подняться тому на ноги. Что-то спрашивать у него сейчас было бесполезно. Кучер еще не вполне пришел в себя и оглядывал меня малоосмысленным взором.

Оливер заглянул внутрь экипажа и вдруг замер в учтивом поклоне.

— Леди Кайлер! — донесся до меня его возглас. Какое-то время Оливер говорил что-то еще; я не мог разобрать, что именно. Потом Фосс залез в карету.

— Спасибо, сударь. Вы очень добры, — сказал кучер. Я помог доковылять ему до экипажа и взобраться на козлы. Возница был еще очень слаб, но изъявил желание занять свое место. Он сказал, что карета везла племянницу арнийского кардинала и служанку. Сначала на дорогу выскочили двое оборванцев и бросились под копыта лошадей, что вынудило остановить коней, а после он ничего не помнит.

Я заглянул внутрь экипажа. Одно из сидений залито кровью тяжело раненой и пребывавшей без сознания служанки. Девушка, которая располагалась напротив, не сводила с горничной взгляда. Кажется, она не пострадала. Алиса Кайлер сжимала в руках два пистоля. С виду далеко не такие массивные и угрожающие, как у Фосса, но для двух громил, чьи тела валялись у кареты, их хватило.

Племянница Антуана Соша предстала передо мной совсем юной девушкой с бледным отрешенным лицом и золотистыми локонами волос. Я вежливо поклонился, но далеко не сразу удостоился ответного кивка. Её можно понять.

— Как там? — спросил у меня Фосс.

— Тихо, — ответил я, — не думаю, что разбойники вернуться.

После напоминания о бандитах девушка вздрогнула и отложила разряженные пистолы в сторону, её красивое лицо еще более побелело. Бедняжка, она убила впервые.

— Ей лучше? — спросила Алиса. Столь тихо, что я едва разобрал слова.

— Не знаю, — признался Оливер. — Пуля попала под сердце. Вашу служанку нужно как можно скорей доставить в замок. Там есть лекарь с патентом на святую магию, он должен помочь.

Бывший наемник навис над горничной. Служанка тяжело и прерывисто дышала. Когда кучер упал с козл, лошади, перепуганные воплями банды, протянули экипаж на три десятка шагов, пока вновь не были остановлены. Затем грянул первый выстрел. Главарь разбойников разрядил единственную в шайке аркебузу прямо в дверцу кареты, ранив горничную, и через мгновение получил пулю от леди Кайлер.

Фосс только что закончил с перевязкой служанки, она потеряла слишком много крови. Я покачал головой, вряд ли поможет и святая магия, однако предпочел оставить свое мнение при себе.

— Нужно ехать, и как можно скорей, — повторил Оливер. — Давай в седло! А я поведу карету!

Спустя мгновение мы тронулись в путь; вернее, полетели так, словно за нами гналась

сама смерть. Порой мне казалось, что карета леди Кайлер уж точно развалится на следующем ухабе или она сама высунется в окошко и потребует ехать медленнее. Но нет. Фосс только покрикивал на четверку лошадей и чаще поднимал хлыст. Сидящий рядом возница подгонял животных залихватским свистом. Я же шипел ругательства и старался удержаться на Мышастом. Позади скакал конь Оливера, чьи поводья привязали к седлу моего жеребца.

Скоро показался небольшой замок из бурого камня. Кардинал содержал его в превосходном состоянии: на стенах не заметно следов осыпания, ров наполнен водой, а лес вокруг срублен. Редкая картина по нынешним временам, и она означала, что арнийский первосвященник не чурается трат на безопасность, и, главное, имеет на это средства.

Охранники, вооруженные шпагами и аркебузами, пропустили Фосса без каких-либо вопросов. У подъемного моста и в самом замке стражников было много. Я еще раз подумал, что кардинал всецело придерживался известной поговорки. Богу молись, а сам не плошай.

— У нас раненая! — крикнул Оливер, едва карета остановилась во внутреннем дворе замка. — Где лекарь?

Я замер в нерешительности на пороге, не зная, то ли войти в гостиную, то ли вернуться в свою комнату. У камина сидела леди Кайлер, на её коленях лежали Жития святых. Девушка смотрела на раскрытые страницы с тем выражением лица, какой бывает, когда книга лишь повод для уединения и мысли витают где-то далеко-далеко.

Мы опоздали.

Два дня назад взмыленные лошади влетели в родовой замок Антуана де Сош. Лекарь был у кареты уже через пару минут. Приставив ко лбу раненой ладонь, он сказал, что жизни в ней осталось так мало, что любые носилки попросту убьют.

— Мне нужна вода и ваши молитвы во Спасение, — произнес он и положил руки на рану служанки, чья грудь практически перестала вздыматься. Спустя три часа он выбрался из экипажа, побелевший и измотанный до предела. Фосс сказал, что это один из лучших лекарей Ревентоля, но все его искусство и патентованная лечебная магия оказались бессильны. Горничная умерла. Единственное, что смог сделать врачеватель — это вернуть ей сознание за несколько мгновений до смерти. Она успела исповедоваться и отошла в иной мир.

В этом крыле замка повсюду лежали глубокие ковры, Алиса Кайлер не слышала моих шагов. Она сидела боком к раскрытым дверям, и глядела на огонь. Отчего-то вспомнилась соседская девчушка Катрин; из той другой, забытой фермерской жизни. Мы дружили, я был по-детски влюблен в Катрин, как и все окрестные мальчишки. Однажды она куда-то пропала. Через три дня мы с ребятами случайно нашли Катрин, та сидела на берегу пруда и задумчиво смотрела на воду. Тогда у Катрин умерла мать.

Чужое внимание оборвало воспоминания. Леди Кайлер чуть растеряно глядела на меня, потом улыбнулась и, кивнув, пригласила к себе.

Усевшись в кресло напротив, я завел вежливую беседу.

О чем говорят малознакомые господа? Обычно о предыдущей встрече. Но, чтоб не бередить свежую рану, касаться этой темы не хотелось, посему для разговора оставался иной предмет. Мы заговорили о погоде, тем более что рассуждения о скорых или минувших дождях всегда находили живой отклик в Арнии.

Племянница кардинала явилась весьма приятным собеседником. Она была из тех

людей, с которыми легко находишь общий язык, даже спустя несколько минут после знакомства. Приятно удивило, как быстро пропала моя скованность. Знаете, когда беседуешь с кем-то, кто недавно похоронил близкого человека, волей-неволей переходишь на сочувственный лад, говоришь тише и ищешь такие слова, чтобы не вызвать лишней разгусть. Сейчас же про это забылось. Алиса отлично владела своими чувствами. Именно владела, а не притворялась или лицемерила, как это часто бывает. Скоро разговор шел не только о погоде.

— ... да, — рассмеялась она, — как же у него получилось?

Любимая байка Старика о сапожнике и городском судье неизменно пользовалась успехом.

— Видите ли, — я сделал важный вид, — ботинки-то были не простые.

— Ах, точно! — опять засмеялась Алиса, а я снова наслаждался видом чуть заметных ямочек на ее казавшемся невинным лице. Дивно красивом и не испорченном ни пороком, ни недугом, ни годами.

— Хотите еще один рассказ?

— Конечно! — Алиса радостно всплеснула ладошами. Искренний интерес, который загорелся в глазах племянницы Антуана, был чертовски приятен. — Только давайте не сейчас. Устроим верховую прогулку! А, Николас?

Не успев хорошенько познакомиться, мы уже договорились о совместной прогулке. Подобное крайне предосудительно для едва знакомых молодых людей, только меня это взволновало мало. Не потому, что вор Гард и Гард, в прошлом самый завидный жених Лерпо, являлись циниками, хотя это правда. А оттого, что я вовсе не строил далеко идущих планов и не собирался злоупотреблять доверием девушки. Я находился в замке Сош из-за долга перед кардиналом и собирался честно и сполна отплатить по нему, но влезать в его дела больше, чем требовалось, желания нет. Да ещё строить какие-то шашни с его родственницей. Боже упаси!

Тем не менее, я не собирался отказываться от идеи провести время с прекрасной собеседницей.

— Почему нет, — согласился я. — С удовольствием!

Рядом с Тихоней, невысокой кобылой леди Кайлер, мой жеребец выглядел настоящим гигантом. Поначалу я даже испытывал неловкость, смотря на Алису сверху вниз, но вновь так увлекся общением, что неприятное чувство незаметно улетучилось.

— Я сирота, — глаза Алисы погрустнели.

Девушка замолчала. Её взор устремился на дальнюю рожицу с еще не облетевшей листвой, что желтела в лиге от стен замка Сош. Я тоже осекся, досадуя на свой дурацкий вопрос. Надо ж так испортить настроение под конец прогулки! К счастью, Алиса изучала деревья недолго.

— Родители умерли, когда меня еще не отняли от кормилицы. Я совсем не помню их.

Едва леди Кайлер заговорила вновь, я попытался поймать её взгляд, чтобы понять насколько опечалил её. Видимо, это было столь явно, что девушка ответила улыбкой. Моя вина прощена.

— До двенадцати лет я воспитывалась при дяде.

Алиса вдруг внимательно посмотрела на меня.

— Знаете, Гард, он отнюдь не такой сухой и мрачный, как сплетничают в столице!

— Соглашусь с вами. Он вовсе не показался мне суровым кардиналом, каким должен быть глава арнийской церкви, — поспешил кивнуть я.

За два часа прогулки я уже видел леди Кайлер чуть рассерженной и тогда она выглядела еще очаровательней. Как и сейчас, но мне больше нравилась ее теплота и доброта.

— Вы, действительно так считаете? — Алиса нахмурилась и по-детски строго посмотрела на меня.

— Можете быть уверены в моих словах, — произнес я и испугался. Это прозвучало чересчур бравурно и цинично. Хорошо, что девушка ничего не заметила.

Удовлетворившись ответом и успокоившись, Алиса продолжила рассказывать о себе.

— У меня было счастливое детство. У Дяди нет других наследников и он искренне любит меня. Он мне больше, чем отец, — говорила она, а я думал, что юная особа похожа на прекрасный цветок, что долго рос в теплице да и будет еще там расти. Но, что его ждет, когда исчезнет заботливый садовник? Я ненамного старше, и моя жизнь вовсе не была чередой непрерывных страданий и лишений, однако за свои четверть века насмотрелся и пережил многое. — Как только исполнилось двенадцать, дядя отписал в Тиму, и в тамошнем пансионе для девиц благородного сословия нашлось пустовавшее место. О! Как же я не хотела ехать в Тиму! Я сожалела, что дядя Антуан столь влиятелен и смог устроить племянницу в девичий пансион при папском дворе.

— Не хотели в Тиму? Увидеть город апостолов — для многих предел мечтаний! А уж воспитываться при дворе папы...

— Грешна, — весело рассмеялась Алиса. — Винюсь и каюсь. Грешна. Я такая домоседка! И страсть, как жду каникул!

— Не такая уж и домоседка, — я тоже заулыбался. Смеялась леди Кайлер весьма заразительно. — Кто же предложил верховую прогулку?

— Я, — созналась Алиса. — А вы, Гард? Расскажите о себе?

Просьба ввела меня в некоторое замешательство. С чего начать и начинать ли вообще? Ну, в самом деле, не распространятся же о воровском ремесле и судьбе перекасти-поле? Не говорить же о пиратстве.

— Вы тоже из тех? — Алиса неожиданно сменила шуточное настроение.

— Кого тех? — не понял я.

— Тех, кого нанимает мой дядя. Ему нужны люди, знающие толк в особых делах, и они вовсе не ремесленники или купцы! У такого человека, как кардинал, много врагов, много интриг, и многие из них плетет он сам. Это неизбежно. — Алиса странным образом посерьезнела. — Для этого нужны люди с не самыми обычными умениями и талантами, которые не любят толковать о своем прошлом.

Я молчал. Что ей ответить? Признаться?

— Надеюсь, мои слова не задели вас! — теперь встрепенулась леди Кайлер. — Господин Фоссато тоже не очень жалуется данную тему. Но кто усомнится в его благородстве?

— Нет, что вы, — произнес я, солгав. В отличие от Фосса, чье ремесло наемника довольно честно, коль не предаешь, пока платят; мои воровские навыки нельзя назвать доблестными. Я начал злиться: и на Алису, и на себя. С чего вдруг стала заботить этика ночной профессии?!

А ответ прост. Рядом с этой девушкой трудно было быть вором. Что за напасть ты послал на меня, Харуз!

Повисла неловкая пауза. За несколько тягостных мгновений лошади закончили подъем

на высокий холм. С него открывался прекрасный вид на замок и петляющую к главным воротам дорогу. Любуясь пейзажем, мы молчали, так как имелся удобный предлог.

— Экипаж, — нарушила тишину Алиса. — Кажется, это карета Антуана.

Это значило, что лениво тянувшееся время двух последних дней кончилось. Теперь время возьмет иной темп.

В Западные ворота внутренней стены замка вводили десять груженных лошадей. Животные несли по одному ящику с каждого бока. Один футов пять в длину и два в ширину; другой — короче в два раза. Отсюда, с противоположной стены, точнее определить было затруднительно. Погонщиков во внутреннюю крепость не пускали, туда могли попасть только гости кардинала и личная охрана Антуана.

Мы отправляемся в поход завтра вместе с этим караваном.

Нужно выспаться. Я направился в свои покои, вспоминая сегодняшний день. Начиная с раннего завтрака и до самого ужина, он был заполнен последними приготовлениями и разговорами. Фосс, я и Антуан подолгу обсуждали детали предстоящей экспедиции, запершись в кабинете хозяина замка. За обедом Оливер частично раскрыл, что они надумали.

С первыми лучами солнца мы покидаем замок. Дюжина наймитов из гильдии купеческой стражи будут сопровождать и охранять груз, они с нами до границ Загорья — графства по ту сторону Долгого хребта. Там нас встретит новый компаньон по путешествию в проклятые леса. Фосс уверил, что в Загорье дороги гораздо безопаснее, и купеческая стража не потребует, к тому же не лишне будет замести возможные следы.

Что же в этих ящиках? Об их содержимом Оливер умолчал, сказав только, что это плата для части охотников, которые пойдут с нами вглубь Запустения. Меня снова проняло любопытство. Не золото ли? Нет, это предположение отметалось за явной несостоятельностью, слишком уж много поместится золота в двадцать ящиков. Тут десятком охраны не обойтись, да и кто доверит такое умопомрачительное богатство наемникам?

В Загорье мы доберемся до Бранда, столицы этого граничащего с Запустением графства. Тамждемся всех остальных членов похода, единственная задача которых — довести меня до твердыни разгромленного ордена и привести обратно, и, если потребуется, сложить за меня голову. Так оно и случится, я был практически уверен в этом. Как и в своей неизбежной смерти где-то в мрачных пределах проклятых лесов эльфов. Похоже, они настоящие сумасшедшие либо крепко приперты Антуаном к стенке, а, может, дико жадны. Скорее всего, в них есть и то, и другое, и третье сразу. Как и во мне. Мы, определенно, найдем общий язык.

— И умрем, — пробормотал я, поднимаясь по крутым ступенькам на жилой этаж донжона. Но не столь запросто!

Меня охватил азарт, трудность задачи возбуждала. Может быть, и сгинем без следа, но сперва потягаемся с Костлявой Джейн! Старику за меня стыдно не будет. Это не бравада. Это философия ночных крыс и, если хотите, моя тоже. Я уже совершал невозможное, и если не Бог Отец или Бог Сын, так пусть Харуз поможет своему любимчику. Да хоть дьявол!

От богохульных мыслей мне заметно полегчало. Вчера леди Кайлер в шутку назвалась грешницей. Ведала бы она о моих мыслях! Наверно, не пожелала бы знаться с такой пропащей душой, или она не в Тиме провела треть своих дней!

Я поднялся на следующий этаж. Моя комната здесь.

Ради чего все? Признаться, мораль воровской работы раньше не беспокоила. Обчищу ли я чей-нибудь сундук ради своего кармана или выполню чужой заказ, все едино, без разницы. Я никогда не ломал голову на сей счет. Конечно, я не отберу кусок у беззащитной вдовы, ребенка или беспомощного старика, но даже если и так, то что с того?

Кардинал рассказал, зачем ему перстень Бога Сына. Раскрыв в Тиме тайное ложе рыцарей Грааля, Антуан спасет Церковь и приобретет при дворе папы необычайный авторитет, а, значит, сможет разрешить давние разногласия между Арнией и папским престолом. В итоге укрепится власть молодого арнийского монарха, и королевство быстро восстановит свои пошатнувшиеся позиции.

Но меньше знаешь — крепче спишь. И дольше живешь. У меня нет оснований подозревать кардинала в даче приказа убрать вора после того, как выкраду перстень, но это было бы крайне логично и разумно. С точки зрения высокой политики. Скорей всего со мной покончат, как выберемся из Запустения. Раньше вряд ли, ибо в проклятых эльфийских лесах дорог каждый клинок, а, как вновь окажемся в Загорье, сразу чик. Вот только всего не предусмотреть. Планы обыкновенно рушатся в самый неподходящий момент, и этот момент выберу я.

Я не собирался отказываться от своих обязательств перед Антуаном. Отнюдь. Перстень он получит! Но не мою жизнь.

От не самых радостных размышлений отвлек вид моей комнаты. Вернее дальней стены комнаты. Опустив засов на входной двери, я окинул свое жилище придирчивым взглядом. Удовлетворившись осмотром, налил вина из кувшина с затейливой резьбой.

Тайник обнаружился случайно. Вчера вздумалось проверить свои воровские умения, и в стене, чуть выше человеческого роста, нашелся старый секрет. Вековой слой пыли свидетельствовал, что последний, кто знал о нем, давно умер. Туда я сложил большую часть дамановских монет и бумаги. Если суждено вернуться из Запустения, замок Сош окажется первым местом, куда я направлюсь. Замок охранялся превосходно. От небольшой вражеской армии. От искусного вора — нет. Поэтому владения кардинала послужат превосходным сейфом. До востребования! Не хуже, чем в ростовщических домах Семиградья.

Спасибо его высокопреосвященству!

На изголовье кровати висела перевязь с бракемартом. Эта разновидность прямой сабли почти неизвестна в фехтовальных гимназиях Большого Орнора, и я тоже не знал о ней ничего до Костяного Краба. Там бракемарт превратился для меня в лучшее оружие абордажной схватки.

— За это, монсеньор, тоже спасибо, — произнес я, теперь без тени насмешки.

В подвалах замка скрывался целый арсенал всевозможных клинков. Я буквально впился глазами в бракемарт, как только он попался на глаза. Заметив это, Антуан подарил его мне. Единственный имевшийся на складе бракемарт, для него это был пустяк, но не для бывшего флибустьера. Я с благоговением взялся за эфес клинка.

Прекрасный экземпляр, такой, пожалуй, и на Крабе не найдешь. Сталь с клеймом гномьих мастеров Западного Орнора, невероятно дорогая и столь же редкая, была подстать отличной балансировке и отделке; изысканной, но строгой и неброской. Оружие истинного мастера клинкового боя.

Я не являлся таковым. Правда, дрался я намного лучше, чем ездил верхом, хотя фехтовал много хуже, чем воровал. Я слыл опасным противником, но не более того. Однако даже новичок почувствует, что именно называют отличным оружием, когда возьмется за него.

Обнажив клинок, я не удержался и принялся за упражнения. Заснул через час.

* * *

На восточной части неба уже хозяйничало утро. Закатная же сторона еще во власти темноты.

Кабинет Антуана располагался в самой высокой башне замка, из его окон видно, как в ночи растворяется цепочка фонарей. Небольшой караван уходит на север к горам. Миссия Оливера началась.

Доказательство существования ложа проклятых рыцарей сделает его фигуру немислимо авторитетной при папском дворе, и молодой король получит от святого престола всю необходимую поддержку. Пока же его власть крайне слаба. Позже...

Много позже, Антуан не мог лукавить перед самим собой, может быть удастся объединить силы королевств Большого Орнона в священном походе вглубь Запустения и окончательно разгромить рыцарей Грааля. Сейчас мало, кто считает их чем-то большим, чем старые сказки, но Антуан знает правду уже давно.

Удастся ли его людям миновать все опасности Запустения и вернуться с перстнем? Арнийский первосвященник не мог ответить на этот вопрос. Антуан задумчиво смотрел на медленно тающие огни фонарей. В какое-то мгновение ему показалось, что он в кабинете не один. Эта мысль проскользнула и тут же исчезла, ибо слишком много других дум теснилось сейчас в голове.

Ощущение присутствия кого-то рядом вдруг повторилось, кардиналу стало не по себе.

Он обернулся. Узкая холодная сталь ударила в горло. Антуан схватился обеими руками за рану. Он захлебывался кровью и не мог даже вскрикнуть. Дорогой ковер приглушил падение. Через две минуты Антуан вздрогнул в последний раз. Его глаза закрылись навсегда.

Глава 5. Загорье

К вечеру значительно похолодало. Там за горами, в северной части старой Арнии, еще господствовала осень; в Загорье же ощущалось скорое приближение зимы. Небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами.

Холодный воздух пронял сразу, как перевалили через Долгий хребет. Каменная гряда разделяла материк на две примерно равные половины. Южная часть горного массива состоит из высоких отвесных скал и совершенно непригодна для жилья. Севернее скалы опускаются до холмов. Эту часть гор и холмы с давних пор населяли многочисленные, враждующие меж собой племена. Более развитые южане долго пытались покорить горцев, но раз за разом терпели неудачу. Пока не появился порох.

— Снег скоро выпадет, — сказал Фосс. — В этих краях он может пролежать все три зимних месяца и не растает. Мне такое по душе, лучше, чем вечная слякоть и сырость по ту сторону гор.

— Я читал, что раньше в эльфийских лесах снега не видели.

— Теперь он там есть, — мрачно заметил мой компаньон по походу в Запустение. Фосс сплюнул. Близкая встреча с проклятыми лесами рождала совсем не радужные мысли и в нем.

Королевский тракт вел наш небольшой караван с Таможенного перевала вниз. Горы мы уже практически покинули. Нас окружал холмистый лес, и ни одного поселения в округе. Зато деревья по обе стороны от дороги срублены на пятьдесят шагов от обочины.

— Чтоб никакая тварь не смогла подобраться незамеченной, — пояснил Оливер.

Я непроизвольно посмотрел в сторону низких пеньков и крепче сжал рукоять своего клинка. Хорошо хоть тракт полон людей, навстречу часто попадались и одинокие путешественники, и длинные вереницы купеческих повозок. Из Арнии в Загорье вела единственная дорога.

Фосс сказал, что этот край присоединил к своим владениям дед нынешнего короля, покончив с вольницей диких горцев.

Дикими их считали и сейчас. По меньшей мере, склонными к бунтам. Считали справедливо, так как мятежи или попытки оных предпринимались горцами с завидной регулярностью, поэтому Загорье являлось единственным графством, которое отделялось от остального королевства таможенной. Горцам запрещалась посещать все остальные земли Его Величества Герарда V без «гостевого патента», что выдавался арнийскими чиновниками в столице Загорья.

В то же время самому распоследнему босяку дозволялось ходить среди бела дня вооруженным до зубов. Арнийское Сумеречье являло собой место опасное для людей, как и все другие земли на границе с Запустением. И, разумеется, оружный человек более склонен к бунту, чем бессловесный холоп.

Наша охрана осталась за таможенной. Лишние глаза не нужны, тем более что Загорье отличалось от юга почти полным отсутствием разбоя. Хотя, признаться, управляться с лошадьми вдвоем очень неудобно.

Мы везли мушкеты. Прошлой ночью, еще до таможи, я незаметно для других выяснил содержимое ящиков. По моим подсчетам выходило, что в ящиках, груженных на лошадей,

лежало пятнадцать десятков стволов этого новейшего оружия.

Мушкеты появились недавно, от аркебуз их отличал больший калибр и новый ружейный замок, увеличивающий скорость стрельбы. Никакая армия Большого Орнора еще не использовала мушкеты в заметных количествах. Цена каждого кусалась, и сто пятьдесят этих дорогих стволов в пересчет на серебро стоили целого состояния. Кому мы везли их, я не знал и, по правде говоря, это меня мало волновало.

— Ты не задумывался, почему по ту сторону гор Запустение не тревожит людей? — спросил я.

— Церковники говорят, что дыхание Тьмы, — тон Фосса сделался одновременно и насмешливым и пафосным, — останавливается их молитвами. А за горами обитают сплошь грешники-дикари да каторжане, и молитв всего святого братства на них не упасешься.

— Все это странно, — произнес я.

— Странно, — согласился бывший наемник, — но поразмышлять о том сможешь позже. Лошади опять сбиваются в кучу, а мы должны добраться до крыши над головой засветло. Застать ночь в пути опасно.

Растолкав уставших животных, мы продолжили путь.

Наши лошади приближались к небольшому городку с крепким высоким частоколом и дозорными башенками по всей окружности стен. За укреплением прятался Первый Приют.

У ворот с десятком стражников, вооруженных копьями и короткими аркебузами, толпились последние путники, спешившие укрыться от приближавшейся ночи за деревянными стенами.

— Успели, — облегченно вздохнул Фосс. Дорога за нашей спиной была пуста.

В ворота прошли без лишних проволочек и мзды, привычной по опыту общения с городской стражей из всех остальных виденных мной городов. Стражники в плоских железных шлемах и кожаных куртках с нашитыми металлическими бляшками бегло осмотрели наших лошадей. Но ящики не вскрывали. Старший десятка довольствовался бумагой, выписанной на таможне.

— Пропустить! — рявкнул он. — Да пошевеливайтесь, беременные мухи!

Во всем остальном десятник был настоящим стражником. Кому он адресовал мух, осталось загадкой, вполне может быть и нам, добропорядочным торговцам.

— Стань тут с лошадьми, — сказал мне Оливер. — Нас уже должны ждать. В «Белой вазе». Трактир средней паршивости, зато без проходимцев и карманников с улицы за столами. Я туда. Найду человека, которому поручено озаботиться нашим устройством на ночлег, и обратно.

Ворота выходили на небольшую квадратную площадь. В разные стороны расходились прямые мощенные булыжником улицы, на которых могли спокойно разминуться две телеги. Почти все дома бы двухэтажные и крыты добротной черепицей. У некоторых первый этаж сложен из ошгукатуренного камня.

Обычный процветающий городок на пути оживленного торгового тракта, кабы не черты присущие именно Загорью. Все дома имели на окнах массивные ставни с запорами изнутри, их как раз сейчас активно затворяли. Многие подворья также были полностью обнесены крышей. Так, чтобы она переходила в забор. По сегодняшним разговорам с Фоссом выходило, что Первый Приют типичный городок Арнийского Сумеречья.

На улицах и площади полно фонарей. Фонарщики степенно переходили от одного

светильника к другому, разжигая в каждом огонь. Местные жители определённо опасались темноты и не жаждали оставаться с ней наедине.

— ... оно так, ночью здесь безопасно, — беседовали двое купцов-лекантийцев, которые прошли через ворота перед нашим караваном. Один из них втолковывал другому о Первом Приюте, — Запустение далековато, да стража ходит по улицам все ночь. Фонари к тому ж. Но береженного бог бережет, до рассвета без лишней надобности нос на улицу не суй.

Из ближайшего проулка протопали сапоги дюжины городских стражников. Те же копья и кожаные куртки, что и у охраны ворот. Стражники хмуро покосились на люд, мнущийся на площади и двинулись дальше, еще более мрачно пялясь то на тени в углах домов, то на вечернее небо. Городок напоминал крепость, готовящуюся к осаде.

Веселое местечко — это Сумеречье. А Запустение еще веселей?

Показался Фосс. Оливер шел в сопровождении грузного горца, в котором я узнал Акана — тюремщика, препроводившего меня в руки кардинала. От надзирателя в нем мало что осталось. Кожаная куртка, обитая по краям темным мехом, какую тут носит каждый второй; высокие сапоги, короткий меч и засапожный нож придавали ему облик настоящего горца.

— Я из здешних, — ответил он на невысказанный вопрос и представился. — Акан Рой.

— Дальше мы двинемся вместе, — произнес Оливер, — до самого конца.

Напоминание о цели похода отнюдь не согнало с глаз толстяка озорного блеска Сейчас Акан вызывал у меня симпатию, и дело даже не в том, что горец помог спастись от пуль: просто мне всегда нравились веселые толстяки. Я даже обрадовался, узнав, что он идет с нами.

Толстяк повел нас к «Белой вазе». Трактир с широким крытым двором располагался на пятой улице от южных ворот. Городок состоял как будто из одних постоянных дворов. На любой кошелек и вкус, роскошные трактиры соседствовали бок о бок с куда более скромными.

Судя по количеству гостиниц, горожане жили за счет приема путешественников и купцов на постой. Первый Приют являлся первым и единственным пристанищем на дороге от таможни вглубь графства.

Обеденный зал «Белой вазы» оказался самым заурядным, такой же, как в тысяче других подобных заведений. Меж столиков в табачном дыму бегали услужливые девицы в белых чепцах с приятными округлостями за передниками. У выхода подпирал стенку вышибала с перебитым носом и пудовыми кулачищами. Хозяин таверны навис грудью над стойкой. Он аж лоснился от удовольствия, оглядывая полный, гудящий басом зал своего заведения.

Из кухни аппетитно тянуло, в животе заурчало. Я занял свободный столик и, похлебывая темный эль, любезно принесенный веселой молодухой, ждал своих компаньонов. Они устраивали лошадей и, зная мою неуклюжесть в обращении с этими упрямыми животными, сразу отправили меня сюда.

Посреди зала потасканного вида певичка брэнчала на лютне что-то монотонное. Гостям представление нравилось, торговый народ одобрительно кивал словам незатейливой песенки о хитром купце и глупом бандите. А кроме купцов и их помощников в «Белой вазе» никого и не было.

Я блаженно вытянул под столом ноги — наконец-то не в седле — и принялся набивать трубку табаком.

— Да чтоб тебя!..

Вслед за злобным рыком раздался грохот падающего тела. Большого тела. Какой-то

здоровяк споткнулся об мои вытянутые ноги. Сейчас случится драка. Первый день в Загорье получается очень похожим на мое прибытие на Костяной Краб. Бракемарт и поясной кинжал слегка вышли из ножен под столом. В драке, особенно уличной или кабацкой, ночная крыса могла удивить любого, а после и удавить. Я был лучшим среди ночных крыс.

Однако любой вор должен избегать стычки. Вору следует быть незаметным.

— Прошу прощения, — я встал из-за стола одновременно с тем, как поднялся упавший.

С нехорошим прищуром на меня пялился здоровенный детина с типично арнийскими соломенными волосами. Семифутовый амбал с широкими плечами и массивной нижней челюстью. Всю левую часть лица пересекал старый шрам. Поверх охотничьей куртки из грубой кожи на широком ремне висели два ножа, а из-за спины торчал короткий лук. Куртка была залита элем.

— Еще раз прошу прощения, — повторил я, — готов заплатить за пролитый эль...

Здоровяк схватил меня за руку, потянувшуюся к кошельку:

— Погоди, милейший.

Я выдернул руку из лапы арнийца. По-хорошему разойтись не удастся. К моему лицу приблизился небритый шрам и два зло сощуренных глаза.

— Одной монетки Джону Шраму маловато-то будет! На Крабе за такое дороже брали!

На Крабе? Значит, он из берегового братства. Или врет, чтоб напустить страху. Пираты слыли самыми отчаянными головорезами.

— Эй! Вы! Оба! — трактирщик, размахивая руками, спешил к нашему столику. За его спиной с дубинкой в руках шагал еще один вышибала, первый протискивался через кольцо обступивших нас постояльцев. Торговцы были не прочь поглазеть на драку. — Всех гостей мне распугаете!

— Они не из пугливых! — крикнул трактирщику арниец и снова повернулся ко мне, обдав перегаром и чесночным духом. Толпа одобрительно загудела. Представление может состояться!

Тяжело дышавший трактирщик и двое его молодцов оказались рядом с нами.

— Не беспокойтесь, уважаемый! — кровь отхлынула от моего лица, что означало сильную злость. Не понятно чем, но меня разъярила рожа со шрамом, внутри я кипел от бешенства. Только внешне холоден. Крыса не должна выставлять наружу эмоции. — Мы не причиним ущерба вашему приличному заведению.

Обнажив сталь, я нарочито медленно положил на стол оголенные кинжал и бракемарт, а затем поднял руки ладонями вверх до уровня груди. Со стороны данный жест казался призывом к примирению. Однако на Костяном Крабе это было приглашением к схватке. Я указывал, что буду драться кинжалом и бракемартом.

Толпа разочарованно вздохнула. Но вышибалы приблизились к моему столу вплотную. Их хозяин по-прежнему смотрел на зачинщиков волнения с видом недоверчивого хорька, лысиной чувствует, что ссора только разгорается.

— За стражей уже позвали, — сообщил он.

Я незаметно отодвинул от себя лавку, на которой сидел, она не должна мешать. Мой взгляд был прикован к арнийцу. Тот смотрел на стол с двумя клинками и бормотал проклятья. Он все понял. Он точно был на Крабе!

— Мы продолжим разговор на улице, — произнес Шрам и потянулся к своему оружию, чтобы положить его на доски около моих клинков.

— Вы продолжите здесь, и только разговор!

Черная перчатка опустилась на плечо арнийца и крепко сжала его.

Засопев, Шрам резко обернулся. За его спиной стояли Фосс и Акан.

— Мы приехали, — в тихом голосе Оливера слышался лязг стали. Бывший наемник отпустил плечо арнийца и с демонстративной небрежностью снял перчатки, бросив их на столешницу. Но его взгляд не отпускал Шрама.

— Это он, — Рой кивнул в мою сторону.

Арниец покосился на меня, громко выдохнул и рухнул на лавку за соседним свободным столом.

— Эля мне! — по-звериному прорычал он ближайшей подавальщице. — Мяса и бобов!

Акан устроился рядом с ним и принялся что-то негромко втолковывать. Толпа разочарованно загудела. Но представление окончилось, так и не начавшись. Гости «Белой вазы» возвратились к прежним занятиям: к еде, питью да разговорам. Умолкшая было певичка вновь заголосила, всеобщее внимание снова обратилось к похождениям ушлого купца.

— Разумеется, мы компенсируем все случившиеся неудобства и с вызванной стражей тоже уговоримся, — Фоссато поставил точку в препирательствах с хозяином постоянного двора. Несколько звонких монет переключалось в его руки.

— Само собой, обычное дело, — теперь владелец «Белой вазы» согласился с доводами Оливера, — просто старые знакомцы давно не виделись и на радостях от встречи чуть повздорили.

Еще раз нарочито вздохнув от скудости «компенсации», трактирщик удалился.

— А ты, Николас, чего стоишь? — сказал Фосс, обернувшись в мою сторону. Я как раз спрятал клинки в ножны. По понятиям, принятым на Крабе, обнаженная в пыли перепалки сталь не должна возвращаться в ножны, не умывшись кровью, и косые взгляды с соседнего столика давали понять, что к этому спору мы еще вернемся. Рано или поздно, но я и не возражал. Джон Шрам не понравился мне с первого взгляда.

— Он из лучших следопытов, кто ходит в Запустение, — Фосс устроился рядом.

— Один такой?

— Нет, не один, есть еще несколько. И почти все из тех, кого можно было найти, пойдут с нами. До конца похода Джон и остальные будут оберегать твою шкуру пуще собственной.

Фосс многозначительно замолчал. До конца похода? А что потом? Потом мы сможем выяснять отношения сколько вздумается? Либо... Свидетели всегда лишние. Однако и я предпочел промолчать.

Ужин так и прошел. Почти в полной тишине, изредка прерываемой ничего не значащими фразами.

С рассветом мы и десятки других путешественников седлали лошадей. Утро выдалось холодным и ясным. Ничего не напоминало, что на многие лиги вокруг столь опасное Сумеречье, та же житейская суета, что и везде.

Покинув северные ворота Первого приюта, наш караван продолжил путь к столице графства. Рой поведал, что до него еще семь дневных переходов. Первый приют являлся коронным городком, потому что строился и содержался исключительно из королевской казны. Чтобы защитить путников и торговые караваны от ужасов ночной поры, корона заложила восемь перевалочных пунктов на дороге от гор до столицы Загорья.

Все остальные городки назывались также незатейливо: Второй Приют, Третий,

Четвертый... С момента основания они быстро обросли тавернами и постоянными дворами, налоги которых также шли в королевскую казну. Конечно, стекаясь сперва в Бранд и водвор генерал-губернатора Загорья. Теперь часть денег непременно осядет в мошне Конрада Дамана, а, следовательно, и в моем кошельке. По возвращении из Запустения... Если вернемся... Я навещу дом старого знакомого, вдруг там появятся какие-нибудь новые интересные бумаги, и заодно пополню запас своих монет.

Главный город Арнийского Сумеречья располагался у самой границы с Северной маркой — владениями Огсбургов, чья молодая и быстрорастущая империя являлась бельмом на глазу старых монархий Большого Орнора. Пять лет назад огсбурги отхватили у Леканта владения в Сумеречье и превратились в западных соседей Арнии. С тех пор аппетиты огсбургского императора Карла Первого вроде бы поутихли, благо, что Ревентоль держал в Загорье внушительные силы королевских войск и наемников. Но слухи ходили всякие.

Дорога постоянно петляла и шла по многочисленным холмам то вверх, то вниз. Лес вдоль тракта все также был тщательно вырублен. Сразу за первым Приютом начали попадаться фермы и деревни горцев. От них веяло прочностью и зажиточностью, но в то же время какой-то вечной тревогой или даже настороженностью. На окнах висели тяжелые закрывающиеся изнутри деревянные ставни, такие же, как у виденных ранее трактиров. Дворы, открытые небу, почти не попадались.

На третий день пути в полдень Запустение впервые напомнило о себе, уж для меня так точно. В трех десятках шагов от развилки дорог тлело пепелище. Рядом на вбитой в землю палке висела табличка с надписью на горском наречии.

— Во имя Бога Отца и Бога Сына! Здесь предана очищающему огню ведьма Цирт Лоудон из Верхнего Ручья, — перевел Акан. — Путник, произнеси молитву за Спасение ее души и ради надежды на Прощение!

Рой слез с коня и принялся читать молитву, мы последовали его примеру. Моя молитва звучала где-то в глубине сознания. Мысли становились все тягостнее: от осознания цели нашего путешествия, от мрачности и дикости окрестных мест, от их мракобесия. От образа отчаявшейся женщины, которую тянет на костер жестокая толпа. Я никогда не жаловался на излишнюю впечатлительность, но почему-то сейчас мне казалось, что ради Спасения души сожгли совсем невинного человека.

Мои спутники закончили с молитвами. Осенив себя знаменем, я вскочил в седло.

— Иногда это необходимо, — чрезвычайно серьезно произнес Акан. Веселый сотоварищ, травивший в дороге анекдоты и забавные истории куда-то исчез. — Тут с подобным не шутят.

Никто ему не ответил, даже обычно громкоголосый Шрам был погружен в себя.

Скоро наше путешествие стало сопровождаться каким-то едва слышным, но запредельно тоскливым воем. Периодически он переходил в захлебывающееся рыдание, и то были не волки или какие-нибудь иные звери.

— Ведьмина душа плачет, — сказал Акан.

— Голодная, — Шрам осклабился в мою сторону.

— Её ведь предали смерти под молитвы во Спасение и Прощение? — спросил я.

Вой действовал мне на нервы. Неужели это, и правда, душа сгоревшей женщины? Да с самого последнего времени хотелось верить, что рассказы о Запустении изрядно преувеличены.

— А если не молились? Вдруг забыли? А, вор? — снова осклабился Джон. Он не упускал

возможности бросить мне какое-нибудь язвительное замечание, но черту, за которой на Крабе случалась смертная схватка, более не переходил. То ли им верховодило чувство долга перед Антуаном, то ли опасался Фосса, а, может, увидел во мне опасного противника. Тоже ведь с Краба!

Я решил не замечать арнийца до конца путешествия. Сначала дело, потом личное. Лучший следопыт изрядно повысит шансы на возвращение из Запустения.

— Почему бы тебе не отправиться в лес? — продолжил Шрам. — Прочтешь молитву и...

— Давай вперед! — грубо перебил его Фосс. Шрам не смел перечить, бывший наемник заставлял уважать себя одним только взглядом.

Вой раздался ближе и с противоположной стороны от дороги.

— И все же? — я непроизвольно проверил наличие в седельных сумках пистолей.

— За её душу молились, но там проклятые земли, — Акан махнул в сторону севера, — совсем рядом. Посему всегда держи оружие наготове.

— Но и про молитву не забывай, — вставил Оливер. — Это тебе монах говорит, пусть и бывший.

Встревоженными ни Рой, ни Фосс не выглядели. Как и Шрам. На многолюдный тракт нечисть днем не нападала. Впереди и позади нас в обе стороны двигались путники.

К вечеру мы благополучно добрались до Четвертого Приюта.

Следующие дни в дороге казались заурядными. Наш караван мирно шел на север. Тракт становился все оживлённее. К вечеру мы должны достигнуть столицы Загорья.

Днем Сумеречье выглядело умиротворенным, чего не скажешь о ночи. Мгла, что висела темной стеной над лесом за частоколом, чудилась еще мрачнее, чем раньше. Лунный свет никак не мог пробиться сквозь небо, затянутое тучами.

Во сне меня мучили кошмары, очень яркие и словно наяву. История с сожженной ведьмой и криками её неупокоенной души соответствовала самым диким байкам про Запустение, какими любили пичкать друг друга по ту сторону Долгого хребта. Две ночи подряд во сне мне слышался вой мертвой ведьмы. А ещё каждую ночь кто-то ходит по крыше. Или нечто. В Сумеречье никто в здравом уме не решился бы гулять в это время по крышам.

Таясь и едва слышно ступая, нечто кралось прямо над нашими головами, затихало на время, потом двигалось опять. За это я мог ручаться. Магический слух Харуза не мог обмануть. Теперь Николас Гард спал с кинжалом в руках. Другой кинжал я прятал под подушку, а на расстоянии фута на спинке стула висел пояс с двумя заряженными пистолями и бракемартом.

— Дурные сны уже есть? — Фосс пристроил свою лошадь рядом, когда покинули очередной Приют.

— Не дурные, — признался я, — страшные.

— Страшные, — согласился он. — Здесь у каждого вновь прибывшего так. Первые дни ничего, а потом начинаются кошмары. После то ли привыкаешь, то ли еще что, но кошмары больше не беспокоят.

— А что же Запустение? Как там?

— Не знаю, — сказал Оливер. — В проклятых лесах мне побывать не довелось. Шрам может рассказать.

Я выругался.

— Он не расскажет. Но я хотел спросить о другом. По всем прежним разговорам, что довелось слышать, Запустение смертельно опасно. Однако ж Шрам из следопытов? Выходит, есть охотники побродить по эльфийским лесам, и оттуда можно выбраться живым?

Фосс согласно кивнул:

— В Запустение ходят. Ищут по руинам городов старое эльфийское серебро и золото либо мифрил, особенно ценят оружие и доспехи из мифрила. Иногда находят, но редко, и только самые отчаянные следопыты, кто решается забраться подалее. Самые отчаянные или глупые до безумия. Шрам один из таких. Необыкновенно смел и никогда не отступает от своего слова, на него можно положиться. Только после нашего возвращения из Запустения держи с ним ухо остро, он не прощает обид. Не знаю, почему, но у Джона на тебя зуб.

Я развел руками. Вернемся, посмотрим!

Оливер тем временем продолжил:

— Кроме того, в Запустение отправляются за различными травами, которые более нигде не растут. Лекари и маги дают за них неплохие деньги. Или за тушками и шкурами всякой живности. Еще по Запустению бродит нечисть, наткнуться ночью на упыря там самое обычное дело. Но, если за день забраться в лес как можно дальше, то становится гораздо безопасней. Есть места, где и вовсе не появляются твари, охочие до людского мяса. Таких мест не много, но хороший следопыт знает их все.

Фосс ткнул плетью в сторону Шрама, ехавшего вместе с Роем в голове каравана.

— Впрочем, тут, в Сумеречье, тоже нечего шляться по ночным лесам, — добавил Оливер.

— Далеко ли следопыты заходили в Запустение? — я давал себе зарок поменьше думать, что ждет в проклятом эльфийском лесу, но мысли постоянно возвращались к нему.

Оливер не ответил. Бывший наемник достал трубку, неспешно набил ее и разжег. Его лицо ничего не выражало. Я тоже молчал, ожидая ответ.

— Те, кто возвращались назад, заходили вглубь Запустения самое большее на три-четыре дня пути, — заговорил Фосс, выпустив первую струйку дыма, и пристально посмотрел на меня.

Мне, вору, а впоследствии и пирату, не раз и не два приходилось смотреть в глаза смерти. Я никогда не лез на рожон, не искал геройства, однако старался встречать смертельную угрозу лицом и с оружием в руках. И всегда риск смерти был ценой большого куша, ведь зря ночная крыса не рискует. Этому учил Старик, благодаря его науке меня приняли за своего на Крабе. Я не боялся смерти, но сейчас стало не по себе. Глазами Фосса на меня смотрела смерть.

— Нам предстоит забраться намного дальше, — негромко произнес он и вновь затянулся крепким табаком.

— Как далеко? Куда?

— Об этом позже, — ответил Фосс и добавил, — Кроме твоей удачи, вор, нам надеяться не на что.

— Она не подведет, — произнес я. Банальные и фальшивые слова, только ничего лучшего в голову не пришло.

— Не подведет, — согласился Оливер.

Уверенности в его голосе я не услышал. Нам предстояло невозможное.

Глава 6. Упырь

Местность вокруг торгового пути постепенно превращалась в более обжитую. Распаханные поля и фермы встречались все чаще. Число путников на тракте тоже выросло и при том в разы. Мы приближались к большому городу. Рой сказал, что Бранд примерно в четырех лигах отсюда.

За широким перепаханным полем, которое рассекалось дорогой надвое, виднелся частокол очередной деревни. До заката часа три.

— Что за столпотворение? — произнес Фосс, когда подъехали к селению.

До нас долетели звуки перепалки. Толпа крестьян обступила десяток крытых повозок. Размахивая руками, горцы громко спорили с возницами, одетыми в длиннополые старомодные кафтаны. Правда, я бы не стал высказывать в лицо гному, что его одежда не соответствует принятому покрою.

Гномы, а это были именно они, стояли широкоплечими глыбами у своих телег. Рудники в их владениях изрядно истощились, особенно в Седых горах. После поражений прошлых лет им запрещалось осваивать новые месторождения. Конечно, не очень-то проконтролируешь, чем бородачи занимаются в своих глубинах, только все больше и больше гномьих купцов колесило по Сумеречью, скупая ценные металлы и железные слитки хорошего качества. Долгий хребет пересекали единицы из их расы. Бородатые скряги не желали платить непомерные, по их мнению, деньги только за одно пребывание в южных краях. Поговаривали, что лишь Огсбурги не драли с гномов в три шкуры.

— Нет, нет и нет, почтеннейшие, — громогласный бас старшего в торговой экспедиции гномов перекрыл шум толпы. — Мы чтим ваши обычаи, но наше дело совершенно не терпит отлагательств. Мы немедленно продолжим путь. Прошу вас, уважаемые, дайте дорогу нашим повозкам!

Гном еле сдерживал свое раздражение, однако ему все еще удавалось подбирать слова и не обрушить на селян гору отборных ругательств. Кто знает, во что бы вылилась перепалка, случись она сейчас. В людских землях конфликты с местными почти всегда разбираются не в пользу нелюди.

Крестьяне заметили наше приближение, и внимание большинства из них переключилось на караван лошадей с четвермя всадниками во главе. Скоро мы подъехали вплотную к собравшейся толпе.

— Это не обычай, милсдарь! — бросил в лицо купца пожилой горец.

Добротное сукно одежд старика выдавало в нем деревенского голову. Только весь благообразный облик портила козлиная борода. Не чета гномьему богатству, опускавшемуся густым покровом аж до ярко-зеленого кушака.

— Но, почтеннейший...

— Это закон! — взвизгнул горец и схватил гнома за грудки. — Скоро ночь! Или вы сейчас же пойдете с нами, или будете торчать здесь в своих клятых повозках до самого утра!

Гном побагровел. Десяток его товарищей тоже потемнели лицами и схватились за торчащее за кушаками оружие. Селяне того пока не увидели, но заметят вот-вот...

Намечавшееся смертоубийство пресек окрик Оливера.

— Что здесь происходит?

Все смолкли и усталились на Фосса.

Оставаясь в седле, Оливер навис над толпой властным изваянием. С прямой, как меч, спиной, стреляющими по сторонам молниями из глаз и одновременно открытым лицом, он походил на воина как никогда. Наряд торговца средней руки — невзрачный серый камзол и простой темный плащ — никак не портили впечатление от его вида. Ох, не простым наемником в прошлом был Фоссато; такому, как он, нельзя не довериться в бою.

— Что здесь происходит? — повторил Фосс угрожающе тихим голосом. Толпа молчала.

— Вот, милсдарь, смотрите! — голос деревенского головы разбил тишину. Горец шмыгнул к стремяни жеребца Оливера, пританцовывая от нетерпения.

— Куда смотреть? — склонился к нему Фосс.

Крестьянин непонимающе уставился на него, а потом встрепенулся и махнул рукой:

— Там!

Сельский люд расступился. За спинами крестьян на окровавленной простыне лежало тело немолодого человека. Мертвец был одет, вернее, раздет почти донага. Смерть настигла его во сне. Его убили, перерезав горло: шею покрывала корка спекшейся крови.

— Упырь у нас завелся, — сказал деревенский голова. — Третий мертвый, как четвертого дня схоронили конюха Тантина.

Толпа взволнованно колыхнулась.

— Думаете, это сделал вампир? — я спешил и направился к мертвому телу. Видал я перерезанные глотки и, думается, смогу отличить ножевую рану от следа, оставленного чем-нибудь иным. Может и не вампир прикончил беднягу.

— Он, милсдарь, — староста схватил меня за рукав и сразу же отпустил, снова указывая на мертвеца. — Его дело!

Крестьяне тотчас заговорили об упырях и старом конюхе, все разом, а Фоссато сделал мне предупреждающий знак. Оливер не желал, чтобы я подходил к мертвому ближе. Я остановился в двух шагах от трупа.

— Пока не стемнело, пока нечисть не набралась сил, нужно вскрыть могилу Тантина. — голос сельского головы снова срывался на крик. — Её все одно уже раскопали! Ну же! Идемте вы, вы и вы.

Горец поочередно ткнул пальцем в мою сторону, на Фосса и на гномьего старшего. Хотя мы приковали к себе внимание почти всех селян, две дюжины крепких сельских молодцов по-прежнему окружали повозки торговцев, не позволяя им тронуться в путь.

— Сюда, милсдарь! Да скорее! Стемнеет скоро! — крестьянин крикнул в сторону гнома. Тот засопел, но присоединился к Фоссу и Рою, которые направились к простыне с мертвецом. Шрам остался с нашими лошадьми. Кони беспокойно фыркали, всеобщее возбуждение и напряжение начало передаваться и животным.

— Где ваш священник? — поинтересовался Оливер, разглядывая мертвеца. — Без него ничего не выйдет.

Только он и Акан сохраняли спокойствие в окружавшем нас гомоне. Рой даже довольно хмыкнул, поймав мой оценивающий взгляд, когда поравнялся с гномом. Толстяк не уступал ему в размахе плеч ни дюйма.

— Нет у нас святого отца. Но в соседнюю деревню уже послали, — поспешил уверить деревенский мэр и добавил совсем тихо. — Наш-то спился давно.

— Нам надлежит присутствовать при вскрытии могилы, — заговорил Фосс, обращаясь к гному. С первых слов Оливера крестьянин одобрительно закивал. — Мы должны

засвидетельствовать, что в земле действительно лежит упырь. Мы не здешние, мы не местные и мы должны быть не предвзяты.

— Вот-вот! О том же толкуем с купцами уже битый час! — горец кивнул козлиной бородкой на гнома.

Торговец глубоко вздохнул и собрался возразить в очередной раз, но не успел.

— Это закон, — надавил на него Фосс. — Закон графства.

— Закон, — подтвердил Акан. — Случайный путник должен свидетельствовать при всех случаях уничтожения нежити и нечисти в Загорье.

Я ожидал, что этот довод крыть гному будет нечем. Тот метал взгляд то на Фоссато, то на Роя и мял толстыми пальцами свой кушак. На его бородатом лице явственно читалось, что плевать он хотел на законы графства, но выдать такое вслух гном не решался. В кругленькую сумму вылетит.

— Едут! — выкрикнули из толпы.

Все обернулись на дорогу. К деревне рысью скакали шестеро всадников, на четверых из них алели мундиры королевских драгун. Гном обреченно поник плечами.

— Будь по-вашему, — ворчливо произнес он. Первым среди драгун ехал офицер, спор с ним мог привести к совсем печальным результатам.

Двумя другими оказались посыльный из деревни и священник. По пути сюда их нагнали драгуны. Закон также обязывал и военных засвидетельствовать вскрытие могилы. Как потом сказал Рой, одного офицера было бы достаточно для этого, но офицер велел и нам, торговцам, присутствовать на кладбище.

Упрямство купца с Седых гор взяло верх, и он снова попытался убедить оставить его в покое. Мол, повозки не успеют добраться до города затемно.

— Успеют, — отрезал подлейтенант. — Они могут отправляться туда прямо сейчас, а вы, почтеннейший, сможете преспокойно догнать их даже в одиночку. Этой ночью на тракте будет полно войск, дорога станет неопасной.

Гном сдался.

— Война, господин подлейтенант? — учтиво спросил Оливер.

С момента появления офицера Фосс убрал свою харизму, лишнее внимание ни к чему. Теперь он просто торговец, знающий, где его место и где таковое у подлейтенанта королевских драгун.

— Ну что вы, какая война. Просто гарнизон столицы покидает Бранд. Новый генерал-губернатор объявил о намерении немедленно навести порядок в Загорье и извести всю нечисть под корень, — офицерostroил откровенно скептическое выражение лица. — Для этого гарнизону Бранда следует рассредоточиться по графству. Во всех городках и крупных селах графства отныне разместятся королевские войска.

Сельский мэр озабоченно уставился на офицера. Брать на постой драгун или наемников никак не хотелось.

— Войскам приказано выступить немедля. Даже, если стемнело, — продолжил драгун. — Чтоб скорее перебраться на новое место, а интенданты после подтянут все необходимое.

Оливер и Акан отошли в сторону. После короткого разговора Рой направился к нашему каравану. Вместе со Шрамом он повел лошадей в столицу Загорья. Вслед за ними покатали повозки гномов, их старший оставил при себе двоих помощников, наказав ждать его у дороги.

— Нам пора, — велел подлейтенант. — Святой отец зовет.

Кладбище располагалось недалеко: по другую сторону от деревни, за оврагом. На окраине погоста горел огромный костер.

Наверно, на кладбище собрались все жители деревни. Мамки держали на руках маленьких детей, а совсем уж немощные старики сидели на заранее расставленных лавках. Горцы вооружились короткими мечами и копьями, у многих имелись луки. За поясами самых зажиточных торчали пистолы.

Простынь с мертвецом уложили рядом со свежевыкопанной могилой. Носильщики старались не прикасаться к труп. В яме темнела крышка крашенного деревянного гроба. Под него уже просунули веревки, чтобы поднять наверх.

Священник встал над мертвым и, открыв молитвенник, принялся читать «За упокой», осеняя труп знаменьями. Пространство вокруг вскрытой могилы наполнилось монотонным бормотанием. Горцы повторяли слова молитвы за священником.

Я поежился. Холодно и промозгло. В эту пору темнеет рано, и очень неуютно встречать вечер на кладбище посреди Сумеречья. Даже при большом скоплении людей.

— Кто-то ходит по крыше по ночам, — негромко сказал я. Гном, Фосс и я стояли чуть поодаль от остальных.

— Знаю, — ответил Оливер и тихо выругался. Очень грязно. Набожность в бывшем наемнике отсутствовала напрочь.

Священник дал знак поднимать гроб. Молитва в его устах звучать не переставала ни на мгновение. Селяне замерли, наблюдая, как поднимается грубый деревянный ящик. Аккуратно, словно что-то опасное, его переместили на противоположный от мертвеца край разрытой могилы.

Святой отец подошел к гробу и, переведя дух, произнес:

— Вскрывайте!

Слова молитвы тотчас зазвучали вновь.

В моем горле стоял ком. Губы пересохли.

Покойник лежал перевернутым, лицом к доскам дна гроба. Веревки на ногах и руках были разорваны.

Фосс выругался снова, теперь уже открыто. Однако этого никто не заметил. Крестьяне сначала хлынули к гробу, а потом попятились на несколько шагов назад. Кто-то крикнул об эльфийском проклятье, заплакали дети, и ту же запричитали бабы. Какого черта они пришли на погост семьями?! Деревенский голова пытался успокоить селян. Но его голос потонул в общем гомоне. Его не слышали и не видели.

— Достаньте его, — дрогнувшим голосом произнес бледный священник, — и переверните.

Гном и мы вдруг оказались ближе всех к могиле вампира.

— Ну же! — священник повернулся к нам. — Скоро стемнеет!

— Во имя всех богов Горы! — гном осенил бороду знаком древних божеств своего племени. Их имена были едва ли не под запретом, но и священника, и окружающих это сейчас не волновало. Как и откровенно богохульные ругательства, сыпавшиеся из Фосса, словно из рваного мешка. О, Харуз, помоги вору! Мое сердце бешено колотилось в груди.

Сзади раздался лязг метала. По приказу белого как полотно подлейтенанта, драгуны торопливо заряжали аркебузы. Сам офицер держал в обеих руках по пистолю. Неожиданно, это приободрило. Гном взял упыря за ноги, я и Фосс за руки. Молитва священника зазвучала

громче.

На лбу выступила испарина. Тело вампира не окоченевшее, а теплое, как у живого! Мы положили упыря прямо перед святым отцом.

— Он не холодный, — прошептал Оливер. Наемник тоже заметил.

Я оглянулся. Из деревенских разбежались больше половины, сейчас на кладбище остались только мужчины.

Священник подозвал старосту:

— Принесите вилы и найдите с десятков крепких парней. Да посмелее!

Снова зазвучала молитва, теперь уже короткая. Церковник трижды плеснул на вампира освященной водой и распорядился крепко держать широко раскинутые ноги и руки упыря, а горло придавить двузубыми вилами к земле.

Я думал, что мое сердце сейчас выпрыгнет, когда всем весом навалился на левое плечо вампира. Каждую конечность нежити удерживало по два человека. Оливер вонзил отполированные деревянные зубья вил глубоко в землю над горлом вампира.

— Молитесь! — голос разнесся далеко над кладбищем. Горцы застыли немymi изваяниями. — Молитесь во имя Бога Отца и Бога Сына! Во имя надежды на Спасение!

Приведший к священнику крестьянин подал двухфутовый осиновый кол и деревянный молоток. Святой отец приставил кол к сердцу упыря.

— Во имя надежды на Спасение! — что было сил закричал церковник и ударил молотком по осиновому колу. Дерево вошло в мертвую плоть на несколько дюймов. Хлынувшая кровь брызнула на лицо священника.

— Во имя Господа нашего!..

Вампир вдруг резко дернулся и сильно выгнул туловище вверх. От неожиданности упырь едва не выдернул конечности из-под державших его людей. Силы ему было не занимать, и будь нас двое или трое, нежити удалось бы подняться. Вампир зашипел позмеинному и замотал головой из стороны в сторону. Фосс давил вилами на шею нежити, не давая освободиться.

Удар молотка загнал осиновый кол в сердце вампира на четверть.

— Проклинаю тебя исчадие Ада! Изыди в Преисподнюю! — священник ударил молотком в третий раз.

Вампир перестал биться головой о землю. Оскалив рот с острыми желтыми клыками, упырь испустил долгий протяжный рык, полный злобы и тоски. Глаза с почерневшими белками без зрачков не спускали с меня взгляда. Такого леденящего ужаса, я не испытывал никогда. Вампир дернулся еще раз и затих.

— Держите его!

Священник достал кинжал с широким плоским лезвием. Неумело, пачкаясь в крови, церковник отделил голову упыря от тела.

— Теперь этого! — священник махнул на ночную жертву. — Скорей! Солнце вот-вот зайдет.

Мы навалились на труп. Святой отец повторил обряд. На сей раз мертвый вел себя, как и положено мертвецу, но осиновый кол был забит, а голова отсечена.

— Тащите их в огонь, — велел священник мэру. Он был весь в крови, словно неумелый мясник, вид церковника внушал страх. Наша одежда тоже пострадала, было очень муторно осознавать, что на тебе кровь нежити. — Спалите их дотла!

Крестьянин часто закивал и принялся отдавать распоряжения своим.

— Где еще двое уморенных вампиром?

— Так здесь же, святой отец, — засуетился деревенский голова и повел нас к двум свежим могильным холмикам.

— Вы не разрыли их, — со стоном произнес священник.

— Да как же... Да мы же... — горец не знал, что сказать.

— Копайте, — устало произнес церковник.

На небе стемнело, а в ночи копать могилы упырей не принято. Крестьяне растеряно смотрели на мэра.

— Копайте! — напустился на них священник. — Или утром здесь появятся новые живые мертвецы!

Оливер невесело посмотрел на меня, все только начинается. Два вампира ночью на кладбище слишком много даже для Сумеречья. Я непроизвольно проверил, на месте ли мое оружие. Два кинжала, два пистоля, бракемарт при мне. Фосс одобрительно крикнул и тоже осмотрел свое снаряжение.

— Жгите как можно больше факелов! Больше света! — командовал священник. — Разрывайте могилы по очереди. И пускай соберется как можно больше людей, от множества молитв их сила слабеет.

Крестьяне окружили две свежие могилы плотным кольцом. Десятки горящих факелов давали много света, и темнота отступила далеко за их спины, но робеющие мужики никак не решались приступить к делу. Зазвучавшая молитва заставила, наконец, копать. Охрипшему голосу священника вторила многоголосица крестьян. Скоро послушался стук металла о крышку гроба. Разрыв яму пошире, четверо смельчаков прыгнули вниз, чтобы поднять гроб.

Я задержал дыхание.

— Святая Матерь! — раздался снизу удивленный возглас.

Однако церковник прерываться не стал. Молитва не умолкала. Что там такое?

— Поднимайте, поднимайте! — торопливо велел мэр.

Из ямы показалась голова рыжеволосого горца. Его лицо выглядело обескураженным, но отнюдь не испуганным. Крестьянин вылез наверх и принял деревянный ящик. Широкоплечий детина сам втащил его к ногам священника.

— Очень легкий, — ровным голосом произнес рыжий. Дыхание крестьянина не выдавало в нем человека, только что ворочавшего тяжести.

— Поди ж ты, — пробормотал гном. — Неужто пуст? Я мешками и сам поворочал, и со стороны насмотрелся. Один человек гроб с телом так подымит.

Слова гнома встретила тишина.

— Сбивайте крышку, — велел священник.

Гроб был пуст.

Если пару минут назад казалось, что на кладбище легла тишина, то теперь она слово стала продолжением черного ночного неба и тяжело опустилась на плечи. Вампир на свободе и где-то здесь рядом. Крестьянская толпа взорвалась криками и спорами, многие тут же поспешили к домашним.

Когда суматоха улеглась, рядом осталась едва ли пятая часть крестьян во главе с их старостой.

— Нужно выкопать второй гроб, — он нерешительно обратился к священнику. Тот молча и устало согласился.

Второй гроб подняли наверх очень быстро. Он также оказался пуст.

— Два кровососа разгуливают по округе, — констатировал Фосс. — Пошли, Гард, нам нужно нагонять наших. Да внимательней смотри по сторонам, эти твари могут быть где угодно.

Наемник не шутил.

— Почему ты не пустил меня оглядеть труп на дороге? — спросил я. Заговорить, чтобы сбросить напряжение! — В сравнении с раскопанным первый мертвец совсем тихий.

— Не нужно подставляться лишней раз, — произнес Фосс.

— Погодите, почтеннейшие! — окликнул нас гном. — Вы же в Бранд направляетесь?

— Туда.

— Позвольте составить вам компанию. Со мной еще двое.

Фоссато не возражал. Я тем более. Впятером ехать по ночной дороге лучше, чем вдвоем.

Мы торопливо зашагали к деревне, однако быстро покинуть встревоженное и гудящее как улей селение нам не удалось. Староста нагнал нас, когда уже вскочили на лошадей. Пока не были исполнены все формальности по освидетельствованию обряда изничтожения нежити, отправляться нельзя. Горец тщательно вписывал наши имена, род занятий и цель путешествия по Загорью в Деревенскую книгу.

Почерк у него был отменный, но как же медленно он писал! Еще и пропустили вперед драгунского офицера. Куда нам, торгашам, до дворянина. Мы безропотно ждали, даже гном.

Наконец, мы оказались свободны. За окном чернела глубокая ночь. Пятеро всадников направились в уютную темноту. Я поежился, было страшно, все-таки во взбудораженной деревне нас окружало множество людей, свечи и факелы, а тут... Однако ни Фосс, ни гном ни в какую не желали дожидаться утра.

Мы скакали тесной группкой, напряженно вслушиваясь и всматриваясь во мглу. Какие-то звериные рыки неотступно следовали за нами. Огни деревни давно исчезли позади.

— Скорее, — Фосс прищипнул своего жеребца. Мы не отставали.

За нами кто-то бежал. Или что-то? Я потянулся к магии, обостряя слух. За нашими спинами определенно раздавался топот. Мои спутники не могли ничего слышать, но я знал, что нас преследуют. Что там за новая тварь?! Я устал от страха за эту долгую ночь.

— Давайте поднажмем, — крикнул я.

Оливер обеспокоено посмотрел на меня. Наемник прекрасно знал о моих воровских талантах. Догадался ли он о чем-то?

Теперь я различал за спиной не только топот. Сзади едва слышно заплакал ребенок. Откуда, дьявол его побери, здесь ребенок! И этот топот определенно догонял нас.

— Там! — вскрикнул один из помощников гнома! — Я видел там человека! Он стоял у деревьев.

Гном указывал куда-то в темноту позади нас. Не стовариваясь, мы прищипорили лошадей. Безумная скачка по ночному тракту продолжилась! Только бы животное подо мной не споткнулось, не упало! Или под кем-нибудь еще. Оставлять здесь живую душу, значит обрекать ее на смерть либо на что-то похуже.

Неожиданно впереди на дороге появился свет. Множество огней прогоняли ночную мглу. Это шла пехота, о которой говорил драгунский офицер. Мы устремились навстречу к нашему спасению и едва не налетели на десяток всадников, двигавшихся впереди пехотинцев в полной тишине и темноте. Разведка!

Никогда бы не подумал, что буду рад отборной ругани в свой адрес!

Отряд не сильно большой, сотни две пикинеров. Наемники из Кантонов. Фоссато

поведал, что их черно-желтые полосатые куртки стоят уважения. Флаг с тремя осами принадлежал одному из самых известных отрядов Большого Орнора. Осиная дружина! Вот уже пять лет, как несколько тысяч ос они удерживали Арнийское Сумеречье в повиновении. Кроме нескольких сотен драгун других королевских войск в Загорье не имелось. Не считать же надежной опорой королю стражу городков из местных горцев. Но четыре тысячи ос — это вполне достаточно для спокойствия графства.

Злые от ночного марша солдаты громыхали подкованными сапогами на юг и отпускали скабрезные шуточки про пятерку тупых торговцев, разгуливающих в ночи без мамочки. Да трое из них вообще гномские шляхи! Каждый приличный человек знает, что у гномских баб растут бородачи до самой до той.

До моих спутников похабные слова солдат не доносились. Я же не собирался окорачивать шутников, не дурак против сотни рыл переть, да и не до того сейчас. Я явственно ощущал на себе разочарованный голодный взгляд. Преследовавший нас топот едва догнал.

Дальше до самого Бранда нам постоянно встречались новые и новые роты, шедшие на юг. Среди них были даже красные мундиры драгун.

— Кого же новый генерал-губернатор оставляет в городе? — подивился Фосс.

У самого Бранда разминулись с лучниками. Белая кость, как сказал Оливер, лучшая часть Осиной дружины. Аркебузы и пушки давно грохотали по Орнору, но никакая аркебуза не сравнится в скорострельности и дальности поражения с пятифунтовым тисовым луком и Зеленых Кантов. Аркебузу можно вручить любому лапотнику, и через неделю муштры из него получится годный стрелок. Ведь и прицеливаться не надо, заряжай да пали, куда капрал гавкнул, а луком нужно владеть с детства.

Кроме наемников и городской стражи на окраине столицы Загорья уже почти никого. Мы прошли через ворота в деревянном частоколе на земляном валу и углубились в Посад. Там распрощались с гномами и затем въехали за каменные стены самого города. Постоялый двор «У кота», куда направлялся наш караван, размещался в Нижнем Бранде. Так здесь назывались купеческие кварталы на южной и восточной окраинах города.

Когда я устроился в свежей постели, на крыше раздались шаги. К дьяволу! Я уже почти привык, что кто-то разгуливает по ночам над головой. Сон пришел быстро.

Глава 7. В Бранде

Улица, петляя, шла вниз с небольшим уклоном. Бранд раскинулся на огромном пологом холме. Разросся город очень давно, задолго до появления в Загорье арнийских чиновников. Поэтому тут нет прямых улиц и площадей, очерченных в границах правильных форм, как в многочисленных Приютах. Оживленные проулки разбегались в разные стороны совершенно хаотично, и, чем дальше от главных улиц и городских площадей, тем сильнее они сужались.

Все, как в других старинных городах Большого Орнора. Я ощущал себя как дома в этих тесных городских тропах.

Торговля в Загорье процветала, богател и главный город графства. Бранд очень напоминал мне Лерпо, сразу даже не скажешь чем именно. Внешне этот город никак не походил на города Семиградья. Ни архитектурой домов-крепостей, таких же массивных, с тяжелыми ставнями на окнах и крытыми дворами, как во всем остальном Загорье. Ни одеждой горожан. На юге больше красок и меньше меха, а кожи нет вовсе. Здесь же, на севере, преобладали куртки темных цветов из дубленной кожи, отделанные по краям мехом. Причем, подобным образом облачались не только горцы.

Бранд казался большим плавильным котлом, где смешались люди из всех возможных земель и местечек. Вероятно, именно этим данный город, расположенный в опасном и неприветливом краю, напоминал мне Лерпо. Мою вторую родину, где о камни десятков причалов плещутся волны теплого и ласкового моря. Здесь также бойко торгуют; на центральных улицах не стихает шум и гам. Народ толкается локтями, ругается, звенит монетами в кошельках. Рай для вора.

А ночью Бранд замирал, с тревогой прячась под крепкими крышами, и вдоль фонарей с наступлением темноты ходили лишь усиленные отряды стражи. Арбалетчики и пикенеры из дежурных караулов были единственными, кто решался выйти на улицу после заката солнца. Люди боялись, и отнюдь не работников ножа и топора. Ночной разбой в Бранде давно вымер, причом в прямом смысле этого слова. Вор или грабитель часто не доживали до утра, как и любой другой горожанин или гость города, кто бы вздумал таиться по подворотням. Три ночи, как прибыли в Бранд, и каждое утро слышали рассказы о новых жертвах упырей.

Местные осеяли себя знаменем и делились новостями. В последнее время вампиры как с цепи сорвались. По приказу епископа, вскрыли все свежие могилы на городском кладбище и учинили трупам «вампирускую мессу», но упыри не унимались. Горожане кряхтели и снова осеяли себя знаменем. Горцы отличались искренней набожностью, чего давно не увидишь в южных королевствах.

Сумеречье накладывало на Бранд и другой отпечаток. Повсюду много нелюди. Гномов из торговых экспедиций сновало столько, словно все их шахты истощилось разом. Бородачам отвели целый квартал, куда в обязательном порядке селили всех пришлых с Бурых, Седых или Железных гор, как бы те косо не глядели друг на друга из-за вековой вражды.

Еще больше в толпе вышагивало орков. В среднем они на пол головы выше людей. В Большом Орноре орков осталось немного, и все их малочисленные селения находятся к северу от Долгого хребта. Племена орков изрядно проредили в стародавних войнах с южными королевствами, которые разделили меж собой земли нынешнего Сумеречья.

С тех пор оркам отвели самые скудные наделы на границе с Запустением. Пересекать

Долгий хребет этому племени запрещалось категорически. Разве что в клетках. Преступников-орков часто продавали на юг, в цирки или зоопарки. Южане всегда восторгались подобными «экспонатами». У меня это вызывало отвращение, близкое к тошноте.

По юности, я однажды открыл клетки с орками в зверинце Лерпо, чтобы те смогли сбежать. Но лучше бы им там и остаться: пойманных казнили на потеху публике с необыкновенной жестокостью.

Я не мог ответить тогда на вопрос, зачем вскрыл замки на орочьих клетках. Старик говорил, что во мне играет кровь их расы, но я точно знаю, что нет более свирепых бойцов на пиратских кораблях, чем добравшиеся до Краба северные орки. С их бесшабашной боевой яростью не могли сравниться даже их вконец одичавшие собратья — орки из чащоб Зеленого Орнора.

Сумеречье давало оркам относительную свободу. Королевским чиновникам не было до них никакого дела, и кабы бы те не нанимались в купеческую стражу или не занимались контрабандой, об их племени давно забыли бы. Орк не существует, пока не пересек горы, или не присоединился к мятежу, или не нарушил закон. Для местных бюрократов, разумеется.

Но на улице не заметить орка трудно. В гордых осанках и прямых взглядах ощущалась звериная уверенность в своих силах и решимость принять любой вызов. Война и тяжкие потери пошли на пользу орочьей расе. В лишениях выжили только сильные духом и телом. Поэтому их старались не задевать и лишний раз не беспокоить. Любой конфликт с орком разрешался не в пользу последнего, как при столкновениях с гномами. Только стражу еще дождись, днем городская охрана не баловала своим присутствием, а вооруженный до зубов орк рядом.

Несколько раз мне встречались и эльфы. На каждого из них был надет ошейник с указанием имени хозяина. Во всем мире совсем мало эльфов, и в любом краю их жизнь — это доля раба. Увиденные мной в Бранде эльфы являли собой забитые жалкие существа с потухшим безжизненным взором. Бессмертие в ошейнике раба могли выдержать только окончательно поставившие на себе крест. Кто не в силах принять смерть от собственной ей руки. Орки превратились в железо, эльфы рассыпались в труху.

Глядя вслед поникшей сутулой фигуре с корзиной яблок на плече, я мысленно спрашивал себя, эта ли раса создала чудеса, о которых сегодня ходят легенды? Могли ли они пожертвовать собой и наложить на свои леса проклятье, родившее Запустение?

До Бранда мне довелось встретить только одного из расы перворожденных. Слепую эльфийку в таверне Кампо. И вот за три дня в столице Загорья я увидел еще нескольких, и все они смотрели на мир погасшим и безвольным взором. А ведь еще вчера я хотел развлечься с эльфийкой, да хорошо, что не получилось. Женщина с пустотой вместо души удовольствия не доставит.

Акан рассказал, что город славится не только постоялыми дворами, но и публичными домами. В городе имелось целых два квартала пикантных заведений. С проститутками на любой вкус и кошелек, и эльфийками для самых завышенных запросов.

Впрочем, в постель к перворожденной я не попал лишь по стечению обстоятельств. В публичном доме, который навестил по наводке Роя, мне досталась совершенно обычная куртизанка, рода человеческого. Красивая, ухоженная — притон был не из дешевых, а я всегда брезговал недорогими шлюхами — но вовсе не эльфийка. Их там не оказалось.

Мой выбор чем-то неувовимо напомнил племянницу кардинала Антуана. В комнате с

проституткой я представлял, что обнимаю Алису Кайлер, и мне это нравилось.

Все время, как покинули замок Сош, я испытал смутное ощущение, что она где-то рядом. Я с удовольствием вспоминал время, которое провел в общении с Алисой, и однажды поймал себя на том, что глупо улыбаюсь, думая о ней. Конечно, это не любовь, подобное случалось и раньше. Увлечение. Я никогда не противился новым романам, ведь небольшое амурное приключение делает жизнь краше.

Из-за угла показалась лавка портного, там должен быть готов мой заказ. Я встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение. Снова преследовало чувство, что племянница Антуана где-то поблизости.

Хозяин ателье вернул мне привычный облик. Портной одел меня почти во все черное. Черный камзол и такого же цвета шляпа с широкими круглыми полями. Прямые штаны заправлены в невысокие сапоги с мягкой подошвой почти без каблука. За спиной висел длиннополый угольно-темный плащ, закутаться в него ночью — и бесформенную тень не принять за человека. Все черное, кроме белой рубашки. Без модных кружев вокруг шеи и на руках, какие я никогда не терпел. Снежную ткань почти видно под камзолом.

Мою прежнюю одежду купца средней руки туго упаковали в сверток, который я вручил сопливному мальчишке. За серебряную монетку я бы мог нанять носильщиком взрослого бугая, но уж больно жалостливый вид имел голодный пацан. Теперь на его столе целую неделю будет еда.

Было неприятно носить одежду, испачканную кровью упыря, и по-хорошему ее следовало бы сжечь. Однако я получил прежние шмотки за деньги Фосса, поэтому поинтересуюсь у него на сей счет. Хотя кому они нужны? Я бросил взгляд за плечо. Счастливый от неожиданного заработка малец следовал за мной. Лучше дам ему целый золотой, от меня не убудет.

Мы отправляемся к Запустению со дня на день, и Николас Гард, ночная крыса, не мог идти на дело, не облачившись в черное. Фарт для вора, как жизнь. Фарт — это все то, что сопутствовало при прежнем успехе. Черная одежда, привычного покроя, сидела второй кожей. Я довольно замурлыкал глупую веселую песенку из прошлого. Портному был заказан наряд из дорогой и толстой шерсти, ведь по эту сторону гор зима всегда долгая и холодная. Я ощущал ткань плаща: плотная, поможет согреться и спрятаться от ветров.

Чтобы не выделяться из толпы, я обвешался оружием. Два кинжала, два пистоля, бракемарт. В сапоге спрятан метательный нож. Я всегда вооружался не меньше, идя на рискованное дело. Однако гулять ходячим арсеналом не слишком привычно, но так даже лучше. В Загорье с оружием не принято расставаться, и с ним, конечно, уютней и безопасней.

Мы пришли к постоялому двору «У кота». Под присмотром слуги мальчишка поднял сверток в комнату, которую я делил с Оливером, и с округлившимися как блюдце глазами получил от меня полновесную золотую монету. А я устроился на лавке в дюжине шагов от наемника и его собеседников. Напротив Оливера сидели гном и эльф. Лица всех троих были весьма серьезны, а тарелки и кружки с элем почти не тронуты. Колоритная компания вела непростой разговор.

Сразу бросилось в глаза, что этот эльф кардинально отличался от увиденных ранее. В его взгляде сохранилась жизнь. Осанка выдавала в перворожденном воина, движения — охотника. Эльф был с ошейником, но при этом с оружием. Я заметил длинный классический эльфийский лук и утяжеленную рапиру с широким клинком, каким наносят рубящие удары.

Эльф и гном оделись по местной моде и практически одинаково: куртка, широкие, почти как шаровары, штаны, высокие сапоги.

Рядом со мной устроился Рой. Усаживаясь, Акан почесал недельную щетину. Он поспорил с Джоном, что отрастит приличные усы и бородку за два месяца. Они надеются вернуться из Запустения!

— А ты приоделся.

— Кто они? — спросил я.

— Твои новые няньки. Будут тебя оберегать! Оливер как будто уже столкнулся с ними.

— Что-то не похоже, — возразил я.

Гном мотнул густой бородой и встал из-за стола.

— Сейчас Фосс будет давать больше, — ухмыльнулся Рой и, потребовав эля у пробежавшей мимо служанки, продолжил. — Всегда так. Барамуд и Крик никогда не соглашаются на первоначальную цену, сколько ни предложи. Но с ними уже велся разговор, идти они согласны. Спорят об оплате.

Оливер действительно сделал успокаивающий жест и предложил гному снова занять лавку. Эльф лениво посматривал то на кипевшего праведным гневом гнома, то на Фоссато. Торгуются. С гномами иначе дел не ведут.

— Барамуд и Крик. Кто из них кто?

— Криком зовут эльфа. Поговаривают, что угодил в плен еще в Первую эльфийскую. Только он про то не расскажет. Долгие разговоры не жалуется. — Рой отхлебнул принесенного эля и довольно цокнул языком. Напиток в таверне отменный. — Он немой, без языка. По слухам, в плену и вырвали.

— Отчего тогда Крик? — я отрицательно покачал головой служанке. Пить и есть не хотелось.

— Никто не знает, — ответил Акан. — Криком его называет гном. Барамуд хозяин эльфа, но на деле и не углядишь, кто из них раб, а кто господин.

Рой опорожнил кружку и потребовал еще. Толстяк поглощал эль неумно и ничуть не хмелел.

— Не советую спрашивать гнома, зачем он прикупил эльфа и почему тот Крик, — Рой попробовал сделать лицо посерьезней, что получалось у него всегда слабо. Выдавали вечные смешинки в глазах.

— Откуда он? — спросил я, кивая на гнома. Тот уже довольно откинулся на спинку лавки и согласно кивал бывшему наемнику. — С Железных, Седых или Бурых гор?

— Второй вопрос, который не стоит задавать Барамуду, — заулыбался Рой. — Он изгой. Видишь кольцо на ухе?

Я попытался различить, но длинные наполовину седые волосы все прятали. Седина означала весьма почтенный возраст у их расы.

— Почему, тоже не спрашивай. Это третья запретная тема. Видал я одного малого, которого Барамуд хорошенько отходил за назойливость. Кулаки-то у него пудовые!

— В остальном милейшие люди! — ехидно заметил я.

Горец засмеялся, шутка ему понравилась. Смеялся он всегда заразительно. Милашка, принесшая эль, тоже захихикала. Акан благодушно посмотрел на нее, отхлебнул эля из новой кружки, довольно причмокнул и заговорил вновь:

— Сколько ни выведывали, другие гномы тоже не знают, почему он стал изгоем. Они вообще не помнят соплеменника с таким именем и уклоняются от дальнейшего разговора,

что, разумеется, очень и очень странно. Барамуд и Крик появились в Сумеречье не столь давно. Откуда явились, тоже никто не знает, и уже заслужили репутацию лучших контрабандистов и следопытов. Забираются в Запустение дальше любых других.

— Эту парочку дождаемся последние два дня?

— Будет еще один. Зовут Манроком. Но привычней для него и остальных кличка Морок. Он орк.

— Орк? — почему-то удивился я. Хотя, чего здесь странного? Орк, следопыт, Сумеречье и Запустение. Обычное дело в северных краях.

— Вождь клана. С нами он идти не собирается. Сказал, что не дурак.

— В самом деле, не дурак, — согласился я.

— Скоро увидим, дурак или нет. Фосс сделает ему предложение, от которого тот не откажется. Либо будет дураком. Он не хуже тех двоих, а с нами должны идти лучшие. Нам предстоит невозможное.

Горец сказал фразу, которую мы повторяли слишком часто. С недавних пор слова о невозможности нашей миссии будили во мне раздражение. Я уставился на Роя, думая, как бы огрызнуться похлеще. Однако перехватил взгляд горца и посмотрел в сторону стола Фосса, наше внимание переключилось на переговорщиков.

Гном и эльф покидали заведение. Попрошавшись с Оливером, они направились к выходу, взоры обоих были прикованы ко мне. Смотрели они вызывающе и явно оценивающе. Пальцы Крика затанцевали на неизвестном мне языке жестов. Барамуд нехорошо покосился на меня, а эльф, явно довольный реакцией хозяина, нахально усмехнулся. После, не оборачиваясь, они вышли на улицу. При этом Крик похлопывал гнома по плечу. Никак не похоже на подобающее поведение для раба.

Когда я не понимаю кого-то или не могу воспринять логику в чьих-то действиях, возникает подозрительность.

— Почему мы идем туда? — спросил я, заняв освободившееся место напротив Фосса.

— Станный вопрос, — удивился наемник и посмотрел на такого же озадаченного Роя, пристроившегося рядом.

— Что тобой движет, заставляя идти в Запустение? Жажда наживы? Страх? Или что-то другое? — я заговорил тише, едва слышно. Я мог говорить открыто, не боясь подслушивания. Гул заполненной таверны превращал любой разговор в приватный. Однако с привычкой так просто не расстаться. Вор не любит рассуждать о деле в полный голос.

Фосс пристально поглядел на меня, но я не дал ему ответить, потому что знал, что он скажет:

— Я обязан вашему Хозяину жизнью и отплачу сполна, клянусь Харузом! Полагаю, вы тоже имеете собственные железные обязательства перед ним, да и Джон наверняка. Что-то, что перекрывает риск смерти и страх за свою жизнь.

— Допустим, — произнес Фоссато.

— Мы идем на невозможное, сидя в одной лодке, — продолжил я, состроив кислую мину. Опять это невозможное. — Но гном и эльф отправляются с нами ради денег! Я не верю, что есть кто-то, кто готов продать свою жизнь за монеты. На сумасшедших они тоже не тянут, и кто они вообще такие, также никто не ведает. Я не доверяю им!

— Ты, в самом деле, так думаешь?

— Именно. Наша затея практически безнадежна. Не могу поверить, что собственная жизнь стоит больше чьих-то денег!

Я не лукавил. Мысль о Барамуде и Крике рождала во мне тревогу. Было в них что-то неестественное; я не мог понять, что именно. Это настораживало, и дело даже не в том, что, по всеобщим представлениям, эльфы и гномы не переносят друг друга. В них отталкивало нечто иное.

— Больших денег, — пробормотал Рой. Кажется, мои слова заставили его задуматься.

— Очень и очень больших денег, — добавил Фосс. — В любом случае, это не мое решение. Хозяин искал лучших из лучших, и он их нашел. Тех, у кого есть хотя бы мизерные шансы забраться туда, куда раньше не заходил никто. После мы уповаем на удачу лучшего вора нашего мира. Твою, Гард. И на твоего Харуза тоже.

Фосс смочил элем пересохшее горло:

— Но, повторюсь. Сначала нам нужно пробраться в самую глубь Запустения. Крик — единственный следопыт из эльфов. Лучше него в старых лесах перворожденных нет никого. Джон ходил в Запустение, наверно, уже сотни раз. Только он и в подметки не годится Крику.

— Я тоже был ходоком долгое время. Так у нас в деревнях следопытов кличут. До встречи с Хозяином... — Рой вдруг закашлялся и озабоченно поглядел на Фосса. Каждого из нас к Антуану привела кривая дорожка. — Поверь старому следопыту. Крик самый лучший.

Слова горца озадачили меня. Вид вечно благодушного толстяка никак не вязался с образом следопыта, крадущегося по Запустению. Впрочем, и на тюремного надсмотрщика Акан тоже никак не походил. У всех нас своя извилистая тропинка, снова подумалось мне.

— В любом случае, — Фосс слегка хлопнул ладоней по столешнице, подводя черту спору, — решение об участии гнома и эльфа в нашей экспедиции принято давно и не нами. С ними все также обговаривалось заранее. Сейчас их нужно брать с собой или убивать.

Оливер не шутил.

— И потом, — продолжил он. — С момента, как покинули замок Хозяина, связь с ним не поддерживается. Никто не должен проследить наш путь.

Сдавшись, я разочарованно вздохнул. По договоренности с Антуаном, я подчинялся Оливеру во всем. До тех, пор пока не окажемся у стен логова рыцарей Граалья.

К нашему столу подошел Шрам. Он не показывался с самого утра.

— Я привел Морока.

Размахом плеч и ростом орк уступал большинству своих соплеменников. На Манроке сидела распахнутая куртка; за широким вырезом рубахи виднелась не слишком широкая, я бы даже сказал впалая грудь. Но внешний облик вождя являлся обманчивым. Он был из той породы, за чьей наружной сутулостью прячется внушительная физическая сила. Орка словно сплели из тугих натянутых мускул без капли жира. Таких, как он, называют солью земли.

По меркам своей расы орк имел средний роста и телосложение. На обветренном скуластом лице застыло сосредоточенное выражение. Чуть тронутые сединой виски выдавали средний возраст. Орки живут столько же, сколько и люди.

За спиной висел изогнутый орочий меч. На Крабе мне довелось видеть, какие страшные рваные раны оставляет его зубчатое лезвие.

— Рад видеть тебя, Морок! — вставая, произнес Фосс. Как показалось, его слова звучали искренне.

— Я тоже. Мир и тепло вашим очагам, Оливер и Акан.

Манрок также тепло улыбнулся, с его лица исчезла каменная собранность. Прежде он определенно вел дела с доверенными людьми Антуана.

— Садитесь, — предложил Фосс Шраму и Мороку. — Помню, ты не любишь долгих

разговоров, поэтому сразу к делу. Я все привез.

На лицо орка вернулось прежнее выражение. Манрок вопросительно посмотрел на меня. Фосс дал знак, что при мне говорить можно. Присутствие Джона вопросов у орка не вызывало. Значит, как я и догадывался, следопыт из Арнии был связан с Антуаном уже давно и ему в экспедиции тоже стоит доверять. Не смотря на наши недружественные отношения. Доверять относительно, конечно же, примерно как Фоссато и Рою или даже меньше, но удара в спину в проклятом лесу можно не бояться.

— Я бы хотел взглянуть на них, — сказал Морок. — Вы здесь остановились?

— Идем, — Фосс повел нас наверх.

В комнату, которую я делил с Оливером, подняли накануне один из ящиков с мушкетами. Многие торговцы поступали подобным образом, дабы скрыть от посторонних глаз переговоры с демонстрацией своего товара. Остальные ящики и тюки хранились под замком в складской пристройке с отдельными помещениями. Каждый уважающий себя трактир Загорья состоял из жилой части с номерами, обеденного зала, конюшни и складских ячеек. Разумеется, не считая кухни и хозяйского крыла.

— Мы привезли не пять десятков, — произнес Оливер, открывая дверь нашего номера.

— Сколько? — Морок весь напрягся. — Меньше?

— Больше, — Фосс закрыл за нами дверь. Не поднялся лишь Джон. Арниец заявил, что с элем ему интересней, но я также уловил еле слышное бормотание за спиной. Меньше знаешь, крепче спишь. Не скажешь, что Шрам не прав.

— Сколько? — повторил орк.

— Полторы сотни.

На несколько мгновений в комнате повисло молчание.

— Я хочу посмотреть ближе, — прервал тишину Манрок, — а потом спрошу, чего тебе надобно. Но думаю, я знаю, что именно, и вряд ли соглашусь.

— Как знаешь.

— Только, — в словах Морока зазвучала плохо скрываемая угроза, — пятьдесят штук мои. Я выполнил свою часть уговора.

— Это сомнению не подвергается, — спокойно ответил Фосс.

Наемник сорвал пломбу и вскрыл ящик, поставленный в дальнем от окна углу. Внутри в щедро набитых опилках лежал продолговатый сверток из хорошо промасленного холста. Морок бережно, как дитя, достал его и развернул на столе.

Оружие было без отделки. Зато качество стали и дерева приклада говорили о настоящем производстве оружейного мастерства. Длинный ствол явно превосходил любую аркебузу по калибру. Бросилось в глаза, что мушкет весил тяжелее привычных ружей. Рядом с ним лежали металлические двузубые вилы на деревянной ножке с заостренным железным штырем в нижней части. Замок мушкета выглядел необычно. Той ночью, у таможни, я не придал должного внимания устройству мушкета и сейчас меня терзало любопытство.

Век фитильных аркебуз стремительно приближался к своему концу. С три человеческих поколения назад появились первые колесцовые замки, и почти сразу же исчезли пистолы с фитилем. Однако аркебуз старого образца по миру оставалось еще очень и очень много. Особенно в таких медвежьих углах, как Загорье. Только оружие в руках орка было снаряжено не колесцовым замком.

Орк примерился к мушкету. В его руках оружие не выглядело столь уж большим. Манрок водил стволом из стороны в сторону и довольно щурился. Положив мушкет обратно

на холст, орк провел пальцем по замку.

— Кремневый, — благоговейно произнес он. Замки, выполненные по новейшей технологии, мало кому довелось лицезреть, тем более опробовать на деле. — Подобных Сумеречье нет.

— И не только здесь, — произнес Фосс. — Мушкетов очень немного во всем Большом Орноре, а кремневых и подавно. В колониях и вовсе таких не сыщешь.

Орк с видимым сожалением прикрыл мушкет холстом и подошел к Оливеру. Едва Манрок обернулся к наемнику, Рой подмигнул мне и потер ладони за спиной вождя.

— Все припасы и лодки, о которых мы уговаривались, собраны и ждут тебя и твоих людей у моей родовой стоянки. Это цена пяти десятков мушкетов. Ты хочешь, чтобы я отправил на верную смерть себя и соплеменников ради еще одной сотни ружей? Пусть даже таких?

— Мы идем не за смертью, — возразил Оливер.

Орк смотрел на него с нескрываемым сомнением.

— И ты тоже пойдешь. Ты и четверо твоих лучших ходоков.

— Нет! Об этом уже шел разговор. Не затевай его снова. Повторяю, нет! — орк повернулся спиной к Фоссу и двинулся к двери. В речи Манрока звучало явное раздражение. — Я спускаюсь вниз. Хочу получить свои ящики немедленно.

— Сто пятьдесят кремниевых мушкетов, — заговорил вслед орку Фосс. Его речь была спокойна, но слова падали с незыблемой решимостью обернуть происходящее в свою пользу, — и еще столько же с колесцовым замком. Вдобавок тысяча колесцовых аркебуз. Порох, припасы к ним и мушкетам в любом количестве. Сколько назовешь! Хватит на три или четыре таких клана, как твой.

Развернувшись, орк уперся плечом о стену. Его пальцы вцепились в поясной ремень, горящие глаза буравили наемника. Лицо застыло в маске непроницаемости.

— Это все? — негромко произнес он

— Чего ты хочешь?

— Пистолы, клинки, арбалеты. Лошади!

— Уверен, мы сможем прийти к разумному соглашению. Сколько?

Вместо ответа орк вдруг сменил тему разговора. Вернее, мне так показалось сначала.

— Три Снежных луга. Что вы знаете о них? — спросил Манрок.

Мы непонимающе переглянулись.

— Когда еще не разразились войны с гномами и эльфами Большого Орнора, армии ваших королей, Четырех Псов, разгромили орков. Тогда в нескольких сражениях пали лучшие воины моего народа; оставшихся ловили и резали, как на скотобойне. Вместе с женщинами, детьми и стариками. Просто убивали, часто уже без издевательств. Солдаты людей устали от этой рутины...

Морок подошел к окну и уставился куда-то вдаль. В прошлое.

— В памяти орков это теперь навсегда, — продолжил орк. — К местечку с названием «Три Снежных луга» сбежались сразу нескольких кланов. Я не буду перечислять их мертвые имена; вам, людям, это ничего скажет. Ведь все случившееся там вымарано из вашей истории.

— Я кое-что слышал, — тихо произнес Рой. — Горцы знают историю не только южных королевств.

Орк как-то странно посмотрел на Акана. Мне показалось, что в его взоре мелькнула

благодарность.

— Там собрались остатки кланов. Оборванные и почти без оружия, — заговорил вновь Манрок. — Всего не больше шести-семи сотен, считая младенцев и стариков. Они узнали, что в дне пути на них движется герийский отряд в пять тысяч. Тяжелая конница и латная пехота. Сытые. Холеные. С пушками. Можно было бежать, но кланы дали бой. Они решили выиграть время для других. Чтобы другие ушли выше на север. У Трех Снежных лугов пали все орки из тех кланов. Но они унесли с собой в могилу больше половины из людского войска. Слышали, что было потом?

— Нет, — признался Оливер.

Я тоже мотнул головой. Старик дал мне прекрасное образование, однако про эту битву не говорилось ни в одном учебнике.

— Четыре пса испугались! Да, да! Испугались. Преследование, травля орков прекратилась. Мы добрались до границы эльфийских лесов. Те, кто смог. Но мы не знали, что делать дальше. Эльфы не пускали на север и убивали любого, кто заходил под тень их деревьев. С юга медленно подтягивались новые отряды людей, сжимая кольцо окружения. Однако нас больше не трогали! А потом случилось настоящее чудо! Четыре пса прислали своих послов и ультиматум. Отныне оркам позволялось жить на окраине их владений. В местах, которые будут определены каждому клану. В резервациях. В голоде и нищете. Но мой народ спасся от истребления! Мы выжили!

Морок сделал паузу и вперил взор на Фосса.

— С тех пор каждый орк знает, что может наступить день, когда его сердце остановится ради жизни клана и народа. Я и четыре моих лучших ходока пойдут с тобой!

Оливер и Акан шумно выдохнули. Рой вытер проступивший на лбу пот. Я потрясенно смотрел на орка. Только что он отдал всего себя во имя своих соплеменников. Вряд ли я в силах поступить также. Заплатить своей судьбой за кого-то конкретного. Николас Гард, наверно, мог бы. Но не за всех сразу. В большинстве своем люди редкостные сволочи. Я не испытывал к людскому племени никаких теплых чувств.

— Полторы сотни мушкетов — это аванс, — осторожно сказал Оливер. Манрок вызвал волнение даже в душе старого наемника, — все остальное после нашего возвращения. Хозяин никогда не обманывает.

— Мало кому можно верить так, как твоему Хозяину, — ответил орк. — Я хочу кружку эля. Надо прийти в себя. Но сегодня же обговорим все детали. Наедине.

— Как считаешь нужным, — сказал Оливер.

Мы спустились вниз. Чутьочку выпить хотелось всем. Под мысли об орке Мороке и его расе. Не думал, что чьи-то слова окажутся столь впечатляющими, но тот день припас еще непростых чувств. К сожалению, тяжелых чувств.

— Прошу прощения за беспокойство.

Снова присев в реверансе, служанка покинула номер, который занимали я и Фосс. В таверне «У кота» прислуга вышколена, как в лучших столичных постоялых дворах. При том, что эта гостиница располагалась в Нижнем Бранде, где селились купцы средней руки.

За окном быстро темнело. В нашей гостинице, помимо прочего, держали за правило проверять номера постояльцев на надежность внутренних запоров на ставнях, и слуги выполняли эту ежедневную обязанность добросовестно. Я едва не попался на странном для гостя таверны занятии, когда поднялся в номер после кружки эля и проверял оконные петли на скрип. Служанка вошла в комнату без стука. Чтобы скрыть собственный прокол, пришлось разыграть негодование визитом без предупреждения. Мой гнев и возмущение вогнали молоденькую девчущку в краску, отчего та не заметила, как я прятал в рукав камзола масленку.

Оставшись один, я не поленился подойти к двери и запереть ее на ключ. Потом отворил ставни, чтобы тщательно смазать все петли маслом.

Закрыв окно, я проверил пистолы и спрятал их под подушку на своей кровати. С серебряными пулями. Я иду на охоту. Тварь, которая сидит на крыше, не давала мне покоя уже каждую ночь, она определенно крутится около нас. Я не мог больше терпеть роль добычи для хищника, рано или поздно это существо нападет и нападет в самый неожиданный момент. Пусть первым ударит ночная крыса.

С момента принятия решения покончить с гадиной, мне стало почти безразлично, что или кого встречу наверху. Будь то вампир или еще кто, но вор, отмеченный Звездой Харуза, опасен для любого. Очень опасен. Магический слух, ночное зрение, бесшумный шаг и растворение во тьме дают реальные шансы удавить любую нечисть. Клянусь именем воровского бога!

— И, если еще придется замки вскрывать... — я негромко усмехнулся и посмотрел на потолок. — Тем хуже для тебя!

Тварь не такая уж сильная и грозная, я был уверен в этом. Иначе давно проникла бы в комнату к спящим людям. Честно говоря, брали большие сомнения, что это вампир: какой-то он нерешительный, слабый что ли, однако лучше перестраховаться и иметь пистолы, заряженные серебром.

Я собирался выйти на крышу в час, когда таверна погрузится в тишину. Ни Фосс, ни кто-либо другой не знали о моих планах на сегодняшнюю ночь. Задача беречь вора до самого сердца Запустения вряд ли согласуется с попыткой прикончить тварь, что прячется над нашими головами. Как только Оливер уснет, я отворю окно и поднимусь наверх. Теперь петли не скрипнут, а затейливый карниз внешней стены таверны был для меня, что твоя лестница. Либо я не вор.

На улице стемнело окончательно, но отходить ко сну еще рано. Приняв спокойный и равнодушный вид, я направился в обеденный зал таверны. Еще не очень поздно, только трапезная таверны «У кота» опустела наполовину. Хозяин заведения, дородный мужчина с пышными седыми бакенбардами, разочарованно мял свой белоснежный передник. Он весьма напоминал кота. Лоснящегося, сытого. Но не сегодня. Мастер Дольфин

разочарованно махнул рукой и скрылся за дверью в кухню.

Страшные слухи о вампирах распугали добрую половину завсегдаев постоянных дворов во всей округе. Ежедневная кровавая жатва упырей оказалась слишком обильной даже по меркам горожан Бранда. Люди торопились в свои дома с наступлением первых сумерек, за час-два до окончательного воцарения темноты.

Но человек есть человек. Страх перед вампирами разогнал только половину гостей питейных заведений. Да и от чего не выпить, посидеть, поговорить, когда снимаешь комнату в этой же таверне?

Бывший наемник откинулся на спинке лавки и с довольным видом набивал курительную трубку. Оливер пользовал табак исключительно из Кантонов. Фосс пребывал в одиночестве, хотя я отсутствовал совсем недолго. Ни Роя, ни Шрама, ни Морока. Тем лучше, удобный случай поговорить наедине.

— Когда мы выступаем? — я устроился напротив наемника.

Оливер словно не заметил меня. Смотря в сторону, Фосс затянулся табаком и выпустил три колечка. Весь его вид говорил, что я пристал с разговором не вовремя. В момент, когда хочется уйти от мыслей, терзающих каждый день, не очень-то располагаешь к разговорам, что только-только оставили в покое. Даже Оливер не железный и может позволить себе несколько минут блаженного ничегонеделания.

— Фосс, — раздраженно сказал я и попытался поймать его взгляд. — Мне кажется, меньше остальных о нашем походе знаю лишь я. И я не собираюсь идти в Запустение, словно слепой и глухой!

— Ты готов нарушить свое слово? — на лице Оливера дернулась скула. Наемник воткнул меня свой пронзительный взгляд. Моя уловка удалась. Намек, что могу покинуть поход должен был вывести его из равновесия. Я хотел получить от этого разговора больше привычных фраз, что, мол, заберемся поглубже в проклятые эльфийские леса, а там видно будет. Я действительно не желал идти в неизвестность.

— Не в моих обычаях забирать данное ранее слово, и я его сдержу. Но... — я смотрел прямо в глаза Оливера и старался не отвести взгляд. Сделать это было, прямо скажем, очень непросто.

— Что «но»? — наемник посмотрел в сторону, шумно выдохнул и выпустил изо рта табачный дым.

Я победил!

— Но я хочу знать о нашем походе все, что знаешь ты! Либо мы идем в Запустение вместе, либо я сам ищу способ рассчитаться твоим Хозяином, — я особо выделил два последних слова. Я блефовал. Ринуться в Запустение в одиночку — почти верное самоубийство, но вор никогда не должен идти на дело, не зная как добраться до цели. Вор не должен вручать свою судьбу в чьи-то руки. Я ночная крыса! Вор! А не марионетка, какую выкинут при первом удобном случае. Смолчи сейчас Оливер, и я бы уверился, что арнийский первосвященник отказал мне в праве на возвращение из Запустения.

— Мы выступаем через два дня. Столько нужно, чтобы Морок поутру забрал полученный груз, доставил его до своих людей и вернулся сюда. После мы идем с ним на север до родовой стоянки орка, — Оливер пыхнул дымом и грязно выругался. — Там мы пересаживаемся на лодки и углубляем в леса на несколько дней. Идти будем по Черной речке, это быстрее и безопасней, чем по земле. Черная речка спускается с гор и поворачивает к Запустению как раз недалеко от стоянки Манрока.

Оливер говорил нехотя, и я никак не мог уловить, оправдались мои подозрения или нет. Но Фосс точно не собирался рассказывать мне этого раньше.

— Плыть будем до Гнилого водопада. Спустимся вниз. Наша цель добраться до места, где Черная впадает в Тарту. Когда-то по ней ходили корабли до эльфийской столицы. Что там сейчас, не знает никто. Кроме того, что именно там наша цель.

— Это все?

— Нет. Дальше Гнилого водопада никто не заходил. По старым картам, от водопада до устья Черной реки расстояние в три раза большее, чем мы минуем со дня входа в Запустение. Это, если напрямик.

— Почему не зайти в Запустение сразу через Тарту? Из-за того, что нам придется огибать весь материк? — я бы предпочел продлить наше путешествие в разы, зато добраться до великой эльфийской реки в безопасных водах прибрежных морей. Лучше обогнуть пол материка и миновать половину стран Большого Орнора, чем один день пути через Запустение.

— Тарта слишком опасна в своем устье даже по меркам Запустения, — отрезал Фосс. — Теперь все.

Оливер поднялся.

— Я спать, — буркнул он. Состоявшийся разговор был решительно не по душе наемнику.

— Подожди! Антуан просил не посвящать меня в маршрут похода?

На мгновение Оливер помедлил с ответом:

— Он приказал мне не делать этого.

Наемник выглядел странно, я никогда не видел его таким. Он был и рассержен, и одновременно сбит с толку.

— Почему ты тогда рассказал?

Вместо ответа Фосс двинулся к лестнице на второй этаж. Когда я уже решил, что разговор окончен, Оливер бросил, не оборачиваясь, последнюю фразу:

— Не знаю.

Несколько долгих минут я переваривал беседу. Разговор с Фоссом показался мне откровенным, но ответа, на который я рассчитывал, по-прежнему нет. Никак не прояснилось, входит ли в планы Антуана мое возвращение из Запустения или нет. Возможно, кардинал не давал Оливеру указаний держать со мной ухо остро, иначе бы тот не откровенничал про маршрут. А может это, наоборот, означает, что мне суждено в Запустении и остаться, забрав все тайны экспедиции в могилу.

Только одно обстоятельство было явным. Прямой указ не раскрывать вору детали будущего похода означал, что Антуан не доверяет мне и полагает, что я могу сбежать до того, как наш отряд вступит в эльфийский лес. А раз не доверяет уже сейчас, то как верить вору, ночной крысе, потом? Когда этот вор узнает гораздо больше тайн арнийского первосвященника! Я остался при своих сомнениях.

Таверна потихоньку пустела. Люди отправлялись спать раньше обычного, слухи о расхोдившихся в последнее время упырях не способствовали долгим посиделкам. Вино и эль почему-то поглощались народом с меньшей охоткой. К полуночи гости таверны «У кота» остались лишь за тремя столиками. Фосс поднялся наверх уже часа с три назад. Пора!

По-воровски тихо, разве что открыл замок ключом, я проник в наш номер и замер у окна. Бывший наемник мирно спал, сверху также не раздавалось ни звука, только шумел

ветер за окном. Обостренный магией слух не улавливал ничего подозрительного.

Я неспешно вооружился. Два пистоля, бракемарт в плотных ножнах, поясной кинжал, один засапожный нож и двое метательных в рукавах. Черный плащ с глубоким капюшоном, маска на лице и перчатки сделали меня одним целым с темнотой.

Некоторые утверждают, что могут почувствовать во сне близкое присутствие опасности либо попросту чужого человека, и просыпаются. Возможно, но только если рядом не ночная крыса. Особенно, когда она использует всю воровскую магию. Никто и не когда не проснется, когда я крадусь рядом в ночной тьме. Николас Гард мог бы быть не только вором, но и убийцей.

Под мерный храп Оливера я отворил окно и, ухватившись за карниз, начал медленно подниматься вверх. Сердце бешено колотилось. Мне показалось, что на крыше прямо над головой раздался давешний шорох. Отсчитывая в голове секунды и обливаясь холодным потом, я подтягивался выше.

Время кажется вечностью, когда смерть близка и ничего не можешь предпринять для своей защиты. Беспомощность и уязвимость превращают каждое мгновение в бесконечно долгое. Но я, наконец, очутился на крыше и спрятался у большой плоской трубы. Я потянулся сразу ко всем воровским талантам, в ночной темноте магия Харуза делала меня сверхчеловеком. Я видел сквозь мглу очертания любых предметов, даже безлунной ночью, а слух помогал там, где магический взгляд гасился тенью.

Все мои воровские таланты обострились до предела. На крыше находился только я один. Я не шевелился, став частью тени дымоходной трубы. Ночь и магия слили меня с ночной мглой воедино. Я ждал. Мне казалось, что ждать придется недолго, и предчувствия не обманули.

На крыше появился кто-то еще. Или нечто. Несколько мгновений назад, я понял, что не один, кожей ощущалось чужое присутствие. Трудно объяснить, как почувствовалось появление кого-то другого, но теперь в ночи прячутся двое.

Широкий поясной ремень был успокаивающе отягощен оружием. Рука крепко сжала рукоять длинного двенадцати дюймового кинжала; другая легла на пистоль, снаряженный серебром. Моей целью скорей всего был не человек или кто иной из смертных рас Орнора. Противник ступил на крышу свершено бесшумно. Я не видел ни движения, ни новой тени. Но он был здесь!

Я вжался спиной в кирпичную кладку дымохода и отмерял удары сердца, не шевелясь, дыша медленно и как можно тише. Ничего не происходило. Только усиливалась тревога, которая вдруг начала подавать первые признаки страха. Слух не улавливал ничего. Видно было лишь часть крыши. Труба позади скрывала добрую треть.

Выпрямившись во весь рост, я окинул взглядом уже всю крышу. За дымоходом никого! Но тварь, на которую я охотился, подкралась ближе. Взгляд буравил тени, я слышал только шум ветра и редкие звуки спящего города, а она сделала еще один невидимый шаг. Воровской нюх на опасность не оставлял в том сомнений. Я похолодел. Охотник превращался в дичь. Попытаться уйти, слившись с ночной мглой? Мне казалось, что это будет самым разумным... Со мной заговорил страх. Поддайся! Беги!..

Действовать, чтобы побороть панику! Чертыхнувшись, я решительно направился к центру кровли, теперь я не прятался. На самом верху было относительно пусто. Тварь не сможет приблизиться вплотную ко мне, не обнаружив себя. Я увижу ее за мгновение до хищного прыжка. Этого должного хватить, чтобы встретить ее ударом или выстрелом. Этого

хватит!

Я обнажил бракемарт и положил один из двух пистолей в левую ладонь. Я стоял посреди крыши и ждал.

Сквозь тяжелые предзимние тучи пробился рваный лунный свет. Тень у трубы в двух десятках шагов от меня выпрямилась. Черная как ночь человеческая фигура была без оружия. Её очертания словно бы сливались с окружающей тенью, но руки отчетливо различались под еще не скрывшейся луной. Они были пусты. Тень подалась вперед.

Я выстрелил. Нажимая спусковой крючок, понял, что уже промахнулся. С невероятной быстротой тень кинулась ко мне по кромке крыши. Отбросив пистоль, метнул нож в смазанное черное пятно и прыгнул в сторону. Снова бросил нож в движение, пойманное боковым зрением. Развернулся и выставил пред собой бракемарт. Крыша пуста.

Шорох позади, и сильнейший толчок в спину сбил с ног. Я покатился к краю крыши, грохоча клинком бракемарта по черепице. Я потерял ориентацию и оказался совершенно беспомощен, пока катился вниз. Упершись боком в парапет кровли, вскочил на ноги и снова выкинул вперед клинок, целясь в горло тени. Та была рядом!

На сей раз я не промахнулся. Но бракемарт был откинут в сторону, угодив в ловушку щелкнувшей даги. Лезвие уперлось в основание одного из двух боковых раздвижных клинков фехтовального кинжала. Мой противник не нежить! Сквозь собственное сбившееся дыхание я слышал и чужое. Взгляд поймал его глаза. Это спасло жизнь! Во вражеском взоре мелькнуло отражение наносимого выпада. Вторым кинжалом мне целили под ребра.

Мне оставалось только прыгнуть с крыши. Я полетел спиной вниз. Каким-то образом удалось перегруппироваться и приземлиться на ноги, но все же свалился на спину. Удар об мостовую словно выдернул все внутренности с их мест и кое-как впихнул обратно. В глазах потемнело, дома вокруг меня качались словно при морском шторме. Нужно встать!

Я поднялся и посмотрел на крышу. В следующее мгновение уже стрелял по тени на краю кровли, но снова попал в пустоту.

— Проклятье! — вырвалось у меня. Мой противник скрылся за парапетом.

Появился шум и гул голосов, они раздавались со всех сторон. Я спешно стянул с лица черную маску и вогнал бракемарт в ножны. Скоро меня обступила невесть откуда взявшаяся толпа. Мир все еще шатался передо мной. Я оперся о фонарный столб, чтобы не упасть из-за подкосившихся ног. Меня плотно окружали громко галдящие ночные постояльцы из нашей таверны и соседних гостиниц, кто-то из прислуги.

— ... прогуляться и увидел как с крыши смотрит какая-то тварь. Тогда выстрелил в нее, — я вдруг понял, что это звучит моя речь. Я как будто слышал себя со стороны, в голове шумело, и было трудно сфокусировать взгляд.

— Прогуляться! — зарычал кто-то.

Справа от меня с налитыми бычьей злобой глазами стоял Джон. За нами маячила грузная фигура Акана; тот успокаивающее похлопывал по могучим плечам арнийца. Оливера я не заметил. Окна нашего номера выходили на противоположную сторону таверны. Когда прозвучали выстрелы, наемник спал, и должно быть еще не спустился.

Шрам ругнулся и, взорвавшись, кинулся на меня. Я дернулся на шаг в сторону от столба, но уйти от удара не удалось. Огромный кулак крепко врезал мне по лицу, разбив губу, и опрокинул на мостовую. В глазах снова потемнело.

— Какого!.. — процедил я, сплёнув на булыжники солоноватую кровь, и поднялся на ноги. Рой и еще несколько человек повисли на яростно сопящем Шраме. Он смотрел на меня

бешено вращающимися глазами, но ничего более не предпринимал. Либо просто не мог это сделать, скрученный навалившимся на него народом.

Чего не скажешь обо мне. В ушах все еще звенело, однако удар странным образом прояснил сознание. Я вперил взгляд в Джона. По моей челюсти текла кровь, внутри возникло ощущение мстительной злости.

— Отпустите его! — произнес я. — Мы сами разберемся!

— Немедленно прекратить! — сзади раздался громкий властный окрик. — Я сказал, немедленно прекратить! Или мигом окажетесь за решеткой! Бросить оружие!

Из-за проулка выскочил офицер городской стражи и десяток рядовых. Стражники едва не бежали. В нашу сторону нацелились алебарды и тяжелые шпаги.

Я вынул из-за пояса оставшийся при мне разряженный пистоль, кинжал и, отстегнув ножны с бракемартом, положил все оружие на землю. Немного помешкав, простился и с засапожным ножом. Затем продемонстрировал ладони офицеру. Тот удостоверился, что мои руки пусты, и потребовал освободить Джона с предупреждением о подобающем поведении.

— Что здесь произошло? — требовательно спросил офицер.

На его плече сидел лейтенантский бант. По манере держаться он явно происходил из дворян. Посеребренная кираса на мундире из дорогой ткани свидетельствовала не только о родовитости, но и сегодняшнем благополучии его фамилии. Сочетание знатности и богатства в офицерской среде большая редкость, ведь мелкие дворянские фамилии, коих в Арнии насчитывалось большинство, давно разорились. Их отпрыскам осталось только имя да скромное служивое жалование.

— Господин лейтенант... — я склонил голову в учтивом поклоне как подобает законопослушному подданному короля Герарда и изложил только что озвученное. Увидел на крыше чью-то тень и выстрелил в нее.

Офицер слушал в пол уха, то и дело поглядывая на небо. С туч срывались первые капли холодного осеннего дождя. Как только я закончил, последовал требовательный вопрос к Джону:

— Теперь Вы. Что здесь случилось, и почему Вы напали?

Офицер обладал крупной фигурой и щербинами на большом лице, больше подходившем для зажиточного мельника. Однако подчеркнуто держался дворянской манеры речи и обращался исключительно на «Вы». Чтобы сгладить впечатление от своей фермерской рожи.

Шрам угрюмо покосился на меня. Присутствие стражи и накрапывающий дождь охладили его сопение, но взгляд все еще буравил во мне дырки.

— Обознался, — под нос себе прохрипел Джон.

— Что? Обознался! — вскипел офицер. Его сытое лицо настолько побагровело от гнева, что налившаяся краска была заметна даже под неровным светом фонарей. — Обоих в комендатуру до выяснения!

Лейтенантская перчатка властно ткнула в сторону Шрама и затем указала на меня.

— Господин, капитан! — перед начальником стражи вдруг выросла заискивающая физиономия Роя. — Позвольте мне...

— Лейтенант! — напыщенно перебил его офицер, быстро сменив гнев на ухмылку. Очень самодовольную и оттого глупую, однако я попридержал свои мысли.

— Простите великодушно, господин лейтенант! Позвольте все объяснить... — подобострастно продолжил Акан. Роль просителя выглядела очень убедительной. Не хуже, чем образ тюремщика из королевской тюрьмы. Куда делся привычный вид вечно

благодарушного толстяка? Теперь горец был заискивающим ничтожеством, каких любит доить всякий властный чин. Особенно из городской стражи и в особенности только что повышенный просителем в звании. Акану бы в лицедеи податься!

Продолжая унижаться и переминаясь с ноги на ногу, Рой уговаривал офицера ограничиться ордером об уплате штрафа. Когда горец, словно невзначай, переложил из одного кармана в другой пухлый кошелек, лейтенант снизошел до его уговоров.

— Дождь пошел. Продолжим разбирательство под крышей, — констатировал офицер, велел смутьянам следовать за ним. Мы повиновались и в окружении стражников направились в наш трактир.

Каждый приличный постоялый двор в купеческом квартале имеет кабины, где уважаемые гости могут обсудить сделку без лишних ушей и глаз. Общий зал трактира «У кота» был разделен стенкой из полированного бруса. В меньшей части, которая составляла примерно четверть площади трапезной, располагались кабины. Офицер посадил меня рядом с собой в одной из них, а Джон и Рой устроились напротив. Рядовые стражники расселись по лавкам в общем помещении.

На темно-зеленое сукно стола лег небольшой лист желтой бумаги из городской типографии. Ордер на уплату штрафа, куда офицер должен был вписать имена возмутителей ночной тишины. Начался откровенный торг. Споря и одновременно лебезя, Акан постепенно выкладывал перед офицерским чином стопку серебряных монет.

— За беспокойство и чтобы сгладить недоразумение, — приговаривал каждый раз Рой, кладя еще одну монетку. Сколько он выложил серебра, я не считал, косясь на Джона. Тот отвечал мне мрачным взглядом. Какого дьявола он набросился на меня?

Посреди торга в кабинку заглянул Оливер, лицо наемника ничего не выражало. Снаружи быстро раздался гвалт, поднятый стражниками. Не сказав ни слова, Фосс поспешил удалиться, его визит стоил Рою пары дополнительных монет.

Когда тревога господина лейтенанта за общественный порядок улеглась под слоем звонких кругляшей, он затребовал чернила и перо. После небольшой назидательной речи, офицер начал долго, по буквам, заполнять штрафной ордер. Грамотности в нем было куда меньше, чем властной наглости и жадности. Лейтенант вписывал имена, которыми назвался я и Шрам. Вызванный сонный трактирщик подтвердил подлинность наших имен, других он-то и не знал, после чего удостоверил ордер своей подписью.

— Вот это с утра будет в комендатуре, — покончив с формальностями, сказал лоснящийся от довольства офицер и ткнул толстым пальцем в ордер, — а вам двоим завтра надлежит явиться туда же для уплаты штрафа.

Рой, Джон и я поднялись со скамей. Я встал с явным облегчением. Лавка оказалась очень жесткой, а господин лейтенант — малограмотной свиньей. Ему потребовалось едва ли не час, чтобы заполнить ордер несколькими словами. В общем зале гостей кроме стражи уже не наблюдалось. С явным нетерпением на лицах уставший трактирщик и две измотанные служанки ждали, когда мы закончим. К их разочарованию лейтенант никуда не торопился:

— Мне подогрето вина, а моим людям эля.

Я поднимался по лестнице в свой номер. Позади грузно топал горец, отделяя своей широкой спиной меня и Шрама.

— Завтра с утра вместе Оливером все обсудим, — буркнул Рой. — Это обоим ясно?

— Ясно, — в сторону произнес остывший арниец и, молча, направился к своей двери.

Я кивнул Рою и также двинулся к номеру. Кстати, где Фосс? Не мог же он снова лечь

спать? Мрачное лицо бывшего наемника предвещало тягостный разговор. Щелкнув замком, я зашел в номер. Коридорный свет из дверного проема падал прямо на распахнутое окно. Фосс, не шевелясь, лежал на залитом кровью полу.

Глава 9. Крест, вышитый красным

— Сюда! Помогите! — закричал я, метнувшись к Оливеру.

Бывший наемник пребывал без сознания, опрокинувшись навзничь у окна. Из узкой раны на горле в темную лужу под спиной Фоссато стекала кровь. Разрез с чуть равными краями был отчетливо различим даже в полуосвещенном номере.

Я схватил руку Оливера, пробуя найти пульс. Он ещё жив, пульс частый, но удары сердца едва прощупывались. Жизнь уходила с каждой каплей крови. Стащив скатерть с нашего стола, я упал на колени перед Фоссом, смял угол толстой материи в импровизированный тампон и приложил к ране. Затем положил голову Оливера себе на колени. Нельзя допустить ход крови наверх и попадание в глотку, иначе он захлебнется.

По лестнице гроыхали подкованные сапоги. Первыми в номер влетели стражники и две служанки, потом Рой, хозяин таверны, Джон и лейтенант с вытянутым лицом. Комната наполнилась галдящим людом, показались другие постояльцы гостиницы. Я прокричал о чистых бинтах и поменял взмокший от крови кусок скатерти на новый. Поток крови уменьшился не на много. Фосс умирал.

— Надо переложить его на кровать, — рядом присел покрасневший от волнения мастер Дольфин. — Скорей!

Джон и трое стражников перенесли Оливера на постель. Служанки положили кучу подушек под его спину, придав раненному сидячее положение. Хозяин таверны поправил голову Фоссато так, чтобы она наклонилась вниз. Рядом сквернословил Рой. Тяжело дыша, трактирщик отодвинул меня от бывшего наемника и, неожиданно расторопными движениями, без суеты, перевязал горло чуть ниже раны и приложил к ней сложенные в трубочку бинты, поданные кем-то из прислуги. Кровотечение заметно уменьшилось. Законы графства обязывали содержателей гостиниц уметь оказывать врачебную помощь.

Я отошел к окну, чтобы перевести дух и глотнуть свежего воздуха. В забитом людьми номере становилось душно. Моя одежда пропилась кровью, руки и лицо также испачкались.

— Почему ставни открыты? — рядом появился Рой. От бывшего весельчака не осталось и следа. Джон, также приблизившийся к нам, был не менее мрачен. Однако в мою сторону косо не смотрел.

— Не знаю, — сказал я. — Когда поднялся сюда, ставни были нараспашку.

Я пересказал первые мгновения после того, как обнаружил лежащего на спине Оливера. Мы переглянулись. Кто-то напал него. Я был уверен, что это тот же человек, с которым дрался на крыше, но не мог озвучить свое предположение. В комнате, полной народу, не до частных разговоров.

Зачем темная фигура попыталась убить Фосса и как она проникла в номер? Спину вдруг проняло холодным потом. Это я оставил окно открытым, когда вылез наружу! Взгляд упал на лежащего без сознания Фосса... Я выругался в полголоса.

По коридору вновь затопали солдатские сапоги. В сопровождении двух стражников в номер вошел священник в темно-коричневой рясе с красным крестом над сердцем, какую носили только инквизиторы.

— Отец Томас, — трактирщик поспешно поклонился и отошел от Оливера.

Церковник не обратил никакого внимания на владельца гостиницы, словно того не

существовало. Пожилой мужчина, лысеющий, с белой коротко стриженной бородкой, внешностью совсем не походил на представителя конгрегации Вселенской инквизиции. Он скорее напоминал доктора или мага-лекаря. Но отец Томас был именно инквизитором, позже я узнал его полное имя — Томас Велдон. Священник остановился у постели Оливера и пристально осмотрел раненного; впрочем, не прикасаясь к нему. Без прикладывания тканевых тампонов кровь снова обильно потекла из раны бывшего наемника.

Я дернулся, чтобы указать инквизитору на усилившееся кровотечение, но Рой предупредительно покачал головой.

Отец Томас задумчиво погладил бородку и, не сводя взора с Фоссато, пожелал, чтобы посторонние покинули комнату. Железные нотки в голосе инквизитора точно также не соответствовали образу доброго доктора, как и темно-коричневая ряса самой грозной и страшной конгрегации Матери Церкви.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После появления инквизитора число зевак в комнате поубавилось. Остались лишь несколько стражников, лейтенант, трактирщик с одной служанкой и наша троица.

— Вы сопровождали укушенного упырем?

Не вынес ли церковник приговор Оливеру, с ходу заявив об укусе вампира? Велдон оглядел меня, Роя и Шрама, уделяя особое внимание моему окровавленному наряду. Его пронизательный и ледяной взгляд буравил насквозь, и становилось очень неудобно рядом с инквизитором.

— Да, святой отец, — произнес Акан, — мы товарищи раненного...

— Хорошо, — перебил его инквизитор, — вы тоже останетесь здесь.

Приказной тон церковника не терпел возражений. Он снова повернулся к Фоссу, на сей раз инквизитор возложил ладони на голову бывшего наемника и принялся читать молитвы.

Я снова тихо ругнулся. Он же угробит его! Кровь молитвами не остановить! Нужно приложить бинты к ране. Когда я шагнул вперед, тяжелая лапа Роя легла на плечо:

— Стой тихо!

Монотонное звучание молитвы заполнило комнату. Инквизитор не повышал голоса, но его речь будто охватила все пространство вокруг. Голос священника дрогнул, и он убрал руки от головы Фосса. Вместо раны на шее появился рубец шрама. Церковник оказался сильнейшим магом-врачевателем!

— Рана заживлена. Господь милосерден, укус не задел жизненно важных артерий, но дьявольская тварь сильно толкнула его. Падая, ваш друг ударился затылком о край столешницы и теперь в беспмятстве, — тоном опытного врачевателя произнес Велдон, подходя к нам. — Ныне его жизнь вне опасности. Вот душа...

Голос выдавал в нем сильнейшую усталость, но взгляд все так же давил на нас. Под личиной лекаря с седой бородкой скрывался совершенно другой человек, в черных глазах которого все остальные являлись закоренелыми грешниками.

— Кто обнаружил несчастного? — спросил священник.

— Его заметил я, святой отец.

— Тебе крайне повезло, сын мой. Его нашли очень вовремя, он лишился много крови. Сейчас без сознания, но мог бы уже и преставиться. Без исповеди!

Теперь Велдон смотрел только на меня. Говорил, что я вовремя обнаружил Фосса и тем самым спас ему жизнь, но за словами церковника отчетливо слышалось обвинение в мой адрес.

— Упырь укусил вашего товарища в шею, — продолжил инквизитор. — Вы понимаете, что это значит?

Рой хмурился, но молчал. Я посмотрел на Джона, у того проступил круглый желвак и шевелился на правой щеке. Оба они выглядели так, словно лицезрели у кровати Фоссато палача. У меня имелось, что возразить церковнику, ведь я точно знал, что Оливера ранил не вампир, однако про это лучше промолчать.

Священник повернулся к постели Оливера.

— С этой ночи он предается на попечение Церкви, — резюмировал отец Томас. — В аббатстве Маунт исцеляют души и спасают всех, кто пострадал от когтей и клыков нечисти. Сие чадло Господа нашего найдет уход и покой в том святом месте, как и все остальные.

Рой шумно засопел. Шрам тихо забубнил проклятья, его кулаки сжимались и разжимались. Но мы перестали существовать для инквизитора, теперь он не замечал нас. Все его внимание переключилось на лежащего в беспомощности Оливера.

— Господин лейтенант! — неожиданно для меня священник обратился к офицеру. Сейчас в номере оставались только мы, Велдон и офицер с несколькими солдатами. Все прочие исчезли, даже трактирщик.

— Да, святой отец, — лейтенант услужливо вытянулся во фронт. Вся его спесивость куда-то исчезла.

— Вы знаете, что должны делать.

— Да, святой отец, — повторился офицер и обратился затем к нам. — Господа, вынужден подвергнуть вас аресту.

Я растерянно посмотрел на Роя, а затем на офицера. Семеро стражников за его спиной решительно развернулись в нашу сторону, держа в руках оружие.

— Слушайте его и без глупостей, — процедил Акан и уже громче произнес для присутствующих. — Мы, безусловно, подчинимся требованиям закона.

Под приглядом стражи мы спустились вниз, словно преступники, только что без цепей. В общем зале на лавках расселись солдаты, а у стойки трактирщика переговаривались еще два инквизитора. Один молодой и длиннющий, второй средних лет. Под рясой старшего проглядывалось изрядное брюшко. Оба церковника разительно отличались от отца Томаса. У них тоже имелся крестный крест, но взгляд не цеплялся за темно-коричневое одеяние, нет гнетущего ощущения угрозы.

Никого другого в обеденном зале не было: ни прислуги, ни постояльцев, ни даже хозяина гостиницы. Акана снова усадили напротив лейтенанта, а меня и Джона вывели наружу. Я лишь успел наскоро умыться в бадье с водой, смыв с себя чужую кровь.

На улице вокруг постоянного двора также сновали стражники. Сколько же их сюда нагнали?

Офицер препоручили нас десятку солдат, которые повели к городской тюрьме, а Рой покамест задержался на постоялом дворе в обществе господина лейтенанта и вытасченного из закутков гостиницы сонного мастера Дольфина. Требовалось составить опись сундуков и тюков арестованных, которые пребудут в гостинице на время нашего заточения. Конечно, до тех пор, пока мы платим за хранение, а если срок оплаты истечет, и мы все еще будем под стражей и откажемся или не сможем оплачивать хранение, все имущество перейдет в собственность казны. Не окажись офицер столь медлительным в заполнении бумаги, нас бы отконвоировали в тюрьму втроем. Все наши сундуки успел забрать Морок, и, за исключением личных вещей, в номерах более ничего не оставалось.

Я и Джон передвигали ногами молча. Покинув взбудораженный и наполненный стражей гостиничный квартал, мы вступили в спящий ночной город. Улицы хорошо освещались, как во всех городках Загорья, но повсюду царствовала пустота. Лишь дважды повстречались другие наряды стражи. Постепенно светало.

Тюрьма размещалась в северной части города за периметром внутреннего бастиона Бранда. Это был приземистый старый замок, довольно значительный по занимаемой территории. Стены опоясывал неглубокий, как мне показалось, ров с водой, через который вел каменный мост.

Мы прошли через раскрытые наполовину ворота Южной башни, мимо дюжины зевающих пикинеров, и повернули направо. Тюремное здание из грубого темного камня пристроилось к стене в западном крыле бастиона. Почти все окна тюрьмы были загорожены побуревшими от времени железными прутьями. В противоположной стороне за казармами и складами виднелся дворец генерал-губернатора Загорья. Весьма интересные бумаги Дамана в надежном месте, я помню. Однако сейчас мне не до Конрада Дамана.

За тяжелыми дверьми тюрьмы из двух створок, оббитых крашенными металлическими листами, находилось просторное квадратное помещение с двумя решетчатыми дверями справа и слева от входа и лестницами, ведущими вниз и вверх. Нас направили на второй этаж, где передали капралу с несвежим лицом, длинными черными усами и заметными мешками под глазами. За его спиной на кушетках развалились четыре стражника, все они спали. Конвой ушёл.

— Имена, — буркнул капрал, взяв перо у заляпанной чернильницы, и открыл толстую тетрадь. На нас он не смотрел, наши руки связаны не были и мы вполне бы могли прибить подофицера и остальных спящих тюремщиков. Но за все непродолжительное время ареста с нами обходились сносно, даже непривычно учтиво для меня. Ни лейтенант, ни его солдаты не позволили себе тычки, оскорбления и все остальное, что должен испытать каждый заключенный. Я все время поглядывал на Шрама и пока были в таверне на Роя. Если не считать мрачных рож, мои компаньены вели себя абсолютно спокойно, и я решил не форсировать события.

Вероятно, арест спутников или близких родственников жертв нечисти в Загорье рядовое явление и требуется для спокойной отправки выжившего в лапах дьявольской твари в это самое аббатство Маунт. Может быть, там просто клиника? Хотя вряд ли: Акан, и Шрам восприняли сказанное инквизитором очень беспокойно. Нас арестовали, чтобы не сорвались и не помешали вывезти Фосса за город. Равнодушие же стражников легко объяснялось нашим положением. Скорее временно задержанные, а вовсе не преступники, которых легко обобратить до нитки, и никто слова не скажет. Нас даже не обыскивали.

— Следуйте за мной, — наскоро вписав названные нами имена, гораздо сноровистее, чем давешний лейтенант, вислоусый тюремщик встал из-за стола и направился в коридор, что заворачивал вправо.

Все также молча мы направились за ним. Сразу за изгибом коридора, плотно облепленного факелами и массивными дубовыми дверьми с небольшими окошечками, тюремщик остановился.

— Это ваша, — сказал он и лязгнул замком двери одной из камер. Мы вошли внутрь. — Жрачка и вода будут в полдень. Для нужника берите вон то ведро. Кто-то из вас вынесет его днем, когда еду принесут. И учтите, у нас приличное заведение, нечета тому, что внизу, в подвале.

Вдруг хохотнув без видимой причины, капрал захлопнул дверь и снова загремел замком.

Камера протянулась на семь шагов вперед и три в стороны. Высоко под самым потолком виднелось узкое окошко с прутьями решеток, откуда падал тусклый серый свет раннего утра. Было сухо. В четырех углах лежали кучки высушенной травы, что изрядно удивило. Ни сырости, ни прелости.

— Впрямь, приличное заведение, — произнес я и устроился на соломе. Как же здорово растянуться! День был долгим, а трудная ночь показалась еще длиннее. Кучка приятно пахнувшего сена казалась сейчас мягкой постелью.

В противоположном углу наружной стены лег Джон. Я периодически поглядывал на него, памятуя о последней стычке, да и вообще... Но с момента, как нашли потерявшего сознание Оливера, тот никак не проявлял агрессии в мой адрес. Сейчас Шрам уставился в потолок, задумчиво жуя соломинку.

Очень хотелось спать, однако в голове все время крутились мысли о Фоссе. Беспокойство за бывшего наемника совсем не удивляло, ведь совместное предприятие, когда пан или пропал, часто сближает.

— Что будет с Фоссом? — спросил я. — Церковник говорил о каком-то аббатстве?

— Аббатство Маунт, — ответил Шрам и в сердцах выругался, снова становясь похожим на самого себя. — Проклятый пепел! Аббатство Маунт — что твоя тюрьма!

Арниец вскочил на ноги и принялся мерить камеру шагами, выплевывая ругательства одно за другим. Я терпеливо ждал пояснений, не осаживая вновь взбешенного Шрама. С ним придется делить замкнутое пространство неопределенное время.

— Скоро четыре года, как я ошиваюсь в Загорье, — продолжил Джон, усевшись на свое место. — Порой до уха доносились рассказы, как кого-нибудь из здешних или гостевых находили укушенным упырями либо прочей нечестью. Кто был мертв, того упокаивали.

Где-то в груди появился холодный комок. Я вспомнил обряд упокоения деревенского вампира, его жуткие глаза с почерневшими белками без зрачков, и забрызганного кровью сельского священника. Одно из самых страшных и неприятных воспоминаний за мои четверть века.

Шрам сплюнул и, найдя себе новую сушеную тростинку, заговорил вновь:

— Кто жив, того отвозят в это аббатство. Я не слышал, чтобы из Маунта возвращались. Попасть туда, все одно, что получить тюремный срок до конца своих дней.

— Нужно вытаскивать Оливера. Далеко до аббатства?

— Не знаю. Ждем Роя, — ответил Джон, покачиваясь на корточках и роняя крепкие ругательства про тюрьму, церковь, нечисть, эльфов, упырей и все треклятое Загорье вместе с Сумеречьем и Запустением. Он определенно не находил себе места в бездействии, покуда Оливер пребывал в цепких лапах инквизиции.

Я же буквально проваливался в сон. Ждем Роя, а сейчас спать. Пока он не очутится в камере, что-то предпринимать бессмысленно. Засыпая, вдруг поймал на себе пристальный взгляд Шрама и даже сквозь тягучую дремоту понял, что он смотрит на меня как-то по-новому. Без обычной для себя бычьей злобы.

Хорошо, не рассказал ему, что нападавший проник в комнату из-за меня...

Ржавые петли скрипнули, дверь открылась и впустила внутрь Роя. Вместе с ним прибыло три закупоренных кувшина вина, четверть сырного круга, ржаной хлеб, десяток луковиц и какой-то небольшой тюк, завернутый в серый шерстяной плащ. Мне показалось,

что Акан зашел в камеру, едва я закрыл глаза.

— Это тебе, — произнес Рой, кидая в мою сторону тряпичный ворох. Там был наряд купца средней руки, из наших запасов. Горец догадался захватить мне смену взамен испачканной кровью одежды. Я был крайне благодарен ему и тут же принялся переодеваться.

— Сколько часы показывали? — спросил я, надев поверх свежей рубашки теплый плотный камзол из грубой ткани.

— Почти восемь, — ответил толстяк. На пути во внутренний бастион его должны были вести через площадь «Двух кузнецов», где имелся дом купеческой гильдии графства с уличными часами на фасаде.

Выходит, я проспал едва ли больше одного часа. Я чувствовал себя еще хуже, чем до того, как заснул. Сильно разболелась голова, хотелось лечь и не шевелиться.

— Давайте есть, — Рой слегка пнул сапог сонного Шрама, что тоже прикорнул.

— А капрал обещал кормежку не ранее полудня, — пробормотал арницец.

— Несколько медяков разжалобили его чуткое сердце, — ухмыльнулся Акан, ломая хлеб на куски. Привычное для него легкое настроение малость вернулось.

Я закончил с переодеванием и присоседился к общему завтраку. Чавкали мы громко, по-свински громко, сразу все трое, и это совершенно не раздражало. По меньшей мере, меня: сказалась тюремная обстановка. Поплевались на кислятину, которую тюремщик почему-то назвал вином, но каждый осушил свою емкость до дна. Еда и питье придали сил, боль в затылке как будто бы ушла.

— Теперь к делу, — сказал Рой, вытирая руки об одежду. — Фосса укусила какая-то тварь...

— Никто его не кусал, — я решил сразу рассказать, что на самом деле произошло. Меня слушали, не перебивая, только иногда сопел и раздувал ноздри Шрам. Он снова начал нехорошо коситься в мою сторону.

— Нож? — переспросил Рой.

— Да, именно нож. Возможно со специальным лезвием, чтобы оставить рану, как от укуса клыками. Но уверяю, что дрался на крыше с человеком, — закончил я и добавил. — Либо с кем-то из других рас, но со смертным.

— Это меняет дело, — задумчиво произнес Рой и поскреб пальцем щетину на массивном подбородке. — Признаться, я не знал, как нам поступить и что делать дальше.

Шрам резко вскочил, теперь он бросал косые взгляды уже на Роя. В его прошлом скрывалось нечто такое, что связывало с Оливером гораздо больше, чем найм для опасного похода вглубь Запустения.

— Меняет дело? — Джон навис над толстяком. — Ты решил оставить его у инквизиции? Это все равно, что заживо похоронить в том аббатстве!

Поднявшись, Рой схватил арнийца ворот куртки и крепко припечатал спиной к стене. Шрам вцепился в руки горца, пытаясь оторвать их от себя, но не вышло. Со стороны Рой выглядел толстяком, у которого холодец вместо мышц. Однако силы ему было не занимать.

— Запоминай, что я говорю, и не дергайся, — Рой на мгновение уперся лбом в лоб Джона, а потом неожиданно отпустил его и демонстративно повернулся к нему спиной, дойдя до кучи соломы, куда и уселся. Шрам был в ярости, часто дышал, однако так и не кинулся на горца, что меня крайне удивило. — Мы все думали, что Оливера укусил вампир. Это приговор. В наших краях каждый знает, что укушенный сам станет упырем, как отойдет

в иной мир. Он может умереть сразу, а может позже, но рано или поздно превратиться в нечисть. Поэтому выживших всегда везут в аббатство Маунт, где они и кончают свои дни. Уяснил? Всегда! Это тюрьма, только не такая как все, другая. Туда может попасть и любимая шляха генерал-губернатора, и он сам. Для инквизиции Загорья нет никакого дела, какого полета птица угодила в ее силки.

— И ты хотел оставить Фосса в тюрьме? — снова зарычал Шрам.

— А ты прикажешь идти в Запустенье на кампанию с упырем?

Джон и Рой уставились друг на друга. Арниец опять сопел и сжимал кулаки. Рой превратил свое лицо в каменную маску. Протекло несколько минут, и Джон сдался, он отвернул взор и начал тихо сыпать проклятья.

— Но теперь мы должны вытащить Фосса на волю, чего бы это нам не стоило, — вдруг устало произнес Рой и потянулся к курительной трубке и табаку в небольшом кисете на поясе. Тюремщики не обыскивали его так же, как и нас.

— Надо было рассказать все, как есть, тому инквизитору, — произнес я после возникшей паузы.

— Бесполезно. Ты не знаешь Велдона, — Рой пустил первое дымное кольцо. — О нем давно ходит молва как о фанатике и человеке, для которого звон монет — лишь пустой звук. Его нельзя ни переубедить, ни купить.

— Тогда черт с ним! Как далеко до аббатства? — сейчас это было главное, что должно было нас волновать. В пути гораздо легче отбить Фосса у инквизиторов, чем за стенами монастыря. Это понимали и остальные.

— День пути, — горец задумался над моим вопросом. — Нынче поздняя осень, в эту пору темнеет рано. Значит, Оливера повезут из города, едва рассветёт.

— Нужно выбираться отсюда немедленно! — Шрам в сердцах вмазал ногой по пустому кувшину, который разлетелся вдребезги, разбившись о стену.

Я подошел к двери и вынул из рукава булавку, пробуя ей замок. Все-таки зря стражники не удосужились нас обыскать. Механизм запора не представлял никакой сложности и без воровской магии.

— Дверь считайте открытой, вскрою замок за одно мгновение, — произнес я.

— Слышишь, Рой, — сказал Шрам, — пора делать ноги.

Акан приблизился ко мне и зачем-то дернул деревянную ручку пока еще закрытой двери.

— Бежать, — пробормотал он и, повысив голос, продолжил, — выйдем в коридор, потом повяжем стражу, что дрыхнет на втором этаже. А как проберемся через бастион? Там днем уйма народу шныряет.

— Ночью? — предположил я.

— Ночью опасно, — ответил Рой, — но мы сможем незаметно проскочить наружу, а на безлюдных улицах нас никто не найдет. Ворота бастиона будут заперты, и охрана там куда строже тюремной, поэтому найдем где-нибудь веревки и тихо спустимся по крепостной стене вниз.

— Нет, — возразил Джон, — так не пойдет. К ночи Фосс окажется уже в Маунте.

Горец махнул рукой и опустил на одну из соломенных куч. Его ночь прошла без сна.

— Что предлагаешь? — Рой посмотрел на арнийца.

Тот медлил с ответом.

— Надо идти сейчас, проклятый пепел, — заговорил, наконец, Шрам. Он толкал на

самоубийственную затею, только бросать Фосса тоже было нельзя.

— Пускай Гард вскрывает замок, — продолжил Джон, — стражи здесь мало и та, как сонные мухи. Если повезет, переоденемся в камзолы стражи и незаметно выйдем в город.

— Где нас потом и схватят! — воскликнул горец. — Надо идти ночью. Выберемся из города и потом будем думать, как Фосса вытаскивать!

— Знаешь, Рой, — заговорил арниец, едва сдерживая себя, — прямо здесь хочется хорошенько дать тебе по роже. Ты же знаешь кучу крысиных ходов из Бранда. Да и я здесь не первый год.

Не произнося ни слова, Рой начал подыматься. Что-то будет, надо вмешиваться! Однако встать между ними я не успел.

Оглушительный грохот потряс камеру. Показалось, что задрожали, пошли ходуном каменные стены и тюремный пол. Взрыв! Потом последовали еще два таких же мощных раската, и в решетчатое окно влетела волна пыли.

— Что это? — прохрипел Шрам справа от меня. Я лежал на спине, ошарен от произошедшего. Взрывная волна не могла пройти сквозь толстые стены каменного здания, но нас раскидало по углам камеры.

— Думаю... — стоя на карачках, Рой сплевывал пыль. — Думаю, на воздух взлетел арсенал гарнизона.

В ушах звенело. Клубы пыли заполнили все пространство вокруг, не давая вздохнуть полной грудью, но это был именно то, что нужно.

— Это наш шанс! — выкрикнул я.

Мне вторили еще пять взрывов.

Глава 10. За город

После череды взрывов бастион погрузился в тишину. Мы замерли, вслушиваясь в происходящее за тюремным окном. Несколько мгновений не доносилось ни звука, а потом появились первые возбужденные голоса, которые быстро переросли в гул растревоженного человеческого муравейника. Кто-то постоянно требовал воды, перемежая свой ор отборными ругательствами.

— А ну-ка, — Рой встал на колени рядом с окном.

Шрам живо скинул сапоги и взобрался на спину горцу. Кряхтя и отдуваясь, моментально раскрасневшийся Акан тяжело выпрямился.

— Что там? — спросил он.

— Дым. Похоже, пожар. У колодца рвет глотку офицер из драгун, остальные таскают воду.

— Что еще?

Вместо ответа арниец спрыгнул вниз.

— Больше ничего, — сказал Шрам. — Видно из окна препаршиво.

Рой сделал глубокий вдох, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Семь футов Джонова роста весили изрядно.

— Давай, вор, действуй, — обратился ко мне толстяк.

Я легко вскрыл замок и осторожно приоткрыл дверь.

— Пусто.

Не сказать, что сердце бешено колотилось, но внутреннее напряжение определенно присутствовало. Трое безоружных шли на пятерых стражников, чей сон явно улетучится после случившегося грохота.

Сняли по паре факелов со стены и загушили огонь об пол, чтобы их свет не выдал, пока будем красться по тюрьме. С этими деревяшками в руках тихо двинулись дальше. Лучше, чем ничего. Открыть остальные камеры, чтобы толпа арестантов смела стражу, мы не пытались. Скорей всего там такие же случайные заключенные, как трое купцов из постоянного двора «У кота». Не сговариваясь, решили, что толку с них мало будет. Да и как-то тихо за дубовыми дверьми; возможно, и нет никого.

Первым крался арниец. Достигнув коридорного изгиба, Джон заглянул за угол.

— И там пусто, — произнес он.

В помещении с кушетками и столом, где равнодушный ко всему капрал записывал наши имена, в самом деле, ни души. У лестницы, ведущей вниз, обнаружили две прислоненные к стене алебарды с удлиненным острием и четырьмя гранями. Шрам и Рой вооружились теперь по-настоящему, и мы начали спускаться, стараясь ступать как можно более тихо.

— На первом этаже кто-то есть, — прошептал я за их спинами. Магический слух уловил чужой разговор. — Слов пока не разобрать.

У наружной двери во двор бастиона переговаривались двое. Вислоусый капрал-тюремщик и один из стражников без чина. Подофицер уперся плечом в тяжелую створку полуоткрытой двери. Оба тюремщика наблюдали за суматохой во внутренней крепости Бранда.

Рой и Джон переглянулись и направили алебарды острием вперед. Когда их заметили,

до тюремщиков осталось несколько шагов. Остолбенев от неожиданности, стражники потеряли драгоценные мгновения, которые могли бы спасти им жизнь. Растерявшись, они не сообразили выскочить из здания тюрьмы. Капрал только успел рыкнуть об ублюдках и неуклюже попытался обнажить шпагу, как граненое острие ударило в грудь, протыкая насквозь. С перекошенной физиономией арниец наблюдал, как капрал оседает на каменный пол, ухватившись двумя руками о древко алебарды.

Горец прикончил второго тюремщика, воткнув наконечник оружия под горло, отчего смерть наступила мгновенно. Стальное жало выскочило через затылок. Смертельный укус Осиной дружины! Той самой, что вывели из Бранда накануне нашего прибытия в город. Такой удар считался излюбленным приемом пехоты под черно-желтым полосатым знаменем.

Я с легким изумлением смотрел то на Роя, то на тело у его ног. Образ благодушного толстяка, к которому привык за последнее время, плохо соотносился с пехотинцем. Тем более что он родом с Загорья, а не с Кантонов. Иноземцы редко принимаются в ряды наемников из Зеленых Кантов. Хотя совсем не обязательно, что он воевал именно в Осиной дружине, возможно в другом отряде, но, несомненно, что Акану довелось сражаться в строю кантонцев. Наемники-пикинеры часто метят в горло, которое обычно не защищено даже у противника в доспехах, а в армиях остального Орнора, напротив, не практикуют обучение копейщиков излишествам на поле боя. Горец понял мой невысказанный вопрос, однако до пояснений не снизошел. Лишь отрезал:

— Не до разговоров.

Капрал все еще мучился. Он окончательно сполз на пол, изо рта текла темно-бурая струйка, взгляд уставился в пустоту. Окровавленные руки хватались за древко алебарды, оставляя на нем кровавые борозды. Мне всегда претила бессмысленная смерть, я убивал, лишь защищаясь, и не раз доводилось отказываться от настоящего золотого дождя, когда появлялись особые предложения о работе. Много крови лилось и на корабле под Веселым Роджером, только флибустьерские дни вспоминаются скорей как война, чем морской разбой. Но там тоже не было убийств ради убийства.

— Надо было просто запереть их где-нибудь, — с упреком произнес я.

— Надо было. У тебя есть ключи и время на возню? — зло ответил Рой и набросился на арнийца. — Да прибей ты его!

Шрам вырвал из слабеющих рук капрала алебарду и как-то по-мяснички вогнал ее в смертельно раненного. Тюремщик дернулся и затих. Я смотрел на чертыхающегося Джона. Уголовник и бывший головорез-пират. Откуда же у него собачья преданностью к Фоссу?

Из темного проема у распахнутой решетчатой двери слева от лестницы послышались приглушенные голоса. Первым у входа в левое крыло тюрьмы оказался Рой. Грязное слово, слетевшее с его уст, не сулило нам ничего хорошего. В паре десятков шагов, на противоположном конце коридора открылась деревянная дверь, и в нашу сторону небольшой толпой направились новые стражники. Нас заметили, но пока для тюремщиков мы не представляли никакого интереса. Побег арестантов и расправа над двумя их товарищами обошлись без свидетелей.

Спустя несколько мгновений они дойдут сюда и увидят убитых. Нужно что-то предпринять и срочно! Бежать, забаррикадироваться или принять бой: на троих у нас две алебарды и пара коротких оголенных шпаг заколотых стражников. Я лихорадочно оглянулся по сторонам. Каждая из пришедших в голову мыслей казалась хуже предыдущей. Наш шанс

был только в побеге, но на пятки сразу насыдут озверевшие солдаты, вопящие на весь двор бастиона. Там и скрутят.

Рой с грохотом захлопнул решетчатую дверь. Не ожидавшие такого тюремщики застыли в дюжине шагов от нас.

— Что за... — бас одного из них потонул хохоте десяти мордovorотов. Стражники еще не поняли, что происходит.

— Алебарду! — заорал горец и, не дожидаясь ответа, выдернул оружие у Джона. Решетка двери запиралась навесным замком. Два кольца-проушины, каждое величиной с кулак, сквозь которые должна продеваться дужка замка, были пусты. Рой просунул оружейное древко в кольца и вжался спиной в стену на расстоянии двух вытянутых рук от коридора. Так, чтобы не удалось достать с той стороны. Стальной наконечник упирался в металлическое кольцо на двери острием секиры вверх, отчего за него уже не ухватиться. Акан мертвой хваткой вцепился в древко, удерживая его в горизонтальном положении.

Посыпалась ругань и угрозы. Кто-то дергал за прутья решетки. Вырвать алебарду из рук толстяка не удавалось. Мы их задержали, только надолго ли? Я посмотрел на пустой дверной проем, ведущий в правое крыло тюрьмы. Если у него сообщение с левой половиной здания? Да и, в конце концов, стражники попросту могут выскочить наружу через те окна, что без железных прутьев, и зайти сюда сквозь центральный вход в тюрьму. Захотелось взвыть от досады! Рядом с затворившимися створками двойной двери у стены был прислонен брус засова. Мы оставили двери не запертыми! Я ринулся туда, чтобы закрыть дверь, но резкий окрик Шрама заставил обернуться. Арниец кричал Рою.

— Дай сюда, — Шрам выхватил древко алебарды и плечом отодвинул горца с его места. Джон со странным выражением лица посмотрел на нас и отрывисто произнес. — Теперь... Бегите!

— Что? — вырвалось у меня. Он жертвует собой ради нашего шанса на побег? Громила и разбойник, словно из баек у кружки эля. Да только я не повторил бы его поступок.

— Бегите, — оскалился Джон. — Либо сдохнем все трое, либо один из нас.

Толстяк не стал медлить и, хлопнув меня по спине, толкнул к выходу. Мы торопливо зашагали прочь. В голове образовалась какая-то каша, хотелось что-то сказать Шраму, но кроме ругани ничто не шло на язык. Я бросил взгляд на арнийца: в нашу сторону он не смотрел.

— Стой, — Акан задержал меня у самого выхода.

Мы перекинули через плечо перевязь шпаг и засунули клинки в ножны. Без обнаженного оружия меньше походишь на беглых арестантов. Более не оглаживаясь, я и Рой вышли из тюрьмы.

Снаружи царил хаос. С ведрами в руках бегали солдаты и слуги, а у колодца по-прежнему разрывал глотку офицер в красном драгунском мундире. Других офицеров рядом не наблюдалось. Взгляд сам собой упирался в столб черного дыма, что поднимался впереди за казармами. На наше счастье поднятый людьми гомон не позволял услышать крики тюремщиков изнутри арестантского дома.

— Все-таки арсенал. Нужно спешить, — сказал Рой.

В нашем распоряжении имелось совсем немного времени, чтобы покинуть бастион. Надо обойти пожар и покинуть укрепление через высокую четырехугольную башню с воротами. Путь шел мимо режущего пламени, что, конечно же, на руку — не будет ненужных расспросов. Я сглазил.

— Вы! Оба! — гаркнул офицер, когда мы поравнялись с колодцем, и в нескольких емких выражениях описал нашу биографию. — Почему без ведер?

У ног драгуна стояли три пустые деревянные бадьи. Он был очень высок, даже поболее Джона, и не менее широкоплеч. Офицер казался мне смутно знакомым.

— Чего вылупились! — драгун снова накинулся на нас, перечисляя всех родственников до седьмого колена.

— Так даже лучше, — Рой взял одно ведро и протянул мне второе. Вокруг суетились, кричали и бегали десятки людей с ведрами. Мы растворились в общей суматохе. Я с трудом сохранял спокойствие у очереди у колодца, куда велел стать офицер, чтобы наполнить бадьи. Все ждал, что из двухстворчатых дверей двухэтажного здания с решетками на окнах выскочат разъяренные тюремщики. Однако Шрам все еще удерживал их внутри.

Перед нами у колодца были двое. Солдат и кузнечный подмастерье. Они набрали воду очень быстро, но время в бездействии с погоней за плечами текло мучительно долго. Рядом сопел и переминался с ноги на ногу Рой.

— Ничего, — сказал он, когда рядом никого не оказалось, — будем удирать с ведрами. Пожар за казармами, свернем за угол, а там и выход в город.

Вертя ручку колодезного ворота, я стрелял глазами то на тюрьму, то на офицера. Где встречал его раньше?

— Ну, давай, — бросил горец и устремился к гарнизонным казармам, за которыми поднимался стол черного дыма. Я торопливо двинул за ним. Хотелось бежать, только не получилось. Мы рисковали расплескать свои бадьи, а это точно привлекло бы внимание. Шли торопливый шагом, как и остальной народ с ведрами.

Толстяк скрылся за углом стены, а я в последний раз окинул взглядом тюрьму. Шрам по-прежнему не выпускал стражников. Повсюду носились десятки людей. Я облегченно выдохнул, потому что мы окончательно затерялись в толпе, над которой размахивал руками офицер в красном драгунском камзоле. Я вспомнил, где видел его. На постоялом дворе "Гусь и окорок", куда Оливер вывез меня с реVENTольской площади Правосудия. Только тогда на нем был синий гвардейский мундир. Ну да черти с ним!

Пожар занял уже большую площадь развороченных зданий с огрызками стен. Огонь охватил четыре строения и грозил перекинуться на соседние. Отдельные языки пламени достигали высотой три, а то и четыре человеческих роста. Поблизости нестерпимо несло жаром. Мы подошли ближе, насколько могли и выплеснули воду. Результат как от комариного укуса.

— Считай, порохового припаса в Бранде больше нет, — прикрываясь рукой от дыхания пожара, обронил Рой.

— Надо уходить, — я был немногословен. Трудно было сдержаться и не оглядываться. Я и не пытался не смотреть назад и постоянно ждал окрика стражи.

Горец повел к Южной башне бастиона, через которую нас конвоировали в тюрьму этой ночью. Створки ворот были открыты нараспашку. У выхода в город встречались два потока людей. Изо рва с водой под крепостной стеной к пожару тащили воду и потом снова возвращались. Мы беспрепятственно прошли под башней, тем более что и в наших руках имелись пустые деревянные бадьи, и очутились на городских улицах.

Взрыв на арсенале и пожар оказались настоящими подарками судьбы, нам неслыханно везло. Кабы только не Джон... Внутри появилось ощущение предательства. Я понимал, что Шрам сознательно пошел на жертву ради побега. Но мы несем потери, еще не вступив в

Запустение.

Повсюду только и слышались разговоры о пожаре на бастионе. Черный дым поднимался высоко в небо и, был виден из каждой конуры в Бранде. Лавочники, охотники, мастеровые, купцы говорили лишь об одном. На арсенале жажнуло. В казармах! Нет, то дворец самого генерал-губернатора пылает!

Мы спешили в таверну «У кота», что не очень разумно, но иного варианта нет.

— Там деньги, оружие и лошади! — сказал Рой.

Если не считать двух пшаг, мы практически с голыми руками. Последние монеты Рой потратил на подкуп тюремной стражи, когда устраивал нам завтрак. Да и инквизиторов без лошадей не нагоним.

Скоро мы достигли Нижнего Бранда и гостиницы «У кота». Сказать, что мастер Дольфин смотрел на нас с удивлением, когда появились в его заведении — не сказать ничего. Пока мы приближались к стойке, за которой стоял трактирщик, чтобы взять ключи от номера, владелец таверны менялся в лице. На нем явственно читалось, что мастер Дольфин не желает неприятностей. Протянув Рою и мне ключи, трактирщик попытался скрыться на кухне.

— Добрейший, — возглас толстяка остановил его на полпути. Когда Дольфин обернулся, натягивая на лицо приветливую улыбку, Акан беззаботно попросил, — вели подать нам мяса и пива через час, а после скажи седлать наших лошадей.

Кивнув, трактирщик удалился. Рой тихо проговорил мне:

— У нас считанные минуты. Сдается, Дольфин отправит весточку страже или даже отцу Томасу. Так, на всякий случай. Поэтому пускай думает, что мы застрянем здесь часа на два.

Я согласился с ним, взволнованность трактирщика сразу бросилась в глаза. Мы наполовину пересекли общий зал, полупустой в утренний час, как в таверну вошли еще двое. Гном Барамуд и немой эльф Крик направились к нам.

— В бастионе пожар, — сказал гном после короткого приветствия, — все городские ворота заперты.

Барамуд говорил так, словно знал о побеге из тюрьмы, у контрабандистов и прочих лихих людей нюх на такие вещи. Эльф скучающе осматривал немногочисленных утренних посетителей, делая вид, что ему все безразлично. Хотя, кто их, эльфов, разберет. Горец жестом пригласил сесть за ближайший столик.

— Знаешь, как выбраться из города? — спросил он.

Гном кивнул, но прежде чем он или Рой заговорили дальше, я встрял в разговор:

— Мы здесь еще два часа. Потом отправляемся верхами. Вы в седле?

Гном и эльф снова утвердительно кивнули.

— Буду в номере, — произнес я. Горец выглядел несколько недоуменным, но продолжать беседу тоже не стал.

— Ждите здесь, — сказал он Барамуду и, как и я, последовал наверх.

В номере прибрали. Кровать Оливера заправили чистым бельем, следы крови на полу замыли. Ничто не напоминало о недавних событиях. Вещей бывшего наемника тоже нигде не видать. На моей постели лежало оружие, которое осталось после ночной вылазки. Я спешно прицепил к поясному ремню ножны, с удовольствием вогнав в них любимый бракемарт. Засунул за пояс кинжал, пистоль и спрятал под штаниной засапожный нож. Метательные ножи и второй пистоль, к сожалению, пропали в стычке с загадочным противником. Рядом в сундуке кучкой лежали другие мои немногочисленные пожитки. Их

придется оставить, чтобы не вызвать внизу лишней подозрительности. Разве что, не помешает шляпа с большими круглыми полями, чуть опущенными вниз, и теплый шерстяной плащ. В карманы камзола перекочевало еще немного монет, пороховница и мешочек с пулями. Шпага тюремщика полетела на дно сундука.

В комнату без стука вошел Рой.

— Не доверишь им? — без обиняков спросил он. Горская куртка, какая в Арнийском Сумеречье у каждого второго, была перетянута солдатской портупеей с парой кинжалов и тяжелым укороченным клинком с широким лезвием в потертых ножнах. За спиной торчала рукоять пистоля.

— Нет, — признался я. Трудно объяснить почему, но эльф и гном вызывали у меня кричащее чувство тревоги. К счастью, толстяк не принялся докапываться о причинах недоверия. Дорого каждое мгновение.

— Потом об этом поговорим. Сейчас уходим, — сказал Рой. — Лошадей придется бросить. Берем только оружие и деньги.

— Сможешь вывести за стены?

Для меня не составляло никакого труда уйти из города. Ночью я бы легко пересек укрепления. Но время таяло с каждым вздохом, к вечеру Фосс окажется уже в аббатстве. Горец пробормотал что-то невнятное, что, очевидно, должно было означать положительный ответ.

Я опасался, что Барамуд или Крик окажутся на втором этаже у наших дверей. К счастью, в коридоре было пусто. Рой направился к узкой лестнице, которая вела на кухню, минуя общий зал таверны. Она использовалась в основном горничными. Удача продолжила сопутствовать нам. Хозяина гостинцы на кухне не обнаружилось. Прислуга, конечно, очень удивилась, когда мы появились среди сковород и тарелок, но расспросов не последовало.

Мы выбрались наружу через черный выход, что вывел на узкую извилистую улицу. Не теряя даром драгоценные минуты, Рой направился в сторону крепостных стен. Мы условились, что Рой пойдет первым, а я за ним, поглубже натянув поля шляпы.

Если уже ищут беглецов из тюрьмы, то двоих, поэтому шли отдельно. Город жил обычной жизнью: торговался, ругался, сплетничал под слухи о пожаре на бастионе. На выходе из петляющей улочки навстречу протопало четыре стражника. Четыре алебардиста не представляли особой угрозы, да днем в столице Загорья городская стража — явление редкое, и направлялись они в сторону таверны «У кота».

Мысли постоянно возвращались к Джону. Нельзя оставлять его в когтях тюремщиков, и воровской бог не терпит малодушия. Я пытался убедить себя, что обязательно вызволим Шрама и тут же понимал, что обещания самому себе пусты. Арница скорей всего прикончат, прежде чем сможем вернуться в Бранд после освобождения Фосса.

Молчание давило, и я заговорил о Шраме, когда остановились на перекрестке у телеги с конским навозом, дабы обмолвить в двух слова дальнейшее. В ответ Акан не на шутку разъярился и попросил заткнуться.

Наш постоянный двор размещался в Нижнем Бранде, части города, состоявшей в большинстве своем из постоянных дворов для купеческой братии. До крепостных стен рукой подать. Слова гнома, что Бранд наглухо заперт, не подтвердились. Из города можно уйти, по меньшей мере, здесь.

У Белой башни, из которой шла дорога на юго-восток, образовалась огромная очередь. Крестьяне, повозки, всадники. Поток желающих покинуть город медленно продвигался

вперед после тщательного и потому неспешного обыска усиленным нарядом стражи.

Я поравнялся с Роем, всматривавшимся у хвоста людской вереницы куда-то вперед.

— Жди тут, — произнес толстяк и направился к квадратному деревянному зданию, пристроенному к Белой башне. Рой уверенно зашел внутрь. Скоро он показался вновь, махнув мне рукой.

Когда я приблизился к Акану, из пристройки вывалился пяток стражи во главе с капралом. Подофицер с рябым от когда-то пережитой оспы лицом сразу высыпал серию ругательств о треклятом утре, а потом без предисловий обрушился на нас. Солдаты чуть ли не вшаей начали толкать меня и Роя к городским воротам. Рой подмигнул, и я безропотно принял участие в спектакле изгнания из Брандна двух негодяев, от коих господину капралу давно житья нет.

— В следующий раз вперед ногами вынесут, — бросил напоследок старший стражник и довольно хрюкнул. Продался Рою с потрохами, боров. Зато мы, наконец, покинули ставший смертельно опасным Бранд!

В Посаде Рой повел на Конюшенную улицу. Нам были нужны лошади. Почти не торгуясь, горец купил двух скакунов. Хозяин конюшни, худой долговязый тип с козлиной бородкой, великодушно велел взнудать их и не брать серебра за сбрую.

— И на том спасибо, — сказал Рой, когда мы вскочили в седло. — Денег у меня больше нет.

У деревянного частокола, что окружал Посад и являлся первой линией укреплений, никакого столпотворения не оказалось. Пикенеры расслабленно стояли по обе стороны от ворот и не интересовались ничем, кроме привычной и скромной mzды от путников, прибывших в город. На нас даже не взглянули.

Мы выехали на торговый тракт. Скакали по нему недолго, довольно скоро свернув на гораздо менее широкую и полупустую дорогу.

— Путь проклятых, — назвал её Рой.

Глава 11. Путь проклятых

Матерь Церковь учит о Спасении души. Старик заставлял меня ходить на службу в кафедральный собор Лерпо почти каждое воскресенье. Я пробовал возражать, ведь в юном возрасте множество гораздо более интересных вещей, чем пребывание в храме. Спрашивал, зачем ночной крысе воцерковленность, о которой в соборе постоянно твердили святые отцы, и как совместить веру в Бога Отца и Бога Сына с почитанием Харуза? Лукаво улыбаясь, Старик пояснял, что без Харуза не будет его магии, и тут же задавал вопрос, как обстояло со Спасением души в древние времена, когда люди и не слыхивали о Святой Церкви? Я пытался ответить, но все, что приходило в голову, на поверку оказывалось очень неубедительным. Тогда Старик советовал воспринимать службы как часть образования, где вместо зубрежки книг — песнопения священников.

Истинным сыном Матери Церкви я так и не стал. Нет, я не отрекался от Бога Отца или Бога Сына, не проклинал Священное Писание, но моя жизнь обходилась почти без молитв. Я редко вспоминал двуединство Святого Духа, гораздо чаще — Харуза, а церковники называют его не иначе как демоном из Преисподней. Церковь говорит, что упоминание дьявольских имен в мыслях или вслух равно общению с чертом. Души подобных людей прокляты, как проклята падшая душа Люцифера и присных его демонов, вурдалаков, оборотней и всей нечистой силы. Но до встречи с отцом Томасом Велдоном инквизиторы мной не интересовались, а я мало кого посвящал в тайны воровской магии и уж совсем не произносил имени Харуза, окажись кто-нибудь поблизости.

Наложила ли на меня тень смертного греха воровская магия полузабытого бога из прошлых веков? Проклята ли моя душа? А душа жертвы вампира или верного долгу и присяге ратника, чей меч унес жизни десятков врагов? Я не мог ответить на эти вопросы и вряд ли когда-нибудь отыщу способ найти истину. Да и буду ли искать эту истину? Обычно жизнь не оставляет время на блуждание в высоких материях и толкает к приземленным решениям, когда нужно быстро действовать и не ломать голову над устоявшимся порядком вещей.

В Загорье каждый знает, что укушенный вампиром или раненный когтями и клыками иной нежити обречен превратиться в упыря. Либо найти упокоение и обрести Спасение своей проклятой души в лоне Церкви, и лучше всего спасают души инквизиторы из аббатства Маунт.

Если судить по набожности горцев, позиции конгрегации Вселенской инквизиции в Сумеречье куда сильнее, чем в остальных частях Большого Орнора, не говоря о колониях. Инквизиторов боялись и ненавидели. Скорее по старой памяти, ведь уже сотню лет их окружает лишь кровавая слава былого, а дела нынешние почти незаметны. Однако глупо отрицать людскую неприязнь к красным крестам, но только не к северу от Долгого хребта. За горами инквизиторов не воспринимают неизбежным злом и у них, действительно, ищут Спасения души своих несчастных родственников или товарищей. Даже Акан решительно отказывался предпринимать что-либо для вызволения Фосса, пока думал, что бывший наемник стал жертвой вампира.

Проклятые души доставлялись в аббатство Маунт, располагавшемся в одном дневном переходе на юго-восток от Бранда. Человек с проклятьем на душе никогда не возвращался из

аббатства. Толстяк рассказывал, что ни родственникам, ни друзьям ни за какие деньги не позволялось видаться с угодившим в Маунт.

Многие идут туда добровольно. Для меня это абсолютно непостижимо. Трудно, невозможно представить, что по собственной воле отправлюсь в тюрьму до конца своих дней, а Рой говорил об этом совершенно спокойно. В словах толстяка даже появилась толика благодарности, когда он упомянул, что инквизиторы иногда зовут родню на похороны упокоившегося в стенах их аббатства. Горцы не понаслышке знали, что такое нежить, и проявляли полную покорность Церкви.

Я изредка косился на Роя, пытаясь заглянуть в его душу. Поднимет ли он руку на церковников, когда дело дойдет до освобождения Оливера? Толстяк ничем не проявлял малодушия, и я практически уверился в нем. Тем более что после долгой скачки в седле мне стало не до размышлений об Акане.

Рой купил двух жеребцов. Высокие крепкие кони спокойно выдержали трехчасовой бег рысью, чего не скажешь обо мне. Я спрыгнул на землю, едва пустили лошадей шагом, чтобы не загнать их в мыло, и теперь с большим удовольствием двигался пешком. Рой предпочел остаться в седле.

— Собрался на своих двоих всю дорогу оттопать? — ехидно кривляясь, поинтересовался толстяк. Выглядел он свежо и бодро; не скажешь, что скачка доставляла ему видимые неудобства. — Гляди, через час снова пустимся рысью. Кони как раз отдохнут.

Я проронил ругательство, что вызвало у Роя новый приступ веселья.

— Когда мы их нагоним? — спросил я, перебивая смех горца. После столь долгой тряски в седле рожа у меня должна быть прекислая. Погоня — отнюдь не размеренный ход купеческого каравана. Спина и зад ужасно ныли, словно это я тащил на плечах коня, а не наоборот. — И много ли вооруженных головорезов сопровождает инквизиторов?

Рой посерьезнел:

— Какая будет охрана, не знаю. По времени расклад такой...

Рой замолчал и задумался, едва шевеля губами. Горец считал в уме.

— Ноябрь, считай, кончился. В пять часов пополудни стемнеет. К этому времени они должны прибыть в Маунт, — произнес он. — Мы же покинули Бранд часов в десять. Через два или три часа нагоним.

— У нас почти не будет времени, чтобы укрыться где-нибудь до темноты.

— Продолжим ехать ночью, — Акан помрачнел.

Порыв осеннего ветра нагнал холода. Я поежился и плотней закутался в шерстяной плащ. Свинцовые тучи тяжело нависали над головой. В воздухе дышалось уже по-зимнему; чувствовалось, что скоро пойдет снег, но лишь бы не сегодня. Без мороза дорога быстро превратится в грязевую кашу, мы увязнем и не сможем догнать инквизиторов. Хотя и без распутицы дела обстояли не лучшим образом. Мы встретим эту ночь под открытым небом, что в Загорье является смертельно опасной прогулкой.

Возможно, Рой был прав, когда говорил, что надо сперва все обдумать, а потом уже вытаскивать Фосса из-за стен аббатства, но не бросаться в погоню. День, два или даже месяц ничего не решат. Я хотел было сказать ему об этом, да оставил соображения при себе. Пустое. Нет смысла возвращаться назад. За спиной поднятый на уши Бранд, там ищут двух беглецов. Потеряли Шрама и, как виделось теперь, опрометчиво кинулись в погоню. Мне казалось, что Рой думает в эти минуты о том же. Толстяк шептал сквернословия и хмуро смотрел на деревья.

Я невесело оглянулся на чашу по обе стороны от дороги. Лес из сосен и елей вперемешку с голыми березами и осинами вплотную подступал к узкой проселочной дороге в две колеи. Безветренная тишина. Я поймал себя на ощущении, что как будто придавлен безысходностью.

Единственную дорогу, которая вела к аббатству, Акан назвал Путем проклятых. Она была практически безлюдной и полной противоположностью торговым трактам Загорья, вокруг которых чашу вырубали на десятки шагов. Там кипела жизнь, здесь мы одни. Изредка наш маршрут пересекался такими же узкими дорогами, иногда лесными тропами, и ниодного людского дома окрест.

— Куда отправимся, когда отобьем Фоса? — спросил я.

— К Манроку, как и уговаривались. Стоянка его рода к северо-востоку от здешних краев, на границе с Запустением. В семи днях пути от Бранда, если телегой ехать. Там рядом имеется местечко Дорнок. То ли большая деревня, то ли городок. Впрочем, не важно, — бросив взгляд на небо, Рой принялся набивать табаком трубку с коротким, толстым, под стать себе, мундштуком. — Просто запомни это название. В Дорноке в любой таверне узнаешь, как добраться до Морока.

— Неделя пути, — пробормотал я, — и еще эту ночь пережить.

Перспектива провести ночь на лесной дороге беспокоила меня гораздо больше, чем нападение на инквизиторскую стражу. Краем глаза уловил движение слева от себя, то Рой непроизвольно проверил, как скользит в ножнах короткий горский меч.

— Крышу до глубокой ночи найдем. Места здесь не столь безлюдны, как кажутся, — произнес Рой.

— Надеешься или знаешь?

— Знаю, — с уверенностью сказал толстяк, выпуская первое колечко дыма. — Как у всякого монастыря, вблизи аббатства Маунт множество сел и хуторов. Отыщем, где укрыться или даже переждать погоню. Слово старого контрабандиста!

Толстяк подмигнул и вдруг замурлыкал похабную песенку. Поди, не врет! Я немного успокоился. Темнота, которая к вечеру накроет округу, являлась самым слабым звеном в нашем, с позволения сказать, плане. Однако, выясняется, что не столь уж плохи наши дела.

Я едва удержался от предложения снова пустить коней вскачь. Нужно скорей нагнать Фосса!

— Они! — негромко воскликнул Рой и одернул поводья жеребца, вмиг переводя его на медленную рысь.

Я остановил бег лошади не столько ловко. Мой конь недовольно захрапел и, тряхнув мордой, зло покосился на седока.

Мы проскакали примерно два часа, как снова пустили коней рысью. На последнем участке пути дорога немного расширилась, больше не петляла веревкой и часто шла прямыми отрезками. Справа и слева от колеи даже появилась вырубка. Только по-прежнему не видать ни случайных путников, ни каких-либо селений.

Горец сквернословил, не переставая. Аббатство совсем рядом! Но мы, наконец, увидели нашу цель! Впереди на расстоянии сотни шагов неспешно двигалась крытая повозка с парой лошадей в упряжи, а за ней ехали два всадника, вооруженные мечами и луками. Типичные горские куртки и шаровары выдавали в них купеческую стражу. Однако это был не торговец. На серой ткани тента красной краской был нарисован большой крест.

— Пистолы заряжены? — зачем-то хрипло переспросил Рой. Его голос был напряжен.

Я кивнул. Мы уговорились, что пистолы будут у меня. Догоняем повозку, я наставляю оружие на конвоиров и скручиваем охранников их же ремнями вместе с монахами, что должны находиться в телеге. Завязываем глаза тряпками и, освободив таким образом Фоссато, укатываем подальше от аббатства. Потом, по уверению Роя, он найдет людей, которые переправят пленников к стенам Маунта. Когда уляжется волна поисков пропавших инквизиторов.

Рой настаивал, что кровь проливать не будем. Он явно обрадовался, когда обнаружили, что конвоиров всего двое. Я в спор не вдавался, однако принятое решение не выглядело разумным. Но без крови, значит без крови. Я вор, а не убийца. Лишь убедился в верности утренних подозрений — Акан не желал поднимать руку на церковников.

Только как бы повязали охрану, окажись в ней десяток человек? Вопрос повиснуть в воздухе не успел, потому что мы пришпорили лошадей. Толстяк двигался в нескольких шагах позади меня, чтобы ненароком не навести стражников на ненужные мысли. А они вели себя совершенно беззаботно, увлеченно обсуждали что-то, не смотрели по сторонам; и не обернулись даже, хотя не могли не услышать за спиной топот подков.

Я вплотную приблизился к охранникам, до них оставалось не более шести-семи футов. Ехавший по правую руку оглянулся, осмотрел меня без какого-либо интереса и вернулся к болтовне со своим напарником. Телега мирно и размеренно скрипела колесами. Я бросил взгляд на толстяка. Рой кивнул мне и наполовину вытащил из ножен клинок. Глубоко выдохнув, я отпустил поводья, выхватил из-за пояса оба пистоля и нацелил их в спины конвоиров.

В следующее мгновение длинная стрела вонзилась в шею охраннику, который только что равнодушно оглядывался. Из пробитой артерии ударил алый фонтан, убитый упал на загривок своего коня. Я вдруг понял, что миг назад уловил летящий свист и вибрацию воздуха у щеки. Стрела пронзила воздух в каких-то дюймах от моей головы.

Я выстрелил во второго конвоира. Стремительно понесшиеся события толкнули нажать на спусковой крючок пистоля помимо моей воли. Второй охранник кулем свалился на землю. Одна нога запуталась в стремянах, и испуганная лошадь понеслась вперед по дороге, волоча за собой мертвое тело. Конь первого убитого с хозяином на спине также поскакал в направлении аббатства.

— Возницу! — раздался крик Роя.

Шпоры чересчур сильно ударили в бока и пустили жеребца в галоп. Я судорожно вцепился одной рукой в поводья, отбросив в сторону разряженное оружие. Уже через несколько шагов осадил коня и едва сам не вылетел через его голову. Но остановить жеребца удалось.

Повозка тоже замерла. На меня уставились двое. Перепуганный, бледный инквизитор, совсем юный, и монастырский служка с длинным прутковым хлыстом в руках. Из-под шапки крестьянина в беспорядке выбивались длинные седые волосы, но мужик был все еще крепок и широк в плечах. Он недобро и почти без боязни смотрел на меня. Я направил пистоль в их сторону и для наглядности качнул дулом сначала на служку, потом на монаха. Бросать им угрозы или приказы я не стал. Пытаясь совладать с конем, сбил дыхание и теперь мог выдавить из себя лишь сиплый выдох.

Не сводя взгляда с возницы и инквизитора, я отчаянно пытался успокоить возбужденного рысака, который перетаптывался на месте и все норовил крутануться. После

попадания стрелы в первого конвоира и моего выстрела минуло не более десяти ударов сердца. Дьявол! Откуда взялся неизвестный лучник? И он где-то рядом!

По дороге со стороны Бранда неспешно ступала пара лошадей с крайне приметными всадниками. Барамуд и его раб Крик! Я с удивлением воззрился на них, забыв и про пленников, и про своего жеребца, отчего рысаку все-таки удалось обернуться вокруг своего хвоста.

Рой направил своего коня навстречу нежданым гостям, он легко правил конем коленями и стремями. В руках горец сжимал меч и кинжал. Выражение лица Роя было недоброе.

Гном, напротив, приветливо махнул Акану и сказал что-то рабу. Внешне эльф никак не отреагировал на сказанное. Поперек его седла лежал полунатянутый лук с наложенной на тетиву стрелой, её наконечник смотрел на толстяка. Непроницаемое лицо эльфа не предвещало ничего хорошего. За плечами перворожденного был приторочен колчан со стрелами.

— Вы, оба, — бросил я, — живо с телеги!

Юный инквизитор молнией спрыгнул на обочину. Мужик медлил, он упрямо, с вызовом смотрел на меня. Наверно, рядом кистень припрятан. Я демонстративно направил ствол пистоля меж его глаз. Не до сантиментов!

— Давай без глупостей! — заговорил я излюбленной фразой дорожных грабителей.

— Слушай его! Ради всего святого! — взмолился монашек, хватая за рукав видавшего виды крестьянского кафтана, и едва ли не силой стащил возницу на землю.

— Теперь идите. Медленно идите!

Я ткнул дулом в сторону прибывших всадников. Рой и гном с эльфом сближались с видом бойцов на ринге.

На сей раз меня послушались беспрекословно. Как только они отступили от телеги, я покинул седло, переложил рукоять пистоля в левую ладонь, обнажил бракемарт и последовал за пленниками, укрываясь за их спинами, словно за щитом. Пускай меткость эльфийских стрел испытают сначала они. Откровенная низость моих действий совершенно не беспокоила: на кону жизнь и смерть, а церковник и служба для меня никто.

Обретя неожиданную свободу, мой жеребец, победно заржал и рванул в сторону. Я не привязал поводья к телеге! Но не до него, вдох и выдох, близость смерти отринула прочь возникшую досаду.

— Эй, Рой! — раздался бас гнома. — Это ж мы! Вам на помощь пришли!

Барамуд снова помахал рукой и раззявил бородатый рот в подобии улыбки, да при этом отстегнул от ремня на крупе лошади клевец; с изогнутым книзу клювом и топорищем длиной в руку. Эльф застыл в прежнем положении. Стрела также лежит на тетиве. Я шел вперед за живыми щитами. Инквизитор тихонечко подвывал и бормотал молитву, мужик передвигал ногами молча.

Жеребец горца медленно ступал к Барамуду. В двадцати футах от него Акан остановил коня, Крик и Барамуд тоже замерли и безмолвно наблюдали за моими пленниками, пока те не поравнялись с конем Роя.

Сейчас прольется кровь, и я шкурой чувствовал, что кровь потечет наша. Мы не доберемся до эльфа быстрее, чем он выпустит несколько стрел, кабы только не снять перворожденного из пистоля первым. Я крепче сжал отполированную рукоять. Если верить легендам, эльф продырявит меня насквозь прежде, чем надавлю на спусковой

крючок. Остается надеяться, что щит из двух тел даст мне шанс. Я старался не гадать, смутят ли пленники эльфа и замешкается ли тот на мгновение, выщеливаясь в меня, или перворождённый сразу засадит в них, чтоб потом подстрелить и меня. К дьяволу все мысли!

— Рой! Узнаешь нас? — опять попробовал заговорить Барамуд. Улыбка сползла с широкого лица гнома, он метал взгляд то на горца, то в мою сторону.

— Узнаю.

На дороге упала гнетущая тишь, затих даже инквизитор. Я улавливал только собственное неровное дыхание и лошадиное похрапывание. Конь эльфа выглядел очень плохо, разгоряченное животное все в мыле. Лошадь неожиданно громко и хрипло засипела, отчаянно заржала. Задние ноги подкосились, конь начал заваливаться на землю. Из ноздрей загнанного до смерти животного потекла бурая жидкость.

Эльф покачулся в седле и вдруг резко поднял лук. Я выстрелил.

— Дьявол! — вырвалось у меня. Промазал! Я понял, что пуля полетит мимо, еще до нажатия на крючок, но не смог остановить выстрел. Я видел, как Крик отпустил тетиву и с невероятной скоростью потянулся за второй стрелой.

Инквизитор и крестьянин рухнули передо мной без единого звука. Эльф бил точно в сердце. Третий раз положить стрелу он не успел, иначе оказался бы придавлен собственной лошастью. Крик ловко выпрыгнул из стремян и с кошачьей грацией откатился на три шага от бьющегося в агонии коня.

Я рванул к эльфу. Чтобы прикончить его клинком, пока он снова не выпустил стрелу! В ушах гремело эхо от пистольного выстрела. Навстречу понеслась лошадь гнома.

— В сторону! — заорал Рой.

Я легко отскочил, избегая копыт гномьего жеребца. Конь Барамуда блестел потом и тоже тяжело хрипел. Жеребец вдруг пронзительно заржал и встал на дыбы, выбрасывая гнома из седла. Горец метнул кинжал, и лезвие вонзилось в бедро лошади по рукоять. Сам толстяк тоже был на земле. Своего коня он держал под уздцы, прикрываясь им от эльфа.

Барамуд поднялся на ноги разъяренной горой, с клевцом и одноручной секирой. Его конь умчался. Гном бешено вращал глазами, с его уст на незнакомом языке несся поток брани. С оголенным кинжалом и бракемартом в руках я шагнул ему навстречу. Рой двинулся к нему, по-прежнему держа между собой и эльфом коня. Перворожденный натянул тетиву, граненный наконечник стрелы хищно блеснул. Однако Крик не стрелял. Эльф вертел головой и кивал на изгиб дороги со стороны Бранда.

К нам неслись полтора десятка всадников. Тюремная стража! Раздались три хлопка — пальнули из кавалерийских аркебуз. Все пули прошли мимо. С сотни шагов очень непросто попасть из такого оружия, зато их намерения стали предельно ясны. Они мчались убивать нас!

— Барамуд! — что было силы, прокричал Акан. — Бьем стражу! После меж собой разбираемся!

Гном зарычал, скрестил над головой секиру и клевец и повернулся взъерошенной бородой к всадникам.

Развернувшись на каблуках, эльф пустил по стражникам первую стрелу.

Глава 12. Крысоловы

— В лес! — снова прокричал Рой. Отбросив поводья своего жеребца, толстяк ломанулся к деревьям справа от дороги.

Эльф и гном остались на месте и, глядя на них, я тоже замешкался. Барамуд тряс оружием в высокого поднятых лапищах, его раб опустошал колчан. Я зачаровано наблюдал, с какой потрясающей быстротой перворожденный стреляет по всадникам. Три из четырех стрел легли точно в цель. Эльф поразил двоих всадников и коня третьего, который на покошенных ногах с ходу врезался в дорожную пыль. Его наездник кубарем покатился вперед и угодил под копыта несшихся позади лошадей.

— В лес, уроды! В лес!

Рой ревел, не стесняясь в выражениях. Еще один конник получил стрелу. Лошади шли тяжело; это не ускользнуло даже от меня. Но они съели уже половину расстояния!

— В лес!

Я побежал сломя голову. Кони на полном скаку просто затопчут нас! Краем глаза уловил, что рядом несется эльф. Мы укрылись за деревьями на противоположной от Роя стороне дороги, куда широким шагом шествовал Барамуд. Он нарочито не смотрел на приближающихся всадников. Кровь и песок! Чертово гномье упрямство! Он не успевает!

Спустя несколько ударов сердца лошади домчались. Гному не хватило одного шага, чтобы спрятаться за деревьями. Сразу пятеро стражников повернули к нему; трое из них, осадив коней, вскинули аркебузы. Грянули выстрелы, и гнома толкнуло вперед. Барамуд упал на колено и, выронив секиру, схватился за ствол березы.

Двое спешили, в их руках блеснула сталь. Подойти ближе верхом мешали ветки раскинувшегося над гномом бурелома. Однако добить Барамуда им не удалось, навстречу с руганью выпрыгнул Рой.

Справа от меня раздался хруст ломаемых веток. Крик тоже выскочил из-за деревьев и сделал три шага к проселочной колее. Каждый шаг эльфа означал полет одной стрелы. Его стрелы вонзились в троих стражников с аркебузами, которые только что разрядили оружие по гному. Все рухнули с седел. Но происходящее вокруг себя эльф не замечал. Тройка других стражников пустила коней на перворожденного; последний из прискакавших остановил коня много дальше и кружил у телеги с Оливером. Еще двое ждали чего-то вдалеке, у изгиба дороги, где Крик и заметил погоню.

Я бросился вперед, чтобы прикрыть эльфа. Мысль, зачем мне это нужно, в голову тогда не пришла. Кони двух стражников медленно разворачивались в нашу сторону, всадники достали аркебузы. Похолодев, я обнаружил, что на меня нацелили два ружейных твоя. Третий жеребец выглядел гораздо свежее и сразу вырвался вперед. Я в отчаянии метнул кинжал, прыгая в сторону под грохот стрельбы.

Они промазали, я — нет! Кинжал воткнулся прямо меж глаз лошади в паре шагов от Крика, который, натянув тетиву, выискивал удобный момент, чтобы стрельнуть в одного из двух противников Роя и не задеть толстяка. Ко всему, что происходило непосредственно вокруг себя, эльф был по-прежнему слеп и глух.

Наездник сраженной лошади оказался придавлен массивной тушей. Я опустил бракемарт, клинок убил его быстро. Мне удалось не смотреть в глаза обреченного, когда

ударил под сердце. Так проще, я все же не мясник, чтобы легко забирать жизнь у поверженного и беспомощного врага.

Вытащив из ножен второй кинжал, я приготовился отразить атаку другого конного стражника, который с проклятьем отбросил разряженную аркебузу и, пришпорив свою кобылу, обнажил рейтшwert. Тяжелая шпага, даже скорее меч, отлично походила для рубки пешего; излюбленный клинок огсбургских рейтар.

Его лошадь не успела разогнаться, как он уже приблизился вплотную. Я без труда отступил в сторону и принял бракемартом падающий сверху рейтшwert. Затем, шагнув назад, поставил противника в невыгодное положение. Ему приходилось вытягиваться, потому что пустить коня ближе не удавалось. Уставшее животное плохо слушалось наездника, и несколько попыток сблизится вплотную успехом не увенчались. Каждый раз я делал шаг за спину, держась от крупа лошади на расстоянии вытянутой руки, и легко отражал выпады стражника, слабые и ненацеленные. Верховым он был плохим.

Второго из стрелявших по мне я сейчас не видел. Для меня схватка сузилась до противостояния с одним противником, что очень нехорошо, потому что в любой миг мог пропустить удар в спину. Встретив рейтшwert в очередной раз, я скользнул ближе к стремянам и по рукоять вогнал кинжал в бедро стражника. Человек и лошадь закричали одновременно. Длинное лезвие пригвоздил ногу наездника к крупу кобылы. Я схватил лошадь под уздцы, чтобы самому не угодить под копыта раненного животного, чье тело была крупная дрожь.

Всадник выронил клинок и судорожно вцепился в рукоять кинжала. Он едва не выпал из седла, боль поглотила его целиком, и мне оставалась только прикончить потерявшегося в пространстве врага. Я воткнул саблю в живот и выдернул кинжал из окровавленной плоти. Стражник упал; почуявшая свободу кобыла ринулась прочь.

Рой рубился уже один на один.левой рукой! Правая безвольно висела, рукав куртки выше плеча взмок. Стражник, что доскакал до телеги, сидел на земле, прислонившись спиной к заднему колесу, он был ранен, из плеча торчало древко эльфийской стрелы. Сам Крик добивал последнего из находившихся в седле — вскочив на коня за спиной стражника, перворожденный несколько раз погрузил в его бока пару охотничьих ножей. Лук и пустой колчан лежали на пожухлой осенней траве.

Я поспешил к Акану. Его противник затравлено оглянулся и пропустил выпад короткого горского меча. Мы прикончили их всех! Мы и стрелы эльфа! На лбу выступила обильная испарина, я весь взмок, иссушала жажда.

Грянул хлопок, потом еще один. Я равнодушно посмотрел на двух всадников, которые так и остались у поворота на Бранд. Трудно передать внутреннее состояние, только новые выстрелы казались чем-то неопасным, словно раздавались где-то далеко. Может быть, сыграла приглушенность звука пальбы, или то, что стражники развернули коней и скрылись из виду.

— Рой, как ты? — окликнул я толстяка.

— Ничего, — ответил горец, приподнимая плечо и согнув поврежденную руку в локте. Толстяк кривился от боли, но молчал. Рука двигалась и нестерпимых мучений не доставляла, значит, рана не должна быть серьезной.

— Что с гномом? — спросил я.

Барамуд сидел с закрытыми глазами в нескольких шагах на земле, упершись спиной об дерево. Гном что-то неслышно бормотал. Жив, но не смертельное ли у него ранение? Мимо

прошел эльф, вытирая пучком сухой травы красные разводы на ноже. Лицо Крика эмоций не выражало.

— Надо сделать перевязку. Тебе и гному.

Я нагнулся к убитому стражнику, чтобы отпороть рукав камзола и сделать из рубахи бинты. Меч Роя поразил его в грудь, и кровь правую руку мертвеца еще не залила. Одет он был коричневую куртку городской стражи. Внимание привлекла черная траурная повязка выше локтя.

— Что это?

— Крысоловы. Их знак.

Я с удивлением воззрелся на толстяка. Занятое известие для ночной крысы.

— Полсотни наемников при генерал-губернаторе, — пояснил Акан, — квартируют в казармах стражи и получают жалование, но не совсем стражники. Ловят беглых и иногда охотятся на контрабандистов, да выполняют особые губернаторские поручения, которым не нужна огласка. Та же контрабанда. Местных в крысоловы не набирают.

Я надрезал шов на рукаве мертвеца и потянул ткань в разные стороны, нитки шва лопались с громким треском. Рубаха мертвеца была в меру белой и чистой. Брезгливости не ощущалось. Не первый и, полагаю, не последний убитый рядом со мной.

Я вор, пират и попросту темная личность, как ни крути.

— Крысоловы — это личная гвардия загорских генерал-губернаторов, кормятся с губернаторской кухни, — продолжил толстяк, скидывая куртку, — с его казны же и половину жалования имеют. С недавних пор сидят на коште у Конрада Дамана, а, сегодня, как видишь, кто-то вспомнил об их изначальном предназначении и направил за нами. Аж треть отряда!

Не думаю, что Даман узнал про меня и натравил своих крысолов. Просто в Бранде кто-то не поленился сопоставить очевидное и организовал погоню по наиболее вероятному маршруту беглецов, либо вырвали эти сведения у Шрама. Я прогнал мысль о пытке. Для Джона лучшим исходом была бы быстрая смерть у дверей серой бастионной тюрьмы.

Ранение горца выглядело неопасным. Разрез длиной в палец хоть и глубокий, но больше кровоточил и доставлял боль, чем представлял серьезную угрозу. Если только Рой не поймает гангрену.

— Кровь остановил, нужно найти мазь для ран, — я перетянул руку горца выше пореза и забинтовал повреждение. — В повозке инквизиторов должно что-то быть.

— Точно, — толстяк, кряхтя, натянул куртку. Боль он испытал все-таки серьезную, я недооценил тяжесть ранения, — и про Фосса мы подзабыли.

Прихватив меч и насвистывая песенку, Рой направился к телеге. Его нисколько не волновала смерть вокруг.

Крик склонился над гномом, тот бормотал на своем языке, взгляд Барамуда был какой-то осоловевший. Перворожденный сорвал с плеч хозяина всю одежду. Могучий торс Барамуда покрывала бурая корка, крови он потерял изрядно.

— Подстрелили меня, песьи выродки, — прохрипел гном, поймав мой взор. — Есть у тебя, что выпить? А то у него не допросишься.

Эльф с бесстрастным лицом заканчивал перевязку. В его наплечной сумке имелись и настоящие бинты, и мазь, толстый слой которой был намазан под белой льняной перевязью на лопатке, куда угодила пуля.

Я развел руками, впрочем, Барамуд не увидел этого, его взор помутнел и поплыл.

Дьявол! Как же хочется пить. У одного из убитых нашлась полная фляжка эля. Я с наслаждением выдул половину, оставшееся опорожнил в глотку Барамуда. Пил он с жадностью.

Потом вдвоем, я и эльф тащили гнома до телеги. Тяжел же он! Словно гору на плечи взвалили. Барамуд пребывал в полубессознательном состоянии, но хотя бы самостоятельно переставлял ноги.

— Эй, Гард, сюда! — позвал горец. Его голос раздавался из-за тента.

— Сейчас!

Мы с большим трудом перевалили гнома на повозку к кучке соломы, где раньше сидели монашек и служка. Барамуд часто дышал, словно не хватало воздуха. Снизу доносились стоны раненного стражника. Дорога позади повозки напоминала место небольшого сражения: у тел убитых крысоловов фыркали четыре лошади. Остальные разбежались. Крысолов снова протяжно застонал.

Обнажив нож, эльф опустил на корточки перед ним. Я уловил выражение лица Крика. Маска бесстрастности исчезла, он предвкушал убийство с видимым удовольствием.

На жизнь стражника наплевать, но как-то не по душе, когда человека режут словно скот, пускай и врага. Крик поднял голову и улыбнулся. Красивый, с идеальными пропорциями лик и белоснежная улыбка, а в глазах смерть. Я отвернулся. Перворожденному есть за что платить людям жаждой убийства. Стон стражника оборвался.

Я залез на телегу и, одернув полог серого тента, забрался внутрь. На меня смотрел осунувшийся, бледный Оливер. С небольшой щетиной, что в здравии для него было немислимо. Бывший наемник полулежал на носилках, Акан подбил под его спину одеяло и подушку. Второе одеяло прикрывало ноги. Фосс был одет в дорожную одежду, какую носил, пока добирались до Бранда. Сам Рой примостился рядом.

— Рад тебя видеть, вор, — негромко произнес бывший наемник. Говорил он тихо. Заметно, что Оливер крайне ослаб, и даже слова давались ему с трудом, однако в глазах светилась прежняя негибкая воля.

Поприветствовав, я крепко пожал руку Фосса. Кажется, он действительно рад меня видеть.

— Я рассказал, что произошло, — сообщил горец.

— Помню только, подошел к окну... — заговорил Оливер и замолчал, пытаясь найти в памяти картинку из прошлого.

Вздыхнув, я снова поделился воспоминаниями о событиях, которые случились в тот злополучный день в таверне «У кота». О шорохе над головой и схватке с таинственной фигурой. Когда заговорил о противнике в черном, Оливер напрягся, словно поймал ниточку воспоминаний, но спустя несколько ударов сердца вновь откинулся на подушку.

— Нет, — признался он, — не получается что-нибудь вспомнить. Могу лишь сказать... Что-то привлекло мое внимание за ставнями гостиничного окна.

— Это я не закрыл их, — мне было очень непросто произнести эти слова. Из-за моей авантюры Оливер едва не лишился жизни и сейчас сил у него, как у немощного старика.

— Нужно уходить отсюда, и как можно скорее, — внешне Фосс не отреагировал на мое признание, за что я был крайне благодарен. Он сменил тему разговора, может быть потому, что уловил мое тягостное настроение. — Как скоро стемнеет?

Толстяк высунулся на мгновение наружу.

— Час у нас имеется, — сказал он и добавил. — Гном ранен.

— Рана серьезная? — спросил Фосс. Его глаза закрылись, силы отставляли бывшего наемника.

— Потерял много крови и передвигаться не сможет, — пояснил я.

— Мы сможем добраться туда на повозке? — Оливер с большим усилием разлепил глаза и обратился к горцу. Разговор давался ему с еще большим трудом.

— Теперь только телегой, — ответил Рой, — втроем двоих на носилках не утащим.

Очевидно, Акан собирался замести следы в лесу. Не скажу, что данный замысел мне понравился, уж лучше ехать по дороге, чем углубиться в чащу. Ночью в лесу не видно ни зги, а на проселке, то бишь на открытой местности, легче заметить опасность. Я даже порадовался, что будем уходить дорогой.

— Почему вы едва не накинулись друг на друга перед появлением стражников? — вдруг спросил Фосс.

— Тут тебе не ответчу, — толстяк выглядел озадаченным. — Барамуд и Крик должны идти с нами в Запустение, и они вызвались помочь с инквизиторами. Однако Николас не доверяет им. Мы покинули Бранд вдвоем, и по первой мне было это не по душе, но уж очень странно вели себя гном и эльф, когда нагнали нас. Чуть было не выпустили друг другу кишки.

Фосс вопросительно посмотрел на меня.

— В них есть что-то ненастоящее. Не скажу, что именно менястораживает, но я в самом деле не верю им, — объяснить свою подозрительность было нелегко. У меня имелось только предчувствие и более ничего.

— Да только эльф положил половину крысоловов, — возразил Рой; одновременно самому себе и мне. — Барамуд хорошо получил из аркебузы, сам двигаться не сможет. Эльф его не бросит и без нас гнома никуда не утащит. Пока можно не беспокоиться на их счет.

— Надо собрать аркебузы и пороховой припас, — произнес я. — Будут не лишни.

Бывший наемник и горец согласились. Впрочем, мне было все равно, что они думают по этому поводу, я нутром чувствовал, что от погони мы не избавились. Двое крысоловов ускакали не в Бранд. Почти уверен, что мы перебили лишь авангард погони, который выбился вперед на более быстрых и выносливых конях.

Кряхтя, и стараясь не задевать поврежденную руку, горец выбрался наружу, чтобы выяснить, что и как с Бармудом и проверить упряжь и лошадей. Скоро стемнеет, нужно уходить. Фосс замолк, закрыл глаза и как будто уснул. Я последовал за Роем.

— погоди, Гард, — неожиданно окликнул бывший наемник. Я обернулся. — Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что ты и Рой здесь, а я не в Маунте.

Оливер пристально смотрел на меня, почти не мигая. Что ему ответить?

— Мы и Джона вытащим, — сказал я. Слова вырвались сами собой, хотя я давно похоронил Шрама. Но, проклятый пепел, мы его не бросим! Если только Джон жив, я вытащу его из тюрьмы!

Откинув полог, я вылез из-под тента. Гном тихонько похрапывал. Скорей всего эльф усыпил его чем-то из своей сумки. Крик бродил меж трупов всадников, перворожденный собирал стрелы.

Рой возился с лошадьми, а принялся за сбор аркебуз. Мародер, что называется. Стволы имелись у каждого из убитых. Две аркебузы оказались сильно повреждены и полетели в

кусты. Я собирал оружие, срезал пороховницы и мешочки с пулями. Припас и аркебузы складывал за задним бортом повозки. Обыском мертвых тел, чтобы найти монеты, тоже не брезговал. Набралось изрядное количество медяков, немного серебра и даже один золотой руаль! Будет не лишне, раз Рой говорит, что мы на дне.

Когда тронулись в путь, уже смеркалось. Сразу опустился собачий холод! Хорошо, Рой додумался снять с крысоловов куртки. Не очень-то приятно накинуть на плечи окровавленную одежду с плеча мертвеца, но это лучше, чем мерзнуть. Выбирать не приходилось.

Я и эльф разместились в задней части телеги, задрав кусок серого тента наверх. Гнома перенесли поближе к Фоссу. Барамуд все еще спал под наркотиком. Рой одной рукой правил лошадьми, эльф обработал его рану тоже и сделал повязку через плечо. Позади к повозке попарно привязали четырех осёдланных лошадей, одной из которых был жеребец толстяка.

Я заряжал два наших пистоля и аркебузы. Дюжина без одной колесцовых кавалерийских аркебуз и целый арсенал припаса. Не сомневаюсь, они нам непременно понадобятся: или против ночных тварей, или буду бить по погоне. Крик одобрительно посмотрел на мое занятие и, вернув маску равнодушия, уставился на лес справа от телеги.

Ехали мы медленно. С каждой минутой внутри меня нарастало напряжение. Я не мог понять причину — то ли шкурой ночной крысы чувствовал приближение крысоловов, то ли давила серость уходящего дня. Ночь близко!

Повозка свернула с дороги на Маунт. Проселок походил на Путь проклятых, часто шел прямыми отрезками, только без вырубки. Иногда ветки деревьев нависали над колеей.

Стемнело окончательно, уже час мы двигались при свете луны. Лес вокруг тоже был тих. Ехали в полном молчании, под фырканье коней и скрип колес. Я вслушивался в темноту магией Харуза и я не обманулся! Погоня шла по следу!

Эльф привстал и замер, он тоже уловил отзвук лошадиного топота.

— Крысоловы! — крикнул я, предупреждая об опасности. Рой ответил проклятьями.

Эльф уселся на прежнее место, положив рядом лук и первую стрелу, а я схватился за ближайший ствол.

Скоро каждый мог услышать приближающуюся погоню; похоже, там не один десяток всадников, а два или три. По нашему следу пустились весь отряд крысоловов!

— Рой! — позвал я. — Долго нам еще?

— Долго!

Я выругался. Будет бой. А вот и они! Теперь можно видеть факельное зарево над верхушками деревьев позади нас.

Когда первые крысоловы показались на дороге, до них было с полсотни шагов. Нас они пока не заметили. Мы ехали без фонарей, а крысоловов слепил свет собственных факелов. Сбоку раздался звук спущенной тетивы. Я тоже выстрелил. Стрелы и пули скосили сразу нескольких. Вопли! Ругань! Конское ржание! На землю упали факелы.

Я выстрелил еще дважды. Наобум. С той стороны мелькали тени, и не разобрать в кого целиться. Эльф ждал. Ответ последовал, когда дорожный изгиб скрыл повозку за деревьями. По нам выпустили целый залп! Прогреми он чуть раньше, повозка превратилась бы решето.

Я лихорадочно оглядывался по сторонам! В следующий раз или бежим в лес, или получаем пули. Но мы не можем бросить раненных, да и смерть от аркебузной пальбы может оказаться милостыней в сравнении с неизвестным, что найдем за деревьями. Бьюсь об заклад, что сейчас в темноте прячутся голодные и злые глаза.

Рой громко сквернословил. Он отчаянно пытался подогнать лошадей, но выходило у него плохо. Мы покатались лишь немногим быстрее.

Лунный диск скрылся за тучами, ночь сделалась еще чернее. Я с благодарностью посмотрел на небо, помянув Бога Отца и Бога Сына. Беглецам тьма всегда кстати. Я мысленно возносил молитвенные слова, чередуя их с именем Харуза, бога-покровителя моего воровского ремесла. И двуединый Святой Дух услышал меня! Расплата за святотатство наступила немедля. Ветер неожиданно стих, и небеса разверзлись белыми снежными хлопьями.

Снег сыпал щедро. Земля покрылась белым за считанные минуты. Округу словно подсветили мягким неуловимым снежным светом, и сейчас мы как на ладони! На дорогу высыпал десяток или даже больше стражников. Тридцать шагов для конного — не расстояние. Однако они осадили лошадей.

— Все! Пригнитесь! — мой голос потонул в грохоте стрельбы и дикого конского ржания. Сразу три лошади из четырех позади телеги приняли на себя аркебузные выстрелы. Крайняя слева лежала, не шевелясь, две других бились в агонии. Жеребец Роя как будто не пострадал, он испуганно фыркал и пытался встать на дыбы, но мешала привязь. Повозка дернулась и остановилась.

Я вслушался в себя — сердце бешено колотилось, но цел. Рядом вскочил эльф, перворожденный скалился и тарасил на меня глаза. Махнув рукой на умирающих животных, Крик поднял лук. Эльф начал новую жатву. С той стороны раздалась брань, дважды стрельнули. Но ринуться вперед под смертоносные стрелы никто не рискнул. Среди крысоловов возникла неразбериха, они пятились или пытались укрыться от лучника, а сзади напирала другие.

— Живы? — просипел Рой.

Я не ответил. Это было бы расточительностью и непозволительной роскошью; драгоценные секунды таяли с каждым мгновением. Я открыл пальбу по толпе людей и животных. Нажав на спусковой крбчок в последний раз, выхватил кинжал и спрыгнул на снег. Против моих опасений, жижи под ногами не оказалось. Мы не зря мерзли — мороз прихватил землю — и колеса телеги не увязнут на раскисшей дороге. Теперь нужно сделать так, чтобы телега могла ехать.

Вторая из раненых лошадей затихла. Кобыла, справа била передними копытами, стараясь подняться, но безуспешно. Я лихорадочно перерезал ремни, не отпуская телегу от мертвых животных. Все, теперь в повозку! Шум и крики позади переросли в какой-то хаос. Беспорядочно стреляли, только уже не в нашу сторону.

Что там, черт возьми, происходит? Крики людей доносились из-за деревьев, откуда выбегала дорожная колея. Еще выстрел... Другой! Я уставился на тела, слегшие на снег от стрел Крика и моих аркебуз, и вдруг понял, что тени над ними не являются ни людьми, ни лошадьми! Бог Отец и Бог Сын!

На сей раз воззвание вышло искренним! Я попятился назад, не в силах отвести взгляд от дорожки звериных следов на снегу, которые появлялись из ниоткуда и бежали ко мне. Я выхватил второй кинжал. Два стальных лезвия — это все что имелось при мне.

Удар сердца, и черная, как ночь, тень бросилась на меня. Она вынырнула из ниоткуда, из пустоты. Я выкинул вперед клинки и получил страшный удар в грудь, который вышиб дух и сознание.

Глава 13. Пиршество страха

Глаза разлепились с трудом. Я смотрел сквозь заиндеветшие ресницы на ночное, затянутое темным облачным покровом, небо. Часто падали крупные снежинки, меня окутывала тишина и жуткий холод. Я лежал чуть на боку, припорошенный белой морозной мукой, спина упиралась в большой бугор.

Продрог до костей. Внутри меня ощущение, что холод загустил кровь, и та течет по жилам еле-еле. Нужно двигаться, тело же хотело только одного — не шевелиться и спать. Покоя... Мысли заплетались и гасли, глаза снова закрылись.

Собравшись, тряхнул головой. Это помогло: я вновь смотрел на небо. Затем, сделав глубокий вдох, перевернулся на живот. Стало чуть легче, в меня вернулась жизнь, пусть я по-прежнему почти не ощущал в себе сил, чтобы двигаться. Однако все же смог подняться.

Головокружение качнуло меня, едва не уронив наземь. Я стоял, согнувшись и упирая руки в бедра, кончики пальцев колело крохотными иголочками. Выпрямившись, растер лицо, размазывая снег под ладонями и разгоняя кровь.

Наконец, я окончательно пришел в себя и даже немного согрелся. Пальцы ног и рук щипало, от холода хотелось то ли согнуться, то ли наоборот выгнуть спину, но я скинул с себя морозную сонливость, в голову вернулась ясность. Похлопав по одежде, стряхнул с камзола снег и, стукнув пару раз зубами, завернулся в плащ. А еще бы не помешало отвлечься от мыслей о холоде: стужа тогда переносится легче.

Посмотрел на примятый снег, где очнулся несколько минут назад.

— Вот так да... — невольно пробормотал я, усевшись на корточки и ощупывая бугор, о который опирался спиной.

Я принял за земляной нарост тушу крупного зверя. Медленно провел ладонью по темной жесткой шерсти, под шкурой улавливался слабый отголосок остывающего тепла. Зверь испустил дух недавно, и уходящая из него жизнь согревала и меня. Видимо, я пробыл без сознания недолго.

Обойдя тушу, обнаружил оскаленную морду мертвого зверя. Волк или что-то очень похожее на волка, только в два раза большее. Огромные клыки из оскаленной пасти также выглядели не по-волчьи длинными. Я непроизвольно повел шеей и потянулся к воротнику; как оказалось, он разодран в клочья. Меня тащили за шкурку, как кутенка. Пальцы ощупывали шею. Удивительно, но я цел, ни царапины.

Зверь был убит, кто-то или что-то проломило ему голову, тем самым избавив меня от участи быть съеденным заживо. Стало очень не по себе. Нечто, убившее чудовище, могло быть рядом и вряд ли оно покончило со зверем ради моего спасения. Может, чтобы отнять добычу? Меня? Я лихорадочно шарил по ремню замерзшими руками. Дьявол! Вспомнил, что ножны с бракемартом отстегнул ещё в телеге и спрыгнул вниз лишь с парой кинжалов. Должно быть, потерял их, когда эта чертова тварь кинулась на меня.

Я ощущал себя практически голым, беззащитным и беспомощным. Нужно отыскать кинжалы или найти любое другое оружие. И согреться! В сторону проселка вела уже почти присыпанная снегом колея — след, оставленный моим телом, когда зверь тащил до деревьев.

Пронзительный человеческий вопль проткнул ночную тишину. Кто-то кричал за изгибом дороги, где оставалась большая часть крысловов. Чужое отчаянье проняло сильнее холода, я

оцепенел и слушал, крутя головой в разные стороны, страх гусеничным лапками заползал в душу. Так кричат только перед лицом лютой смерти. Вопль перешел в истошный визг и в один миг прервался.

Я побежал к трем холмикам у дороги, оставляя на снегу следы в два дюйма глубиной. Три растерзанные мертвые лошади лежали там же, где я их видел в последний раз. Их трупы рвали клыками и когтями, снег вокруг истоптан и залит кровью, в двух местах темнели куски вырванной плоти. Я вдыхал морозный воздух, перемешанный с запахом скотобойни, и убеждал себя, что вокруг только конская кровь. Ведь кроме лошадей тут ничего нет.

Где же кинжалы? Я вспахивал ладонями снег и после каждого удара сердца ждал смертоносного рыка за спиной. Однако ночь вновь погрузилась в тишину, лишь изредка в лесу поскрипывали деревья, да собственное дыхание ломало легшее на дорогу безмолвие.

Не найдя ничего, я выпрямился. Сердце немного успокоилось. Куда идти и что вообще делать? Отметины от колес нашей повозки вперемежку с отпечатками лошадиных копыт уходили в ночь. Рой не мог угнать телегу слишком далеко, они должны остановиться и ждать меня, в конце концов! Но, чтобы идти за повозкой нужно хоть что-то держать в руках. На случай встречи с напавшим на нас зверьем.

Я направился к повороту на Бранд, где лежали мертвецы; те, кого прикончили стрелы эльфа и мои аркебузы. Шел крадучись, не по дороге, а у кромки деревьев. На проселке я видел, как на пустом столе с белой скатертью. Я осторожно и тихо ступал, магия воровского бога наполнила меня. Я видел сквозь мглу, я превратился в слух.

Добравшись до изгиба дороги, ступил под ель у обочины, чтобы укрыться от постороннего взгляда. Мертвых крысоловов здесь не было, только трупы их лошадей и отметины на снегу. Людей тащили за поворот дороги. Туда, где кричали, и куда надо было идти. Нет, я не собирался лезть на рожон, но я должен представлять, с чем мы столкнулись, и мне нужно оружие! Я найду его там, где лежат мертвецы. Магия дала прилив сил и притупила страх.

Обогнув заросли, я спешно сделал несколько шагов назад. Под ветви и в темноту! О, Харуз! Я потянулся к магии, сливаясь с мглой ночного леса. Картина, представшая в трех дюжинах шагах впереди, достойна кисти безумного художника! Какой бы изобразил дьявольское пиршество в глубинах ада.

Восемь тварей терзали человеческое мясо. Мертвых крысоловов стащили в одно место на обочине дороги, и теперь волкообразные чудовища отрывали от трупов куски плоти, набивая человечиной свое нутро.

Язык не поворачивался назвать их волками. Мертвая тварь, что обнаружилась рядом со мной, весьма напоминала серого, но она была бездыханная, уткнувшись носом в землю, и мало впечатлила меня. Эти же, в холке высотой с мастиффа, с изогнутыми колесом спинами, совсем не похожи на волков. Они разрывали крысоловов на куски в страшном безмолвии: без звериного рыка, оскаленных друг на друга клыков и стычек за лучшую часть добычи. Иногда окровавленное мясо кидалось под ноги ближайшего собрата, который с жадностью набрасывался на него. Мне было не понять, зачем они подкармливают друг друга, любой хищник ведет себя иначе.

Казалось, что вижу жуткое сновидение, только эти твари были здесь, предо мной и наяву. Одна из них даже испустила дух, её тело согревало меня, но была ли в ней жизнь? Та жизнь, которая в груди у всех смертных? Этих существ породило нечто противоположное жизни, хотя их сердца тоже гонят по жилам теплую кровь. Я вспомнил о крике, который

совсем недавно разорвал тишину. То был пронзительный вопль обреченного, узревшего пред собой оживший ночной кошмар.

Мысли о несчастном посеяли внутри ростки паники, меня охватил страх, захотелось побежать, прижимаясь к земле, скуля и не оглядываясь. Пытаясь совладать с собой, я ненадолго потерялся во времени. Опустив голову, боролся с липким страхом, мне нужно было только одно. Не побежать! Я справился с собой, когда понял, что по-прежнему остаюсь на месте.

Я тянулся к магии воровского бога всем своим естеством. Я мог слышать, как не дано человеку; шагать, не роняя ни звука; видеть в ночи и слиться с темнотой. Но не раствориться перед лицом смертельной опасности, как бы ни хотелось этого сейчас! Хорошо, хоть ветер дул в мою сторону, не тревожа пирующих тварей запахом живой добычи. Благодарение небесам! Я бесшумно отодвигался вглубь леса, фут за футом, однако до опушки все еще близко.

Очень близко! Сразу две твари-людоедки оторвались от мертвецов. Одна принялась вертеть мордой, а вторая высоко задрала нос, пытаясь уловить новый запах. Потом она направилась в мою сторону. Бог Отец или Бог Сын! Я неслышно зашептал слова молитвы, не шевелясь и, как будто не дыша, чтобы ничем не выдать свое присутствие. Мое спасение в единении, в слиянии с ночной тьмой.

На полпути до кромки леса зверь буквально растаял в воздухе. Тварь обрела невидимость и приближалась ко мне, как тогда у повозки. Я видел следы от лап, продавливающих снег, и слышал сопение монстра. Да, да, тварь все-таки дышала, ее можно убить! Только чем?

В двух футах от леса она остановилась. Я чувствовал, что адское существо водит носом, вправо и влево. Я моргнул, и дьявольский волк снова появился передо мной. В угольно черных глаза пустота. В душе снова заскреб ужас, то был взгляд смерти, такой же, как у вампира из деревни под Брандом. Никогда не чувствовал себя столь беспомощным... Один, без оружия, против стаи зверей-людоедов... Без шансов, если заметят... В нескольких шагах от гибели.

Сковала безысходность, во мне снова все кричало: «Бежать!». Не знаю, как не бросился в чащу, ломая ветки. Но я стоял. Тварь тоже замерла напротив, бесконечно долгое время она разглядывала лес, пронзая меня своим взглядом насквозь. Она упорно всматривалась в чащу, как будто обладала злым и подозрительным разумом, но тень не выдала меня, а ветер все также дул в лицо, унося прочь мой запах.

Тварь развернулась. Магия Харуза и ветер спасли меня. Зверь по-волчьи потрусил назад, а я благодарил отменными ругательствами двуединый Святой Дух. Искренне и, не замечая, что сыплю богохульства, в тот момент я не владел собой в полной мере, мысли пришли в полное смятение. Зато жив, в этом самый миг я жив!

Брошенный на кровавое и страшное пиршество взгляд заглушил возникшее было ликование. Передо мной все то же жуткое, дьявольское зрелище. Я наблюдал и изредка осторожно переминался с ноги на ногу, счет времени потерялся. Холод пронял насквозь, но не уйти.

Я окоченел. Нужно двигаться! Нужно что-то делать, иначе получу обморожение! Когда решимость вернулась ко мне, а, может, сказалось отчаяние или притупилось чувство страха, ночные твари оставили мертвых и побежали в мою сторону. Сердце отчаянно заколотилось. Все, кроме кричащего чувства опасности, ушло от меня, даже холод. Я удерживал магию и не

сводил с них глаз.

Проклятый пепел! Я осел на снег, оперившись спиной о древесный стол. Они пронеслись мимо и скрылись за изгибом дороги. Я сидел несколько минут с пустой головой, наслаждаясь ощущением уходящего страха. Горло сдавило от сухости. Хапнул ладонью снега и затолкал его в рот.

— Ну и трус же ты, Николас Гард, — проронил я, поднимаясь на ноги. В жизни не испытывал большего страха. Откуда в них такая жуть? И дьявол! Как же я продрог!

С трудом передвигая ноги, выбрался из леса и поковылял к месту, где лежали останки крысоловов. Твари пустились по следу повозки с Роем, Фоссом, эльфом и Барамудом. Хотелось верить, что они не доберутся до ушедшей без меня телеги. Но кого я обманываю? Мне было достаточно, что они просто убрались отсюда и подальше!

Я стоял у первого трупа. Точнее, у того, что осталось от человека. Снег вокруг был темным, в морозном воздухе висел запах крови. Мертвые не были обглоданы до костей; создавалось впечатление, что их сознательно уродовали до неузнаваемости, словно у зверья имелся мясницкий умысел. Не буду описывать подробности, пускай те кошмарные воспоминания пребудут лишь со мной.

Поблизости ни одной конской туши, только люди. Я осматривал каждый труп, иногда роясь в вещах. Брезгливости или какого-нибудь другого чувства отторжения во мне осталось уже мало, либо я просто накачивал себя безразличием ежесекундно, с каждым вздохом. Делать новый шаг и наклоняться к мертвецам заставляла одна мысль. Выжить! Ради этого возможно многое.

Я искал не оружие, сейчас оно мало бы помогло, случись сражаться. Я замерз и обессилил, мне нужно только согреться. Заиндевелившие руки нащупали флягу. Нашел, и она было полна! Не могло не быть среди наемников такого, кто бы не припас в дорогу что-нибудь для согрева, тем паче зимой. Пальцы едва слушались, и я долго возился, пытаюсь отцепить флягу с чужого пояса. Наконец, я отнял у мертвеца приплюснутую с боков деревянную емкость. Боги, лишь бы не ошибся! Выдернул зубами пробку, в нос ударил запах дешевого бренди, но в эту ночь оно было желанней лучшего папского вина!

Когда опрокинул фляжку, горло обожгло, а я оскалился в радостной улыбке и пригубил еще. Внутри полилась новая волна тепла. Опорожнив флягу наполовину, спрятал ее в кармане камзола и оглянулся. Лунный свет озарял бойню, создавая причудливые тени и делая окружающую меня безумную картину еще мрачнее.

Стоя посреди дороги рядом с мертвецами, я слышал лишь ветер и треск покачивающихся деревьев. Бренди взбодрило и даже чуть согрело; жаль, что очень ненадолго. Я сделал еще несколько глотков и содрогнулся, однако корежила не крепость напитка. Я снова бродил среди обглоданных останков и гнал мысли о том, что это люди, да без толку. Как не храбрись, здесь окружала жуть.

Я искал оружие. Тяжелая шпага из арсенала городской стражи, три кинжала, и две укороченные колесцовые аркебузы с припасом отыскались быстро, железа вокруг разбросано предостаточно. Теперь я не ощущал себя беспомощным и беззубым, а находка еще одной фляги с крепким пойлом даже дала прилив воодушевления.

Фляжки и ружья сложил у кромки леса, где прятался от волкообразной твари. Шпагу повесил на ремень, за который заткнул и кинжалы. Я опять углубился в лес на несколько шагов с обнаруженным у крысоловов топором. Короткий столярный топор — это не топор лесоруба, но заготовить дрова смогу. Нужно согреться, я продрог до костей. Возможно,

костер окажется смертельной ошибкой: огонь привлечет чуждое внимание, которое будет стоить мне жизни, но и без огня мне не выжить.

Я рубил лес, не беспокоясь о шуме. Наплевать, я просто должен согреться! Натаскав сухих деревьев к аркебузе, принялся разводиться огонь. Заготовка дров отняла последние силы, я взмок, и вскоре с мокрой спиной на морозе станет совсем худо. Пламя никак не занималось. Пришлось пожертвовать драгоценным бренди, чтобы запалить хворост. Я полил сухие ветки остатками из первой фляги и снова взялся за огниво. Огонь пыхнул в лицо, опалив брови, и весело схватился за ветки. Я блаженно протянул ладони к красным язычкам, ощущая как от кончиков пальцев по телу пробежала волна живительной теплоты.

Костер разошёлся сильный. Я щедро подкидывал дрова, хмельной от пьянящего жара и початой второй фляги. Порою даже забывалось, что именно раскидано у дороги в тридцати шагах от костра.

Согревшись, зарядил обе аркебузы. Одну положил недалеко от костра, вторую взял с собой, когда направился за новой порцией дров. Таскаться со снаряженным ружьем и волочить охапку сухих веток, прямо скажу, очень неудобно. Но, клянусь Харузом, за мной наблюдали. Я ощутил на себе чужой взгляд в первые мгновения, как костер разгорелся в полную силу. Взор приклеился ко мне, выгнав из головы пьяный дурман. За мной наблюдал кто-то новый или скорее нечто новое; не знаю, откуда, но я был уверен, что это ночное существо не из числа зверей, которое растерзали крысоловов.

Меня обволокло чем-то вязким, я снова почувствовал страх. Рядом затаилась нежить. Пока она просто наблюдала из темноты за безумцем, что развел в ночи костер. О Харуз, даю руку на отсечение, что взор, следивший за мной, был разумен, и это пугало еще сильнее.

Торопливо вернувшись к костру, бросил на вытоптаный снег последнюю охапку нарубленного леса. До утра должно хватить. Подкинув в огонь пару увесистых дровеняк, я как будто успокоился, сердце забило реже, приходя в норму. Взор почти отстал от меня, ослаб. Начало казаться, что пламя заслоняет от взгляда нежити, когда я рядом с костром.

Огонь! Встав на четвереньки, я начал торопливо выкладывать вокруг костра хворост. Получившийся круг загорелся моментально. Я не маг, не чернокнижник, но кто не слышал историй про защитный круг от нечистой силы? Я застыл, стоя спиной к костру, пытаюсь понять, пропал ли чуждый взор или нет? Вроде бы ничего нет. Неужто пламя и круг отсекали нечисть? Я не чувствовал какого-либо присутствия поблизости.

Я выпрямился во весь рост. Трещали, лопались высушенные в костре ветки. Со сталью на поясе и с аркебузой в руках, я был готов бросить вызов сегодняшней ночи. За спиной горело живительно пламя, от которого шло тепло и свет.

С уст слетело ругательство. Свет костра, озарявший округу, делал тьму в дюжине шагов непроглядной стеной, однако кое-что я углядел. Проклятый пепел! Там лежала вторая аркебуза, про которую забыл в последнюю ходку за хворостом.

Не думая, шагнул за пределы выгорающего круга. В одно мгновение я снова окунулся в страх и ночной кошмар. Оно совсем близко! Обнажив левой рукой шпагу и с пальцем на курке аркебузы, я ступал по снегу, оставляя позади спасительный огонь. Каждый шаг отдавался волной мурашек по коже. Нагнувшись за аркебузой, краем глаза уловил движение. Резко выпрямившись, я крутанулся вокруг себя, но теперь ничего подозрительного не обнаружил, даже с магическим зрением. И, тем не менее, кто-то или что-то было рядом.

Вогнав шпагу в ножны, я поднял вторую аркебузу и поспешил к костру. В руках по одному ружью, да выстрелить сейчас я мог бы только себе под ноги. Аркебуза — не пистоль,

одной вытянутой рукой ее поднять. Я был скован ношей, хотелось поскорей очутиться у костра. Когда до догорающего круга оставалось два широких шага, за моей спиной отчетливо хрустнула ветка и негромкий голос произнес:

— Иди сюда...

Я буквально впрыгнул внутрь созданной мной линии, роняя наземь левую аркебузу и вскинув правую на уровень глаз, одновременно разворачиваясь. Пот катился ручьем, спина взмокла. Я целился в маленькую девочку, с виду пяти-шести лет, которая куколкой застыла у линии огня. Летнее короткое платьице смотрелось совершенно дико на фоне снега. Голова была наклонена набок, словно бы она с любопытством смотрела на меня. Однако при этом она глядела исподлобья. Длинная темная челка, опускавшаяся до переносицы, и ночная тень скрывали ее глаза, чему я был безумно рад — взгляд нежити на детском личике нагнал бы на меня еще большей жути. А предо мной сейчас стояла именно нежить. Лицо не выражало ни единой эмоции и было белее снега, она не могла быть маленькой потерявшейся девочкой.

У костра жарко. Я вытер рукавом взмокший лоб. Пот, лившийся сверху, застилал глаза, и я боялся моргнуть, чтобы не потерять ее из виду даже на одно краткое мгновение. В животе сидел сгусток страха, я физически ощущал его.

Девочка-нечисть качнулась вперед и замерла, наткнувшись на невидимую преграду. Она провела ладонью по незримой стене, что поднималась над догорающей, тлеющей линией хвороста. Вместо ногтей у нее были маленькие черные когти; это было отчетливо видно.

— Иди сюда... — прошелестел голос. Звучал он скорее по-взрослому, а девочка как будто даже ничего не говорила, ее губы не шевелились. Вторая маленькая ручка тоже уткнулась о преграду. Голова нежити опустилась на грудь. Ступив налево, она начала обходить зашитый круг, вода ладонями перед собой. Умершее существо искало брешь.

Покрепче перехватив цевье аркебузы, я направил дуло вслед ее движению. Выстрелить или нет? Я ждал.

— Иди сюда... — снова где-то внутри меня зазвучал призыв. Он не манил меня, не вносил сумятицу в разум, но мое сердце и без того колотилось сверх всякой меры. Я с нарастающей беспокойством и на грани помешательства смотрел, как нежить приближается к выгоревшей части круга, где по снегу легла черная полоса золы.

Я не успевал ни зажечь нового хвороста, ни предпринять что-нибудь еще!

Она дошла до сгоревшей кромки круга и остановилась, ощупывая барьер более тщательно, будто бы он был иного свойства.

— Изыди, — я произнес первые слова молитвы. Слова полились сами собой. — Изыди демон! Заклинаю тебя Святым Духом! Заклинаю именами Бога Отца и Бога Сына!

Нечисть вздрогнула, но продолжила свое движение. Не переставая молиться, я встал на колени. Никогда раньше не прибегал к мольбе так часто, как в Загорье, и молился сейчас я всей душой. Вор и пират мог бы поиронизировать на сей счет, но лишь не в эту ночь оживших кошмаров.

Я отдался молитве, как никогда раньше. Аркебуза покоилась рядом, вместо нее в руках появилась шпага, которую держал наверху к небу. Эфес, гарда и клинок образовывали крест, который все время был между мной и нежитью.

Так прошла ночь. Не смыкая глаз и молясь пересохшими губами, я кружился на коленях вслед за нежитью, что без устали, упрямо брела вокруг незримой преграды. Не замолкая ни на мгновение, я изредка подбрасывал в костер хворост, а из темноты теперь слышалось утробное рычание и чавканье. К мертвым крысоловам пришли падальщики. Я гнал мысли от

них. Только бы не знать и не видеть, что еще появилось рядом со мной!

... И вдруг я понял, что сплю. Эта острая, как лезвие, мысль вырвала меня из дремы. Я вскочил на ноги, лихорадочно оглядываясь. Костер догорел. Меня окружал немой лес и серое раннее утро. Рядом никого.

В полном опустошении и отсутствии сил, я снова рухнул на колени, а потом на спину, и тихо с ноткой безумия рассмеялся. Я лежал, не думая ни о чем, пока не услышал конское ржание.

Глава 14. Акценты расставлены

Я устало поднялся, взяв ближайшую аркебузу наперевес. Светало, и лошадь, которую услышал, должна быть именно лошадыю. Обычной кобылой или жеребцом под седлом либо с хомутом на шее; да после сегодняшней ночи... Я бы ничему не удивился, в том числе и коню, что захочет сожрать меня с потрохами.

Над притихшей округой снова раздалось ржание. Лошадь где-то рядом, за дорожным изгибом; там, где на меня напал зверь-невидимка. Я не спешил навстречу, сюда тоже никто не торопился. По прошествии, наверно, получаса подхватил второй ствол и направился на разведку.

Утром мороз ушел, воздух наполнился сыростью. Снег еще лежал ровным белым покрывалом, но земля под ногами начинает раскисать. Я старался держаться в двух шагах от обочины дороги, здесь под снегом больше высохшей травы и меньше грязи, и избегал смотреть в сторону крысоловов. Не поднимая глаз, осенил знамением край проселка, где были разбросаны человеческие останки. Вполне вероятно, что их ужасная смерть спасла меня, когда молился внутри защитного круга. Нечисть в облике девочки не смогла проникнуть внутрь, но, кто знает, остановились бы другие монстры, чье жадное чавканье отчетливо доносилось до меня сквозь шепот молитвы. Я поежился. Просто им был не нужен еще один кусок мяса.

До поворота с десятков футов. Если там люди, что им скажу, как пояснить свое присутствие около бойни? Притом, вооруженного до зубов! Я опять, как ночью, решил продвигаться вперед вдоль кромки деревьев. На мокром снегу виднелись собственные следы, оставленные прежде.

Людей на дороге не обнаружилось, чему в нынешних обстоятельствах я был даже рад. У припорошенных холмиков, трупов наших лошадей, стояла еще одна. Осёдланная пегая кобыла с опущенной головой. Сделав несколько шагов, я был встречен очередным, теперь приветственным ржанием. Тряся головой и фыркая, лошадь скорым шагом направилась прямиком ко мне.

Возбужденное животное била мелкая дрожь. Прислонив стволы к осине, я взял кобылу под узды, и, тихо приговаривая, погладил ее по морде. Лошадь успокаивалась на глазах. Ночью тоже натерпелась лиха, но как будто цела и не загнана. Она для меня, что послание небес, на двух ногах далеко не уйти.

Умиrotворив лошадь, приступил к более тщательному осмотру. Простая добротная армейская упряжь, чуть припасов на пару дней в дороге и пустой чехол для аркебузы на деревянном каркасе, обтянутом кожей. Кобыла принадлежала кому-то из крысоловов. Я отвязал притороченный к седлу мешок с овсом. Торба полна на половину; как раз, чтобы покормить коня. Надев мешок на голову лошади, вскрыл другой, поменьше, который привязали к седлу с другого бока. Немного вяленого мяса продолговатыми полосками и краюха ржаного хлеба очень кстати. Я с удовольствием завтракал, изредка запивая маленькими глоточками бренди из второй фляги.

Без мороза под шерстяным плащом почти не холодно, только зябко немного. Недостаток тепла компенсировался бренди. С ветки на голову упала большая капля, я провел рукой по волосам. Не хватает капюшона на плаще или шляпы, которая осталась в укатившей

повозке. Было очень влажно и, кажется, скоро дорогу и лес обволочет туманом. Тишина, окутавшая лес, скорее умиротворяла, чем нагоняла тревогу или тоску.

Когда с едой было покончено, снял с лошади торбу. Кобыла совершенно успокоилась и смиренно стояла, опустив шею. Я тоже нагнул, зачерпнув немного мокрого снега, и засунул его в рот, от соленого мяса хотелось пить.

Куда направиться? Я размышлял над дальнейшими действиями, перезаряжая аркебузы: за ночь порох должен был отсыреть. Идею пуститься по следам инквизиторской телеги отменил прочь сразу. Прежде, чем нагнать их туман съест колею в снегу да и сам выпавший снег. У обочины уже темнеют первые проплешины.

Как там говорил Рой? Идем на северо-восток к стоянке Манрока, что у местечка Дорнок? Я хорошо запомнил слова толстяка, только название городка ни о чем не говорило. Пожалуй, стоит вернуться в Бранд, чтобы оттуда добраться до цели. Это лучше, чем блуждать незнамо где, без представления, куда ехать. Без денег, в конце концов! Не обворовывать же мне встречные хутора, а в большом городе я легко устроюсь и даже найду проводника, коль будет нужно.

Нисколько не беспокоило и наличие в столице Загорья стражи, которая после побега из тюрьмы арестантов и двух убитых надсмотрщиков всяко злее, чем в обычные дни; при том, что в городе еще нет вестей про отряд крысоловов. Но я ночная крыса и точно отыщу крысиные ходы в Бранд, там переведу дух и после отправлюсь дальше. К тому же ищут пару беглецов, один из которых приметен лишним весом, а я буду один.

Есть еще одна причина для возвращения в Бранд. Это Джон Шрам. С ним не заладилось с первой встречи, но арниец не пожалел своей головы, чтобы Акан и я ушли. Теперь у меня новый долг, а Харуз не прощает неоплаченных обязательств. Шрама нужно выручать!

— В Бранд! — произнес я и, устроившись в седле, ударил стремянами о бока кобылы, та послушно тронулась в путь.

Минуя злосчастное место страшной смерти губернаторских наемников, смотрел только вперед. Внимание привлёк торчавший из снега предмет с круглыми краями. Я даже спешил и не ошибся! Это была шляпа моего любимого фасона: с широкими круглыми полями. Следов крови на черной ткани нет. Стряхнув снег, я немедленно взгромоздил ее на голову и вернулся в седло.

В плаще и шляпе чувствовал себя превосходно! Кожаные сапоги тоже не подвели, за все время ни разу не промокнув. Недоставало лишь перчаток, зато в чехле дремлет заряженная аркебуза, другая в руках и перекинута через круп лошади, а поясной ремень приятно отягощен сталью.

Смеркалось чересчур быстро, я с беспокойством смотрел на небо и раз за разом понукал кобылу скакать быстрее. Провести вторую ночь в Загорье без крыши над головой решительно не собирался.

Днем я часто возвращался к воспоминаниям о пережитом кошмаре и не мог найти ответа на вопрос, почему испытал столько страха. Несколько раз моя воля едва на сломалась, я обливался холодным потом и шептал слова молитвы! А ведь я вор! Пират! Не раз доводилось смотреть смерти в глаза и драться за собственную жизнь, стоял перед трибуналом на ревонтольской площади Правосудия, но никогда не пронимала столь леденящая жуть. Разве что упокоение упыря по дороге в Бранд опалило душу таким же ужасом. И там, и здесь нежить. Признаться, трусом себя не считал, но страху испил полную

чашу. Страх. От живых мертвецов веет страхом, который парализует и растаптывает силы к сопротивлению.

С досады крепко выругался. Кровь и песок! Не о том думать сейчас надо. По моим прикидкам, Бранд недалеко, однако признаков близости большого города нет. Я давно ехал по дороге, связывающей Бранд и аббатство инквизиторов. Ещё утром свернул на Путь проклятых с проселка, на который увел Рой, и с тех пор на дороге не встретилось ни одного человека. Кабы не несколько приметных мест по маршруту первого путешествия, которые случайно отложились в памяти, показалось бы, что заблудился.

Но нет, я был уверен, что еду в обратную сторону именно по дороге на Маунт. Отчего же та пуста? Я не успеваю добраться до темноты к городу! К полудню большая часть выпавшего снега растаяла, дорога размокла почти на всем протяжении пути. Я пускал лошадь рысью гораздо реже, чем хотелось бы этого.

Неожиданно грохнули выстрелы. Сначала два, практически одновременно, после еще несколько. Я осадил кобылу и с тревогой проверил, как выходит из чехла вторая аркебуза. Стреляли рядом; даже показалось, что ветер донес до меня отголоски чужих криков. Загорье — опасное место, а, когда оружие есть у каждого, попусту не стреляют. Впереди что-то происходит, и дорога ведет именно туда. Так или иначе, темнело на глазах, а ружейная пальба означала, что там люди. Люди лучше одинокого путешествия под луной к северу от Долгого хребта.

Передо мной начался сухой участок дороги, и лошадь снова перешла на рысь. Скакал недолго, прямо по направлению недавней пальбы. Путь проклятых в этой части другими дорожками и тропами не пересекался, и я скоро услышал возбужденные голоса. Когда за очередным изгибом дорожной колеи показались два десятка спешившихся всадников, одетых в охотничьи куртки, перевел кобылу на шаг, меня пока не заметили.

На земле лежали два человека в красных мундирах, еще одного окружила плотная толпа. Отсюда, в сотне шагов, было похоже, что на служивых мундиры драгун. Один из королевских солдат упал в лужу на обочине и скорей всего был мертв, он не шевелился, рядом безучастно стояла пара охотников. Третьему оказывалась помощь.

Да только помощь ли? Зачинавшиеся сумерки скрадывали детали происходящего, и только через пять десятков шагов я увидел, что в руке склонившегося над лежащим драгуном зажат нож с хищно изогнутым лезвием. Еще пятеро удерживали человека в красном мундире на земле, сковав своим весом его конечности и не позволяя подняться.

Меня увидели. Прозвучала гортанная команда, слов которой я не разобрал, и сразу половина двинулась в мою сторону. Ступали они мягко, по-кошачьи, и с явно угрожающими намерениями. В меня нацелились пять аркебузных стволов, на тетиву еще шести луков легли стрелы.

То были не люди: на трех драгун короля Герарда напали орки. Одного прикончили сразу; вероятно, когда прозвучали выстрелы, привлечшие мое внимание. Дьявол! Лучше бы я оглох! Прямо на моих глазах стоявшего драгуна сбили с ног сильным ударом ружейного приклада в спину и принялись вязать ему руки, а придавленного к земле ожидала куда более страшная участь. Нависший над ним орк демонстративно начертил в воздухе кольцо вокруг головы несчастного. Он собирался снять с него скальп! Как в полузабытом прошлом, во времена Орочьих войн!

Ко мне подступили вплотную. Головы нелюдей были выбриты, за исключением гребня волос ото лба до шеи. Бежать я не пытался: моя послушная и тихая кобылка не уйдет, только

зря отведаю пуль и стрел орков.

— Бросай аркебузу и слезай! — в голосе говорящего звучал странный акцент, будто общим языком он пользовался нечасто.

Я подчинился без пререканий. Бросил ствол и спустился с лошади, подняв обе руки вверх, и продемонстрировал оркам пустые ладони. Шансов на схватку с десятком головорезов у меня нет, тем более рядом еще столько же. Пусть грабят или даже вяжут — был бы цел, а потом сбегу.

Сильный толчок в спину опрокинул на колени. По мне тоже приложились прикладом, удар носком сапога под живот выбил дух, на голову посыпались кулаки. Несколько раз получил и по лицу, шляпа потерялась. Я поплыл, в глазах помутнело, краем сознания понимал, что верёвкой вяжут руки, заломив их за спину. Меня основательно обыскали, изъяв все оружие, бренди и срезав ремень, затем перекинули через круп моей же лошади. Кажется, я вырубился, потому что следующим, что помню, была дорожная тряска.

Орки перекликались на непонятном наречии, вероятно, на родном языке. Быстро похолодало и стемнело. Я окончательно пришел в себя, в уголке рта запеклась струйка крови, губы разбиты и чуть заплыл левый глаз. Били на совесть.

Ехали недолго, скоро лошади остановились у высокого частокола. Не церемонясь, словно куль, меня сбросили на холодную жесткую землю. Я стиснул зубы, чтобы не застонать, потому что падение оказалось болезненным, а за любым звуком с моей стороны последует обязательный тычок.

Рядом скинули второго пленника, который громко и зло чертыхнулся, за что уже мы оба получили по пинку.

— Заткнитесь! Не то... — около драгуна на корточки присел орк с обезображенным шрамами лицом и продемонстрировал окровавленный скальп. Все-таки я не ошибся. На кого ж так не повезло наткнуться? Обычным грабителям скальп не нужен, на драгун разбойники тоже не нападают, да и случайных путников в плен не берут.

На сей раз мой товарищ по несчастью проявил благоразумие. Офицер молчал, а он был именно офицером. В свете многочисленных факелов снующих вокруг нас орков я легко узнал его. Все тот же высокий, крепкий армеец из трактира «Гусь и окорок» и внутреннего двора бастиона Бранда. Он громогласно руководил тушением пожара, заставив и меня с Роем тащиться за водой, однако вряд ли запомнил нас. Я встретился с офицером взглядом, узнавание в ответном взоре не промелькнуло; лишь сочувствие, сменившееся сдерживаемой яростью, когда его внимание вернулось к орку.

Нелюдь сплюнул на красный камзол и убрался за ворота частокола. Нас тоже подняли: четверо орков, угрожая ножами, погнали через массивные створки ворот. За деревянными стенами укрылась обширная зажиточная ферма. Окна большого жилого дома по центру и всех хозяйственных построек закрыты массивными ставнями. Половина подворья обнесена крышей, переходящей в частокол. В здешних краях фермы больше походили на форты.

Внутренний двор был заполнен лошадьми и орками. После прибытия сюда захвативший нас отряд удвоился в числе. Орки располагались на постой. С виду их ничуть не заботила мысль о неминуемом возмездии из столицы графства. Никакая власть не потерпит на своих землях бесчинств вооруженных мордоворотов, тем паче орков. Только те вели себя совершенно спокойно, никуда не торопились, и меня все больше озадачивала мысль о том, в чьи руки угодил. Орки чувствовали себя на арнийской земле чересчур по-хозяйски.

Обитателей фермы не видать, за исключением мертвеца в темном крестьянском

кафтани. Рядом покоилась рукоять длинного прямого топорика, которым он пытался остановить чужаков. Орки переступали через убитого, не замечая его, словно того и не было. Двое из них завели на ферму последних оставшихся снаружи коней. Ворота с грохотом захлопнулись.

Высокий орк, тощий и прямой как стрела, с кривой саблей на поясе, пересек двор и ткнул в мою грудь плетью. Несильно, но с нами обращались нарочито уничижительно.

— Ступайте за мной. Оба, — произнес он и направился к хозяйскому дому. Орк не удосужился взглянуть, последовали ли мы его приказу, только кто бы посмел ослушаться в подобном положении? Мы покорно побрели следом.

Ступеньки, по которым поднимались на широкое крыльцо, оказались залиты высохшей кровью, все-таки ферма сопротивлялась, как могла. Я же ломал голову над акцентом захватчиков, он явственно сквозил в речи всех без исключения орков, когда те заговаривали на общем языке. Откуда они? Голова чумная после побоев, а орочий акцент звучал смутно знакомым, однако так и не мог вспомнить, где или от кого слышал похожий говор.

Дверь вела в просторное помещение на треть дома. С одной стороны белела массивная отштукатуренная печь, у другого края стоял длинный стол, за которым должна была помещаться вся фермерская семья и батраки, что обязательно живут у зажиточного хозяина. Сегодня стол был заставлен крестьянскими припасами и занят пришлыми орками, которые с шумом и весельем набивали животы, однако пьяных я не заметил, при том, что кувшинов с вином и элем предостаточно.

Оркам прислуживали три женщины: одна постарше и две совсем молоденькие, заплаканные и очень походившие друг на дружку. Жена фермера и дочери. Они изредка бросали на нас умоляющие взгляды, да только мы были бессильны помочь. Их участь незавидна, но худшее с девчухами еще не произошло. Судя по всему, орки их и пальцем не тронули, не говоря уж... Я снова мучился вопросом: кто они, эти орки? Совсем не похожи на вооруженную шайку обычных грабителей.

— Сюда их, — от стола поднялся седой орк. Его голова не была выбрита, как у остальных. Длинные прямые волосы опускались до плеч и ложились поверх нашитых к рукавам куртки скальпам врагов. Гомон стих. Нас потребовал главарь отряда.

— Эй, куски человеческого дерьма! — послышалось от кого-то из пирующих бандитов. — Шатраг зовет, а он повторять не будет!

Мы направились к столу под дружный хохот. Офицер позади меня не преминул воспользоваться случаем и отвесил в адрес орков пару увесистых пожеланий. Благодарение небесам! В гоготе орков их мог слышать только я.

Седой орк поднял ладонь, и веселье моментально стихло.

— Станьте напротив, — скомандовал он. Шатраг был в хороших годах, даже стар, но все еще крепок. Он излучал уверенность и силу. Не удивительно, что остальные беспрекословно подчинялись, а еще он был смертельно опасен.

Шаграт обошел вокруг, оценивающе осматривая то меня, то драгуна. Как мясник на скотобойне. Отчаянье охватило меня, руки связаны. Когда у орка появился кинжал, я приготовился драться за свою жизнь. Я не собирался сдохнуть без сопротивления! Хоть зубами, но буду рвать!

— Что тут у нас? — медленно заговорил главарь орков, растягивая слова, словно смакуя. В доме воцарилась полная тишина. — Не пойми кто и офицеришка.

— Лейтенант гвардии Его Королевского...

Удар по зубам кулаком с зажатой рукояткой кинжала сбил слова заговорившего офицера. Качнувшись, арницец сплюнул кровь, упрямо посмотрел в глаза орку и заговорил вновь:

— ... Его Королевского Величества Герарда Пятого Ричард Тейвил. Барон острова Гонт.

Драгун возвышался над орком на полголовы, его могучие плечи поднимались и опускались в такт шумному дыханию. Арницец был готов умереть, но не покориться.

— Вниз их! — скривившись, сказал Шаграт. На его лице точно не было страха, скорее даже появилось уважение к решимости офицера, однако интерес к нам остыл. Или нет ничего, только игра. — Завтра доставим в Бранд, а там господин полковник разберется. Ему видней! За целого лейтенанта хорошо отвесят серебра!

Предводитель орков перевел взгляд на меня и, скривившись добавил:

— И этого... Подозрительного. По здешним лесам в одиночку не гуляют.

Сказанное почему-то воспринялось орками за удачную шутку, они снова заголосили. Шаграт указал кинжалом на троих из них, что вызвало новый приступ веселья. Ухмыляясь, пара головорезов толчками в спину погнала нас в угол комнаты, где третий уже поднимал квадрат из сбитых досок — люк в подпол.

Бранд? Орк сказал про Бранд? Или я ослышался? Какой, к дьяволу, Бранд!

Веревки за спиной срезали. Я с блаженством разминал запястья, пока драгун спускался вниз по приставленной лестнице, затем последовал мой черед. Яма шагов в пять ширину и столько же в длину, с грунтовыми стенами и пустыми деревянными полками по всему периметру. Хорошо хоть, сухо и тепло. Когда лестницу вытащили наверх, крышка люка с грохотом хлопнулась над нашими головами, приглушив отзвуки гульбы. В крошечной темноте не видно ни зги даже с помощью магии, только слышалось сопение и негромкая ругань офицера.

— Лейтенант, — произнес я без лишних предисловий, в подвале не до чинов, — что происходит?

Офицер молчал. Я снова спросил после некоторой паузы:

— Орк упомянул Бранд, или мне померещилось?

— Если бы, — с досадой пробасил драгун, — город пал! Предательство! Вчера у стен Бранда появились конные орки и огсбургские рейтары, и их там ждали, проклятый пепел! Их встретили раскрытыми воротами и полным отсутствием гарнизона. Новый генерал-губернатор постарался! Да и взрыв арсенала его рук дело! Как пить дать он! Слишком большое совпадение, что город остался без пороха за несколько дней до войны!

— Конрад Даман... — пробормотал я. Огсбурги! От столицы Загорья до Северной марки, как назывались владения в Сумеречье самой молодой и хищной орнорской империи, всего пару дней пути. Бранд практически на границе, и вот война! Я понял, где слышал акцент. Было на Костяном крабе несколько беглых каторжан с имперских каменоломен, а в державе огсбургов, как встарь, говорят на собственном языке. Один из последних таких углов Большого Орнора.

— Именно он, — прорычал из темноты офицер, — чертов Конрад Даман. Его руками гарнизон Бранда размазан тонким слоем по всему графству. Должно быть, авангард имперцев из орков и рейтар дошел до столицы за день, втаптывая в грязь слабые заслоны из встречавшихся им на пути. А основные силы имперцев, которые шли следом, теперь прочно засядут в Загорье, ведь Бранд со вчерашнего дня за врагом!

Драгун закончил тираду проклятьями в адрес Дамана. Отведя душу, он продолжил:

— Я и еще двое смогли вырваться из Бранда, покуда внутри стен сохранялись очаги сопротивления. Ночь пересидели на мельнице к югу от города, думали пробиваться к Долгому хребту. Но на следующий день всю округу заполонили разьезды орков. Мы сразу же начали уклоняться на восток, пока не напоролись на очередной дозор. Дальше... Дальше все ясно. Офицерский мундир спас от немедленной расправы. Завтра будет допрос. Орк сказал, что в Бранде.

Драгун шумно засопел и затих.

Все встало на свои места: огсбургский акцент и Конрад Даман, который пытается усидеть даже не на двух стульях! Я в плену и бежать придется тоже из Бранда, из этой ямы не улизнуть.

Глава 15. Снова в Бранд

Скрип цепей давил одновременно и на слух, и, как казалось, прямо в мозг. Тележное колесо с дюжиной свечей, подвешенное к потолку двумя парами железных змей, медленно качалось из стороны в сторону, справа и налево. Сразу двенадцать восковых свечей зажигались в большом и зажиточном фермерском доме исключительно по большим праздникам, и то не в каждый раз. Либо этой ночью, когда огсбургские орки захватили подворье: чужое добро не жаль.

Огонек неровно горел лишь на одной свече, остальные потухли. Пламя качалось вместе с ходом деревянного колеса, и неровный, слабый свет создавал причудливые и мрачные тени, что ложились на окровавленные стены и пол. Я медленно озирался под мерный скрип над головой. Вокруг только бездыханные орки, фермерша и две ее дочки. Мертвецы застыли в причудливых позах, и у каждого разорванное, залитое темным горло.

Вот она! В пяти шагах напротив стояла нечисть из леса. Маленькая девочка с черными, как смоль, волосами, наклоненной вбок головкой и длинной челкой, под которой прятались глаза. Проклятый пепел!

Нечисть словно услышала мой мысленный вскрик! Девочка вздрогнула и как тогда подняла ладошку с когтями. Только на этот раз преграды на пути маленькой руки не появилось, окровавленные пальцы потянулись ко мне, не встречая незримого препятствия. Перепачканные кровью губы растянулись в улыбке, и маленькая головка начала подниматься, чтобы поймать мой взгляд.

— Иди сюда!..

Шумно выдохнув, я вскочил с холодного пола. Глаза широко раскрыты, но ничего не видно, в яме по-прежнему царила крошечная темнота.

— Кровь и песок! — пробормотал я, чувствуя, как накатывается волна облегчения. Это был сон, всего лишь кошмарный сон. Я сидел на земляном полу и тяжело дышал.

— Приснилось чего? — раздался из темноты сонный голос.

Я промычал в ответ что-то утвердительное и представился именем, которым прикрывался ещё со времен таверны «Гусь и окорок» у арнийской столицы:

— Христофер Бонн. Купец из Ревентоля.

— Ричард Тейвил. Барон острова Гонт и лейтенант королевской гвардии, — снова прозвучал из темноты бас офицера. — Да ты не тушуйся, я без предрассудков. Для меня что дворянин, что худого рода, все едино, из одного мяса слеплены.

Драгун негромко рассмеялся. Я же пытался понять, как вести себя с новым знакомцем. Можно ли быть с ним откровенным? Впрочем, побег через комнату, полную пирующих орков, чьи голоса все еще раздавались сверху, был бы последним в моей жизни. Посему можно со спокойной душой отложить вопрос: доверять гвардейцу или нет. Интересно, сколько времени проспал?

— Послушай, Бонн, — судя по шуршанию одежды, Ричард поднялся на ноги, — здесь чертовски зябко! Давай прислонимся спинами друг другу?

Драгун выругался и добавил:

— К дьяволу все! Так хоть немного, но будет теплее.

— И то верно. Ладно, барон, только без рук! — мне стало смешно. Первый раз ко мне

жмется мужик и я не против.

— Ха-ха! — Тейвил тоже рассмеялся, на сей раз в полную силу. В тесной яме его басовитый хохот выходил поистине раскатистым.

Грянул выстрел. Отголосок ружейного хлопка был едва слышен, но я мог ручаться, что не ошибся. Орочья кровь, текшая в моих жилах, внешне ничем не проявлялась, зато даровала острых слух. Где-то сверху точно стреляли!

— Тихо! — воскликнул я.

Драгун смолк. Орки наверху забегали, зазвучали возбужденные голоса, потом шум стих. Вероятно, весь дом высыпал на улицу.

— Что там? — прошептал барон.

— Не знаю, но точно стрельба. Один выстрел!

— Может, кто из горцев пальнул из леса? — предположил Тейвил. — Орки и рейтары с местными не церемонились. Это и по здешней ферме видно, а люд в Загорье сер и уперт. Арния так и не смогла перековать горцев в добропорядочных и тихих подданных. Как говаривал наш майор, зело злопамятные.

— Ночью? Не думаю, — возразил я, вспоминая приснившийся кошмар и дорогу с мертвыми крысоловами. — Даже горцам ночная мгла не по зубам.

— Помяни мое слово, купец, они еще всыпят огсбургам. Ох, не та житуха будет под Карлом, не то, что у короля Герарда или его покойной матушки Марии-Луизы.

Ричард говорил искренне, но он арниец. У меня же были иные впечатления о верноподданническом отношении горцев к монархам по ту сторону Хребта. Загорье как будто отложило мысли о сопротивлении арнийскому владычеству до лучших времен, но никаких теплых чувств здесь к чужим чиновникам, солдатам да иным арнийским мундирам и чинам не испытывали. Хотя и к огсбургам пламенной любовью вряд ли воспылают, зря приход империи ознаменовался орочьими грабежами и убийствами.

Мы вслушивались в происходящее над головами и сверху долго раздавались лишь редкие шаги. Потом, в дом ввалилась целая толпа. Против моих ожиданий нового гульбища не последовало, они просто устраивались спать, размещаясь прямо на полу, и почти не шумели. Рядом за спиной — мы все-таки прижались друг другу — захрапел барон целого острова Гонт.

Что за остров такой? Это была последняя мысль, которая вертелась в голове, когда я заснул. Поджав колени и обхватив себя руками, чтобы согреться чуточку больше.

— Эй вы, ублюдки! Поднимайтесь!

Вниз упала деревянная лестница, едва не зашибив гвардейца. Мы с непривычки жмурились на пятно дневного света в открытом люке. Я полез первым. Нас ждали трое молодых орков, с саблями и кинжалами на ремнях. Кроме них, в доме никого не слышно и не видно.

— Шаграт велел вас накормить, — сказал один из орков, когда в люке показалась белобрысая макушка драгуна.

Не буду скрывать, проголодался я изрядно, однако куда больше хотелось по нужде.

— Отлить бы сначала, — бас Ричарда озвучил нашу общую потребность.

Орки растерянно переглянулись, Шаграт, не давал поручения на этот счет. После короткой молчаливой паузы говоривший орк кивнул своим товарищам и сделал знак следовать за ним. Мы и последовали, а сзади конвоирами пристроились два других орка.

Двор оказался пуст, даже мертвого фермера убрали с глаз. Очевидно, почти весь орочий отряд пребывал за частоколом: оттуда слышался гул голосов. Пара орков повела к гвардейца к нужнику, я остался у крыльца под приглядом старшего. Улучшив момент, сделал парочку шагов в сторону от деревянных ступенек, чтобы посмотреть, что творилось за раскрытыми створками ворот. Похоже, действительно, все орки там; отряд выстроился полукругом у двух погребальных костров, разложенных у лесной опушки. Огонь только зачинался, послышалась заунывная песня на орочьем языке.

— Эй! Ты!..

Я обернулся. Мой ретивый сторож опомнился. Покраснев от гнева, орк широко раздувал ноздри и наполовину обнажил саблю. Он был настолько напряжен, что оказался не в силах сказать еще хоть слово. Сопел и таращил глаза, однако взгляд, которым молодой орк прожигал меня насквозь, был полон решимости. Одно неосторожное слово или движение — и порубит на куски.

Я поднял руки до уровня груди и сделал успокаивающий жест.

— Все понял. Мне вернуться к крыльцу?

Орк кивнул, и я медленно приблизился ко входу в фермерский дом. К тому времени привели Тейвила, что благодушно напевал себе под нос песенку о трех полковничьих племянницах. Старший из орков сказал что-то наставительное двум напарникам на своем непонятном языке, подозрительно косясь на меня. Когда мне позволили идти в нужник, пара стражей за спиной обнажила клинки, зато не били, как в первый день. Знать бы почему? Вчера ведь вообще не было поводов для рукоприкладства, а синяками лицо украсили.

Вернувшись, сразу поднялись в дом. Барон острова Гонт уплетал за обе щеки простую крестьянскую снедь, разве что завтрак не был скромн. Вчера на стол вывалили все содержимое фермерских припасов, хранимых на случай праздничного пира. Старший из молодых орков хмурился за противоположным концом стола. Увидев меня, его лицо разгладилось, орк облегченно вздохнул.

— Христофер! Давай сюда! Здесь даже наливают! — радостно известил лейтенант, едва я зашел внутрь. Гвардеец находился в приподнятом настроении и широко белозубо улыбался; кабы не фингал под глазом, желтое пятно на щеке и разбитые губы, не сказать, что в плену. Я должен был выглядеть не лучшим образом. Тело ныло после вчерашнего, особенно плечи. Но терпимо.

Я устроился рядом. Мясо, сыр, бобы, пироги и соленья. Орки оставили после себя целую гору еды. Я с удовольствием набивал живот, и поглядывал на наших стражей. Ждал, когда остынет их главный, чтобы задать мучивший меня вопрос.

— Чего не пьешь? — склонился ко мне Ричард.

— Как-то не тянет сегодня, — мне вправду не хотелось чего-нибудь крепче колодезной воды, которую нашел в одной из кружек. Только отъестся за последние дни.

— Зря, — драгун причмокнул губами, приложившись к кувшину с темным элем. — Может статься, это последняя выпивка в нашей никчемной жизни.

Офицер опростал емкость с пивом без видимых усилий, удовлетворенно рыгнул, и вернулся к деревянной тарелке с мясом и грибами. Орки тоже ковырялись в еде, только в отличие от нас без видимого интереса. Целую ночь-то уплетать! Старший совсем расслабился.

— Ночью стреляли? — спросил я.

— Да, — не подумав, ответил один из орков. Тот, что едва не зарубил меня, нахмурился,

но подчиненный не заметил насуспенной рожы у другого края стола. Когда он продолжил говорить, главный из троицы сделал вид, что ничего не произошло.

— Двоих из наших завалили. Они стояли на часах вместе Казтуром. Втроем, — некоторые слова орка искажались акцентом, но в общем контексте все становилось понятным. — Когда Казтур заподозрил неладное, было уже поздно. Проклятая эльфийская тварь вырвала Уртаку и Анагу кадьки! Сейчас они идут в Отчий огонь. Все, кто уже убили своего врага, провожают наших братьев к отцам.

А вас молокососов оставили сторожить пленников! Я понял, почему сегодняшнее утро обошлось без тумачков. Орк, не порешивший в бою чужую душу, еще не мужчина. Значит, не может вести себя как настоящий мужчина, в том числе издеваться над пленниками.

— Так это, хм... как его... Короче, ваш стрелял? — офицер буравил взглядом разговорившегося орка. Хмель и веселье испарились с его лица.

— Наш. Я ж говорю, маленькое эльфийское отродье пробралось за частокол. Казтур говорил, что в темноте оно походило на ребенка.

— Почему эльфийское? — пересохшими губами спросил я.

— Потому что после проклятья эльфов в лесах и появились кровососы. Так старики сказывают, — орк на мгновение замолчал и добавил. — Вы люди только за то, что извели эльфов...

Он не продолжил говорить, но и сказанного было достаточно. Даже после Орочьих войн, истребления и резерваций орки ненавидели эльфов гораздо яростней, чем нас, человечью расу.

— Хватит уже. Заткнитесь все! — встрял в разговор старший из молодых орков, стуча рукояткой ножа по столешнице. — Шаграт сказал накормить их, а не трындеть по-бабски!

Гвардеец и я благоразумно замолкли, решив не нарываться, да и куда дают, надо есть. Я рвал зубами мясо и мрачно думал, что ночной кошмар не был просто лишь сном. Она, что, за мной увязалась? По следу идет?

С улицы заглянул вчерашний долговязый орк.

— Во двор их, — отрезал он.

Нас снова повели наружу. Здесь уже всюду сновали бойцы Шаграта, чувствовалось оживление. Орки выводили за пределы фермы оседланных лошадей, кто-то проверял снаряжение и оружие. Светило яркое солнце, как будто даже потеплело. Погребальная песнь, что все еще доносилась с той стороны частокола, в царящей суеде звучала теперь совершенно чужеродно; по крайней мере, для моего уха.

Рядом появились два орка, вооруженные до зубов: в руках аркебузы, за кушаками сабли и ножи. У одного на левом глазу светилось бельмо, щека другого пересекалась глубоким старым шрамом — совсем не молодняк, стороживший нас с утра. Мы получили в спину тычки и были погнаны за ограду фермы, хорошо хоть прикладом не вмазали. Шли в сопровождении шестерых орков. Высокий впереди, два уroda с аркебузами по бокам и давешняя троица юнцов сзади.

Погребальные костры полыхали уже в полную силу. К счастью, устойчивый ветер дул по направлению к лесу, и мы были избавлены от запаха горелой плоти. Рядом с кострами оставались два десятка орков с Шагратом во главе. Он стоял отдельно, вскидывая руки то к огню, то к небесам, и задавал тон всему песнопению.

Наша процессия двинулась в противоположную сторону от костров: к дороге, где ждали еще четверо орков и дюжина лошадей, десять из которых были обвешаны снаряжением. У

каждой из этих лошадей к крупам также были приторочены колчаны с луками и стрелами. Оставшиеся два коня предназначались для перевозки пленников, то есть нас.

Драгуну, теперь хмурому и неразговорчивому, и мне связали руки спереди и велели взбираться на скакуна. Если офицер справился с этой задачей легко, то мне удалось уместиться в седле лишь со второй попытки. Орки не преминули отметить издевательскими замечаниями и смешками.

Руки были связаны на запястьях таким образом, чтобы оставшиеся свободными пальцы могли ухватиться за поводья. На шею кинули веревочную петлю, конец аркана привязали к седлу стоящего впереди жеребца. После гортанной команды высокого орка остальные вскочили в седло и начали выстраивать лошадей по паре в ряд. Наездниками орки выглядели ловкими. Коня с бароном, которому водрузили такую же петлю, как и мне, поместили во второй ряд от головной пары всадников. Я находился в четвертом.

Тронулись в путь мелкой рысцей. Высокого орка другие воины слушались беспрекословно, маленький отряд из десяти вооруженных нелюдей был явно армейским подразделением с железной дисциплиной.

По моим прикидкам ехали на север часа два. Это был не Путь проклятых, а другая дорога, с гораздо более обжитыми окрестностями. Почти сразу же появились встречные деревни, хутора и другие фермы, и везде можно было наблюдать орков. Больших разрушений я не заметил, Загорье пало быстро. По меньшей мере, окрестности Бранда.

Однажды на полпути нам встретилась сотня рейтар в черных кирасах и шлемах. Имперцы неслись мимо с жесткими сосредоточенными лицами. Орки почтительно уступили огсбургцам дорогу.

Столичный город графства предстал таким, каким я ожидал его увидеть после захвата врагом. Посад выгорел дотла и сейчас с полулиге до пепелища выглядел большим черным кругом, опоясывающим крепостные стены. С места пожарища кое-где поднимались тонкие столбики дыма. То ли при штурме в Посаде все-таки завязалось сопротивление, то ли он был отдан на потеху победившей солдатне и после, как водится, спален к чертям собачьим.

С внешнего края земляного вала, что окружал сгоревший пригород почти не пострадавшим частоколом, расположились несколько палаточных лагерей, обнесенных свежим бруствером. Хваленная огсбургская основательность: когда они только успели возвести насыпь и установить стены из заостренных бревен? Сновали пехотинцы, всадники, обозные шлюхи и маркитанты.

Дорога вела в те же ворота, через которые я и Рой покинули Бранд после побега из тюрьмы. Над Белой башней гордо развевался бело-желтый имперский флаг с черным коронованным орлом. Отсюда также был виден западный въезд в город. Через него в город заходили новые колонны войск. Шесть лет назад имперцы сожрали у Леканта владения в Сумеречье, основав новую огсбургскую провинцию — Северную марку. Ныне ее пределы стремительно расширились, а казна императора пополнится серебром с богатых рудников Загорья. Арнийскому королю придется здорово постараться, чтобы вернуть графство, уж очень много войск нагнали огсбурги под Бранд.

Впрочем, до монарших разборок и чужих войн мне дела нет. Поход в Запустение по-прежнему висит надо мной, как топор палача, и вовсе не меняет дело то, что палач дал слабину и позволяет мне вертеть головой на эшафоте. Я бросил взор на связанные руки. Этой ночью надо бежать!

Перед воротами построилось целое каре из пикинеров, внутри которого расположились

рундаширы и аркебузиры. Солдаты были расслаблены, кое-кто немного навеселе, но в случае тревоги разрыв в строе солдат, пропускавший в город дорогу, мигом затянется. Имперцы все же опасались контратаки.

Долговязый орк, командовавший нашим караваном, предъявил троице скучающих офицеров бумаги, и нас беспрепятственно впустили в город. Главный город Загорья не узнать: на улицах очень мало жителей, все какие-то взъерошенные, с потупленным взором, и много огбурских военных. На каждом переулке стояли караулы из десятка солдат под начальством капрала или даже офицера. Однако следов боя почти не заметно. Только кое-где разбитые окна и совсем редко копать вокруг дверных или оконных проемов. Город почти не пострадал, и сейчас затих, замер в ожидании своего ближайшего будущего.

Мы ехали напрямик к внутреннему бастиону Бранда, часто повторяя путь, которым я и толстяк Акан уходили отсюда. Вот и Южная башня приземистого старого замка, что являл собой бастион. У широко распахнутых ворот выстроились пикинеры и алебардисты. За зубцами крепостных стен, уходивших от ворот к западу и востоку, на ярком солнце блестели шлемы. Я решил, что там разместились стрелки.

Копыта лошадей ступили на каменный мост через ров у подножия бастиона. Деревянный конусообразный верх башни венчало еще одно имперское бело-желтое полотнище и выставленный из центрального зева нижнего ряда бойниц деревянный кол с насаженной на него отрубленной головой. Кол наклонили к небу почти вертикально. Так, чтобы было хорошо видно лицо казненного. Какого-то бедолагу прикончили в назидание остальным.

Я бы проехал мимо: что мне до чужой смерти? Тут бы своей головы не лишиться, однако против воли снова посмотрел вверх. Это был Шрам. Джон Шрам. Птицы выклевали глаза, и смерть исказила лицо, но я узнал его.

— Прости! — прошептал я, въезжая в ворота. Руки связаны, и я не мог осенить себя или отрубленную голову знаменем. На мне повис еще один неоплаченный и очень тяжкий долг, и слишком много их на последнем из ночных крыс. Я все время убегал от прошлого, аж на Костяной краб! Но не в этот раз! Клянусь именем воровского бога!

Джон пожертвовал собой, чтобы Рой и я смогли уйти, но точку в его судьбе мог поставить лишь росчерк пера одного единственного человека. Таким в арнийском графстве являлся только губернатор. Конрад Даман! Проклятый пепел! Он не переживет сегодняшнюю ночь. Я заскрежетал зубами в бессильной злости.

Он ответит за все! За наемных убийц, перерезавших горло Верману, моему единственному настоящему другу. Даман заплатит кровью за Площадь Правосудия и расстрелянных Чекко, старого Гюга, Булеза, Дино и Лоиса; за каторгу на галерах для близнецов Жака и Жана; за всех остальных, не переживших последний бой моего «Скорпиона»! И за Джона Шрама!

Даман! Однажды я приду к тебе! Я! Твоя смерть!

Я упивался мыслями о мести и не заметил, как лошади остановились около угла здания из серо-черного камня. Мы прибыли к тюрьме, тому самому двухэтажному каменному строению с решетками на окнах. Стена бастиона, к которому притулилось узилище, была огорожена с трех сторон деревянным тыном и цепочкой огсбургских пехотинцев, а за ними сидели, стояли или лежали прямо на булыжниках мостовой две сотни человек. В центре людского загона горели три костра.

— Вниз давай! Оглох что ли? — Ричард потряс меня за штанину. Руки ему развязали.

Правда, радости на лице драгуна я не заметил.

Я кое-как слез с седла. Подошедший высокий орк ножом разрезал путы на руках и с силой толкнул в плечо. От неожиданности я едва не рухнул к ногам стоящего поблизости подофицера. Огсбургец в темном форменном камзоле равнодушно осмотрел меня и что-то пометил в большой тетради, лежащей на сгибе руки. Драгун стоял рядом, вместе мы были словно скот в продажный день.

Потеряв к нам интерес, имперец бросил оркам несколько слов на незнакомом языке и увел их ко входу в тюрьму, сделка состоялась. А к нам, гремя железом, приблизились несколько солдат в кожаных фартуках, как у мясников.

Глава 16. От плохого к худшему

Солдаты в передниках из кожи оказались полковыми кузнецами. Пятеро широкоплечих огсбургских усачей повели нас к противоположному углу тюремного здания. Я шел, не сопротивляясь — сейчас бесполезно дергаться, мне бы только темноты дожидаться — а Тейвил взбрыкнул. Драгун тут же получил пудовым кулачищем в живот. Гвардеец согнулся пополам, с сильным звуком исторгнув из своих легких воздух. Два солдата заломили за спиной барона руки и, не давая разогнуться, так в согнутом унижительном положении и потащили его за мной. Ричард хрипел, не в силах вздохнуть. Били точно в солнечное сплетение.

За углом тюрьмы разложилась походная кузня. У большого чурбана с наковальной стояли сколоченные из досок козлы, на которых размещались переносной горн и меха, рядом лежала груда цепей.

Когда поддали воздуха в полный раскаленных углей горн, меня подвели ближе. Я с нарастающей тревогой следил за приготовлениями огсбургцев. Худшие опасения оправдались: пришедшего в себя Тейвила и меня заточили в кандалы, скрепив их ковкой. Два железных браслета, ржавых, но крепких, одетых на ноги, соединялись цепью. Они позволяли делать неширокие шаги, не очень-то и мешая движению, но меня тянуло выть! Там, где нужен кузнец, вор бессилён. Немоощна и воровская магия!

Нас протолкнули через жидкую цепочку имперских рундаширов и арбалетчиков. Не сговариваясь, я и барон побрели к самому большому костру в центре загона для пленных. Вокруг звенело железо чужих цепей, бубнили проклятья и ругательства, кашляли и стонали. Нас окружали в основном раненные, большей частью драгуны и наемники из Осиной дружины. У множества тяжелые раны, такие были обречены. На холоде, под открытым небом и без ухода многие из них не дотянут уже до завтрашнего утра, лекарей ведь нет. Вместо них, отпуская грехи, среди обреченных скользили священники. В своих темных сутанах они были словно десяток теней. Еще четверо сбились у левого костра. Инквизиторы! Темно-коричневые рясы с красным крестом над сердцем. Церковники что-то обсуждали.

Поспешно отвернувшись от них, я набросил на голову убор плаща. Встреча с инквизиторами совсем не нужна, особенно с отцом Томасом Велдоном, который являлся одним из четверых!

— Дьявола отродье! — раздался рядом возбужденный возглас барона.

Он склонился к бледному немолодому мужчине в грязном кафтане, который еще несколько дней назад был весьма добротным и недешевым нарядом. Черно-желтые полосатые куртки наемников и красные мундиры драгун были изредка разбавлены стражниками и совсем чуть одеждой обывателей Бранда, однако таковые тоже имелись среди пленных.

— Мастер Дреон. Хозяин гостиницы, где я пребывал на постое, — произнес Тейвил и осенил трактирщика знаменем. Тот был мертв. — Как же он угодил сюда?

Я равнодушно пожал плечами, оставив офицера у покойника. Рядом слишком много живых мертвецов, чтобы сокрушаться над каждым умершим. Гремя цепью, продолжил протискиваться к костру. У огня было гораздо теснее, все кто мог самостоятельно передвигаться, жались поближе к теплу. Ричард Тейвил потерялся где-то в толпе. Если

судить по красным камзолам, здесь у драгуна много знакомцев.

Протянув руки к огню, размышлял, что же делать дальше. Ничего путного в голову не шло. Яркое солнце и голубое небо, столь редкие в последние предзимние дни, угнетали еще сильнее, чем, если бы небеса были покрыты тучами. Небосвод словно насмехался над людским отчаяньем.

Вокруг меня вдруг оживились, забухтели. Со стороны казарм приближалась яркая процессия. Колонной по двое топали аркебузиры в посеребренных кирасах и шлемах, начищенных и ярко блестевших на солнце. Похоже, лицезрею знаменитый Серебряный полк: отборные вояки из огбурстских ветеранов, последний резерв импретцев на поле боя и личная охрана августейших особ и военачальников. К нам пожаловала большая шишка, за спинами аркебузирова маячили несколько фигур в богатых одеждах.

— Чертовы Серебряные, — зло процедил Тейвил, подтвердив мою догадку. Он снова появился около меня.

Серебряные встали широким полукругом перед оцеплением из мечников и стрелков. Блестящие латы, одинаковые отглаженные мундиры, ладно сшитые из дорогой ткани, и высокомерные маски на лицах демонстрировали превосходство имперской военной организации над арницами и их наемниками, израненными и грязными. Впрочем, рундаширы и арбалетчики, что стерегли пленников, недалеко ушли от поверженного противника.

Рядом раздалось перешептывание, люди еще интересовались тем, что происходило вокруг.

— Сызнова сам герцог Альбрехт пожаловал.

— Правда, что ль, он брат императора?

— Тебе не все ли равно, доходяга? Гляди и Даман рядом, вот кому бы в глоту вцепится!

Да, он был там. Важно тряс щеками по правую руку от высокомерного вельможи, вокруг которого почтительно порхали высокопоставленные офицеры. Герцог Альбрехт Отсбург и предатель Даман. Интересно, он все еще губернаторствует? Я сидел у костра всего полусотне шагов от оцепления и прекрасно видел из-под опущенного капюшона, как бегали глазки Конрада. Не очень-то ему по душе находиться перед солдатами короля Герарда, пусть и скованными цепями.

После нескольких слов, обращенных герцогом к Даману, тот сделал два шага вперед, чтобы сделать какое-то заявление. Поверх груди Конрада Дамана лежала орденская лента из двух цветов: белого и желтого. Имперская награда нашла своего героя.

Заговорить Даман не успел. Неожиданно для меня прозвучали первые слова молебна. Отец Томас Велдон громко запел об упокоении усопших на поле брани, ему вторили другие инквизиторы. Герцог пренебрежительно скривился, Даман растеряно крутил головой, а какой-то генерал в камзоле с золоченым шитьем выкрикнул, чтоб прекратили немедля.

Его не захотели услышать, пленные поворачивались лицом к Велдону и начинали молитву. Те, кто был в силах это сделать. Некоторые становились на колени. Взгляды огсбургцев уткнулись в чужие затылки. Я зашептал слова, которые предназначались двуединому Святому Духу, но небеса меня не услышат, донимало другое. Я осторожно оглянулся. Против моих ожиданий ни у одного из импретцев губы не шевелились, что очень странно. Подданные империи славились своей набожностью.

Я искоса глянул на Дамана. Вот он! Рукой подать. Но еще ближе от меня сегодняшняя клятва. О, Харуз! Перед тобой снова появится неоплаченный долг — я сокрушенно

посмотрел на кандалы, с этим не сбежишь. Хотел было дать себе еще один зарок, но после... Потом. Как буду на свободе. Лишь утешался мыслью, что крайне интересные бумаги Дамана спрятаны в надежном месте, и они обязательно лягут на стол королю Арнии. Хотя после сдачи Загорья гнилой душонкой владельца писем не удивить, тем более после того, как порежу ему горло. Я непременно прикончу его! Однако содержимое бумаг перечеркнет планы больших и влиятельных людей в Ревентоле, которые были заодно с Конрадом Даманом. Мне будет этого достаточно.

Песнопение окончилось. Отец Томас опустил сложенные в молитвенном жесте руки и с вызовом посмотрел на герцога Альбрехта, а затем перевел взгляд на Дамана. Взор инквизитора стал испепеляющим.

Когда бывший генерал-губернатор арнийского Загорья вновь выступил вперед с заготовленной речью, Велдон и его инквизиторы демонстративно повернулись к предателю и обсургцам спиной. Отец Томас направился к тяжело раненым со словами благословения; изредка он клал на склонившуюся перед ним голову ладони и замирал. Целительская магия! Только сил инквизитора не хватит, чтобы помощь хотя бы каждому десятому среди страждущих.

Конрад Даман все еще говорил, его унылая речь сводилась к призыву присягнуть императору Карлу и была мало кому интересна. Пленники не обращали на него внимание и копошились в огороженном квадрате так же, как и до появления блистательных кирас имперцев, словно бы тех и нет. Голодным, замерзшим и раненым людям огсбургцы опостытели. Здесь были только те, кто в безнадежной ситуации не сдался на милость захватчиков, они не собирались покоряться и сейчас.

Я бы назвал подобный выбор глупостью. Одно дело в бою сражаться до конца, другое — спасти свою шкуру, изобразив видимую лояльность новой власти, когда бой уже проигран. Будет же возможность удрать из покоренного графства или хотя бы затаиться, а так... Шансов у них нет! Сам бы я уже протискивался к имперцам, чтобы изъявить свою верность огсбургской короне, кабы не перспектива воскреснуть перед поросычьими глазками изумленного Дамана. Меня останавливало лишь его присутствие, только он, а не какое-то глупое благородство. Для вора, что Огсбургская империя, что арнийское королевство — все едино. Тем паче королю Герарду Пятому я не присягал, а Николаса Гарда и вовсе расстреляли во имя королевского правосудия.

Вот и получается, что сбежать не могу и единственный путь на свободу — это покорность притязаниям императора Карла на Загорье. Я размышлял над тем, как поступить, чтобы избавиться от оков, когда по загону для пленных побежала рябь вялого возбуждения. Сюда сунулись четверо рундаширов и подофицер, который принял меня и Тейвила у орков. Подофицер кого-то определенно искал, он крутил головой и стрелял взглядом над головами пленных. Имперцы искали барона. Ему опять заломили руки и под басовитые проклятья потащили под светлые герцогские очи. Подофицер остался тут, рядом со мной.

Оставив лейтенанта в двух шагах от Альбрехта Огсбурга, генералов и Дамана, солдаты вернулись. Кажется, они возвращаются по мою душу... Проклятый пепел! Так и есть! Подофицер указал заостренной бородкой на мою закутанную в плащ фигуру. Пнув кованым сапогом для острастки, мне тоже заломили руки. Спустя четверть минуты, я стоял перед важными огсбургцами, опустив голову и спрятав лицо в тень капюшона. Кровь и песок! Мое положение стремительно менялось: от плохого к худшему!

— Он! Это он! — кричал Конрад. Хотя нет, более правильным будет сказать, что Даман вопил. — Герардова ищейка! Его прислали, чтобы следить за мной!

— Как видно, я прибыл сюда не зря, — с каменным лицом сказал Тейвил, когда Даман замолк, чтобы перевести дух. — Жаль, что оказался в Бранде слишком поздно.

Конрад Даман побагровел. Еще мгновение, и его снова разорвёт поток истеричной желчи.

— Довольно, — чеканно произнес герцог.

— Ваша светлость, я всего лишь хотел..., — попытался возразить Даман.

— Вы не слышали меня? — герцог Альбрехт говорил с ноткой равнодушия в голосе, но в его глазах отчетливо мелькнуло раздражение. Когда Конрад Даман заткнулся, огсбургец перевел взор на лейтенанта.

— Это так? Вы посланы на север с... — герцог замялся, подбирая нужное слово. Он изъяснялся на общем языке практически без акцента, — с тайной миссией?

Тейвил оставил обращенный к нему вопрос без ответа.

— Что ж, — после короткой паузы продолжил Альбрехт Огсбург, — у нас отыщутся те, кто поможет сделаться более сговорчивым. Уведите его!

Рундаширы повели барона напрямик к тюрьме. У входа в здание их нагнал кузнец, который принялся сбивать с ног Тейвила кандалы, однако ничего хорошего это ему не сулило.

Герцог Альбрехт заговорил с генералами на имперском наречии, Даман переминался с ноги на ногу в сторонке, а я обливался потом под шерстяным плащом. Про меня как будто забыли. Но нет, ненадолго. С меня сорвали капюшон.

Брат императора со скукой разглядывал мою небритую физиономию с ссадинами и синяками. Ну что за интерес допрашивать какого-то купца? Зато Даман превратился в большую толстую рыбу: тарасил глаза и беззвучно открывал рот, силясь что-нибудь выдать из себя. Экс-вице-король Заморской Арнии узнал меня с первого взгляда. Эх, лучше бы орки избили до неузнаваемости.

Альбрехт Огсбург заметил необычное поведение Дамана и теперь с гораздо большим любопытством посмотрел меня. В свите герцога тоже не оставили без внимания происходящее, уж больно яркими пятнами пошел Конрад Даман.

— Ты, — наконец смог произнести Даман, — Живой!

— Да и ты, как погляжу, не издох.

Тирана, что последовала после этих слов, была достойна самого дна любого из злочных мест, какие только можно представить. Даман орал, что есть мочи и даже попытался подступить ко мне, однако был остановлен одним из серебряных. Кричал Даман без стеснения, на всю округу.

— Кто это? Вы знаете имя сего человека? — спросил герцог, как только Даман заглох на мгновение, чтобы достать платок.

Даман переводил маленькие глазки то на меня, то на имперца, постепенно он приходил в себя. Герцог терпеливо ждал, чего не скажешь об его свите. Высокопоставленные офицеры вовсю шептались позади Альбрехта Огсбурга и как будто насмеялись над Даманом.

— Ваша светлость, — заговорил Даман, — это очень опасный преступник. Он вор и пират, убийца...

Конечно, Конрад загнул, назвав меня убийцей, но в целом мне было безразлично, что он наплетет. Стало все равно, что будет со мной дальше; хуже, чем мог представить, точно не

будет. Надо ж так глупо попасться!

— ... и надлежит четвертовать! — закончил свою речь Даман.

— Душа этого человека принадлежит Церкви! Это дело церкви! — вдруг громогласно объявил отец Томас. Я и не заметил, как он очутился близ герцога и теперь буравил меня взглядом. Его взор прожигал насквозь. Истинный инквизитор!

— Душа каждого из здесь присутствующих принадлежит империи! — левый глаз герцога дернулся. Хорошее расположение духа и выдержка покинули его. Альбрехт Огсбург вплотную подошел к инквизитору и медленно проговорил. — А здесь я олицетворяю власть Его Императорского Величества, и только мне решать, забрать ли эту душу либо поступить с ней иным способом.

Над окрестностями тюрьмы повисла гробовая тишина.

— Напоминаю вам, святой отец о времени. Его Величество Карл Первый милостиво даровал вам и вашим чадам три дня на раздумье. Готова ли инквизиция Северной марки...

— Инквизиция Арнийского Сумеречья! — Томас Велдон перебил Огсбурга своим железным тоном, от которого у обывателей Бранда тряслись коленки.

Герцог побледнел, но его пронял не страх, а ярость. Тем не менее, совладав с собой, он продолжил:

— Готова ли инквизиция... — Албрехт старался говорить, избегая острых углов, — Готова ли инквизиция Бранда дать клятву верности Его Императорскому Величеству?

Даже я был поражен, только что имперец предложил священнику подчиниться светской власти. Неслыханно! Церковь всегда стояла особняком от политических дрызг и войн. По меньшей мере, Матерь Церковь постоянно декларировала это. В любой стране духовенство подчиняется только папе — первосвященнику в Тиме и наместнику Бога Отца и Бога Сына на Орноре, но, видимо, в империи огсбургов с недавних пор все иначе.

— Однажды я уже дал обет, — молвил отец Велдон. Он воспринял слова герцога очень спокойно. Скорей всего слышал их не в первый раз. — Я давал обет Двуетному Святому Духу и Матери Церкви. Новая клятва может быть только Дьяволу!

Отец Томас Велдон невозмутимо сложил руки на груди и спокойно посмотрел в глаза Альбрехту Огсбургу. В лицо герцога, олицетворявшего власть Его Императорского Величества, как он сам выразился, было брошено страшное оскорбление. Я покосился на троицу инквизиторов, сбившихся кучкой в дюжине шагов позади, перед цепью оцепления. Они держались, стараясь сохранить невозмутимость, но церковникам было очень не по себе.

Герцог не выдержал напора черных глаз инквизитора. Он вернулся к своей свите, метнув через плечо подофицеру, притащившему меня и Тейвила за оцепление:

— Этого тоже увести!

Кинув на меня злой, мстительный взгляд, довольный Даман засеменял за имперцами.

— Я настаиваю! — Велдон сделал несколько шагов к огсбургцам, пока его путь не преградили двое серебряных. — Он совершил тяжкий грех! Он не только сбежал из тюрьмы, но и помог проклятому избежать упокоения!

Герцог замер и спустя один удар сердца резко развернулся на каблуках. Пальцы правой руки его светлости тарабанили по эфесу шпаги.

— Я велел увести его, — герцог все же справился с эмоциями и заговорил ровным тоном, начав с незнакомого слова. — В каземат, где и разберемся во всем, а ваше время, святой отец, истекает завтра.

Альбрехт Огсбург, его свита и аркебузиры ушли. Мне велели идти к полевой кузне, где

солдаты не спеша и без суеты, которую демонстрировали перед высоким начальством, освободили от цепей. Я все время помышлял о бегстве, однако солнце светит ярко, кругом полно имперцев. Я обреченно поплелся за подофицером, у которого снова появилась толстая тетрадь. За спиной на чужом наречии о чем-то спорили два конвойных рундашира.

Святой отец словно застыл на том самом месте, где спорил с герцогом Альбрехтом, сейчас он задумчиво провожал меня взглядом. Захотелось крикнуть, чтобы к чертям катился! В милость инквизиторов я не верил. Он не мог знать наверняка, что тот молоденький церковник был убит, да только людям в рясах с красным крестом над сердцем никогда не требовалось доказывать что-то, когда они уже решили, как было на самом деле. пытка — царица доказательств! Что у инквизиторов, что у любых других дознавателей.

Мы зашли в тюрьму. Просторное квадратное помещение с лестницами вниз и вверх и решетчатыми дверьми теперь не выглядело пустым. У стен появились заваленные бумагами столы. С писарями, глухими ко всему, что вне их бесконечных чернильных строк. Никто даже не поднял головы, чтобы поглазеть на вошедших через дверные створки. Проклятый пепел! Я не стоил иллюзий, мне грозит не удушающее бюрократическое объятие, а старый добрый допрос с пристрастием. Как же так угораздило!

К моему удивлению офицер отпустил рундаширов. Я стоял посреди квадратной комнаты со свободными руками. Под скрип гусиных перьев и чье-то покашливание полезли шальные мысли. Однако додумать до какого-нибудь отчаянного решения я не успел. С лестницы, ведущей вниз, послышались грубые голоса. Когда показались головы стражников, я изумился гораздо сильнее, чем несколько мгновений назад — те же самые надзиратели, что и при арнийской власти. Вроде даже те, на кого напоролись, когда бежали из заточения вместе со Шрамом и Роем.

Подофицер кивнул четверке стражников. Двое из них опять заломали руки и повели вниз вслед за огбургцем. Тюремщики... Таким все равно, кому служить.

В подземелье опустились на три лестничных пролета, каждый из которых означал новый уровень. Лестница спускалась дальше, а меня погнали по полутемному коридору третьего подземного этажа, освещенного редкими факелами. По обеим сторонам имелись почерневшие от времени промасленные двери. До слуха доносился приглушенный вопль. Кровь и песок! За одной из дверей кого-то пытали. Скоро эта участь ждет и меня.

Героя строить не стану, сделаю все, чтобы избежать пытки! Нужен всего лишь шанс, один маленький шанс, и я навсегда исчезну из Бранда!

Коридор расширился, перейдя в полукруглую площадку с каморками без дверей. Там стояли столы, на которых играли в кости тюремщики, трое надзирателей дрыхли на кушетках. Всего десяток, и тоже из прежних. Один из них едва не подпрыгнул, увидев меня. Торопливо нацепив пояс с кинжалами, он увязался следом. Проклятье! Этот узнал!

Подземный проход снова сузился. Мы шли, пока голоса отдыхающих надсмотрщиков не затихли. Лязгнул замок, открыв очередную дверь. Небольшая камера освещалась подвешенным к низкому потолку фонарем, у стены был распят голый человек. Тейвила приковали к грубой кладке, широко раскинув руки, что удерживались на стене широкими кольцами, наподобие кандалов, прикрученных к камню. Ноги, наоборот, были сведены вместе и удерживались железной петлей над лодыжками. Вокруг шеи также было полукольцо. Барон мог кое-как шевельнуться, но не присесть, ни иным способом сменить позу. Ричард был беззащитен, его тело полностью раскрыто для внешнего воздействия. Слева от него блестели пустые цепи. Не трудно догадаться, кому они предназначались.

— Жрать когда принесете? — с вызовом прорычал Тейвил, когда меня завели внутрь.

Подофицер не обратил на барона внимания, но двое стражников, чьи руки не удерживали меня, проронили ругательства и принялись демонстративно закатывать рукава.

— Прекратить! — отрезал имперец. — Не про вашу честь!

Стражники переглянулись и отступились.

— Что? Зассали? — пробасил барон и плюнул на одного из них. Тот состроил мрачную гримасу и дернулся было к арнийскому гвардейцу, но тут же с громкими ругательствами отскочил назад. Тейвил мочился, стараясь угодить на стражника. На сей раз неудачно.

— Прекратить! — снова прикрикнул огсбургец. Поднявшийся было гомон смолк.

— Сыкуны, — снова прорычал арниец.

Подофицер словно бы и не слышал его. Только сказал коротко, на этот раз мне:

— Раздевайся.

Я полностью избавился от одежды. Когда меня заточили в железо рядом с Тейвилем, в душе появилась робкая надежда. Цепи замыкались замками, чьи щелчки означали, что их также можно и открыть. Магия вскрывает несложный запор и без помощи рук вора, вопрос лишь во времени. Есть ли оно у меня?

К моему лицу приблизилась рожа оскалившегося в злобной гримасе тюремщика, что присоединился к конвою внизу:

— Подыхать тебе тут долго!

Я почувствовал жар. Он медленно подносил факел к моей груди. Возглас на огсбургском наречии одернул стражника.

— Хоть пальцем его тронешь, и окажешься рядом! — пригрозил имперец.

Страх, который лег на лицо тюремного надзирателя, был неподдельным. Я мог бы мстительно порадоваться, если бы только ужас тюремщика не сулил и мне нечто пугающее. До спазма в животе. Дьявол! Те крики в коридоре леденили кровь.

— Все за мной!

Снова громыхнул замок. В холодной камере остались я, Тейвил и тусклый фонарь.

Глава 17. Дела Церкви

Тело дрожало, помимо воли. В камере ощутимо прохладно, и распятый, почти без возможности пошевелиться, я замерзал с каждым вздохом. Стражники хлопнули дверью всего несколько минут назад, но уже покрылся гусиной кожей.

Ричард безбожно сквернословил; осёкшись, когда я чихнул.

— Тебя-то сюда за что, Христофер? — заговорил барон. — А? Купец?

— Я не купец. Я вор, в прошлом еще и пират. Мое имя...

Договорить не удалось. Тейвил перебил нарочито громким и отчаянным смехом.

— Купец? — любопытствовал он, немного утомившись. — Ну а я шпион!

Гвардеец снова зашелся в притворном веселье. Тейвил не мог вести себя иначе перед лицом страшной смерти, не мог не храбриться. Мы оба знали, что из этой полутемной и сырой камеры, десяти шагов в длину и столько же в ширину, живыми не выйти. Никто не станет вырывать пыткой чужие тайны, когда рядом есть уши, чей обладатель унесет с собой услышанное.

Про себя решил, что буду говорить все, что палач захочет услышать, и лгать, лишь бы угодить ему. Погибать ни за что, ни про что я не собирался. Однако, как ни горько это признать, любые сказанные слова отсюда не выведут, надежда лишь на магию. Нужно, чтобы барон заткнулся! Я не мог сосредоточиться и прикоснуться к талантам, дарованным воровским богом.

— Меня зовут Николас Гард, — торопливо продолжил я, дождавшись, когда можно было снова говорить, и коротко представился, не забыв упомянуть про площадь Правосудия. Только приврал немного, исказив побег из королевской тюрьмы, дабы не обмолвиться про Запустение и не назвать некоторые имена.

Во взоре Тейвила читалось недоверие, но он слушал мой рассказ, не перебивая. Я закончил и собрался было попросить его о тишине, как в коридоре, за стеной, раздались приглушенные голоса. Произошло то, чего я и боялся. Дверь открылась, впустив галдящих тюремщиков, а, значит, времени у меня нет. Чертыхаясь, две пары стражников втащили в нашу пустую камеру тяжелый овальный стол, устроив его в дальнем углу. Кинув в наш адрес несколько дежурных угроз и оскорблений, тюремщики спешно смылись. Даже не прикрыли за собой дверь!

— Кровь и песок! — пробормотал Ричард.

Я тоже чувствовал себя подавленно, скоро начнется.

Снаружи послышался стук подкованных каблуков. Дверь отворилась, впустив в камеру фигуру в черной монашеской рясе и накинутым на голову убором. Священник или тот, кто был облачен по церковному, нес два потертых продолговатых саквояжа.

Не обронив ни звука и как будто не взглянув на узников, незнакомец приблизился к столу, поставил на него обе сумы и вернулся к двери. В полнейшем безмолвии замок лязгнул очень громко. Все также, демонстрируя отсутствие интереса к нашим персонам, монах снова подошел к столу. Шаги церковника отдавались в ушах цоканьем металла о каменные плиты.

Раскрыв саквояжи, монах принялся выкладывать на столешницу различные металлические инструменты. Как-то раз довелось видеть принадлежности полкового хирурга. Вещи монаха были очень похожи на то, чем отнимали ноги и руки у раненных

солдат. Хотя какой он, к черту, монах! Справа сдавлено дышал драгун.

Изредка незнакомец поднимал до уровня глаз очередной инструмент, извлекаемый из саквояжа, и вертел перед собой, словно любуясь. Мы тоже смотрели на жуткий металл в руках монаха, не в силах отвести взор, движения церковника воздействовали завораживающе.

Я тянулся к воровской магии. Моему внутреннему взору никак не удавалось вскрыть устройство замка на плоских кольцах, какими были прикованы к стене руки. Там замок не должен быть сложным, и магия сама вскрыет его, однако я не чувствовал ничего. Вместе с магией приходит легкий прилив сил и эйфория, которые тают за несколько ударов сердца, растворяясь внутри. Затем появляется нужное, к чему устремился всем своим естеством: ночное зрение, острый слух, бесшумный шаг, слияние со тьмой или проникновение в устройство замка. Но только не сейчас! Я наткнулся на пустоту раз за разом, когда искал дар Харуза.

Щелкнув механизмом, замыкающим саквояж слева от себя, церковник аккуратно поместил его под стол. Потом, повторив то же самое со второй сумой, монах развернулся и, не поднимая склоненной головы, сделал несколько шагов в нашу сторону. Остановился он в двух футах от стены, как раз между нами, и кашлянул. Столь обыденное действие, но я вздрогнул, мне начинало казаться, что перед нами не совсем человек.

Это был инквизитор — над сердцем вышит красный крест! Вот почему Велдон столь пристально следил за мной! Кого же он прислал? Конгрегация Вселенской инквизиции всегда славилась умением вести допрос с пристрастием, однако стоило инквизитору произнести первые слова, и я понял, что ошибся. Человек в рясе с красным крестом не имел ничего общего с инквизиторами Бранда.

— Вы будете называть меня святым отцом, — заговорил монах. Его речь звучала правильно, но одновременно резала слух явным огсбургским акцентом. Имперец поднял руки, чтобы откинуть капюшон. Пальцы, высохшие и тонкие, как у мумии, медленно опустили на плечи убор.

Я непроизвольно отпрянул. Голова без растительности, даже без бровей, и лицо, обтянутое желтоватой нездоровой кожей с выпирающими скулами, серыми тонкими губами и глубоко посаженными глазами, создавали впечатление ожившего и заговорившего черепа. Особенно при тусклом свете единственного светильника, подвешенного под потолком позади инквизитора.

Отступив на несколько шагов назад и упершись спиной в стену из грубо обтесанного камня, церковник сложил руки на груди и неспешно осмотрел Тейвила, с ног до головы, скользя по нему колючим взором. Потом также оценивающе оглядел и меня, отчего я занервничал. Никак не удавалось настроиться на нужный лад, чтобы нащупать ниточку к воровской магии, но с упорством и одновременно нарастающим чувством досады продолжал свои попытки. Я уже забыл, когда прежде не получалось прикоснуться к магии.

Монах вдруг спросил:

— Есть ли среди вас двоих чернокнижники?

Я замер, по мне снова пробежала дрожь, то ли от холода, то ли теперь от вопроса инквизитора. Порадовался про себя скудному свету фонаря, что скрыл предательскую реакцию моего тела на странный вопрос церковника. Но может ли тот видеть меня насквозь?

— Оберст Даман, — продолжил инквизитор, — уверил, что этот уровень подземелья идеально защищен как от внешнего колдовского проникновения, так и от ворожбы внутри.

Здесь черное волшебство не возымеет силы и...

Церковник оборвался на половине своего утверждения. Он переводил взор с меня на Тейвила и наоборот. Губы чуть скривились, словно от брезгливости, но взгляд пылал опасным огнем. В его глазах отражались отблески костров инквизиции из прошлого Орнора. Весьма недалеко прошлого.

...и любая магия доставит вам гораздо больше страданий, когда мы на начнем, — закончил недосказанное монах, улыбнувшись. Вернее, он полагал, что улыбается, а на самом деле еще сильнее становился похож на говорящий череп. — Разумеется, если между нами возникнет недопонимание. Но, когда мы начнем понимать друг друга, его светлость герцог Альбрехт выслушает вас, тогда сможете рассчитывать на его милость и смерть. Вернее, то, что от вас останется, наконец, дождется ухода в мир иной для встречи с Создателем.

Инквизитор продолжал улыбаться, и смотреть на него было невыносимо. Любая предсмертная маска из гипса выглядела бы гораздо более живой, чем лик нашего палача.

— Да пошел ты! — рыкнул барон. Я поймал взгляд Ричарда, когда он посмотрел на меня. В нем смешались ненависть и отчаянье загнанного зверя.

— Оберст Даман предупреждал, — притворно вздохнул монах. При этом его глаза не мигая уставились на гвардейца. Ненадолго, но этого времени мне хватило, чтобы поймать себя на малодушии. Я был рад, что Тейвил нарочито приковывает внимание инквизитора к себе, а, значит, пытка начнется с него, и у меня еще будет драгоценное время. Чтобы подышать полной грудью или найти путь к магии. Если это вообще удастся!

Я запаниковал! Предо мной словно стена! Неужели инквизитор не врет, и Даман сказал правду, а окружающие стены на самом деле гасят магию? Помнится, в книгах о войнах с расами нелюдей встречались упоминания про защитные чары, что накладывали святые отцы на темницы для важных пленников. Только откуда Даману о том знать? Оберст Даман! Как ему в полковничьем чине, когда был генерал-губернатором? Я чуть не взвыл! Что за мысли сейчас в голове? Какое мне дело до предателя Конрада Дамана, когда нет и не будет моей воровской магии, а, значит, гаснет последний призрачный шанс на побег!

Инквизитор склонился к столу со своими приспособами для пыток, он снова перебирал их, бормоча что-то неразборчивое себе под нос.

— Не поминай лихом, Христофер, — прошептал Ричард.

— Гард. Николас Гард.

— Пусть будет Гард.

Тейвил уронил голову на грудь. Его пересохшие губы произносили слова молитвы. Не хотелось верить, что он сломался, но я и сам на грани отчаянья. Нам суждена мученическая смерть, и небо проявит неслыханную милость, если умрем быстро. Проклятый пепел! В отличие от Ричарда, я не мог вспомнить ни слова молитвы! Лишь взывал к милости Бога Отца и Бога Сына! А в голове только сквернословия и богохульства. Небеса никогда не примут мою черную душу! Ей уготована дорога в Ад!

Монах по-прежнему звенел железками.

За дверью послышались шаги. Я превратился в слух, моля двуединый Святой Дух, чтобы это шли к нам. Хотя бы это, Боже! Я искал надежду буквально во всем, что бы это ни оказалось, даже в чьих-то шагах! В дверь настойчиво затарабанили кулаком.

— Открывайте! — прогремел требовательный железный голос Велдона.

Монах в черной рясе не подал вида, что происходит что-то стоящее внимание.

— Отворяй, сукин ты сын, — прошипел Тейвил. Его церковник услышал, он резко

вскинул подбородок и уставился на барона своим змеиным немигающим взглядом.

— Открывайте! — снова забарабанил по дубовым доскам отец Томас. — Именем... У меня лично распоряжение его светлости насчет заключенных!

Упоминание герцога Альбрехта подействовало на имперца. Спустя несколько мгновений он раскрыл дверь, но при этом встал так, чтобы перегородить вход в камеру.

— Отец Франс, — произнес Велдон. За его спиной был ещё кто-то.

— Отец Томас, — ответил огсбургец, учтиво склонив голову, но не сдвинулся с прохода. Ничуть не смутившись, Велдон шагнул вперед и едва не уткнулся своим носом-картошкой в ястребиный клюв имперца. Бросилось в глаза, что их рясы разных цветов: черная у отца Франса и коричневая у Томаса Велдона.

— Немедленно пропустите! Его светлость поручил принять исповедь у всех узников, кто захочет покаяться перед смертью. Вы, отец Франс, будете препятствовать мне?

Имперец неохотно отступил на два шага. Вслед за Велдоном в камеру зашли еще двое инквизиторов в коричневых рясах. Огромные и крепкие, широкоплечие; монашеские рясы смотрелись на них совершенно чужеродно. Типичные трактирные вышибалы, даже выражение на лицах соответствующее. Напускная маска равнодушия и глаза, не блестящие особым интеллектом.

— Братья из монастыря Маунт, — сказал Велдон, — отец Брендон и отец Джон.

— Зачем они здесь? — рука инквизитора в черной рясе сжалась в кулак и непроизвольно дернулась к кресту, вышитому над сердцем. Его вывели из себя, хотя отец Франс смог сдержать большую часть всколыхнувшего его раздражения.

— Они со мной, — то ли пояснил, то ли указал отец Томас.

Один из монахов из аббатства для проклятых душ нес тугой сверток, который сейчас прислонил к стене, чтобы ничто не мешало разобраться с дверным замком. Когда тяжелая дверь хлопнулась, второй громил в церковной рясе решительно направился к овальному столу и начал бесцеремонно копошиться в пыточных инструментах.

Всплеснув руками и зло обронив несколько слов на имперском наречии, огсбургец бросился к своему имуществу.

— Выходит, вы оба здесь, — несколько задумчиво сказал Велдон, приблизившись к нам. Его слова показались непонятны. Что значит оба?

— Отец Томас, — смиренно произнес Ричард, — я...

— Погодите, лейтенант, — перебил его священник. — Сперва мне бы хотелось узнать у вас обоих одну принципиальную вещь.

— Что? — непонимающе спросил Тейвил.

Пожалуй, я впервые наблюдал растерянность на физиономии барона, да и мне самому был не очень-то понятен поступок Велдона. Отец Томас слыл и на деле являлся весьма строгим ревнителем устоев Матери Церкви. Немыслимо, чтобы он вот так бесцеремонно оборвал покаяние, тем паче у смертника.

Зашевелились подозрения. Не разыгрывают ли инквизиторы дешевый спектакль? Но мне глубоко наплевать на драматургию церковников. Я хотел жить!

— Святой отец, чтобы вы хотели услышать? — заговорил я. Сейчас его уши получают все, что только пожелают. Я тоже сыграю в их представлении, тем более что о моих настоящих тайнах Велдон даже примерно не ведает.

— Тебя зовут Николас Гард?

Начало разговора не слишком безобидное. У королевского правосудия к человеку с

таким именем найдется немало вопросов, и отнюдь не только в Арнии. Но в нынешней ситуации отпираться бессмысленно, я согласно кивнул.

— Ты вор, — отец Томас задумчиво почесал свою седую короткую бородку, сделавшись очень похожим на университетского профессора, — и Даман уверяет, что еще и опасный разбойник, флибустьер. Словам предателя особой-то веры нет, да...

Велдон замолк, не договорив свою мысль.

А в выражениях он не стесняется! Чего инквизитор хочет этим добиться? Или сказанное не уловка, и святой отец говорит искренне? Священник очень близко подошел ко мне и уставился в глаза, наши переносицы едва не касались. Его взгляд беспокойно бегал, но оставлял все то же тягостное ощущение, как тогда в нашу первую встречу.

— Верить Конраду больше нельзя, — вновь сказал отец Томас, — да только ты уже сбегал из этой тюрьмы. Ты жить хочешь, Гард?

— Кто ж не хочет, святой отец, — неожиданно я понял, что слышу собственный хриплый голос. словно со стороны и как будто чужой.

— А ты лейтенант? — инквизитор оставил меня и теперь буравил взглядом драгуна.

— Хочу!

— Верно ли говорят, что барон Ричард Тейвил прибыл сюда не просто из столицы, а из Тайной палаты?

Собственная Его Королевского Величества палата Тайных дел! Это, если полностью произносить название сей особой канцелярии. Королевские ищейки, которые суют нос во все мутные дела и оберегают монаршую особу от заговоров. Поговаривают, что все личные телохранители короля из них. В Ревентольских кабаках байки о невероятной крутости дворян из Тайной палаты, чьи имена, конечно же, скрыты от публики, прочно занимают второе место по популярности после похабных анекдотов.

Тейвил не ответил, Велдон тоже молчал. Тишина продлилась несколько долгих томительных минут, пока отец Томас не начал мерить камеру шагами.

— Император Карл Первый еретик! Почти два года как Церковь в границах империи присягнула на верность трону. Хотя нет, — Велдон яростно смотрел на собрата в черной рясе. Челюсть имперца шевелилась, глаза по-прежнему горели огнем, но он сохранял безмолвие. По обе стороны от иноземца в позе цепных псов застыли великаны отца Томаса. — Нет! Отступники дали клятву и служат даже не трону, а семье Огсбургов! Дьявола отродья! Ибо сказано: богу богово, а кесарю кесарево!

— Забываешься! — выкрикнул отец Франс, сделав шаг вперед, но был остановлен. На его плечи легли пудовые лапы обоих маунтских братьев. — Дело Церкви есть служба роду человеческому. Ты знаешь, отец Томас, кому сии слова принадлежат. Мы служим людям, а не папе в Тиме, ибо не важно, кто предстоятель нашей Матери Церк...

— Довольно! Не смей причислять ваш сброд отступников к Матери Церкви! — звенящий внутренней силой голос Томаса Велдона оборвал слова имперца как удар плетью.

Томас Велдон выставил в сторону инквизитора в черном руку в обвиняющем жесте, тыча указующим перстом на пол у ног отца Франса после каждой своей фразы:

— Дело Церкви — это бремя пред двуединым Святым Духом! Дело Церкви — жизнь и смерть ради спасения души каждого грешника! От последнего бродяги до королей и императоров! Дело Церкви — это внутреннее разумение Матери Церкви! Все остальное от лукавого! От Сатаны! Он отец лжи, и вы польстились на его посулы!

Огсбургец стоял, закрыв глаза. Кончики его пальцев, которые были чуточку видны в

опущенных рукавах, дрожали. Но, когда отец Франс поднял веки, мне показалось, что вместо зрачков у него уже не просто огонь, а бушующее пламя. Велдон принял вызов и встретил немигающий взгляд имперца.

Я потерял счет времени, а они все еще сверлили друг друга глазами. Едва подумалось, сколько же прошло минут, как отец Томас сдался. Выдержать почти змеиный взор было нелегко даже ему. Инквизитор в черной рясе победно ухмыльнулся.

— В нашем храме, здесь в Бранде, — Велдон смотрел сейчас на нас. Его голос был негромок, будто бы уставший, — хранится частица святого Креста, на котором гвендарские эльфы распяли Бога Сына. Мои братья в Загорье решили дать клятву, которую требует герцог Альбрехт. Временная и пустая клятва, ведь её произнесут по принуждению. Иначе им посулили имперскую каторгу, но братья будут ждать своего часа. Я же не позволю, чтобы святая реликвия досталась еретикам!

В следующее мгновение отец Томас сделал то, чего я совсем не ожидал увидеть. Он встал перед нами на колени!

— Молю вас спасти реликвию! Помогите мне добраться до Долгого Хребта и переправить святую вещь в Арнию! Сделайте это, — Велдон поднялся. Он снова стал похож на самого себя, его речь опять зазвенела железом, — и я отпущу вам любые грехи. Даже убийство нашего юного брата и его слугу!

Последние слова были обращены ко мне, а я пораженно таращился на происходящее за спиной святого отца. Один из арийских инквизиторов крепко удерживал имперца за локти, а другой душил отца Франса накинутым на шею тонким шнуром. Теперь в выпученных глазах огсбургца не было огня, там застыл ужас. Все же человек, как и все мы.

Когда отец Франс затих и обмяк, Велдон осенил его знамением и произнес:

— А сей грех нам простит Господь!

Мое сердце учащенно билось, я забыл о холоде и по-новому смотрел на церковника в облике доброго дедушки и истовой душой инквизитора из былого. Как и его убитый собрат, Велдон словно бы пришел из времен войн Святого Отмщения. Войн, которые почти стерли эльфов с лица Орнора. Внутри них обоих пылала фанатичная вера. На наше счастье, это вера была и похожа, и разная. Велдон не менее опасен, и только что доказал это, но одновременно он оказался последней соломинкой для спасения.

— Клянусь, что доставлю вас в Ревентоль. Вас и частицу Креста, — сказал я, осторожно отмеряя каждое слово. — Но сначала я должен исполнить другую клятву. Она дана раньше.

— Смеешь ставить условие? В твоём-то положении?

— Я поклялся, — упрямо произнес я, — и мои слова скреплены клятвенным крестом. Сначала я иду в Запустение! Потом помогу вам! Или сдохну здесь!

Я не мог забыть свои обязательства перед кардиналом Антуаном. Их не позволит забыть расплата, что обязательно настигнет клятвопреступника.

Велдон закусил нижнюю губу, ему-то ведомо, что такое клятвенный крест. Долгие, мучительные мгновения он думал, согласиться ли с моим условием или велеть своим головорезам задушить еще одного. Но, право слово, это был бы не самый худший вариант в сравнении с обещаниями отца Франса. Как говорил имперец? То, что от вас останется, получит милостивую смерть.

— Хорошо, — решил инквизитор, — сначала мы идем в Запустение, потом за Долгий хребет.

Я не ослышался? Он тоже собирается в Запустение? Впрочем, мне все равно, куда

намылился церковник. Я скажу то, что он хочет услышать, и это прозвучит искренне:

— Клянусь! Я сделаю все, чтобы реликвия попала в Ревентоль!

— И я клянусь! — это был уже Ричард Тейвил. — Я с вами до самого конца!

— Жаль, клятвенно креста у меня нет, — посетовал Велдон, но при этом удовлетворенно кивнул. На него тоже давили обстоятельства. Отец Томас скомандовал своим громилам, и те со знанием дела освободили меня и лейтенанта от оков.

— Следуем в капеллу святой Берты, — наставлял Велдон, пока Тейвил и я одевались.

В свертке у двери нашлась одежда для двух монахов: домотканые штаны и рубаха, грубые ботинки и шерстяная ряса с красным крестом.

— До вас еще долго никому не будет дела. Пятерых инквизиторов до завтрашнего утра тоже никто не посмеет остановить. Что касается, герцога Альбрехта, то он и не думал посылать меня сюда. Разумеется, рано или поздно мертвого отца Франса обнаружат. Тогда найдут и тех, кто вспомнит о визите троицы инквизиторов, коих почему-то ушло больше, но это случится не сегодня. Посему спокойно и чинно шествуем к капелле. Она недалеко от губернаторского дворца, и там я скажу, как поступим дальше, чтобы выбраться из города.

Я не возражал и вопросов не задавал, Тейвил также одевался без разговоров.

Скоро мы вышли из здания бастионного узилища. Все время, когда на пути встречались тюремные стражники, я подспудно ожидал окрика. Однако никто не смел тревожить сразу пятерых инквизиторов с самим отцом Томасом во главе. В отличие от остальных, Велдон нарочито шествовал без капюшона на голове. Его беспокоить — себе дороже. Похоже, это уяснили и огсбургцы, заполонившие бастион Бранда.

Вот и капелла святой Берты. Небольшая церковь при бастионе Бранда, невзрачное и старомодное строение. Проклятый пепел! Не думал я, что когда-нибудь буду гореть желанием скорее очутиться внутри маленькой церквушки!

Глава 18. Тайна капеллы святой Берты

Внутри капеллы пребывали двое.

— Отец Томас! — в дрожавшем возгласе очень немолодого инквизитора, что молился у каменного алтаря, отчетливо угадывалось облегчение. Он суетливо поднялся с колен и поспешил к Велдону, едва мы только зашли внутрь.

Второй церковник, весьма тучный, с большой лысиной, вероятно, дремал на кафедре за алтарем: три стула с мягким низом стояли у иконы святой великомученицы Берты, выполненной в полный рост. Мне показалось, что он растерянно уставился на нас, не в силах сообразить со сна, где он и что вокруг происходит.

Сзади с грохотом упал массивный деревянный брус. Один из головорезов отца Томаса уронил перекладину, которую собирался задвинуть в засов на входной двери капеллы. Громилы, как пить дать. Я не мог иначе воспринимать эту парочку в коричневых рясах: святых отцов Брендона и Джона.

— Отец Томас, — повторившись, снова заговорил пожилой церковник. Когда он приблизился, стали заметны глубокие старческие морщины на его лице. — Наконец-то вы здесь...

Старик осекся, взглянув на меня и Тейвила, и продолжил:

— Вижу, что все задуманное получилось.

— Отец Франс не появлялся, — произнес второй инквизитор, подходя ближе.

— Больше он здесь и не появится, — ответил Велдон. Он сказал в своей манере, железным тоном, и осенил себя знамением.

Толстый монах смиренно кивнул и чуть повернул голову на бок, ожидая от Велдона то ли указаний, то ли просто каких-то новых слов. Его мягкие пухлые щеки и лысина блестели от пота и, казалось, что отражают свет дюжины фонарей, щедро развешанных под потолком маленькой церкви.

Дневной свет сюда не попадал. Четыре продолговатых окна закрыты наружными ставнями и дополнительно завешаны темными, почти черными, занавесями. Убранство капеллы отличалось скудностью. Сразу бросалась в глаза большая икона великомученицы за алтарем, слева от кафедры; ещё несколько икон поменьше развешены на отштукатуренных известью стенах. Напротив входа висел покрытый лаком крест шести или семи футов в длину. Если не считать двери слева от Распятия и двух рядов скамеек для прихожан, более в капелле ничего не было. Великомученица Берта раздала все свое огромное купеческое состояние бедноте, и все храмы, ей посвященные, выделялись среди других нарочитым аскетизмом.

В капелле было хорошо натоплено, даже жарко. Я наслаждался теплом и с удовольствием вытянул ноги, усевшись на ближайшую к себе скамью. Велдон уничижительно смерил взглядом мою вольготную позу, однако ж ничего не сказал. Остальные инквизиторы тоже смотрели на меня с явным неодобрением. Кроме отцов Брендона и Джона, те задвинули перекладину в засов и с ничего не выражающими мордами замерли по обе стороны от него.

Я не обращал внимания на церковников, их шушуканье и косые взгляды меня не задевали. Для них я вор и пират, и каким бы добропорядочным сыном Матери Церкви не

предстал в дальнейшем, преступником так и останусь, тем более что я плохой сын Церкви. Ричард Тейвил, напротив, устроился на ближайшей к алтарю скамье, его губы шептали молитву.

— Все ли приготовлено?

— Да, отец Томас, — толстый инквизитор вытер платком потный лоб, — пойдёмте. Я покажу.

Велдон и двое монахов, ожидавших нашего появления в капелле, скрылись за единственной дверью у алтаря. Громилы по-прежнему подпирали плечами стенку у входа в церковь. Нас, что ли, сторожат? Рясы смотрелись на них, что конская попона на собаке: также нелепо и чужеродно.

Скоро показалась голова старого инквизитора.

— Господа, — обратился он ко мне и Тейвилу, — прошу вас, сюда!

За дверью оказалась комната с гобеленами со сценами житий святых, несколькими пустыми светильниками, закупоренным бочонком с фонарным маслом и тремя раскрытыми сундуками. Два из них были забиты одеждой, а третий поменьше — оружием. Его тут на целую банду!

— Выбирайте, — молвил отец Томас. — Сейчас холодает, потому советую утеплиться, оружие на вашей совести. Уходить из города будем ночью.

— Ночью? — переспросил барон.

— Ночью, — непреклонно заявил Велдон и вместе с остальными монахами покинул комнату со снаряжением.

Да уж, с заходом солнца наступает не самое приятное время в Сумеречье. Когда вспомнил ночь, проведенную на дороге к аббатству Маунт, внутри все передернулось от страха и отвращения. Но ночью, значит ночью. Может быть, близость слуг двуединого Святого Духа избавит нас от встречи с нечистью.

Цедя негромкие ругательства, офицер занялся сундуком с железками, его обуревали схожие мысли, а я начал перебирать одежду. Создавалось впечатление, что инквизиторы обчистили лавку сразу нескольких портных средней руки. Нашлось чистое белье, льняная рубашка, теплый шерстяной камзол темно-зеленого цвета и штаны к нему, длинный шарф, перчатки, высокие ботфорты и, что особенно порадовало, черный зимний плащ и шляпа с круглыми полями. Тоже черная. Дурацкую медную бляху с неизвестным мне гербом, который портил мой новый головной убор, я тут же спорол.

Из оружия выбрал тяжелую шпагу и четыре пистоля, рядом с которыми лежала чуть потертая португеза с ременной перевязью. Два пистоля вешались на грудь, рукоятью от сердца, вторая пара на поясе по бокам. Кинжал и два метательных засапожных ножа дополнили мой облик. Обвешавшись сталью, в привычной шляпе и плаще, я почувствовал себя гораздо увереннее.

Барон нарядился примерно также. Только его одежда была в один темно-коричневый тон, и пока Тейвил обошёл без головного убора. Из оружия выбор Ричарда пал на укороченную аркебузу, пару короткоствольных пистолей, палаш и несколько кинжалов. Королевский драгун сидит у него в крови.

Дополнив свой облик подвесными походными пороховницами и поясными сумками с пулями, мы предстали перед инквизиторами. Тейвил что-то довольно мурлыкал себе под нос, его дух тоже приободрился.

Томас Велдон удовлетворенно оглядел нас.

— Ваши наемники теперь смотрятся гораздо лучше, — елеино улыбаясь, произнес полный инквизитор и снова промокнул лоб платком.

Барон удивленно вскинул бровь, а я довольно хмыкнул. Роль наемника меня устраивала гораздо больше, чем благодарность инквизиторам до гроба. Наемник после сделанной работы свободен. Разве что работу нам оплатили авансом — нашими же жизнями, но это очень выгодная сделка.

— Мы можем быть свободны? — просил у Велдона толстяк. Улыбка так и висела на его сытой физиономии, однако после ответа отца Томаса на лицо тучного инквизитора лег испуг.

— Нет, — произнес Велдон, сделав знак Брендону и Джону. Старик и толстяк даже попятнулись, когда те сдвинулись с места, хотя два великана всего лишь направились в комнату со снаряжением.

— Нет, — снова сказал Томас Велдон, — вы не можете быть свободны. Потому что отправляетесь со мной.

— Что? — едва ли не одновременно вскрикнули оба.

Толстяк закудаhtал, возражая Велдону, а старик побелел, подстать своей седине, и изредка дополнял своего обильно потеющего брата, когда удавалось вставить несколько слов в его сумбурную речь. Со стороны все выглядело даже забавно.

— Хватит! Нам пришлось упокоить беспокойную душу отца Франса, — резко осек их Велдон.

— Мой бог!

— Отец Томас, вы действительно...

Если раньше два инквизитора выглядели испуганно, то сейчас их сковал настоящий ужас.

— Пришлось убить отца Франса, ибо иного выбора он нам не оставил. Будем молиться за упокой его грешной души.

— Но как же... — старый инквизитор буквально затрясся.

— Отец Самюэль, — приказным тоном сказал Велдон, — займитесь отцом Кригом. Помогите ему сесть и дайте воды.

Толстый монах исполнительно посадил старика на ближайшую лавку и отыскал ему глиняную кружку с водой.

— Ричард! Николас! — позвал отец Томас, он стоял у алтаря. — Подойдите сюда.

Как только мы приблизились, инквизитор велел сдвинуть верхнюю часть алтаря. Она, словно столешница, накрывала каменное углубление почти на всю площадь жертвенника. Кровь и песок! Тяжела же плита на поверку! Мы сдвинули ее наполовину, чтобы Велдон смог вытащить полированный, украшенный серебром и золотом деревянный ящичек, сделанный наподобие дорожной сумки; с ремнем для ношения на плече.

— Ставьте назад.

Чертов монах! Каменная плита не предназначена для ворочания ее вдвоем! Куда он дел своих громил?

— Смотрите, — произнёс Велдон и поднял крышку ящичка, — частица святого Креста!

— Эта она? — зачем-то спросил Тейвил. Его переполнило благоговение.

Я же лицезрел небольшую деревяшку, в полторы ладони длиной, почерневшую от времени. Частица святого Креста была искусно вписана в золотой футляр в виде креста с изумрудами и рубинами. Доводилось воровать и более ценные вещи; конечно, если судить

только по драгоценным камням и золоту. Я цинично разглядывал реликвию да держал свои мысли при себе, зато Велдон, толстый и старый инквизиторы и Ричард как будто перестали дышать.

— Святой отец! — взмолился гвардеец. — Дозвольте прикоснуться к святой частице!

Отвернувшись, я отошел, чтобы никто не заметил моего равнодушия. Селал вид, что просто пропустил толстяка и старика ближе к Томасу Велдону. Ночные крысы набожностью не славились.

В молитвенный зал капеллы вернулись отцы Джон и Брендон. Короткие мечи, горские куртки с нашитыми металлическими полосками и шаровары. Типичная купеческая стража арнийского Загорья. Один из них сжимал в руках аркебузу, такую же как у Тейвила, второй нес арбалет. Не скажешь, что здоровяки — это переодетые инквизиторы. Хотя инквизиторы ли они?

— Вижу, все готовы, — произнес Велдон, закрывая ящичек с реликвией.

— Отец Томас, — старик схватил его за рукав, — может мы все же...

— Нет, — резко перебил его главный из инквизиторов. Томас Велдон был в гневе. — Отец Криг, думаете, никто не скажет, что вы принесли в капеллу святой Берты частицу Креста? Именно туда, куда по распоряжению отца Самюэля слуги притащили три странных сундука! Или может быть вас, отец Самюэль, никто не видел, когда вы вместе с прислугой шли через весь бастион? А потом сюда, в это же самую капеллу явился отец Велдон, который разыскивал в тюрьме отца Франса!

Толстяк опустил плечи и понуро смотрел на носки собственных сапог.

— Как вы думаете, братья, сколько продержитесь под пытками имперцев? — безжалостно поитнересовался Томас Велдон.

— Они не посмеют, — старик побледнел.

— Уверяю вас, отец Криг, они посмеют. Не далее, как завтра к вечеру уже будете висеть на дыбе.

— Но... — сделал еще одну пожилой инквизитор.

— Я не позволю, чтобы герцог Альбрех узнал тайну капеллы святой Берты. В Бранде она ведома только нам троим, и вы идете со мной, — закрыл спор Велдон.

— Мы идем с вами, — обреченно произнес тучный монах и достал платок, чтобы вытереть проступивший на лбу пот.

Старик хотел что-то сказать еще, но после взгляда на отца Самюэль, сдался и он.

— Благодарение небесам! Благоразумие восторжествовало, — сказал Велдон. — А теперь мы будем молиться!

Я заскрежетал зубами. На мой взгляд, не самый подходящий час для молитвы. За стенами церкви по-прежнему тысячи огсбургцев, в любой момент в дверь может застучать кулак имперского солдата.

— Все становитесь на колени и повторяйте за мной. Мне нужна сила молитвенного слова каждого из здесь присутствующих. Даже нерадивого слова!

Произнеся последнюю фразу, Томас Велдон покосился на меня. Иди к дьволу, монах! Однако ж я тоже встал на колени в двух шагах от алтаря и забубнил молитву в нестройном хоре других голосов. Когда молитва закончилась, раздался срежет. Пол над алтарем приподнялся и сместился к Распятию.

— Не устаю удивляться каждый раз, видя сие чудо, — прошептал старик.

Алтарь скрывал каменные ступени, что вели в подвальное помещение. Надо полагать,

это и есть тайна капеллы святой Берты. А Велдону подвластна не только лечебная волшебная магия. Механизм, двигавший плиту под алтарем, должен приводиться в действие особой магией. Интересно, какие еще козыри припрятаны в рукаве отца Томаса?

— У нас не более десяти минут, — заговорил он. — Нужно перетащить вниз сундуки с одеждой и оружием и спуститься самим. Шевелись, Гард!

Сверху доносились приглушенные голоса. Мы сидели тихо, поглядывая на каменную плиту над головами, и думали каждый о своем. Успели вовремя. Миновал всего час, как алтарь часовни снова накрыл тайный ход, а молельный зал наполнился имперской бранью. Вопреки ожиданиям Велдона, инквизитора из Огсбургской империи хватились быстро и нас уже искали. Интересно, ищейки герцога Альбрехта догадаются, что где-то в капелле спрятан тайный ход?

Единственный зажжённый фонарь скудно освещал подземное помещение. Лица людей скрывала тень. Мы сидели на постаментах, сложенных из обтесанных булыжников. Семеро наверху, для каждого из нас. Посредине стояли наши припасы: сундуки, три незапалённых светильника и початый бочонок с маслом.

По словам отца Самюэля, мы находились в древнем склепе. Тучный монах не знал, для кого он предназначался, был ли построен одновременно с капеллой или церквушка встала поверх более раннего захоронения. Не ведали инквизиторы Бранда и того, лежали ли здесь когда-нибудь покойники, и, если да, почему склеп опустел впоследствии.

Однако хранитель архивов Вселенской инквизиции в Бранде отец Самюэль, настоятель храма великомученицы Берты отец Криг и отец Томас владели тайной капеллы. Они утверждали, что отсюда ведет ход за город.

Было ясно, почему секретным знанием обладали хранитель архивов и настоятель храма, но по какой причине в числе посвященных Велдон? Мне было совершенно непонятно его место в иерархии инквизиции Загорья. По обрывочным разговорам троих монахов, я сделал вывод, что из всех церковников Арнийского Сумеречья только сила его молитвы могла открыть вход в склеп. То есть он довольно сильный маг, хотя, конечно, такие слова не могли напрямую звучать в церковной среде. Сила молитвы, как они говорят, или божье исцеление, если речь идет о целительной магии.

Потянуло сквозняком. Повеяло из чернильно-черного зева, который представлял собой вход в лабиринт заброшенных подземных ходов Бранда. Я надеялся, что толстяк упомянул про лабиринт для красного словца, потому что, по его же признанию, он ходил из капеллы за крепостные стены всего единожды. Четыре года назад вместе с прежним хранителем архивов. Отец Самюэль уверял, что проведет по знакам, что выдолблены на стенах у развилок и перекрестков ходов. Очень хотелось ему верить, но выйдет ли на деле так гладко, как он говорит?

— Кому еще известно про подземные туннели? — спросил Ричард, когда хранитель архивов рассказал про свой первый и последний визит в лабиринт.

— Весь город знает.

— И много ли людей сюда наведывается? — встрял я в разговор.

— В последние годы почти никто, — сказал старый отец Криг. — Я родом из Загорья, и моя служба в Бранде началась тридцать семь лет назад. За все это время в этих проклятых кротовых норах сгинули, пожалуй, все смельчаки, кто рискнул забраться поглубже.

— Мы тоже... поглубже сунемся? — невесело спросил Тейвил.

— В нижние катакомбы нам забираться нет нужды, — ответил отец Самюэль, но...

— Но с нами будут наши молитвы, — оборвал разговор Велдон, снова сказав про молитвы. — Господь не оставит нас! А сейчас мы будем ждать.

Отец Томас не удосужился пояснить, чего именно нужно ждать, однако мы ждали. Монахи смиренно, а я все более злясь на них. Внизу было холодно, по меньшей мере, если сидеть на месте, но инквизиторы не догадались захватить с собой ни съестного, ни горячительного. Унылая рожа барона выдавала в нем такие же думы. Два головореза Велдона хранили маску безразличия, как и подобает лучшим трактирным вышибалам, на которых Брендон и Джон были сейчас особенно похожи.

Крики и голоса над головой давно стихли. Время потянулось совсем уж медленно, в животе снова отчаянно заурчало, и я решил спросить Велдона, есть ли у его громил монашеский сан. Чтобы хоть как-то отвлечься от скуки и голода. Только не успел, отец Томас заговорил на мгновение раньше:

— Пора. Четыре часа до полуночи. Мы выйдем из города под покровом мглы и тишины.

Мои губы скривились в кислой ухмылке. Ночь в Сумеречье вовсе не тихая. Звякнуло железо: Тейвил обнажил палаш и с вызовом смотрел на черный вход в подземный лабиринт. Снаружи ночь, а здесь непроглядная темнота, и не скажешь, что сулит большую неизвестность.

Я также вынул из ножен клинок.

Глава 19. Шаркая и кашляя

— Направо... Да, определенно туда!

Мне послышалось сомнение в голосе толстого священника, и оказалось, что не мне одному.

— Отец Самюэль, вы внимательно изучили знаки? — спросил Томас Велдон. — Направо?

В нашей маленькой процессии тучный инквизитор шел первым. Если поначалу отец Самюэль двигался уверенным шагом, то уже на третьей развилке пришлось ждать. Держа светильник у пухлой щеки, наш проводник долго вчитывался в вырезанные на камне письмена, то и дело прося стоявшего позади него Брендона поднести и его фонарь поближе. На мой неискушенный взгляд, знаки на стене представляли собой узор из хаотично расположенных прямых и волнистых линий. В этом шифре и начал путаться хранитель архивов брандской инквизиции.

У пятой развилки отец Самюэль возился особенно долго. Четверть часа, не меньше. При том, что покинули наше тайное убежище в усыпальнице под капеллой не так давно. После оклика раздраженного промедлением Велдона толстяк проблеял, что не может найти указания, куда двигаться дальше. Пришлось возвращаться к предыдущему разветвлению подземного хода. И вот путь снова разделялся, перед нами сразу три темных прохода.

— Направо! — с большей уверенностью, чем пару мгновений назад повторил отец Самюэль и свернул вбок.

Брендон поднял свой фонарь над плечом толстяка. Чтобы дорога впереди освещалась лучше. Как же он не устает нести светильник на вытянутой руке? Второй громила шел следом, за ним отец Криг с третьим фонарем и Велдон с перекинутым через плечо ремнем от дорожного ящика с частицей святого Креста. У отца Крига имелись карманные часы с заводным механизмом и он сообщал отцу Самюэлю, сколько минуло времени.

Я и Тейвил ступали в хвосте, барон последним. Он по-прежнему сжимал оголённый палаш и нес четвертый светильник. Я же вернул шпагу в ножны вскоре после начала движения. Опасения о походе в темноту лабиринта не оправдались, я не чувствовал ни тревоги, ни страха. Да и эту дорогу в каменной кишке под улицами спящего города можно было назвать лабиринтом лишь с натяжкой. Она разделялась на два рукава всего семь раз и лишь единожды, совсем недавно, мы очутились на перекрестке. Я постоянно повторял про себя направления, которые выбирал тучный лысый инквизитор, и легко бы нашел дорогу назад. Это не лабиринт. Восемь поворотов за три часа пути!

Подземный ход шириной в три фута немного петлял. Двое из нас спокойно могли разминуться, когда это требовалось. Потолок нависал низко; в двух ладонях от головы самого высоко из нас, отца Брендона, уже камень. Воздух холодный и влажный, сверху часто капало. Однако в теплой одежде сырость не беспокоила.

Фонари хорошо освещали подземный ход. Не скажешь, что он заброшен или давно не использовался. Кладка пола, стен и потолка смотрелась добротной, крепкой; по нашему движению не встретились ни завалы, преграждающих путь или боковые ответвления, ни, наоборот, какие-нибудь ямы и большие трещины, которые пришлось бы перепрыгивать. Только часто попадались убегающие во мрак крысы.

Идем как на прогулке.

— Скоро спуск на один уровень ниже, — предупредил отец Самюэль. — Там глядите в оба, можно и шею свернуть.

— Вы тоже, — холодно произнес Велдон, — смотрите внимательней.

Толстяк обернулся. Он был возмущен и собрался дать резкий ответ, но поймав нечто во взгляде Томаса Велдона, тучный инквизитор сник и молча развернулся, чтобы продолжить путь.

Шли недолго. За очередным поворотом — новая развилка. Подземная дорога разделялась в девятый раз. Левый проход вел в крошечную темноту, а правый перегорожен грудой земли попеременно с камнями из тоннельной кладки. У подножия земляной кучи чернело темное пятно. Дыра в полу фута четыре в диаметре.

— Нам туда, — нерешительно произнес толстяк. — Когда путь за город, по коему мы сейчас идем, оказался прегражден завалом, в нашей библиотеке еще имелись подробные карты лабиринта. Тогда посудили, что легче пробить проход вниз и обойти обрушенную часть пути, чем раскапывать завал.

— Чье это решение?

— Увы, отец Томас, дело минувшего столетия. С тех пор прошло без малого шесть десятков лет, и...

— И имена наших братьев мне ничего не скажут, — перебил Велдон.

— Я не хотел сказать таким образом, — отец Самюэль снова вызовом посмотрел на него и на сей раз нашел в себе смелость ответить на бесцеремонный тон Велдона. — Но в самом деле те имена вам мало известны, однако суть не в этом.

— В чем же?

— Ниже начинаются древние уровни. Вполне возможно, что их строили не люди, Бренд стоит на руинах...

— Оставьте подробности для ваших студиозусов, — Велдон снова не позволил договорить. Он был зол. Отцы Томас и Самюэль явно не ладили меж собой, это бросалось в глаза. При том, хоть толстяк побаивается Велдона, как и другой инквизитор, отец Криг, однако иногда позволяет своему раздражению вырываться наружу. Впрочем, смелости толстяку хватало ненадолго. Притворившись, что манеры Велдона не унижают его достоинство, отец Самюэль произнес деланно спокойным голосом:

— Иногда с древних уровней не возвращаются.

Велдон взял у старика фонарь, подошел к краю пролома на нижний уровень, и, встав на колени, опустил туда светильник.

— Здесь неглубоко, — сказал он поднимаясь. — Брендон, свети Джону, пока он будет спускаться и лезь следом сам. Мы же, братья, помолимся.

Инквизиторы повиновались. Толстяк и старик сложили руки в молитвенном жесте и обратились к двуединому Святому Духу. Брендон уместился на корточках у ямы с фонарем в руке, а второй громила, поплевав на ладони, обнажил два ножа и спрыгнул вниз.

— Купец.

Я с недоумением обернулся на шепот Тейвила. Со своей набожностью Ричард должен был бы взывать к небесам вместе с троицей инквизиторов, а не обращаться ко мне.

— За нами кто-то идет.

— Что? Ты уверен?

Ричард чертыхнулся и посмотрел на темноту за нашими спинами, за пределы

освещенного пространства.

— Нет, не уверен, но уже дважды слышал, как кто-то кашлял. Еле слышно, только готов поклясться, что слух меня не подвел.

Приблизившись к темноте на полдюжины шагов, я потянулся к магии воровского бога. Барон настороженно глядел на непроглядный мрак, что скрыл стены, мимо которых только что прошли. Обнаженный палаш Тейвила направлен в сторону темноты, Ричард подобрался словно перед боем. Он был не на шутку встревожен. Однако мой обострённый магией слух ничего подозрительного не уловил.

Мне ничего не мешало. Смолкла даже молитва двоих инквизиторов, они внимали какому-то наставлению Велдона. Сюда доносились обрывки слов о частице святого Креста. Кажется, я уловил какой-то шорох, но это еще ничего не значило, скорей всего крысы. А так... Тихо как в могиле.

Я покачал головой:

— Может здесь есть вентиляционные шахты? Ты мог услышать кашель кого-то сверху, из города.

— Кровь и песок, Николас! Не знаю, может ты и прав. Очень надеюсь, что это так.

— Тише!

Сделав еще пару шагов к темноте, я замер. Тейвил также застыл, как будто и не дыша. Несколько минут мы вслушивались в тишину, но ничего.

— Эй, вы! — позвал толстяк. Он остался один у ведущего вниз провала. Остальные, похоже, спустились. — Вас долго ждать?

Когда мы подошли к отцу Самюэлю, он по-бабьи поджал губы и проворчал о никудышных наемниках, которых еще и дожидаться нужно. Мы промолчали, мне было наплевать на толстяка, а лицо Тейвила сейчас эмоций не выражало. Наше равнодушие раздосадовало инквизитора: он оказался не прочь поскандалить и искал повод выместить свое неудовольствие отцом Томасом на двух наемников. И отчего он полагает, что станем безропотно терпеть его раздражение? Холодный взгляд Тейвила не сулил отцу Самюэлю ничего хорошего. Я бы не стал нарываться на пустом месте, поймав такой взгляд, как сейчас у драгуна, но инквизитор ничего не замечал.

Надувшись важностью, церковник тряхнул пухлыми щеками и открыл рот, чтобы с новыми упреками обрушиться на нас, однако сказать что-либо не успел.

— Скоро там? — послышался снизу возглас Велдона.

Толстяк с досадой покосился сначала на нас, потом на провал и совершил то, чего я совсем не думал увидеть. Просто подошел к краю и, поджав ноги, прыгнул вниз. Без приготовлений и неуклюжих движений, какие можно было бы ожидать от весьма тучного человека. Словно в воду нырнул.

— Пошли, — озадаченно сказал Тейвил, он тоже удивился.

Под провалом обнаружилась земляная насыпь, высотой по грудь взрослому человеку, прыгать совсем невысоко.

— Давай ты, — произнес я, кивая на монахов. Я надумал задержаться, чтобы еще раз вслушаться в подземную тишину. Когда Ричард сиганул вниз, я погрузился в полный мрак. Света наверху не осталось.

Я снова превратился в слух и на сей раз кое-что услышал.

Шарканье. Кто-то по-стариковски передвигал ногами, цепляя подошвой обуви о камень. Проклятый пепел! Кто-то или что-то совсем близко: очередной изгиб подземного хода,

после которого путь уходил на нижний уровень, находился шагах в пятидесяти от провала, может меньше. Чьи-то шаги отчетливо слышались уже и без магии, но узреть приближающегося я не мог. В полной, беспросветной тьме дар Харуза бессилён.

Я снова чувствовал страх. Звук шагов то стихал, то через несколько ударов сердца появлялся вновь. В дюжине шагов отчетливо послышался кашель. Надрывный звук вывел из оцепенения, я схватил пистоль и разрядил его перед собой. На одно мгновение туннель осветила вспышка выстрела.

Он пуст! Совершенно пуст, я успел разглядеть пространство перед собой и не увидел ничего, кроме камня стен, пола и потолка.

Послышались возбужденные голоса.

— Матерь Божья!

— Гард! Что это было? Немедленно спускайся!

— Купец! Что там такое, дьявол тебя подери?

— Тихо! — вырвалось у меня. — Ничего не слышно!

Пятясь спиной к провалу, я судорожно вернул в кобуру на груди разряженный пистоль и выхватил новый. Обнажил шпагу и несколько раз махнул ей перед собой. Я пришел в смятение. Не видя существа, шаркающего в темноте, я не мог отразить его нападение.

Снизу замолкли, было в моем голосе нечто такое, что заставило их заткнуться. Я снова погрузился в тишину, и... Больше ничего: ни шарканья, ни кашля. Улавливал только собственное учащенное дыхание. Но ведь были же шаги, был этот чертов кашель! Нервы напряглись до предела и, когда вдруг снова раздалось шарканье, уже пяти-шести шагах передо мной, выстрелил во второй раз.

И опять всполох дульного пламени озарил пустой коридор. Хватит испытывать судьбу! Я спрыгнул на земляную кучу. Правый каблук неудачно ступил на камешек, я потерял равновесие и кубарем скатился к ногам отца Томаса. Гвардеец и Брендон стояли рядом, вскинув свои аркебузы. Толстяк и старик за ними. Джон со взведенным арбалетом целил в темноту впереди, сгущавшуюся за освященным пятачком в нескольких футах от его фонаря.

— Что случилось? — скривившись, Велдон разгонял ладонью клубы пыли, взметнувшиеся после моего падения.

— Не знаю, — признался я, поднимаясь. — Я слышал шаги и чей-то кашель, совсем рядом, но передо мной никого не было.

— Шаги? Кашель? — из-за спины барона высунулся отец Самюэль. — Вы точно это слышали?

— По-вашему, я похож на фантазера? — спросил я, возвращая шпагу в ножны, пистоль также занял свое место. Здесь, внизу, где светили фонари и находились вооруженные люди, сразу стало спокойней.

Тучный инквизитор как будто не услышал меня:

— Плохо. Очень плохо. Нужно немедленно уходить, и чем скорее, тем лучше.

— Поясните, отец Самюэль! — потребовал Велдон.

— Точно не могу сказать, — толстяк достал платок, чтобы вытереть покрывшийся испариной лоб, хотя под землей душно не было. — Никто точно не знает. Известно лишь о призраке, который называют Духом старика или Шаркающим призраком. Если он окажется совсем рядом...

Толстяк вздрогнул.

— Нужно немедленно уходить, — повторившись, взмолился он. — От него можно

убежать, и призрак боится света, но свет пугает его не всегда. Необходимо как можно скорее уйти. Рядом с ним охватывает жуткий страх, человек теряет волю и уже не может ускользнуть.

— Тогда не будем мешкать, — распорядился Велдон. — Джон, ты впереди с фонарем. Отец Самюэль, вы за ним. Я и отец Криг следуем за вами. Брендон, наемники и все три фонаря позади.

Мы построились, как велел отец Томас. В сыром воздухе подземного хода витала нервозность. Толстяк и седой настоятель капеллы возбуждённо шептались. Великан Джон, стоявший впереди, постоянно оглядывался. Его напарник и старательно делал вид, что ему все безразлично, но бегающие глаза выдавали отнюдь не равнодушие. Я и Тейвил, почти не сводили взора с черной дыры над земляной кучей. Пора уносить ноги, только почему стоим?

— Дайте пройти, — отец Томас протиснулся мимо мной и стеной. Нижний уровень в ширину был заметно уже.

Инквизитор взобрался на верх насыпи и громко произнес:

— Изгоняю тебя, дух нечистый, сила сатанинская, именем Бога Отца! Именем Бога Сына!

Велдон трижды по три раза осенил темный проем над головой, снова и снова повторяя заклятие против нежити. Потом, несмотря на робкий протест отца Самюэля, что попытался напомнить о призраке старика, в подземелье зазвучала молитва. Велдон лишь отмахнулся от причитаний толстяка.

Отец Томас встал на колени, его руки сложились в молитвенном жесте, однако сверкающий фанатичной верой взор был далек от покорного умиротворения. Инквизитор стегал нас взглядом, заставив также опуститься на колени и вознести слова к небесам. Неистовому взгляду Томаса Велдона практически невозможно противостоять, даже такому цинику как я.

...Мы тронулись в путь. Накинутый капюшон монашеской рясы отца Томаса качался в такт его шагов в паре шагов впереди от чуть сгорбленной фигуры Брендона. Передвигали ногами, не мешкая попусту, но без лишней суеты, все успокоились. Тревожное ожидание, терзавшее меня, тоже ушло; Велдон ли изгнал духа, или он просто исчезло рядом с дыханием живых людей и теплым светом фонарей, только напряжение отпустило.

Я внимательно смотрел на неровный каменный пол, испещрённый паутиной трещин; часто попадались глубокие и довольно широкие. Иногда встречались ямки, угодив в которые по неосторожности можно запросто вывихнуть или сломать ногу. Нижний уровень выглядел гораздо древнее и заброшеннее, если можно так выразиться. В стенах и потолке нередко имелись выбоины. Булыжники из разрушенной кладки обычно валялись поблизости. Под каблуками сапогов скрипел песок. Некоторые боковые проходы основательно погребены под завалами, чему я был даже рад. Тьма в других неповрежденных ответвлениях снова будила во мне тревогу. Казалось, что оттуда кто-то наблюдает за нами. Но благодарение небесам! Ни кашля, ни шарканья позади!

Впрочем, я согласился с шедшим за мной бароном, когда тот предложил понести мой фонарь.

— Заряди-ка свои пистолы, — сказал он. Снаряжать пистолы порохом и свинцом на ходу крайне неудобно, но Ричард говорил дело.

Я возился дольше, чем обычно. Гораздо дольше, и к тому времени, когда закончил, мы пришли к очередному перекрестку с кучей грунта и камней прямо под пробоиной в

сводчатом потолке, фута три на два. Верхушка насыпи скрывалась во мраке дыры. Прежний уровень там.

Инквизиторы и парочка головорезов по очереди залезли наверх.

— Теперь ты, — я указал на освещенный двумя поднятыми на следующий уровень фонарями проем. — Пойду последним.

— Пока тихо? — кивнув, спросил Ричард.

— Да, пока тихо, — я поставил у ног свой фонарь.

Оставшись один, в заметно уменьшившемся круге освещенного пространства, я прикоснулся к магии Харуза. Сверху доносились голоса, но более ничего. Тишина. Поймав себя на том, что схватился за рукоять пистоля, я нагнулся за светильником. От едва слышного кашля по коже пробежала дрожь. Кашель был еще далеко и едва различим, я мог бы решить, что это игра моего воображения, то теперь магический слух поймал шарканье стариковских шагов. Клянусь!

Схватив фонарь, стрелой влетел на верхний уровень.

— Он там! — выпалил я. — Не очень близко, но там!

— Нам идти совсем немного, — упавшим голосом произнес тучный инквизитор.

— Так чего же тогда ждем! — прорычал Велдон. — Отец Самюэль, вы впереди!

Мы почти побежали. Постоянно понукаемый Велдоном идти быстрее, толстяк торопливо семенил во главе цепочки людей, страх и даже паника едва не завладели нами. Я постоянно оглядывался, сжав рукоять выхваченного из кобуры пистоля. Сзади пока тихо. Проклятый пепел! Хотелось обмануть себя и убедить, что призрак остался на нижнем уровне!

— Это последний перекресток, почти дошли, — запыхавшись, сказал толстяк. Тучный монах склонился к очередным знакам на стене.

Его почти не было видно. Два фонаря из четырех погасли почти одновременно несколько минут назад. Масло кончилось, а бочонок с заправкой для светильников остался под капеллой. Толстяк уверил, что заправки хватит с головой, и мы послушали его. Один еще горевший фонарь нес Джон, ступавший сразу за отцом Самюэлем. Второй у Тейвила.

— Матерь Божья! — зашептал отец Криг. — Прочти знаки получше, чтобы точно понять их. Иначе...

Старый монах не договорил, он не осмелился произнести вслух то, что сейчас цепко засело в головах у каждого из нас. Вместо него сказал Томас Велдон:

— Вернувшись назад, мы отсюда уже не выйдем.

Инквизитор прав. Либо заблудимся, когда потухнет последний фонарь, либо встретимся со злым шаркающим духом. Наши молитвы не слишком испугали призрака. Я не слышал его, но был уверен, что тот где-то поблизости.

— Сюда, — толстяк повернул налево.

Мы прошли совсем немного, когда сзади раздался кашель. Его слышали все.

— Не останавливайтесь и молитесь! — воскликнул Велдон. — Молитесь в полный голос!

Погас третий фонарь. Сгустившаяся тьма обрубила любые помыслы о споре. Ричард передал свой светильник вперед, мы торопливо двинулись дальше. Воздух наполнился страхом, еще чуть-чуть и запаникуем уже наверняка. Слабое шарканье позади больше не пропадало, оно отчетливо улавливалось сквозь тяжелое дыхание, стук каблуков по мощенному плитам полу и бормотание молитв. Когда дорога сворачивала, и свет

единственного фонаря скрывался за изгибом, становилось совсем непросто держать себя в руках.

— Еще немного, купец, — тихо подбадривал Ричард.

А шаги за спиной звучат чуточку ближе! Я приготовил второй пистоль. Туннель сузился, его ширина уменьшилась вдвое, теперь разминуться с кем-либо будет труднее. Мы шли еще не более получаса. Хотелось бежать, и я бы побежал, если бы было куда. Все чаще возникало чувство, что призрак всего в нескольких шагах позади, хотя шарканье и кашель больше не повторялись.

— Пришли, — с явным облегчением сказал отец Самюэль.

Путь резко расширился, уйдя в стороны и образуя полукруглую просторную площадку, которая заканчивалась широкими каменными ступеньками, уводящими вверх. Единственный оставшийся фонарь давал дрожащий, неровный свет, масляный фитиль догорал; последние ступени растворялись в черной тени. Чем заканчивается подъем, было не различить. Мы сгрудились у ступеней на дне каменного колодца.

— Над нами холм. Ступени упираются в щит из сбитых досок. С той стороны он присыпан землей, — сквозь отдышку пояснил тучный монах.

Сиплый кашель прозвучал всего в трех футах позади.

— Посторонись! — нервы Тейвила сдали. Драгун оттер меня плечом и разрядил аркебузу. В пустоту.

— Брендон! — загремел голос Велдона.

Наемник понял инквизитора без слов. Головорез понесся по ступенькам вверх и с лета вышиб доски.

— Изыди, дьявола отродье! — отец Томас выхвати из-под ворота рясы Распятие и направил его в темный проем туннеля, откуда мы вышли. Я выставил вперед обе руки с пистолями, ища в чернильном ходе подземного лабиринта намек на какое-либо движение.

— Все наверх! — закричал Ричард.

Старый отец Криг неуклюже заковылял по ступенькам, отец Самюэль наседали ему на пятки. Джон пятился за ними спиной вперед с мечом в одной руке и фонарем в другой. Когда он выскочил наружу, оставшиеся внизу оказались почти в крошечной тьме. Я потерял выдержку, когда показалось, что поймал движение воздуха перед собой, и разрядил сразу два пистоля. Но выстрелы, озарившие подземелье на одно краткое мгновение, также вспороли пустоту.

— Святой отец, — снова закричал Тейвил. — Теперь вы!

Позади по каменным ступеням застучали каблуки. Велдон и Ричард поднимались. Я попятился за ними, как и Джон несколько секунд назад, в животе появился комок страха. Я чувствовал близость нежити рядом с собой, но не мог что-нибудь сделать. Не мог даже увидеть нечисть, лишь отступал к выходу из подземелья. Я судорожно вставил пару пустых пистолей в петли кобуры на поясе и выдернул два заряженных.

Опять кашель, отчетливый и громкий, уже вплотную от меня. Я снова выстрелил и, споткнувшись, едва не рухнул на ступени, но смог устоять. Я делал шаг за шагом, тьма сгустилась перед моими глазами и стало казаться, что вижу чьи-то очертания. Сколько до выхода? Я боялся оглянуться и не мог понять, сколько еще до спасения.

— Чтоб тебя! — в отчаянии сорвалось с моих уст. Я нажал на спусковой крючок. Дульное пламя осветило угольно черную фигуру у подножия ступеней. Нахлынула волна страха. Я зацепился каблуком за край ступени, упал и понял, что подняться уже не в силах.

Липкий ужас сковал меня, я беспомощно выставил перед собой разряженное оружие.

Кто-то схватил меня под руки и потащил вверх, а в подземелье снова огласилось церковным заклятьем. Сыпя проклятьями вперемешку с цитатами из молитв, Тейвил выволок мое обмякшее тело под свет луны. Из темного проема в покрытом снегом холме показалась спина отца Томаса. Инквизитор держал перед собой раскрытый ящик с частицей святого Креста, голос церковника дрожал.

Мы поспешили убраться на дюжину шагов от холма. Мы тяжело дышали. Страх понемногу отступал. Я испытывал подобный ужас лишь однажды, той ночью на дороге к аббатству Маунт.

Судя по бледным лицам моих спутников, хорошо различимым под светом луны, они тоже хлебнули страха.

— Шаркающий призрак убивает ужасом, — отец Самюэль безвольно осел в сугроб. — Теперь я понимаю, что значили эти строчки.

Я бросил взгляд на черный проем в земле. Оттуда несло запахом смерти, но злой дух не мог покинуть подземелье. Оцепенение отпускало меня с каждым вздохом. Обернувшись, чтобы поблагодарить Тейвила и Велдона за спасение, я вдруг услышал:

— Иди сюда...

Глава 20. Иди сюда!

— Слышали? — я оглядывал ночной лес, схватившись за эфес шпаги. Знакомые слова жалили осиным укусом.

Отец Криг, располагавшийся ближе других, устало поинтересовался, что я имею в виду. Лицо Ричарда выражало недоумение, он покачал головой. Остальные как будто и не заметили мой возглас. Томас Велдон держал перед собой раскрытый ящичек со священной реликвией и теперь уже негромко читал молитву. Отец Самюэль по-прежнему сидел на снегу с закрытыми глазами и молчал. Громилы о чем-то шушукались в пяти шагах от толстяка.

— Голос, — произнес я. — Детский голос.

Память представила перед моим мысленным взором мёртвую девочку с челкой, закрывающей глаза. Я содрогнулся: слишком живы еще воспоминания о пережитом на пути Проклятых. Кошмар наяву, а потом был кошмар во сне; страшный сон, ставший вдруг реальностью на захваченной орками ферме. Пускай утром я не увидел того, что было во сне, но упырь убил двух часовых.

— Нет, ничего не слышал, — сказал барон.

С уст Тейвила падал пар. На окрестности Бранда легла настоящая зима, с крепким морозом и сыпучим снегом. Ветер едва дул, и холод почти не ощущался. Чистое небо, без туч было усеяно звездами. Лунный свет падал на белый снежный покров и рассеивался по округе, отчего лес из редко растущих деревьев хорошо просматривался.

Ричард помянул чертей вместе с их пеклом, проверил пару своих пистолей и принялся заряжать аркебузу. В Тейвиле странным образом сочетались солдафонские манеры и набожность; по меньшей мере внешняя. Гвардеец то и дело посматривал на темный проем в подземелье и после каждого взгляда цедил очередное ругательство. Он полагал, что мой слух уловил что-то подозрительное оттуда.

Последовав примеру Тейвила, я занялся своими пистолями. Неужели голос только почудился? Но ведь я отчетливо слышал его! Или нет? Я непонимающе уставился на лес позади холма. Больше нет ощущения, что нечисть в облике маленькой девочки рядом. Пропал и страх, который крался за спиной в кишке каменного туннеля.

— Пора, — сказал Томас Велдон. Инквизитор аккуратно перекинул через плечо ремень ящичка и с благоговением опустил ладонь на закрытую крышку.

— Святой отец, — произнес я. Первый снаряженный ствол занял свое место в кобуре на груди, — давайте немного подождем. Мне нужно время, чтобы зарядить еще три пистоля, а ночь слишком опасна, чтобы проявлять беспечность.

— Гард, твоя стрельба призрака не остановила, но сила молитвенного слова изгнала нечистый дух, — отец Томас смерил меня своим проникающим в нутро взглядом. — Молитва и святая реликвия с нами, мы выступаем без промедления. Ночь опасна лишь для тех, от кого отвернется двуединый Святой Дух.

— Я не сдвинусь с этого места до тех пор, пока оружие не будет готово, — меня охватила злость.

Холодный тон церковника не предполагал возражений, он не сомневался, что все мы и я в частности покорно побредем туда, куда укажет его перст. Матерь Церковь есмь пастырь,

а род человеческий — овны божьи. Но я ночная крыса, а не раб Божий! Харуз тому свидетель!

— Ты поклялся, вор! — последнее слово прозвучало в устах Велдона как оскорбление. — Или клятва вора ничего не стоит?

— Я поклялся, что доставлю святой Крест в Ревентоль! Более ничего! После захода солнца в Загорье слишком опасно и, пока не приведу оружие в порядок, дальше не двинусь.

Лунного света хватило, чтобы узреть в глазах отца Томаса вспыхнувший костер Вселенской инквизиции. Его тяжелый взгляд встретился с моим взором, я принял вызов, мысленно понося церковника последними ругательствами. Так было легче выдержать давление инквизитора.

— Он прав, святой отец, — Тейвил встал между нами. Драгун, высокий и плечистый, отгородил меня от монаха. Барон снова удивил, его набожность не мешала открыто перечить инквизитору.

Я смог опустить взор без признания собственного поражения. Не уступить Велдону оказалось очень трудным, однако я должен был выдержать его натиск. Чтобы не превратиться в беспрекословного наемника, как Джон или Брендон.

Я ожидал, что внимание Велдона сосредоточится на гвардейце, но инквизитор лишь процитировал Священное Писание:

— Правда лишь в Боге. Другое мнимо.

Пускай говорит, что пожелает! Томас Велдон убрался, и, куда хоть один пистоль остается без свинца, остаюсь на месте! Я демонстративно повернулся спиной к Велдону и принялся заправлять порох в ствол второго пистоля.

— Иди сюда...

Я вздрогнул, сердце заколотилось, ему стало тесно в груди. Медленно оглядел округу, не переставая работать шомполом. Никого кроме нас, и никто слышал голос упыря. Только я один. Велдон втолковывал что-то старику и толстяку. Ричард все также подозрительно смотрел в сторону холма, перехватив аркебузу поудобней; он напряжен, но и только. Со стороны громил отца Томаса раздался приглушенный смех.

— Иди сюда...

Никто и ухом не повел, а я отчетливо слышу эту мерзкую тварь! Схожу с ума? Я вложил в кобуру второй пистоль и взялся за третий. Сумасшествие! Хотя бы и так, все лучше, чем неуспокоенная душа после клыков вампира. Но буду наготове, буду ждать появления нечисти в любое мгновение.

— Иди сюда...

Нет, не морок, нечисть где-то рядом. Она играет со мной!

Третий пистоль. Толстяк в ярости скалил зубы на Тейвила. Драгун виновато пожал плечами, но ничего не предпринял, чтобы поторопить меня.

— Иди сюда...

Голос твари звучит ближе. Или только показалось? Не отвлекаясь более на моих компаньонов и ночной лес, я торопливо снаряжал последний пистоль. Нежить совсем близко.

— Будь настороже, — закончив с четвертым стволом, я негромко обратился к барону. На физиономии Ричарда появился немой вопрос, однако сейчас было не до подробностей, и я коротко добавил про нехорошие предчувствия.

— Ну наконец-то! — в один голос воскликнули святые отцы Криг и Самюэль, когда мы

приблизились к тройке монахов.

Велдон скрестил руки на груди, его тяжелый взгляд искал мои глаза. Не желая увязнуть в новом противостоянии с инквизитором, когда упырь совсем недалеко, я старательно избегал встречи с его испытующим взором. Нужно сказать о нежити, но будут ли они меня слушать? Однако я обязан предупредить.

— Святой отец, — я обратился к Велдону, потупив взор на истоптанный снег, — возможно, нам предстоит встреча с новым дьявольским порождением. Прошу велеть остальным держать оружие наготове и, пожалуйста, сделайте ящичек с частицей святого Креста незапертым.

Толстяк набрал в легкие побольше воздуха, чтобы разразиться возмущенной тирадой, но Велдон воздел к небесам указательный палец, и хранитель библиотеки заткнулся, так и не начав говорить. Старик молчал, с усталым безразличием наблюдая за происходящим. Ночной поход давался отцу Кригу с заметным напряжением сил.

Велдон размышлял над услышанным. Когда я обратился к нему, то старался говорить как можно более учтиво, дабы не задеть достоинство инквизитора своими просьбами, ведь их можно принять за указания. Но я должен был достучаться до инквизитора!

— Ты уверен, Гард?

— Более чем уверен, святой отец. Опасность приближается к нам.

— Откуда тебе это ведомо?

— Не могу ответить, святой отец, — произнес я, подняв глаза. Томас Велдон задумчиво смотрел на меня и, как мне показалось, не знает, как поступить. — Но вы знаете о моем ремесле. Доверьтесь воровскому нюху.

После короткой паузы отец Томас произнес, оглядывая каждого из нас:

— Благоразумие требует действовать с предельной осмотрительностью. Так мы и поступим, а сейчас пора двигаться дальше. Отец Самюэль, ведите нас, не то не успеем до рассвета.

Ответ Велдона оставил меня в недоумении: я так и не понял, внял инквизитор моим предостережениям или нет. В прошлый раз меня спасли круг, молитва и крест. Сейчас круга не будет, и мы должны идти. Когда нечисть явится, в распоряжении останется несколько мгновений, чтобы ее сдержать обычным оружием, а потом... Что потом? Я не мог предугадать, я знал лишь то, что у отца Велдона есть священная реликвия и что он предупрежден об опасности.

— Иди сюда...

Совсем рядом. Я взял в обе руки по пистолю. Помолится бы, но не мог заставить себя вспомнить слова молитвы. Я постоянно думал о ночи на Пути проклятых и крепче сжимал оружие. Да, тогда я взывал к небесам, молился. Почему же сейчас не делаю того же? Я шел вторым, сразу за широкой спиной толстого отца Самюэля, который пыхтел и время от времени ронял фразы о том, что наёмники нынче чересчур себе на уме, слишком многое им позволительно, в особенности глупые и вздорные предчувствия. Чертов монах! Слуга божий на грешной земле, а весь его облик заражал неприятием к одной только мысли о молитве.

Мы ступали по невысоким сугробам, ломая белый покров следами. Если на них наткнутся, то искать беглецов будут недолго. Но ничего иного, кроме как идти вперед, не оставалось. Судя по чуть расступившимся в стороны деревьям и кустам, мы вышли на лесную тропу.

— Иди сюда...

Очень близко. О следах на снегу можно будет побеспокоиться позже — после встречи с нежитью. Я ждал её появления: минута сменялась минутой, прошел, наверно, час, а мы так и шли по почти безветренному и тихому зимнему лесу.

— Иди сюда!

Восставшая из могилы мертвая девочка стояла в двух дюжинах шагов впереди. Её головка чуть склонилась набок, длинная челка скрывала глаза, а летнее платье казалось слишком тонким и коротким для морозной ночи. Кошмарное воспоминание о Пути проклятых ожило и предстало передо мной во плоти.

— Мать Божья! — отец Самюэль взвизгнул от неожиданности, споткнулся и сделал еще шаг, пока я не закричал.

— Стоять!

Позади кто-то произнес:

— Ребенок?

Кроме сдавленного взгласа, непонятно кому принадлежащего, сзади более не раздавалось ни звука. Вскинув пистолы и направив их на нежить, я сошел с тропы, дабы толстяк не загораживал упыря. Обернувшись и заметив поднятое оружие, толстяк буквально подскочил ко мне. Отец Самюэль широко раскинул рукава рясы, снова загородив обзор. Кровь и песок!

— Это же дитя! — жарко выпалил он. Подбородок тучного инквизитора трясся от негодования. Жуткая сущность девочки была известна лишь мне одному. — Как же так можно!

— Проклятье! Вы даже не представляете...

— Нет! Нет! И нет! — отец Самюэль размахивал руками.

А я пытался не упустить нежить из вида. Дьявол! Она чуть приблизилась. Я сделал шаг полшага в сторону, чтобы отойти от толстяка, однако тот упрямо следовал за мной, закрывая от поднятого оружия девочку. Кровь и песок! Знал бы ты, что это за девочка, толстяк! Звеня железом, к нам подскочили Тейвил и Брендон, на их лицах сквозила растерянность, однако аркебузы также были нацелены на «ребенка». Я бросил взгляд через плечо. Джон тоже изготовил арбалет для стрельбы, он крутил головой по сторонам за спинами двух оставшихся инквизиторов, прикрывая их от нового нападения.

Упырь не двигался, словно застыл, только легкий сквозняк теребил платье. Вид раздетой девочки в зимнем лесу наполнял сердце жалостью. Вместе с состраданием тучного инквизитора охватило безумие. Обнаружив еще двоих с оружием наперевес, он попятился спиной к упырю, повторяя одну и ту же фразу:

— Это же ребенок! Это же ребенок!..

— Иди сюда!

Я шагнул следом, но толстяк только быстрее двинулся назад, спотыкаясь. Он сейчас упадет!

— Стойте! — устояв на ногах, закричал обезумевший инквизитор, как только Тейвил и Брендон последовали за нами.

— Отец Самюэль! — заговорил я. — Подождите! Вы...

— Замолчите! — снова закричал толстяк. — Это же ребенок!..

После каждого моего шага он делал два, все время увеличивался дистанцию между нами. Я замер, чтобы инквизитор остановился, и хранитель библиотеки прекратил пятиться. Он шумно и тяжело дышал. Толстяк постоянно переводил взгляд то на меня, то на барона и

Брендона рядом с ним. Они также остановились в нескольких шагах позади. Мертвая девочка медленно клонила голову на другой бок. До нее, по-прежнему отгороженной от меня тучным монахом, уже менее десяти шагов.

Чего же Велдон воды в рот набрал? Я выругался про себя. Толстяк сделал еще шаг назад, а мертвая девочка с какой-то звериной грацией встала на четвереньки.

— Да оглянись ты! — не выдержал я.

— Отец Самюэль! Окститесь! Вспомните Господа нашего! — воскликнул Томас Велдон.

Он начал действовать, но слишком поздно. Едва тучный монах отступил еще на шаг, нечисть кошачьими прыжками понеслась к нему. Два аркебузных выстрела грянули одновременно, оба прогремели в пустоту. Упырь вскочил на плечо отца Самюэля и с видимой легкостью оторвал инквизитору голову, запустив ей в сторону двух других церковников. Зарывав, тварь прыгнула ко мне. Тучное тело отца Самюэля грузно рухнуло наземь, залив снег темной кровью из разорванной шеи.

Тварь стояла в четырех или пяти футах от меня. Её тонкие губы дрогнули в улыбке, маленькая ручонка сдвинула челку, и я увидел глаза — два почерневших белка без зрачков. В них смерть и мой страх!

— Получи! — сорвалось с уст вместе с выстрелом. Я тут же разрядил второй пистоль и, отбросив ставшими бесполезными железяки, потянулся ко второй паре пистолей.

Я попал дважды. Обе пули угодили точно в грудь упыря. После первого выстрела нечисть качнулась, широко вскинув руки, а второй отбросил тварь на десять футов назад.

— Иди сюда! — она поднялась и опять улыбнулась. Челка заслонила черные глаза.

Перешагнув через труп инквизитора, я выстрелил. Попал! Как и мгновение назад пуля отбросила тварь на несколько шагов, и снова она поднялась. Платье на груди превратилось в лохмотья, но каких-либо повреждений на тельце нечисти не было.

— Иди сюда!

Обнажив шпагу, я выстрелил. Четвертая пуля угодила в снег рядом с маленьким вампиром. Зашипев, упырь оттолкнулся от земли и стрелой полетел ко мне. Я отпрыгнул и покатился по земле, ожидая после каждого удара сердца, как в меня вопьются острые клыки. Дважды громыхнуло, и послышалась ругань Тейвила. Он разрядил свои пистолы и, очевидно, снова промахнулся.

Вскочив на ноги, я взмахнул шпагой перед собой, однако твари рядом не оказалось. Нежить вцепилась когтями в ствол невысокого дерева в паре десятков футов от меня. Неестественно вывернув шею, упырь наблюдал, как барон и двое головорезов Велдона осторожно приближаются к молодому дубу. Барон и Брендон с оголенными клинками, а Джон с арбалетом в руках. Два церковника склонились над ящичком с реликвией.

— Шире идем, — раздался голос Тейвила, пока еще сохранившего самообладание. — Расступитесь!

Отбросив ненужный более пистоль и выхватив кинжал, я поспешил к ним. Страх притупился, уступив место боевому азарту. Сумасшествие! Вампира обычной сталью не прикончить и даже не остановить! Вся надежда на церковников и их реликвию! Я жаждал услышать их молитву как никогда раньше, но инквизиторы до сих пор молчали.

Мы подступили к дереву, на котором засел упырь, широким полукругом. Брендон, Тейвил, Джон и я. Нечисть зашипела вновь, арбалет щелкнул и короткая толстая стрельба пригвоздила нежить к стволу.

— Отец Томас! — позвал драгун. — Мы...

Договорить Ричард не успел. Упырь выдернул стрелу, кинув ее под ноги барона, и, оттолкнувшись от дуба, одним прыжком метнулся к Джону. Сбив бедолагу с ног, нечисть с утробным рычанием вгрызлась в его горло. Джон упал на снег, он еще дергался, но уже не жилец.

— Проклятье! — я попятился на два шага. Внутри все кричало, чтоб уносил отсюда ноги.

Упырь как будто позабыл о нас, маленькая тварь вцепилась в жертву. Прикрытая тонкой тканью спина открылась для моего удара, но я медлил, не решаясь подойти к нечисти.

Брендон отчаянно осенял себя знамением. Тейвил набрал полную ладонь снега и размазал его по лицу. Преодолевая себя, барон сделал шаг вперед, потом еще один, он буквально заставляет себя идти. Страх снова овладел нами. Из оцепенения вывел Велдон.

— Прижмите дьявольское отродье к земле! Не дайте ей двигаться! — в голосе инквизитора звучала сила. Он встал между мной и Тейвилем. Томас Велдон держал высоко над головой частицу святого Креста.

Старый отец Криг, ступавший рядом с ним, белый как собственная седина, нес в дрожащих руках какую-то флягу.

— Ну же! — закричал Велдон, когда тварь подняла голову и посмотрела на него. Отец Томас и Тейвил стояли за растерзанным Джоном, в это мгновение упырь не мог видеть меня.

Не сводя глаз с мертвой девочки, я прыгнул к вампиру, что было сил вогнал шпагу в его спину и отскочил на несколько шагов. Сталь вошла по эфес, пронзив упыря, мертвого Джона, и воткнулась в стылую землю. Теперь почерневшие глаза терзали взглядом меня. Маленькая ручка потянулась к клинку. Наш металл упырю нипочем.

— Барон! — заревел Велдон.

Ричард Тейвил понял, что он него нужно. Его палаш также глубоко воткнулся в спину нечисти.

— Изыди! Заклинаю тебя Святым Духом! Заклинаю именами Бога Отца и Бога Сына! — снова зазвучал сильный голос Тейвила. Инквизиторы нависли над нежитью. Отец Томас держал реликвию над упырем и читал слова экзорцизма, а старик лил из посеребренной фляги тонкую струйку вина. Так, чтобы темная жидкость падала на священный обломок и капала на нежить. — Изгоняю тебя, дух нечистый, сила сатанинская, именем Бога Отца! Именем Бога Сына! Повелевает тебе Святой Дух не смей более обманывать род человеческий, Церковь Божию, преследовать и отторгать и развеивать, как пшеницу, избранных Божиих...

Мертвая девочка истошно завопила, жутко, не по-человечески. Она извивалась на теле своей жертвы, вертела головой и скребла когтями окровавленный снег. Но теперь ее руки не могли дотянуться двух клинков.

— Руби! — хрипло закричал старик. — Руби голову!

Лицо Брендона исказилось ужасом, шатаясь, он подошел к монахам.

— Повелеваю тебе величием Бога Отца и жертвой Бога Сына, который ради спасения рода нашего, завистью твоею падшего, смирил Себя и был послушен даже до смерти...

— Руби! Именем Господа, руби! Вино закачивается!

— Во имя надежды на Спасение! — теперь закричал уже Брендон. Его короткий меч взметнулся к луне и обрушился на шею адской твари. Ещё взмах и удар. Ещё!

Голова упря покати́лась по окровавленному снегу. После воплей и криков на лесную тропу опустилась почти осязаемая тишина.

Глава 21. В западню

Осенив себя знамением, Ричард Тейвил наклонился, чтобы зачерпнуть медвежьей лапой снега. Он растирал физиономию уже не в первый раз и, похоже, не в последний. После этого нехитрого действия, напряжение, давившее на офицера, чуть спало. Ночь выдалась очень непростой, и для двоих из нас — последней.

Хвала Господу! Светает! По восточной части неба неспешно разливалась синева. Я искренне помянул Бога Отца. Призрак из подземелья, упырь... Волей-неволей помянешь Создателя!

Тоже набрал снега, дабы последовать примеру Тейвила, но прежде ткнул губами в белую горку на ладони. Жуть как пересохло в горле. Снег таял во рту, невкусно и холодно, но ничего другого от жажды нет.

Мы сложили тела под ветками старой ели. Две жертвы вампира и маленькая девочка. Тот самый вампир. Голову отца Самюэля положили на грудь монаха, а упыря — рядышком с маленьким тельцем. Ныне все они покоились с миром. Я осенил себя знамением.

Велдон читал молитву, что должна была быть произнесена трижды, и в эти мгновения она звучала в последний раз. Когда, некоторое время назад, вторую молитву произносил отец Криг, Томас Велдон вложил в рот каждого из мертвецов святое Распятие. Джону и отцу Самюэлю — их собственные нательные кресты; безымянной девочке с неуспокоенной до сей ночи душой — крохотный серебряный крестик, принадлежавший то ли отцу Томасу, то ли отцу Кригу.

— Мы сделали все, что только могли, — негромко сказал старик, едва молитва Велдона смолкла.

Сгорбившись, отец Криг опирался на посох, выломанный Брендном из сушняка. Пожилой инквизитор слегка качался от усталости, однако наотрез отказывался от любой помощи. Принял лишь палку, что предложил Брендон. Лицо великана осунулось и посерело, Джон был его двоюродным братом.

— Да примет Святой Дух их души, — произнес отец Томас, в его голосе впервые послышались нотки усталости. — Я передам, чтоб сюда пришли днем и довершили начатое. Их души не должны блуждать по этому лесу следующей ночью. А нам пора идти да поскорей, до утра совсем ничего, и нужно добраться на убежища.

— Куда мы направляемся? — спросил Ричард.

— На хутор. Он уже много поколений принадлежит семье Андаров. Они лесники. Хозяин хутора будет рад приютить нас и... — Томас Велдон осекся, оборвав собственную мысль. Договаривать он явно не хотел. — Барон, вы идете первым.

Порой инквизитор говорил с драгуном учтиво и даже обращался к нему на «Вы». Все же в Ричарде Тейвиле текла дворянская кровь, не чета какому-то вору. Мной же Велдон все время норовил помыкать. Как мальчишкой. Да черт с ним! Гораздо больше беспокоил хуторянин, к которому мы идем. Не сдаст ли имперцам? Как мы вообще сможем у него укрыться? Округа наводнена огсбургцами, непременно кто-то из них стал на постой на хуторе, и тут из заснеженного леса появляемся мы... Дальнейший план инквизитора будил нехорошие предчувствия. Ха! План! Разве его замысел можно назвать планом? Похоже, церковник хорошо обдумал только побег из тюрьмы да путь за пределы бастиона и города.

Дальнейшее монах оставил на самотек.

Мы шли, а я помалкивал, плюнув на свои опасения. Лишь выдернул из кобуры два пистоля, с ними спокойней. Я тоже устал и покамест решил довериться благоразумию отца Томаса. Велдон явно не дурак, вряд ли он идет на хутор вслепую. Давно известно, что конгрегация Вселенской инквизиции располагают сетью людей особого толка. Видимо, хозяин хутора один из таких особых людей, а его усадьба, может статься, с двойным дном. Там мы и заляжем. Лечь на дно, пока будут искать — это лучшее, что можно придумать, или я не вор.

Тейвил двигался впереди, Велдон ступал за ним. Барон также нес в каждой руке по пистолю. Старый отец Криг шумно сопел за мной, однако не отставал. Замыкал шествие Брендон. Он перекинул за спину аркебузу драгуна, свое же ружье держал наготове. После встречи с упырем ничто не выглядело излишней предосторожностью.

Падали редкие белые хлопья. Слишком мало нового снега, чтобы скрыть следы. Провалы от наших сапогов в белом намете скажут сами за себя. Здесь шли беглецы. Проклятый пепел! Добром дело не кончится!

Тропа вывела к очищенному от деревьев взгорку, вдоль подножия которого вился широкий торговый тракт. С девственно чистым снежным покровом, изредка тронутым дорожками отметин звериных лап.

Половина небосвода посерела, вот-вот рассветет окончательно. Мы ступали по вырубке в два десятка шагов шириной. Дорога внизу вышла к пересечению с другим, таким же широким путем, а лесная тропа повернула к заснеженным зарослям. Велдон велел остановиться. Инквизитор встал у обрыва, нависшего каменным выступом прямо над обочиной пустой дороги.

— Это здесь, — произнес он, указывая на противоположный край тракта. — Дуб висельников.

Старое дерево с раскидистыми ветками росло поодаль от леса. В Загорье вдоль основных дорог непременно тянулась вырубка. Низкие пеньки сопровождали путешествие путников по обе руки от дороги. Обычно лес расчищался на тридцать-сорок шагов от края тракта, но иногда и более. Древний дуб топоры лесорубов обошли стороной.

— Почему он так называется?

— Потому и называется, что висели на нем пойманные на дороге лихие люди, грабители и воры, — ответил мне отец Томас, выделив последнее сказанное слово. Он полагал, что заденет мои чувства, и зря. Николас Гард давно знает, что такое быть вором, и не монаху о том судить.

Я зло выругался. Едва подумал о пустом выпаде отца Томаса, как вспомнилась реventольская Стена казней, пальба под восторженные вопли толпы и клятвы отомстить. Неисполненные клятвы. Нет, церковник не промахнулся, хоть и попал не туда, куда целил. Снова как будто бегу от своей же клятвы; до Конрада Дамана рукой подать, а я опять ухожу.

Помрачнев, почти безучастно наблюдал, как Брендон, инквизиторы и Тейвил поочередно прыгали со взгорка вниз. Нехитрый замысел, но может сработать. Мы словно бы из воздуха появляемся на тракте, где наши следы скоро смешаются с другими. Утро сулит дорогам близ оккупированного Бранда передвижение массы войск, патрулей и, в конце концов, поисковых команд по наши души.

— Купец! — позвал Ричард. — Заснул что ли?

Встрепенувшись, последовал за ними. Прыгать пришлось с высоты человеческого роста.

Ухнув при приземлении, я непроизвольно глянул на старика. Как он кости не переломал? Хотя сейчас Брендон поддерживал принявшего помощь отца Крига под локоть, пожилой инквизитор не выглядел таким изможденным, как у места гибели отца Самюэля и Джона.

Я посмотрел на возвышенность, с которой мы спустились. Низкая и плоская, сточенная временем почти до уровня земли скала. Давно заросшая, с обнажившимся голым камнем у перекрестка дорог. Ветер сметал снег у края скального выступа. Не видно ни тропы наверху, ни следов нашего пребывания.

Светало на глазах. Мы спешно двинулись по дороге, вышедшей к перекресту у старого дуба.

— Часто ли здесь висят грабители и воры? — спросил я Томаса Велдона, надеясь услышать что-нибудь, что также позволит уязвить церковника.

Лаконичный ответ разочаровал:

— Нет.

— После эльфийского проклятья в Загорье не оставляют мертвецов под открытым небом, — пояснил отец Криг. Он снова тяжело дышал, однако, влекомый под руку Брендонем, шел вровень с остальными.

Под открытым небом? Еще бы! В Сумеречье покойнику запросто взбредет в голову прогуляться под луной, а виселицы нужны как раз для острастки. Дабы повешенные поболтались на виду неделю-другую, а то и месяц. Но кому нужны мои измышления? Все смотрели только под ноги.

Не теряя драгоценное время на пустые разговоры, мы ступали дальше.

Утро выдалось тихим, мороз спал, потянуло сыростью. Судьба благоволила нам: оттепель уберет оставленные следы вместе со снегом, однако белый покров пока лишь только намок. Мы поспешали за Велдоном. Я ловил себя на мысли, что постоянно вслушиваюсь в безмолвие, окутавшее дорогу, даже потянулся к магии. Но улавливал только звук шагов по снегу да дыхание инквизиторов, Ричарда и Брендона.

— Сюда, — отец Томас свернул на дорожку, вильнувшую от тракта в лес.

На узкой дороге с трудом могли бы разъехаться две крестьянские подводы. Деревья сразу подступили к обочине. Лес вокруг рос густой, стволы и кустарник теснились плотно. Рассвело окончательно, а ночью тут было бы очень не по себе. Только день для нас не менее опасен. Физиономия бредущего рядом Тейвила выражала явное беспокойство. Барон вспомнил орочи разъезды, пробормотал что-то неразборчивое на их счет и сплюнул на снег.

Почти сразу, как торговый тракт скрылся за деревьями, лес расступился. Теперь по левую руку от дороги потянулась череда полей. Обработанная земля под снежным одеялом уходила вдаль и растворялась в утренней дымке. Где-то поблизости должно быть крупное село или усадьба лорда, а значит и огсбургские гарнизоны.

— Как на ладони, — с досадой произнес я.

Барон разродился солдафонской бранью.

Велдон смерил нас холодным взглядом. Его задевало столь явное проявление сомнений в правильности выбранного им маршрута.

— Почти пришли, — сухо сказал он и махнул рукой куда-то вперед. — Хутор. Я его уже вижу.

Кажется, и впрямь что-то темнело.

— А вдруг там имперцы? — я решил задать несколько вопросов, пока еще не оказались

в глубине открытого пространства. В своем ли уме церковник? Куда он нас тащит?

— Нет там никого, — с уверенностью сказал Велдон.

— Откуда вам знать, святой отец?

Инквизитор опустил голову и глубоко вздохнул, намереваясь отчитать зазнавшегося вора.

— Слушайте отца Томаса, — в разговор вступил старый монах. Он снова слегка пошатывался и опирался на угрюмого Брендона.

— И все же, — поддержал меня Тейвил, но говорил он гораздо учтивей, — почему вы оставляете без внимания наши опасения?

— Хутор слишком мал, чтобы взять на постой даже десяток человек, — Велдон ожег взглядом. — Но там есть скрытый от посторонних взгляд подпол, где переждем поиски. Хозяин хутора не просто лесник, его прошлое темно, но он крайне обязан Матери Церкви и лично мне.

Я хмыкнул. Очевидно, на хуторе поживает старый контрабандист. Захотелось вставить несколько словечек про то, что прошлое не оставляет людей, чье ремесло схоже с воровским. Только смолчал, больно яростно Велдон смотрел на нас.

— Когда поиски улягутся, Пол Губошлеп уведет нас от Бранда звериными тропами, — продолжил инквизитор. — Есть еще вопросы?

Так и чесалось узнать, чем же бывший бандит обязан столь ревностному служителю Церкви, как Томас Велдон, однако первым заговорил лейтенант.

— Пол Губошлеп, — медленно проговорил новое имя Ричард, словно бы запоминая. — Так зовут хозяина хутора?

— Да, — отрезал отец Томас, — и на том довольно с расспросами. Дорого каждое мгновение.

Инквизитор направился в сторону хутора, не удосужившись посмотреть, последовали ли мы за ним. Старый отец Криг заковылял следом при помощи громилы Брендона. Переглянувшись, я и барон двинулись за ним.

— Будем считать, что объяснениями отца Томаса мы удовлетворены, — обронил Ричард. Правда, невеселое выражение его морды говорило об обратном.

Темно-серое пятно постепенно выросло в небольшой хутор у опушки леса. Ближе к срубам лес, шедший по правую руку от дороги, уходил в сторону и огибал строения в полусотне шагов от высокого забора, а сама дорога уходила дальше и скрывалась из вида, обходя деревья.

Подворье из серых бревен срублено на здешний манер, с глухим высоким частоколом и общей крышей, накрывшей дом и весь двор. Приближались к хутору мы теперь настороженно. Раскрытые настежь ворота, печная труба без дымного столба и отсутствие намеков на жизнь внутри частокола говорили об опасности. Особенно в Загорье и тем более после ночной поры.

Шли, растянувшись цепочкой из трех человек. Тейвил посередине, Брендон и я с боков. Несмотря на яростный протест барона, монахи ступали в паре шагов позади, вновь шепча свои молитвы. Доводов, что безоружным к хутору соваться не след, они не услышали да и не хотели слышать. Брендон держал взведенную аркебузу и по обыкновению был молчалив как рыба. В руках Ричарда и у меня по паре пистолей.

Я проклинал судьбу. Делая шаг за шагом, ждал, что за частоколом закричат, раздастся стрельба. Чувствовал себя солдатом на поле брани, отважно и глупо шествующим на вражьи

пули. Нет, это даже не морской бой, здесь нет борта, за которым укроешься от аркебузы. Мы сближались с забором, сердце колотилось все сильнее.

Однако хутор оказался пуст, в крытом просторном дворе ни души. Позвав Брендона, барон зашел в небольшой дом, чье крыльцо располагалось напротив распахнутых ворот. Ступени из толстых досок поднимались к двери сеней — невысокой пристройки к стороне сруба, смотревшей на двор парой маленькой окошек, в локоть шириной и столько же в высоту. Как во всяком скромном крестьянском хозяйстве окна затянуты бычьим пузырем. Ставни распахнуты.

Монахи остановились под левым окном, а я направился проверить две другие пристройки к дому. В пустом коровнике пахло свежим навозом, но скотину отсюда увели. В наполовину забитом сеном сарае также никого. Я вернулся во двор. Тейвил был уже здесь, по его знаку Брендон занял место у ворот. Так, чтобы не высовываться и при этом держать дорогу и поля под приглядом. Как-то незаметно офицер начал прибирать руководство в нашем маленьком отряде. По меньшей мере, я и инквизиторский громила сейчас слушали его команды.

— В доме бардак, все выпотрошено, — подвел итоги осмотра барон, засовывая оружие за пояс, — и никого. Печь едва теплая, хозяев нет. Хутор ограбили не далее как вчера. Что теперь, святой отец?

— Здесь жил лесник и девочка... Его дочка... Девочка... Девушка четырнадцати лет от роду... — сбивчиво произнес Велдон. Мне показалось, что инквизитор чрезвычайно взволнован.

— Нет никого, — повторил Тейвил. — Ни людей, ни следов крови. Вполне возможно, что они живы.

— С вашего позволения я поднимусь в дом, — тихо произнес старик, выглядел он выжатым до предела, — присяду там.

Я тоже намеревался пойти в дом. Чертовски хотелось есть, вдруг внутри найдется что-нибудь съестное.

— На дороге телега, — сообщил Брендон.

— Сколько людей? — вмиг подобрался Тейвил.

— Один.

— Кого там несет! — раздраженно воскликнул барон.

Один человек для нас не угроза, но лишние глаза не нужны. Ричард и Брендон пошли к воротам, офицер осторожно выглянул наружу. Я же направился в дом, куда вслед за стариком поднялся и отец Томас.

— Купец! — окликнул Тейвил. — Проследи, чтобы печь не затопили.

Кивнув, я вошел внутрь. В холодных сенях еще одна дверь, за ней большая комната: горница с печью и двумя распахнутыми плетеными дверцами в крохотные спальни. На полу разбросан нехитрый крестьянский скарб: битая глиняная посуда, деревянные ложки и одежда. Все лавки и табуреты перевернуты; кроме одного, на котором у печи уместился отец Криг.

— Кто-то переворошил весь дом, — пробормотал я.

— Имперцы, — Томас Велдон приставил к печи еще один табурет, устраиваясь рядом со стариком, — кто ж еще.

Стреляющие по дому глаза Велдона выдавали в нем явное беспокойство. Похоже, он ожидал увидеть на хуторе совсем иную картину. Я положил ладонь на глиняную стенку.

Большая, покрытая побелкой печь практически остыла, но тепло еще оставалось в ней. Ричард прав: еще вчера тут топили.

— Ищи, Гард.

— Что? — я с недоумением посмотрел на Велдона. — Чего искать?

— В доме есть потайной подпол. Несколько человек там спокойно укроются. Если вдруг...

— И?

— Ты вор. Вот и ищи.

Захотелось послать его поиски куда подальше. Но сделал вид, что послушал церковника, и принялся с задумчивым видом бродить по дому. Я тоже устал. Я не стал спорить. Да, я вор, и для меня не найдется неприступного замка, но я не могу вскрыть того, чего предо мной нет.

Покосившись на Велдона, обнаружил, что тот на меня и не смотрит. Закрыв глаза, инквизитор последовал примеру отца Крига: вытянул ноги и прислонился спиной к печи.

Если вдруг... Если вдруг... Ох и завел ты нас инквизитор непонятно куда. Спасибо, хоть из Бранда вывел. Так и хотелось сказать, что дальше как-нибудь сам управлюсь.

— Кто-то из крестьян, — хлопнув дверью, зашел Ричард, — выехал из-за поворота. Встал, кормит лошадь овсом.

— Бояться нечего? — открыл глаза Велдон.

— Нам нечего, — мрачно сказал драгун. — Ему тоже. Если проедет мимо...

В сенях загрохотали сапоги. Мгновение спустя с выпученными глазами ввалился Брендон.

— Рейтары! Скачут прямо сюда! Много!

— Кровь и песок! — зарычал Тейвил. — Сколько их?

— Больше двух десятков!

Велдон вскочил с табурета. Я впервые увидел его столь растерянным, как сейчас. Два десятка имперских рейтар — это приговор нашему побегу.

— Дьявол! — вырвалось у меня. Я лихорадочно оглядывался, шутки кончились. Где же этот чертов подпол! Инквизитор все-таки завел в западню!

Глава 22. Хутор Андаров

— Бежим! — тонким и высоким голосом заверещал отец Криг. Старик вскочил с табурета и торопливо заковылял к сениям.

Всплеснув руками, Томас Велдон заметался по горнице в поисках ящичка с реликвией. Инквизитор потерял самообладание, потому как кожаный ремень от деревянной суммы по-прежнему был перекинут через его плечо.

— Стоять!

Тейвил толкнул седого монаха к стене, едва не сбив того с ног. Отец Криг болезненно приложился о бревно, охнул и вновь дернулся к двери, пытаясь проскользнуть наружу. Разразившись бранью, барон, не церемонясь, поймал его за капюшон рясы и в следующий миг прижал к бревнам, надавив согнутой в локте рукой на грудь старика.

— Спокойно, — зашипел Ричард.

Отец Криг пялился на него и широко раскрывал рот, по-рыбьи хватая воздух. Сильнейший тычок выбил их него дух, какое-то время седому инквизитору не удавалось вздохнуть.

— Забываетесь! — в голосе Велдона зазвенела сталь. Отец Томас взял себя в руки и теперь снова стал похож на самого себя. Монах с обликом доброго лекаря, проплешиной на голове, белой коротко стриженной бородкой и пламенем во взоре. — Отпустите его! Нужно немедленно бежать!

Тейвил тряхнул головой и отступил от старика на шаг:

— Святой отец, сейчас поздно бежать. Нас заметят, поэтому остаемся здесь!

Упрямый взгляд драгуна столкнулся со взором инквизитора. Барон покраснел и шумно сопел.

— Ты и вор поклялись! Вы дали клятву следовать за мной, — напомнил Велдон, — а значит, подчиняться моему слову!

Я тихо выругался, мы дали клятву совсем о другом. Я поклялся доставить частицу святого Креста в Ревонтоль. Всего лишь это, но церковник возомнил о большем.

— Если выберемся из этой передраги, — произнес Тейвил, — то я как истинный сын Матери Церкви...

Ржание лошадей прозвучало совсем рядом.

— Как истинный сын Матери Церкви, — повторил Ричард, — я буду внимать каждому вашему слову, святой отец. Однако ныне прошу слушать меня.

Томас Велдон собрался возразить, он снова впери свой неистовый взгляд в Тейвила и вдруг, совершенно неожиданно для меня отступил от спора.

— Делайте, что считаете нужным. Но реликвия не должна достаться еретикам! — отец Томас судорожно вцепился за ремень ящичка.

— Благодарю, — Тейвил по-уставному кивнул. — Брендон, ты у двери! Я и Гард к окнам!

Громила Велдона подчинился драгуну беспрекословно. Было до сих пор неясно, является ли он простым наемником или имеет какое-то отношение к монахам-инквизиторам. Брендон казался спокойным и сосредоточенным; видать, не первая его заваруха, и понимает, что выяснение отношений в эту минуту подобно смерти. Да и ту

мысль, что Тейвил самовольно возглавил наш небольшой вооруженным отряд из трех человек, он принял как должное. Что говорить, если уверенность, сквозившая в каждом слове и движении Ричарда, заставила подчиниться даже Томаса Велдона. Я также вверил свою судьбу в руки драгуна, вести в бой должен кто-то один.

Наемник Велдона встал у выхода к сеням, справа от распахнутой двери. Брендон прислонил аркебузу Тейвила к стене, свою взял в руки. Я же занял место у крохотного окошка, выходящего на внутренний двор хутора. У другого замер Ричард, попросив инквизиторов затаится в углах горницы, по правую и левую руку от нас. Отец Криг деланно негодовал, но хватило одного взгляда Велдона, чтобы старик смолк и послушно направился туда, куда указал драгун. Сам отец Томас спокойно прошествовал в угол рядом со мной. Он был чересчур спокоен.

Мое же сердце неистово колотилось, я крепко сжимал пистолы и ждал развязки. Второе пленение имперцами завершится плачевным итогом, уж лучше пасть здесь! Да, я боялся пыток! Но я не трус! Я вор! Я флибустьер!

Я вспоминал Костяной Краб, Конрада Дамана и Вермана, Чекко, Лоиса, Дино... и других. Распалив себя, глянул на Велдона со смесью жалости и сожаления: его удел молитвы, наш — бой.

— Теперь тише, — Тейвил поднес к губам палец, — ни звука!

Оконные проемы, затянутые воловьим пузырем пропускали лишь свет. Ричард сделал кинжалом небольшой разрез, для наблюдения за происходящим во дворе Я поступил также.

В ворота въехали трое рейтар. Имперцы явно навеселе; смеялись и перекликивались на огсбургском наречии, и, считай, без доспехов. Каждый из троицы всадников был облачен в шлем без забрала и кирасу. Наплечники и набедренники сняты.

— Позвольте, — едва слышно произнес Томас Велдон, приблизившись ко мне. Он хотел посмотреть на двор.

Ричард выпучил глаза и махал рукой, чтобы монах оставался на месте, да только инквизитор никак не демонстрировал намерение внять ему. Я пожал плечами и подвинулся к другому краю окна, где проделал новое смотровое отверстие.

Через круп белого жеребца, ступившего в ворота первым, было перекинуто завернутое в холст тело. Женщина или девушка, и скорей всего жива. Когда двое других рейтар покинули седла, один из них довольно хохотнул и хлопнул туда, где должны были быть бедра. Кавалеристы стащили пленницу с коня и бросили её в снег. Та молчала, не шевелилась. Возможно, я поспешил, решив, что она еще дышит.

— Неужели!.. — с жаром прошептал Велдон.

Я непонимающе уставился на него. Инквизитор неотрывно смотрел в крохотное отверстие в оконном пузыре. Побелевшие от натуги пальцы церковника с силой сжали нательный крест.

Спешившиеся рейтары вскочили на коней и убралась со двора. Третий принялся набивать трубку табаком. Что ли пленницу сторожит? Рейтар выглядел совершенно расслабленно. Имперец по-хозяйски обвел взором ферму и пустил первое дымное кольцо.

А за предали частокола еще два десятка огсбургских рейтар! Гомон, который они подняли, доносился в дом и без магии. Звякнула сталь, это Ричард наполовину обнажил палаш и тут же вернул его в ножны, снова вытащив из-за пояса пару своих короткоствольных пистолей. На мгновение драгуна пробрала дрожь, но на лице по-прежнему лежала маска уверенности и спокойствия. Я не мог уловить, охватил ли Тейвила азарт или то был

вырвавшийся через шкуру страх, какой пронимает любого перед схваткой; где или ты, или тебя.

Я боялся. Черт возьми, двадцать всадников в черных латах в двадцати шагах! Но я буду драться и рвать им глотки! Не ради высоких идеалов, а просто, чтобы завтра жил я, а не они. Кровь и песок! Угроздило ж идти прямо в западню! Я зло покосился на Велдона.

Раздался выстрел. Проклятый пепел! Что там? Рейтар во дворе встрепнулся, но только на мгновение. Снаружи раздался гогот двух десятков луженных кавалерийских глоток, и он вновь вальяжно устроился в седле.

Рейтар не обращал внимания на двор и на избу, в которой мы затаились, что крайне безрассудно в только что оккупирован краю. Он либо безмерно глуп, либо сопротивление окончательно сломлено или попросту не оказывалось с должным упорством. Неспешно пыхая дымными колечками, кавалерист задумчиво ершил гриву своего жеребца. Имперец оживился лишь, когда во двор въехали еще полдюжины всадников.

Трое из них снаряжены весьма основательно. Почти полный рыцарский доспех: шлем с откинутым забралом, двойная кираса, полная защита рук, длинные набедренники с наколенниками и крепкие сапоги, усиленные стальными пластинами. Рейтшwert, кинжалы и несколько пистолей. На боку черного жеребца, ступавшего первым, даже приторочен чехол с аркебузой. Вороная масть жеребца была подстать доспеху наездника. Такие же черные, как и у остальных латы, но щедро и в то же время с тонким вкусом отделанные серебром. Шлем украшен плюмажем. Не иначе как полковой оберст и пара рейтар из штабного эскадрона.

Трое других облачились куда проще: почти также, как первые заехавшие на двор. Всадники чуть расступились, чтобы пропустить за частокол крестьянскую подводу. Просторный двор в один миг стал довольно тесным. Офицер и двое тяжеловооруженных всадников остановили коней у завёрнутой в холст пленницы, почти загородив ее от нашего взора. Неприметная крестьянская телега с худой кобылой в упряжи замерла в шести-семи шагах от крыльца. Возница в высокой мятой шапке, горской куртке и шароварах слез с телеги и, обнажив голову, учтиво поклонился, что вызвало бурный смех имперцев. Громче всех над тщедушным невысоким мужичонком хохотал офицер.

— Та самая телега, — произнес Тейвил, — что на дороге стояла.

Со двора послышался еще один залп гогота. Я посмотрел в миниатюрный разрез. Крестьянин все также ломал шапку, а рейтары продолжали бурно веселиться. Да они все хмельны!

— Гард, — негромко позвал отец Томас, — это Пол Андар. Пол Губошлеп.

Губы инквизитора дрогнули.

— Бог, единый в Пресвятом Духе, волею Твоею и по благодати Твоей доверил Ты рабу своему чадо. Молю Тебя, спаси и сохрани...

Церковник торопливо зашептал молитву о заступничестве и помощи детям. Я удивленно воззрился на него, решительно отказываясь понимать, что побудило инквизитора произнести столь неуместную в нашей ситуации просьбу к небесам. Велдон молился, опустив глаза к дощатому полу, и я не мог поймать его взгляд, чтобы отыскать в нем объяснение странного поведения церковника. Чертов монах! Я снова клял Томаса Велдона и, наверно, не в последний раз. Слишком часто его мотивы непонятны.

Гомон во дворе стих.

— Где моя дочь? — громко, с легкой хрипотцой спросил Пол Андар.

Крестьянин по-прежнему мял в руке свою шапку, но свой вопрос задал требовательно и

без страха. Я с невольным уважением посмотрел на сутулую фигуру лесника. Его голос как будто принадлежал другому человеку.

Рейтарский офицер поднял руку в кожаной коричневой перчатке, и новая волна бурного веселья заглохла в зародыше.

— Что? — спросил имперец, наигранно выставив вперед белую бородку, клинышком по-огсбургски. Офицер пребывал в преклонных годах, что не мешало уверенно держался в седле, как и подобает любому дворянину.

— Где моя дочь? — снова произнес крестьянин, и опять без намека на боязнь.

— Ты как с его сиятельством говоришь? — один из телохранителей пустил коня на лесника, доставая плеть.

А седой офицер-то графскую шпагу носит, точно полковник. Следовательно, два десятка рейтар в его свите — совсем немного для военного времени. После падения Бранда минуло только несколько дней, и имперцы уже ничего не опасаются в окрестностях города. Получается, арнийские силы разгромлены в пух и прах, а Загорье и не думает оказывать сопротивление. Помрачневшее лицо Тейвила намекало на схожие думы.

— Остынь, Куно, — велел офицер.

— Но оберст!

— Ты оглох? — с ноткой раздражения сказал полковник.

Рейтар унял свою прыть, и граф с издевкой обратился к горцу:

— Твоя дочь? Это шлюха? Она здесь!

Офицер направил своего жеребца в обход крестьянина, открывая его взгляду пленницу. Пол тут же бросился к ней, из его рукава появился нож. Под злой смех и похабные крики имперцев лесник начал срезать веревки, опутывавшие холст.

Я ошибался, девушка жива. Она вскочила на ноги, едва лесник покончил с узами, и, рыдая, кинулась ему на шею. Взлохмаченные золотистые волосы, из-под девичьего тулупа выглядывал разорванный подол юбки.

— Лили... — горько промолвил Велдон.

— Мне же обещали! — крестьянин буквально трясся. Он отчаянно, он до безумия смел. — Ты же обещал!

— Забываешься, лапоть, — теперь офицер заговорил с явной, нарочитой ленцой. За последнее время довелось увидеть и услышать немало огсбургцев благородных кровей, и почти все они изъяснялись на общем языке без акцента. — Не по чину мне с тобой говорить, но проявлю милость. До твоей шлюхи я и пальцем не притронулся. Слово офицера и дворянина нерушимо! Как камень! Но с несколькими из моих ребят она покувыркалась, и при том была очень довольна!

— Это ложь!

— Довольно! — отрезал имперец. — Где золото?

Лесник шепнул что-то дочери, и та, чуть ли не бегом, поспешила в дом. Офицер смотрел ей в спину с явным неодобрением, его обозлило, что пленница сейчас скроется из вида. Он дал своим людям знак. Кутивший до сих пор рейтар, спрыгнул с седла и, не вынимая мундшук изо рта, двинул за девицей корявой походкой безлошадного кавалериста.

— Хватай ее, — тараша глаза, прошипел наемнику инквизиторов Тейвил.

Я крепче сжал рукояти пистолей, отсидеться незамеченными не вышло. Два десятка рейтар и мы. За имперцев число, но они и не подозревают, что здесь враг, зато мы их видим. Я шумно выдохнул. Проклятье! Расклад все равно не в нашу пользу: их много и они отнюдь

не мальчишки для битья.

— Я вас попрошу... — заговорил Велдон.

— Тише!

— Но!..

В сенях скрипнула дверь, и инквизитор благоразумно заткнулся. Застыв слева от дверного косяка, барон обнажил палаш. Всхлипывая, девушка вошла в горницу и прежде чем заметила что-нибудь подозрительное, оказалась в охапке Брендона. Громила ловко схватил ее, зажав своей лапицей рот, и оттащил в сторону. Она приглушенно пищала и трепыхалась, но вырваться из объятий не могла.

— Лили! — позвал отец Томас.

Увидав церковника, девушка замерла, её заплаканные глаза округлились от изумления.

Снова скрипнув, наружная дверь впустила в дом громко сквернословящего рейтара.

— Где ты, маленькая дрянь? Куда спряталась! За волосы выволоку!

Он так и не понял, откуда пришла смерть, когда палаш Тейвила пронзил горло. Издав булькающий звук, рейтар рухнул на пороге жилой половины избы. Под обретенную трубку потекла кровь.

— Тяжел же ты, — крикнул драгун, затаскивая вглубь горницы тело с вмиг остекленевшими глазами.

Я бросил взгляд на двор. Еще трое рейтар спешили; те, что были налегке. Двое вывернули крестьянину руки, а третий крепко вмазал согнувшемуся леснику под солнечное сплетение.

— ... и никакого железа! — граф свесился к горцу. Его обурежала ярость. — Чтобы никакого железа в руках не было! Я сам это тебе говорил вчера!

У ног лесника валялся нож, которым тот разрезал веревки. Ответить крестьянин не мог. После удара перехватило дыхание, он отрывисто сопел. Офицер разглядывал его несколько минут. Беспомощный и жалкий вид хозяина хутора привел чувства имперца в равновесие. Огсбургец выпрямился в седле и, поглаживая бородку, приказал:

— Пока не троньте. Подождем.

Мы тоже ждали. Томас Велдон как-то уж слишком по-отечески обнял девушку, почти неслышно рыдающую на его груди. Барон с сожалением смотрел на кровавый след на дощатом полу, а Брендон деловито вооружался пистолями рейтара. К сожалению, огсбургец снарядился сегодня полёглому, прихватив с собой только два пистоля. Но хоть так, теперь у каждого из нас по четыре ствола.

— Где золото? — спросил граф, как только лесник отдышался.

— В возке, — хрипло ответил Пол Губошлеп, — под сеном.

— Ты же помнишь уговор? Десять золотых, и за каждую отсутствующую монету я лично отрежу по одному пальцу твоей ненаглядной шляхе. А может так и сделать? Что скажешь, лапоть? Нужны шляхам пальцы?

Имперцы опять зашлись в хохоте, только в этот раз крестьянин не дергался. По кивку офицера, его отпустили.

— Все десять? — спросил граф, когда крестьянин протянул ему выуженный из-под соломы мешочек. — А шляха твоя где? Тащите ее сюда! И Хрода нет! Шляха опять под кобеля легла?

Снова гогот. Лесник склонил голову, теперь его трясло, кулаки крестьянина сжимались и разжимались. Все-таки он до безумия смел или просто безумец.

К дому направилась тройца ухмыляющихся рейтар.

— Брендон! За мной! — Тейвил нырнул в сени.

Я остался на своем месте, наблюдая, как рейтары беспечно ступают к крыльцу. Отец Криг бубнил в своем углу молитву. Отец Томас заслонил собой дочку лесника и со странным выражением на лице смотрел на меня. Я увидел в глазах инквизитора надежду.

В очередной раз скрипнули петли, и почти сразу же грянули два выстрела. Потом еще один и через секунду еще два. Я вспорол кинжалом бычий пузырь. Ругань, крики, храп и ржание лошадей. Сквозь пороховой дым, клубившийся над двором, угадывался силуэт упавшей на передние ноги лошади. Конь храпел и не мог подняться. Запряженная в телегу кобыла тоже умирала. Остальные лошади умчались вон, смешав с грязью закованное в черные латы тело. Второго рейтара и графа не видно. Что у крыльца?

— Купец! — заорал Ричард. — Держи ворота!

Я выставил пару пистолей в окно и, надо сказать, весьма вовремя! Во двор влетели сразу три всадника. Вздвигнув коней, они разрядили пистолы. Я дважды пальнул в ответ. С крыльца тоже ответили двумя выстрелами. Заржав, две лошади начали заваливаться наземь. Наездник ближней к воротам лошади, сражен, другой рейтар ловко покинул седло. Третий попытался вырваться, но был снят с коня аркебузным выстрелом. Стрелял лесник! Кровь и песок! Откуда у него ружье?

В следующее мгновение Пол Губошлеп прятался уже от рейтарских стволов. Оставшийся в одиночестве имперец разрядил по нему вторую пару своих пистолей.

— Гард! Сюда! — Тейвил рванул на двор с оголенным палахом и пистолем в левой руке.

Я обрушил в адрес драгуна проклятья, но тоже выскочил из дома! О, Харуз! Перед крыльцом — три мертвых имперца, а на ступеньках, прижимая ладони к окровавленному животу, сгорбившись, сидит Брендон.

— Тащите в дом! — прокричал Ричард, наскочив на рейтара. Зазвенела сталь.

Отбросив в сторону аркебузу, Пол ринулся к раненому, а я снова стрелял. Еще три рейтара ворвались внутрь. На сей раз пешие и лишь с тонкими мечами в руках. Одного снял мой выстрел, двое других кинулись к Тейвилу.

Взревев медведем, барон намеренно пропустил вражеский выпад, подставив плечо под скользящий удар рейтшверта, и одновременно разрубил шею имперца палахом. Шагнув к рейтарам, что попытались взять Тейвила в клешни, барон бросил в лицо одному из них оскорбление и тут же выстрелил. Имперец рухнул без единого звука.

Всего за несколько ударов сердца двое из троих убиты, еще несколько имперцев пали чуть ранее. Последний рейтар растеряно сделал шаг, однако нашел в себе мужество пойти в атаку!

— Купец! — снова заорал Тейвил, скрещивая палаш с мечом огсбургца, — в дом его несите!

Я обхватил Брендона за грудь. Крестьянин поднял ноги, и мы потащили раненного в избу. Я поднимался по ступенькам спиной к дверям и с каждым вздохом ждал появление новых противников. Но слышал лишь ругань, конское ржание и отрывистые выкрики на огсбургском наречии с той стороны частокола.

Мы поднялись на последнюю ступеньку крыльца, а барон прикончил рейтара. Я с неподдельным восхищением посмотрел на тяжело дышащего Тейвила, что спешил к нам. Его натиск буквально подавлял после первых же взмахов клинка. Ричард двигался безупречно.

Великолепно! И отправил на тот свет двоих за считанные секунды, отделавшись неглубоким порезом на плече! Неужели, он и впрямь из палаты Тайных дел?

— Быстрее, — барон встал спиной к дверям, пока мы заносили Брендона в сени. Тейвил прикрывал нас с палашом в одной руке и кинжалом в другой. Только что он сделает, если новые рейтары будут стрелять?

И выстрелы грохнули! Палили много, часто и по другую сторону частокола.

— Наши! — обнажив в улыбке кривые зубы, прохрипел Пол Губошлеп.

Глава 23. Убить или...

Хутор быстро занимался огнем. Пока барон и я доканчивали под кувшин вина принесенный Полом сыр и лук, дымные струйки, тянувшиеся к серому небу из окошек избы, превратились в языки пламени. В дюжине шагов от по-прежнему распахнутых створок ворот хорошо видно, как огонь жадно взялся за потемневшее от времени дерево.

Ветер неожиданно сменил направление, и дым понесло к дороге перед подворьем. Туда, где разыгрался скоротечный жестокий бой.

Когда рейтары спешили за частоколом, готовясь навалиться на избы всей своей железной массой, я прощался с жизнью. Потому как времени на зарядку пистолей не оставалось, и мы могли встретить имперцев лишь со сталью в руках. Забаррикадироваться в доме лесника тоже не успевали; да и спаслись бы только до первого факела. Крышу избы из широких досок устилала солома.

Однако имперцы оказались атакованы сами. Вторжение Огсбургской империи породило для многих горцев личные счеты к войску Его Величество Карла Первого. Рейтары слишком поздно заметили, вышедший из леса отряд в три десятка человек. Горцы и пятеро служивых: трое королевских драгун и два наемника в черно-желтые полосатых куртках. Как позже выяснилось, солдаты — это остатки разбитого гарнизона Трунда, городка в дне пути на запад от Бранда.

Нападавшие были вооружены старыми фитильными аркебузами, арбалетами и луками. Из рейтар не ушел никто. Неожиданный залп в спину отправил к праотцам половину столпившихся у ворот хутора имперцев и множество лошадей. Стрелы и арбалетные болты добились остальных рейтар, горцы пощадили только графа.

Предводитель горцев велел брать его живьем. Плюмаж и дорогие доспехи, выделявшие оберста среди других кавалеристов, значительно упростили эту задачу. Как только охрану рейтарского полковника перебили, горцы взяли имперца в кольцо, потребовав бросить оружие. Огсбургец разразился бранью и кинулся в бой. Прежде чем графа свалили наземь, его рейтшверт сразил одного противника.

Полковник сидел в грязи на обочине дороги, со связанными за спиной руками и под охраной двух наемников. Прямо сейчас жизни имперца ничто не угрожало, но, схватив, его едва не прикончили. Разгоряченные боем и смертью своего, горцы жаждали мести. Имперца спасло вмешательство Губошлепа.

Пола Андара слушали, потому что предводителем напавших являлся именно он. Губошлеп меньше всего походил на старшего в отряде вооруженных мятежников — сутулый, с узкими плечами, растрепанными соломенными волосами, жидкой бородкой и большими отвислыми губами, благодаря которым получил свое прозвище, однако ж внешнее впечатление и в сей раз оказалось обманчивым.

После того, как короткий бой за пределами частокола стих, и мы вышли из хутора вслед за Андаром, я поинтересовался у Велдона о нем. Потому ли инквизитор тащился на этот хутор, что его хозяин подался в мятежники и даже сколотил свой отряд? Отец Томас посмотрел на меня несколько обескураженно и ответил, что об этом ему ничего не известно. Ненадолго задумавшись, пока лесник распорядился снять с убитых латы, собрать оружие и припас да поймать разбежавшихся лошадей, Велдон добавил, что Андар обязательно помог

бы. Хозяин хутора, мол, человек, коему можно доверять, и что его всегда отличала смелость, даже безрассудство.

Либо тень сумасшествия. Я подумал, что бросать в лицо оберста обвинения во лжи мог только безумец.

Хриплый и сильный голос Губошлепа, каким он сейчас поторапливал горцев, еще меньше вязался с наружностью лесника, чем его предводительство над мятежниками.

Рейтары нагрянули на хутор в первый дней своего появления под столицей Загорья и вычистили почти все припасы, обрекая горца с дочуркой на голодную зиму. Второй раз черные кирасы появились вчера, и на сей раз с самим оберстом во главе. Девчонку скрутили веревками, перебросили через седло полупьяного ефрейтора, а полковник затребовал выкуп в десять золотых. Огромное состояние для лесника, тем паче, что граф назначил срок в один день.

Когда Пол рассказывал Велдону о вчерашнем налете рейтар, его голос дрогнул. Монеты нашлись, и дочь ему вернули, только вот... Надругались. Ей всего пятнадцать весной исполниться. Отец Томас опустил взор и качал головой после каждого сказанного о девушке слова. Андар ткнул кулаком в сторону мертвецов! Она отомщена! Отец Томас возвел очи горе, что-то неслышно прошептав, и благословил Пола Андара.

Людская месть есмь смертный грех. Так сказано в Священном Писании, и только что Томас Велдон преступил Закон Божий. Мне-то плевать, а вот Тейвил тарашился на инквизитора, разговаривающего с лесником в дюжине шагов от нас, с неприкрытым изумлением.

Я раздражённо напомнил Ричарду про огсбургского монаха, который собирался допрашивать нас. Его придушили, и этот, куда более тяжкий грех, тоже на совести Велдона. Тейвил пробубнил что-то неразборчивое в ответ и заткнулся. Дошло, видать. Тоже мне волк в овечьей шкуре! Скольких сегодня палашом порубил, а про Бога вспоминает! Арниец, одним словом. В былые века реVENTольские короли лили чужую кровь во имя веры, как никто другой.

Отец Томас и Андар еще долго что-то обсуждали, а я нашел взглядом дочь лесника. Закутавшись в пуховый платок из серой козьей шерсти она наблюдала, как у частокола складывают тела в окровавленном исподнем. Горцы снимали с мертвецов почти все, не брезгуя даже верхней одеждой, не говоря уже о сапогах, латах, амуниции и оружии. Девчушка почти не сводила взора с убитых, ее губы иногда дрожали, но Лилит, как звали дочь Андара, больше не плакала, её покрасневшие глаза высохли. Жалко девочку, хлебнула вчера. Однако далеко не каждая пострадавшая от насильников может сказать, что все её обидчики мертвы. Она непременно найдет утешение своему горю в этом обстоятельстве.

Томас Велдон читал молитву за упокой души над каждым из мертвых рейтар, поочередно ступая от одного павшего к другому. Отец Криг пребывал близ укутанного в одеяла Брендона. Наемник совсем плох. Кровотечение остановили быстро, помогла магия Велдона, но состояние раненного резко ухудшилось, он впал в беспамятство, хрипит и бьется в жару.

Я и барон торопливо доедали; по всему видать, что скоро уходим. Отряд Губошлепа слишком мал, чтобы чувствовать себя в безопасности в окрестностях Бранда, наводненных имперцами. Монахи же к предложенному Полом сыру так и не притронулись. Сначала служение, как сказал отец Томас.

Хвала Харузу! Чувством долга перед убитыми врагами я не обременен.

Звякнув оружием, к нам приблизились трое арнийцев. Гладко выбритые лица, в глазах блеск и эйфория после удачно сложившегося боя, да и вообще драгуны смотрелись молодцевато, в полном порядке, чего не скажешь об их мундирах. Мятые и грязные.

— Господин лейтенант...

— Капрал Ливв? Приветствую!

Подофицер явно обрадовался тому, что лейтенант помнит его в лицо и по имени. Физиономии солдат вытянулись от изумления, когда Тейвил пожал каждому драгуну руку, барон несколько не чурался нижних чинов. Обменявшись приветствиями, Ричард Тейвил спросил:

— Где вы стали? Даман вывел вашу роту из Бранда в числе последних.

Настроение драгун в одно мгновение сделалось мрачным. Роль бывшего генерал-губернатора в падении Загорья теперь очевидна почти каждому. Именно его приказы размазали арнийскую армию по графству тонким-претонким слоем. Красные мундиры с чувством помянули Конрада Дамана и всю его родню.

— Нас разместили южнее столицы, — сказал капрал. — В местечке Аймунт.

— Дрянной городишка, скажу я вам, господин лейтенант, — вставил солдат с большими закрученными усами.

— Верно, — подтвердил подофицер, — народ там неприветливый, хмурый. Ну да речь не о горцах. Уже через два дня нагрянули имперцы. Первыми появились орки, лес за городским валом буквально кишел ими. Капитан Олдвид, упокой, Господи, его душу, вывел роту на городскую площадь и объявил, дескать, дикари взбунтовались. Мы начали строиться...

Подофицер замолк. Вместо него заговорил усач:

— Выйти за ворота не успели, господин лейтенант. Показалась огсбургская пехота, целый полк, а еще рейтары и пушки. Тогда самому тупому из нас стало понятно, что это вовсе не бунт.

— Взяли город с ходу, — продолжил капрал, — подкатили пушки да разнесли деревянные ворота и башню над ними в щепы. Потом принялись лупить по частоколу. Горожане попрятались по домам, а мы приняли бой.

— Долго держались?

— Нет, — помяв ладонью лицо, произнес подофицер, — по приказу капитана Олдвида мы встретили имперцев в пешем строю, и они быстро смяли наши порядки. Что наши шпаги против алебард, будь они неладны?

— Первым погиб капитан Олдвид. Храбрости ему было не занимать.

— Лучше бы ума у ростовщиков занял, — выругался Тейвил.

Драгуны кивнули, как будто соглашаясь с ним, но промолчали. По воинским традициям нет чести в сплетнях с чужими о собственном командовании.

— А аркебузы?

— Стреляли, но мы успевали пальнуть лишь раз или два. Имперская пехота вливалась в проломы, что твоя саранча.

— И орки! Они закидывали на частокол железные крючья с веревкой на тыльном конце и поднимались прямо на стену да били оттуда из луков.

Я перевел взгляд на мертвых рейтар. Эти конкретные имперцы погибли зря, глупо, по беспечности. Однако выходило, что огбурское вторжение не спонтанно и тщательно спланировано. Изменник Даман распылил арнийские силы, а подготовленные штурмовые

группы огсбургцев с ходу взяли графство под контроль. Комбинация из артиллерии, тяжелой пехоты и орочьих стрелков выдалась весьма удачной. К тому же, если судить по собственному печальному опыту, округа Барнада быстро перекрылась разъездами из рейтрав и конных орков.

— Сколько смогло вырваться из города?

— Семнадцать, — произнес третий кавалерист, не открывавший до сих пор рта. Массивные скулы и выпирающая вперед челюсть делали его похожим на бульдога. — Думали, пробираться к Долгому хребту. Да только, чем дальше на юг, тем огсбургцев и их орков становилось все больше. Близко к горам мы так и не пробились, потому как постоянно кружили по лесам, лишь бы не нарваться на импрецов.

— Получалось? — спросил Тейвил. По мере рассказа драгун лицо Ричарда темнело, наливаясь кровью.

— Получалось плохо и не всегда, господин лейтенант, — вновь заговорил капрал. — Вместо юга, мы все время шли на север, к Бранду, и несколько дней потеряли почти всех людей. Два дня назад нас осталось только трое, а нынче мы в отряде Губошлепа.

— Что дальше? — спросил Тейвил.

— Дальше? Теперь мы с горцами. Будем мстить и пробиваться на север.

— Зачем? Что там на севере?

— По слухам, к Дорноку стекаются все, кто собирается сражаться с огсбургцами. Будем воевать и ждать наших с юга. Король Герард так просто не сдаст Загорье!

Я наострил уши. Он назвал Дорнок. Не подвел ли меня слух?

— Дорнок? — решив убедиться в верности услышанного, я встрял в разговор. — Это город?

Трое драгун пожали плечами почти одновременно. Ответил мне солдат с бульдожьей мордой:

— Губошлеп сказал, что к северу от Дорнока только серебряные рудники, орочи стоянки да Запустение, а по величине Дорнок с Аймунт будет.

Размер Аймунта мне ничего не говорил. Зато я узнал, куда горцы намереваются следовать, а, значит, туда идем и мы: Велдон сказал, что уходим от Бранда с отрядом лесника. Наконец-то удача! В последнее время она редко улыбалась. Планы горцев совпали с моими целями! К тому же идти с отрядом Андара разумно: в Загорье ночью имеет значение, сколько вокруг вооруженных человек.

С громким треском обвалилась крыша избы. Языки пламени перекинулись на сарай. Люди уставились на погибающий в огне дом многих поколений семейства Андаров. Вокруг нас сгустилось безмолвие, нарушаемое только треском сторающего дерева и карканьем воронья.

Хриплый возглас Губошлепа вывел из оцепенения. Пора уходить! Что верно, то верно. Я с беспокойством оглядел окрестности: пока тихо и никого кроме нас, но огсбургцы или их орки могли показаться в любое мгновение.

Горцы смогли завладеть девятью лошадьми имперцев, остальные разбежались или пали. Двух кобыл, рыжую и серую, отдали для Брендона: меж ними устроили носилки для раненного. Семерых других животных навьючили трофеями и остатками припасов, вынесенных с хутора, а также нехитрым скарбом лесника его дочери, что те взяли с собой. Через круп крайнего в импровизированном караване жеребца горцы перекинули своего мертвого.

С рейтарским полковником, кстати, наметились проблемы, огбургец вздумал проявить героизм. Он наотрез отказывался вставать и идти. Схватив за козлиную бородку, Губошлеп выкрикивал в его лицо угрозы. Граф мычал от боли, но и только. Со связанными за спиной руками, в шерстяном камзоле с надорванным у плеча рукавом, безоружный, с непокрытой головой. И несломленный.

Пол посмотрел на Велдона, словно ища поддержки. Монах лишь устало пожал плечами. Лесник обернулся к имперцу, физиономия горца исказилась злобой, он дважды вмазал по лицу пленника, разбив тому губы. С бородки имперца потекла вязкая кровь, но взгляд, поднятый на горца, по-прежнему полон надменного презрения.

— Бросьте его на лошадь! — раздраженно велел своим людям Губошлеп, в сердцах пнув по ботфорту полковника.

— Погодите! — махнув горцам рукой, Тейвил тяжелыми шагами направился к графу.

А я снова посмотрел на поля и пустую дорогу. Пока еще пустую! Времени на возню с имперцем нет!

— Имя! — что было мочи заорал Ричад, наклонив покрасневшую от натужного крика морду к лицу имперца. — Имя! Как зовут? Имя назови! Имя!

Тейвил ревел, не переставая, и, схватив имперца за плечи, начал трясти его, как тряпичную куклу. Рядом с рослым лейтенантом, стоявший на коленях граф выглядел щуплым подростком.

— Имя!

Да что он делает, дьявол его побери! На кой Тейвилу имя этого графа!

— Имя! Назовись! Имя!

Барон сжал шею пленника своей левой медвежьей лапой, перестав трясти его другой рукой. Он что, задушить его собрался!

— Имя!

В правой руке Тейвила появился нож, одно движение — и лейтенант срезал огсбургцу мочку левого уха. От неожиданной боли граф отчаянно взвыл! По его левой щеке потекли струйки крови.

— Имя!

— Генрих Георг фон Геринген! — сдавленно ответил имперец.

— Поднимайся!

Граф покорно встал на ноги.

— Будешь идти? — вдруг негромко и совершенно спокойно спросил Тейвил.

— Буду, — промычал имперец, затравлено, снизу вверх смотря барона. Ричард выше его на голову.

Тейвил словно потерял к пленнику интерес. Подойдя к отступившему от пленника Андару, лейтенант произнес:

— Он пойдет. Развяжите ему руки и дайте какую-нибудь тряпку, пусть к уху приложит. Сегодня он не сбежит.

Глядя на барона с явной опаской, Губошлеп поспешно кивнул. Тейвил сломал волю человека всего за дюжину ударов сердца. По меньшей мере, до захода солнца имперец рыпаться не надумает.

— Вино осталось, купец? — криво ухмыльнувшись, спросил у меня барон.

— Увы, кончилось.

Я не мог разглядеть или почувствовать, что сейчас пряталось за улыбкой барона, а в

голове крутился прозвучавшей в брандской темнице вопрос Велдона палате Тайных дел.

Скоро, теперь уже без промедлений, мы тронулись в путь. Небеса благоволили нам — имперцы так и не появились. Примерно в двух лигах от хутора свернули на лесную тропу и, наверно, уже с час месили сапогами жижу из грязи, талой воды и древесной ветоши. Мокрый, сходящий снег наполнял лес сыростью.

Лошади шли в голове длинной цепи отряда горцев, чтобы меньше вязнуть на раскисшей тропе. Большая часть людей ступали следом, в том числе и я с Тейвиллом. Немного знобило, поэтому перевязал на шею шарф и посылнее натянул черную шляпу, чудом не потерявшуюся в передрыгах после капеллы святой Берты. Тейвилл тоже утепился, накинув на голову капюшон своего плаща. Погода неуютна, и мы кутались в одежду, чтобы почувствовать себя лучше. Эх, в хорошую бы таверну сейчас, к теплому очагу, подогретому вину и тарелке с горячим мясом!

Впереди брел пленный огсбургец, его отделяли от барона две горские спины. Инквизиторов, Пола и его дочки не видать; вероятно, они в начале колонны. Хотя нет, вру, вон отец Томас. Стоит, положив левую ладонь на свой драгоценный дорожный ящичек, ждет кого-то.

— Я жду тебя, Гард, — произнес церковник, когда мы поравнялись.

— Святой отец, я в вашем распоряжении, — не слишком учтиво буркнул я. Чего ему надо? Усталость начала брать верх и надо мной. Если надо идти, то хотелось бы идти молча.

— Нужно поговорить наедине, это важно. Подождем, пока все пройдут, — в голосе Томаса Велдона прозвучала взволнованность или только показалось?

Отряд прошел мимо, мы остались в дюжине шагов, от ступавших последними наемников в полосатых куртках. Прежде, чем начать говорить, инквизитор глубоко вздохнул. Он определенно не в своей тарелке.

— Я назвал её Лилит. Дабы всегда помнить о грехе, коему поддался.

— Кого её?

— Дочь Андара. Только... — слова давались Велдону с явным трудом, — она не его дочь. Она моя дочь!

— А Губошлеп? — выпалил я. Вот так поворот!

— Это долгая история, — Велдон смотрел куда-то мимо меня. — Он воспитывает Лилит как собственное дитя и любит её как свою, но речь не о том.

— О чем же? И вообще, зачем мне все это знать? — я отступил от монаха на один фут. Во что он собирается меня впутать на сей раз?

— Она пострадала. Ей очень тяжело, — опустив взгляд, отец Томас цепко схватил меня обоими руками за локоть. — Отомсти за нее! Отомсти! Убей его!

Инквизитор буквально взмолился о мести, я почти ощутил шкурой поток отчаяния, хлынувший от отца Томаса. В нем боролись два начала: ненависть и сущность божьего слуги.

— Кого убить?

Я попытался вырвать руку из хватки инквизитора, однако тот держался за меня, как за последнюю свою надежду на Спасение. Но Велдон толкает себя на ещё один смертный грех, и тянет меня за собой.

Я вор, я не убийца. Мне неоднократно предлагали выполнить работу убийцы, и каждый раз я отказывался. Меня путались купить, мне угрожали, но я снова и снова повторял. Я вор, а не убийца! Да, моя душа давно отягощена грехами, и в моей жизни сопутствовало

множество смертей, я часто убивал. Но лишь в бою, только в схватке на темных улочках ночных городов. Я убивал, чтобы не убили меня.

— Кого убить? — я переспросил, так как Томас Велдон не отвечал.

— Имперца. Пленника. Он позволил своим солдатам...

— Нет!

— Почему? — инквизитор поднял глаза, его взор пылал.

— Я не убийца. Я вор.

— А это имеет значение?

— Имеет.

— Ты должен!

— Нет! И почему не Губошлеп?

— Он не может пойти против остальных. Они рассчитывают на выкуп.

Пламя во взгляде Велдона вдруг погасло. Он развернулся и побрел по тропе за караваном. Обескураженный резкой переменой в настроении церковника, я смотрел на его понурю фигуру.

— Да, так будет лучше, — не оборачиваясь, произнес отец Томас.

Я глядел на него и понимал лишь одно. Томас Велдон — это загадка, которая мне не по зубам. Загорье знает его как истового служителя Матери Церкви, каковым он предстал и предо мной. Почти идеальный инквизитор, без зерна сомнений в вере и деле Церкви. Но я уже видел, что он может приказать убить, и сейчас он снова просит о смерти... И еще дочь. У него есть дочь!

Чертов монах! Я снова сквернословил в адрес Велдона, и он того заслуживал.

К кому еще он обратится? Андар отпадает. Тейвил? Пожалуй, что да, тот бы справился. Не знаю, согласится ли Ричард, но если мои подозрения о тайной палате верны, подобное дело для него — сущий пустяк. Кого-либо другого инквизитор вряд ли подговорит, потому как чревато оглаской, а у горцев, по утверждению Велдона, свои приземленные планы на тушку имперца. Что до меня, то судьба графа не волновала совершенно. Это не моя война, и к рейтарскому полковнику личного счета тоже нет.

Я поспешил нагнать удалявшийся от меня отряд.

Шли по грязи весь день и почти без остановок, все-таки погоня была реальной опасностью. Ближе к сумеркам скончался Брендон. Его похоронили уже после заката, за полуразрушенной оградой заброшенного деревенского кладбища, к которому вышла тропа.

— Остановимся здесь, — объявил отец Томас, указывая на рощу с могильными камнями под деревьями.

После разговора церковник избегал встречи со мной. Я также не горел желанием говорить с ним, но сейчас захотелось спросить, уверен ли Томас Велдон, что ночевка на кладбище неопасна? Однако горцы не проявляли какой-либо нервозности и спокойно устраивали лагерь. Вероятно, среди местных бытовало мнение, что тут они в безопасности. Раз так, то и я успокоился. Тем более что Губошлеп разделил своих людей на три ночных дозора. Не два или три, сторожа, а треть отряда заступит на часы во время отдыха остальных. Мне и Тейвилу выпала третья смена.

Лагерь разместили на опушке между лесом и кладбищем. Горцы привязали лошадей к осинам и развели пять больших костров. Дров они заготовили знатно.

Наскоро перекусив, я закутался в плащ и провалился в беспокойный сон...

От волчьего воя заледенела кровь. Проснувшись, вскочил с обнаженной шпагой в руке.

Волки выли отовсюду, их рев нагонял панику. Заржали испуганные лошади.

Ночевка тонула в густом тумане. Буквально в пяти-шести шагах от костра ничего не разобрать. Раздался человеческий вопль. Спустя два удара сердца преисполненный ужасом крик утонул в новом волчьем вое, за которым ударил резкий порыв ветра. В одно мгновение костры погасли. Стоянка погрузилась в полную темноту.

Глава 24. Туман

— Что за напасть, купец? — из тумана вывалился Тейвил. Подтянув к поясу потертые армейские ножны, барон на половину обнажил палаш.

Откликнуться я не спешил. Дьявол тебя задери, Ричард! Если бы я сам знал!

Звериный вой вдруг смолк. Разом. Над лагерем повисла тишина. Нежданное безмолвие и густой туман предвещали людям беду. Зря стали на ночлег у кладбища. Зря пришли сюда. Ночь не для вас...

Я ругнулся, гоня прочь странные мысли. И панику! Страх заскреб на душе. Оглянулся, чтобы спросить Тейвила о его ощущениях, но тот исчез. В этом чертовом тумане скоро не разгляжу носки собственных сапог. Проклятый пепел! Я потянулся к магии, однако и ночное зрение бессильно.

Послышалось беспокойное ржание лошадей, выкрики горцев. Словно голоса призраков, что спрятаны от взора смертных. Но то живые, в их возбужденной переключке тоже угадывался страх. Помянули Святой Дух, и я уловил слова молитвы. Не инквизиторы, кто-то из горцев. Где церковники, я не знал.

— Кто орал? — хриплый глас Андара потребовал ответа. — Все на месте?

Слова лесника потонули в новом волчьем вое, который снова зазвучал вокруг лагеря, и почти сразу же к звериному реву прибавились крики людей и лошадей. Лагерь атакован: кто-то или что-то проникло внутрь. Стоянка наполнилась воплями ничего не понимающих людей, руганью, беспорядочной стрельбой, волчьим воем и конским ржанием.

Кровь и песок! Кровь и песок! Я потерял самообладание и вертелся волчком на одном месте, выставив перед собой шпагу и не видя ничего кроме белого тумана. Кровь и песок!

Желто-полосатая куртка мелькнула в окутавшей стоянку мари и исчезла. Мгновение спустя где-то там, куда шагнул наемник, прозвучал протяжный стон умирающего. Не думая, я ринулся на звук. Вперёд толкнула неизвестность, покончить с ней — и уйдет липкий страх. Узреть опасность, да хоть бы и смерть! Но не крутиться слепым котенком в убивающем нас тумане!

Я обнаружил наемника, споткнувшись об него. Мертвец с вывалившимся наружу кишками, уже не шевелится. Он умер быстро, не ведая, что его убило.

Из-под полей шляпы к виску потекла струйка пота, я облизнул сухие, пересохшие губы. Каждый следующий вздох мог оказаться последним. Страшно, когда от смерти отделяет одно мгновение, но никогда не чувствовал себя столь безнадежно беспомощным, как в эту ночь. В меня вцепился уже не страх, а нечто большее, я держался на грани.

Боковым зрением уловил какое-то движение. Обернувшись, выставил в сторону мелькнувшей тени пистолет и вздохнул с облегчением. В трех шагах два горца налетели друг на друга. Они поднимались, понося один другого скверными словечками, но скорей для приличия, чем от ярости. Столкновение сбilo с них безумие, охватывающее всех нас понемногу.

Только в следующий миг... Из ниоткуда между горцами появился размытый черный силуэт; не показался из тумана, как бегающие в панике люди, а именно что появился на одно краткое мгновение. Чтобы взмахнуть руками, пронзить горло горцев длинными кинжалами и также мгновенно исчезнуть!

— Матерь Божья!

Я даже не успел вздеть пистоль для выстрела! Передо мной упали два новых трупа, и снова вокруг только туман, волчий вой да вопли людей.

— Харуз!

Теперь я вспомнил воровского бога! Дьявольщина, вцепившаяся в стоянку, мне знакома! Та самая тень, что шла по пятам с первых дней в Загорье, с ней я дрался на крыше брандской таверны, эта она напала на спящего Фосса, и она вернулась!

Я отступал, вновь не видя ничего кроме стены тумана, и рубил её широкими взмахами шпаги. Пистоль так и оставался в руке неразряженным. Я не хотел стрелять вслепую, чтоб пуля не задела кого-то из своих, а значит все еще умудрялся удерживать контроль над собой.

— Гард! Стой! Сзади!

Обернувшись, обнаружил массивные ветки, на которые едва не напоролся. Деревья стояли стеной, а в паре шагов справа сопел лейтенант. Его плечи поднимались и опускались в такт тяжелому дыханию, в лапах палаш и массивный кинжал. Тейвил пока не подался животной панике, и вместе с ним шанс выбраться из передраги увеличился вдвое. Я был искренне рад снова найти его.

— Ричард! Давай, спина к спине!

Мы прикрыли друг друга. Я по-прежнему водил клинком перед собой, понимая, что тень, убившую на моих глазах сразу двоих, это не остановит. Но должен же я что-то делать!

— Что происходит, Гард? — послышался бас Тейвила. Он все еще не восстановил сбившееся дыхание.

— Не знаю, — я сплюнул на землю вязкую слюну, — сам не понимаю. Ты видел?

Что именно мог видеть барон, я не упомянул, но тот понял без лишних слов.

— Проклятье! Я видел её! Черная фигура появилась и исчезла вновь, убив мельника.

Ричард Тейвил замолчал, мне добавить тоже было нечего. Туман как будто отступил немного, крики людей и конское ржание прекратились, лишь вой все также давил на уши. Меня прошиб холодный пот. Неужели остались только мы?

— Видишь кого-нибудь из горцев? — сквозь усилившийся волчий рев приходилось практически орать, иначе Тейвилу мои слова не разобрать.

— Нет.

— Что делать-то будем?

— Прорываться отсюда нужно!

— Куда?

— Куда угодно! Здесь или та нечисть прикончит, или волки.

Волки! Знать бы, волки воют в тумане или кто хуже; вспомнился Путь проклятых и твари, которые разорвали крысоловов.

— Надо уходить! — настаивал Тейвил.

Я медлил, теша себя призрачной надеждой, что у нас будет одно мгновение, чтобы встретить тень сталью и свинцом, если она появится из тумана.

— Ну! — Ричард навис надо мной, заслонив собой обзор.

— Во имя надежды на Спасение...

— Ну же! — давил драгун.

— Во имя Господа нашего!..

— Слышишь? — я отодвинулся от офицера, вертя головой. Кажется, инквизиторы где-то рядом. Но не только они, воровской нюх чуял, что и смерть теперь ближе. Тень идет сюда!

Вой зазвучал как-то приглушено, а молитва, наоборот, громче; её услышал и Тейвил. К нам приближались Томас Велдон и отец Криг. Первыми в тумане появились два огня. Шедший впереди огсбургец держал в вытянутых руках по факелу, веревки на его запястьях были срезаны. За ним из тумана выступили оба инквизитора. Сильный голос отца Томаса подавлял молитву седого монаха. Старик плелся за Велдоном, устало опираясь на выстроганный из молодого дерева посох. Замыкал шествие Пол Губошлеп со взведенным арбалетом наперевес. Двигались прямо на нас.

— Не прекращайте песнь, — велел старику отец Томас, когда они поравнялись с нами. Его руки покоились на крышке драгоценного ящичка, который висел спереди.

— ... от всякого действия духов нечистых. Повели демонам отступить от душ...

— Вы оба, — констатировал Велдон, — живы. Находили еще кого?

— Да, — сумрачно ответил Тейвил, — и все мертвы.

— А Лилит? — с явной тревогой в голосе спросил лесник. — Видели её?

Мы покачали головами. Я искоса посмотрел на Велдона. Про дочь он не спрашивал, однако осунувшееся лицо выдавало его.

— ...от всякого искушения дьявольского, преподобно и праведно...

Рядом с монахами страх притупился. Молитва ли была тому причиной либо пребывание близ священной реликвии, я не мог судить. Быть может, привыкли к несмолкающему волчьему вою, или просто присутствие нескольких людей отгоняло от каждого из нас панику, но сердце перестало трепетать от ужаса.

Отчаянные вопли людей больше доносились из тумана, лишь звучала молитва:

— ...благословен и препрославлен...

Я поймал на себе взгляд имперца. Граф пристально рассматривал мое оружие, и мысль, которую он затаил в своем угрюмом взоре, была недоброй. Однако мои подозрения оказались пусты. Переключив внимание на клики Тейвила, полковник обратился к нему с умоляющими нотками в голосе:

— Милорд, я вижу в вас благородного человека, дворянина. Позвольте мне умереть с честью.

При первых словах пленника Пол ощерился и подобрался, словно бы собрался выпустить в него болт. Он быстро понял, о чем просит имперец; догадался и я. Отец Томас также с явным неодобрением наблюдал за происходящим, но после дневного разговора об убийстве пленника иного быть не могло. Старик смотрел под ноги, не отвлекаясь от чтения молитвы, а я со вновь нарастающей тревогой косился на туман. Тень все ближе!

— Что вам нужно? — нахмурился драгун. Похоже, только он один не уразумел, чего хочет имперец.

— Эту ночь нам не пережить, — торопливо заговорил граф. — Проявите милость, позвольте умереть Генриху фон Герингену с оружием в руках!

Имперец спешил, пока не заткнули рот.

— Твое дело нести факелы и молчать, — зло зашипел Андар.

— Лейтенант, вы же не забыли, как именно заставили его идти вчера, — напомнил инквизитор.

— Я помню, — ответил Тейвил и протянул пленнику свой массивный кинжал.

Покуда Губошлеп не опомнился, Геринген быстро перехватил оба факела левой рукой и, жадно схватив рукоять дрожащей правой, засунул кинжал за пояс.

— Благодарю, — опустив глаза, негромко произнес рейтар. — Я тоже помню и не

забуду это.

Дьявол его задери! Что он имеет ввиду? Будет ли помнить великодушный жест Ричарда или ждет случая, что засадить в драгуна его же кинжал за отрезанную мочку уха?

— ...в час Страшного Суда. Аминь.

Вой вдруг исчез. Меня проняла дрожь, и вздрогнул я не от неожиданности: охватило очень нехорошее предчувствие. Остальные недоуменно переглядывались.

— Эй! — что было силы заорал своим хриплым голосом Губошлеп. — Есть кто живой?

В мертвой тишине не прозвучало ни отклика.

— Эй! — снова завопил Андар.

Опять нет ответа.

— Неужели остались только мы, — растеряно обронил старик.

— Это конец, — едва слышно прошептал Велдон и уже громче добавил. — Пойдемте, отец Криг. Наш долг найти каждого.

— Подождите!

Окутанная туманом лесная опушка изменилась. Мир окрест нас стал иным, не таким как мгновение назад. Но что именно переменилось? Тень? Она ближе, но еще не здесь. Что же? Я крутил головой, отчаянно пытаюсь понять, что не так.

— Тишина, — промолвил Тейвил.

Конечно же! Теперь нас окутывал не только туман. Ночь смолка, полностью! Слышно лишь наше дыхание и звон оружия. Неестественная тишина! Нас словно накрыло невидимым куполом, непроницаемым для любых звуков извне.

Монахи осеняли себя знаменем. Тейвил взвел курок одного из своих короткоствольных пистолей. Имперец замер чуть поодаль, в двух футах от остальных, спиной к нам и по-прежнему вперив взор в землю. Облик обреченного на заклятие: Андар приказал ему встать впереди, чтобы разгонять огнем факелов туман и первым встретить тень. Имперец не перечил и с внешней покорностью сделал все, как требовал лесник, но Губошлеп не сводил с рейтара злого подозрительного взгляда, наведя арбалет в его спину.

Странно. Неужели Андар столь явно опасается кинжала в руках графа. Или... Нет, не думаю, что Велдон имел с ним разговор после нашей беседы и уговорил убить полковника. Инквизитор сам сказал, что горцы желают получить за имперца выкуп. Или Губошлеп пойдет против воли всего отряда?

Размышления вдруг обозлили. Какое мне дело до Генриха фон Герингена, Томаса Велдона и Пола Андара! Пускай хоть глотки друг другу перегрызут!

— Мы должны найти остальных, — произнес отец Томас.

Инквизитор настоял, чтобы мы двинули вперед, построившись своеобразным крестом, в середине которого шли монахи. Имперец впереди, я и барон по бокам от них, а замыкал святую фигуру Губошлеп. Монах не удосужился объяснить, почему нужно идти именно таким порядком, но по моим соображениям это было разумно. Факелы немного, но разгоняли туман, а трое оружных прикрывают церковников с молитвами на устах. Прошлой ночью она доказала вою действенность, когда упокоили девочку-упыря, и священная реликвия тоже с церковником. Я надеялся, что молитвенное слово и частица святого Креста помогут и на сей раз.

— Двуетидный Святой Дух, избавь нас от пленения дьявольского...

В густом тумане была слышна только молитва и, как мне казалось, учащенное биение собственного сердца. Мы сделали шесть шагов, семь, восемь.

— О, небеса! Проклятье!

Богохульный возглас полковника сбил песнь церковников. У ног имперца лежала очередная жертва сегодняшней ночи. Горец. Из его разорванного горла толчками бежит кровь. Он умер буквально мгновение назад, однако мы ничего не видели и не слышали. Туман скрывал все, гасил любые звуки за пределами пяти-шести шагов от факелов в руках Герингена. Я почти не видел Тейвила и Андара!

А тень где-то здесь! Несколько ударов сердца назад этот горец был еще жив.

— Идем дальше, — чуть дрогнувшим голосом сказал Велдон, — о его душе мы побеспокоимся позже. Продолжаем, отец Криг.

Молитва зазвучала вновь. Еще дюжина шагов и еще дважды имперец находил мертвецов, и каждый раз Андар хрипло рычал в его адрес. Дальше! Не мешкать! Вперед! Что на лесника накатило? Нервы, как натянутые струны, и без его озлобленных выкриков. Хотелось рывкнуть, чтобы он заткнулся, однако ж я боялся, что выдам себя. Но это глупо! Глупо! Тень рядом, и она знает, где любой из нас!

Имперец шел дальше, в мужестве ему не откажешь. Новый шаг... и мир пошатнулся. Качнуло, словно на палубе корабля в штормящем море. Снова завывли волки! Как близко! Земля под ногами опять покачнулась. Сильный, резкий порыв кинул в глаз лесную ветошь, хлопок и погасли факелы.

— Да чтоб тебя! — сквозь волчий рев и молитву прорвался крик Тейвила, и следом выстрел. — Она здесь!

Тень здесь!

Андар кинулся к монахам, прикрыв их спину. Снова выстрел! Это Ричард! Видеть его я уже не мог, но он стрелял, а, значит, еще одно мгновение был жив!

— Вижу! — завопил Губошлеп и вскинул арбалет, но болт в туман не сорвался. Тень, которую заметил лесник, исчезла.

— Изыди. Изгоняю тебя!

Я скорей почувствовал, чем что-то увидел, и, крутанувшись влево, рубанул сталью воздух. Тень была там, в паре шагов. Размытый темный силуэт, который исчез так быстро, что я даже не успел направить на него свой пистоль. Кровь и песок! Она играет с нами. Кто следующий? Геринген? Кого она убьет первым? Я рванул к имперцу, надеясь выстрелить прежде, чем тень растворится после очередного появления.

Тень показала себя снова, только на сей раз все вышло иначе. Вместо размытого пятна — черная фигура с кинжалами в руках. Имперец попятился от замешкавшейся тени. Опустив голову в глубоком темном капюшоне, та как будто в замешательстве разглядывала свое ставшее видимым тело. Магия, которая делала её почти неуязвимой, вдруг исчезла рядом с имперцем.

Мгновение, которое нельзя потерять! Я выстрелил. Пуля угодила ей в плечо! Прыжок, и тяжёлая шпага глубоко вонзилась в грудь черной фигуры. Пальцы, сжимавшие рукоять клинка, обогрела горячая кровь. Я убил её, и это не нечисть! Всклипнув, к моим ногам упала закутанная во все черное женщина.

Вой смолк. Туман таял буквально на глазах: черная душа убитой уносила его с собой.

— Сдохни! — с искаженным от ненависти лицом Пол Андар нацелил арбалет на графа.

Нет! Я снова выстрелил. Пуля размозжила леснику голову. Вскинув руки, он выронил взведенный арбалет и рухнул без единого звука. Еще один мертвец этой ночи.

— Отец!..

Глава 25. Вергельд

Закутавшись в платок из козьей шерсти, который накинула поверх домотканого женского кафтана, неровной шатающейся походкой приближалась Лилит.

— Отец! — теперь уже негромко проронила она из-под прижатой ко рту ладони, когда поравнялась со мной. Большие широко раскрытые глаза на красивом правильном лице в сторону убийцы Андара не смотрели, хотя девушка прошла мимо на расстоянии вытянутой руки.

Сделав три глубоких вдоха, я попытался унять охватившее тревожное волнение. Хотелось произнести слова, какие оправдали бы мой поступок, но что я мог сказать Лилит? Я сразил Пола, чтобы он не выпустил болт в человека, отдавшего её на утеху солдатне. Она стала бы слушать, что около огсбургца потеряла силу черная магия? Что исчезло колдовство, порожденное Запустением, до коего рукой подать и куда я иду? Смогу ли я объяснить, что теперь в Запустение пойдет и Генрих фон Геринген? По своей воле или нет, связанный либо с оружием в руках, но он будет там со мной! Я вцеплюсь мертвой хваткой в любой маломальский шанс вернуться из сердца проклятых эльфийских лесов, пускай призрачной надеждой на возвращение окажется человек, чей Дар гасит чужое волшебство. Не знаю, почему причислил черную тень к отродьям Запустения, но оттуда иначе она могла взяться в Сумеречье?

Лилит остановилась у тела лесника.

— Отец, — снова произнесла она и подняла взор, устремив его к Велдону. После вчерашнего разговора мне было не понять, обратилась ли она к убитому моей рукой Андару либо к инквизитору. Глаза Томаса Велдона лучились отеческими чувствами, но лик монаха сохранял маску холодного спокойствия.

Присев к мертвому, Лилит сложила его руки на груди, накрыла платком изувеченную массивной пистольной пулей голову. Девушка молчала, слез у неё не было. Лилит воспитывалась Андаром почти с рождения, и для пятнадцатилетней девчонки держалась на удивление спокойно. Мне не ведомы, каковы её дочерние чувства к Полу, были ли они вообще, да и не мне судить. Однако в нескольких шагах от убийцы человека, воспитавшего и вырастившего её, не побоявшегося взяться ради неё за оружие, она казалась чересчур спокойной.

Туман полностью растворился в ночном воздухе. Из-за туч вылез кусочек луны, тучи рвались и уносились усилившимся восточным ветром, и ночная королева не стала откладывать, дабы показать себя в полной красе. Тропа, окраина леса и старое заброшенное кладбище хорошо проглядывались для темной поры.

Деревья спящего зимнего леса качались и скрипели в двадцати шагах. Инквизиторы, Лилит, Генрих, Ричард и я застыли в немой сцене, думая, каждый о своем. Мои мысли возвращались к горцам. Я ждал развязки, ведь убийство их предводителя не могло сойти с рук просто так.

Звякнуло железо. Граф отстегнул с пояса мертвого лесника ножны с коротким мечом, затем нагнулся к арбалету; иллюзий о своей судьбе Геринген не питал, и, более того, огсбургец собирался драться за свою жизнь. Мужественный человек!

Выругавшись, я вогнал шпагу в ножны, чтобы взвести курки на двух оставшихся

заряженными пистолях. Схватка предстоит и мне.

— Идем, дочь моя, — Томас Велдон взял под руку Лилит, добавив. — И вы, отец Криг, пойдёте с нами.

Монахи и девушка ушли к деревьям, подальше отсюда.

Бросив на меня гневный взгляд, Тейвил торопливо последовал за ними.

— Отец Томас, — позвал Велдона драгун. — Вы должны меня выслушать!

Однако Томас Велдон как будто не слышал барона.

— Благодарю вас, — чопорно произнес Генрих фон Геринген и изысканно поклонился.

В грязном камзоле без пуговиц и сейчас, когда нас окружают люди Губошлепа, убитого мной ради него, пленника, аристократические повадки выглядели неуместно. Зря я разрядил оружие в Андара. Граф и его Дар, наверно, дадут небольшой шанс вернуться из Запустения. Только туда еще надо добраться, а пока нужно выпутаться из передряги, в которую сам себя и втащил.

— Оставьте свои манеры для них, — раздраженно огрызнулся я.

— Для них у меня есть немного стали, — осклабился граф. Кривая ухмылка и блеск выдавали в нем боевой запал. Да он отчаянный смельчак! Как и подобает настоящему кавалерийскому полковнику, и, выходит, отважный дурак! А я не лучше, раз выстрелил ради него! Я откровенно жалел, что убил Губошлепа.

Горцы приближались. Словно призраки, молчаливые и с укрытыми ночным полумраком лицами. В лунном свете окрестности хорошо просматривались. Я насчитал одиннадцать мертвых тел и темное пятно черной фигуры, собравшей кровавую жатву этой ночи. Тринадцатой смерть забрала Пола Андара. Лошадей нигде нет, ни мертвых, ни живых.

За спиной послышались шаги и бубнеж из бранных словечек.

— Купец, это будет тебе дорого стоить!

— Я это никогда не забуду! — ничего лучше на ум мне не пришло. Я отсалютовал Тейвилу пистолем в правой руке и глупо улыбнулся. Я точно полоумный! Сначала этот поспешный выстрел, теперь радуюсь, что буду драться бок о бок с лейтенантом против кучи головорезов.

Обнажил палаш, Ричард Тейвил с вызовом посмотрел на горцев. Чуть более двух десятков, точней посчитать я не удосужился. Люди Андара встали тесным полукругом со стороны поля, из которого к лесной опушке и кладбищу тянулась приведшая сюда тропа. Половина крестьян держала луки.

Среди темных курток мелькнули красные мундиры. В гробовой тишине к нам присоединились двое драгун: солдат с бульдожьей челюстью и усач. Капрала Ливва с ними или среди столпившихся горцев не заметно, наемников тоже. Один из них оказался первым мертвецом, на которого я наткнулся в тумане. Вероятно, второй, как и драгунский подофицер, лежали где-то в грязи.

— Мы с вами, господин лейтенант!

Пятеро против двадцати не самый плохой расклад, если учесть, что четверо из пятерых строевые армейцы, а супротивники сплошь из крестьян. Кабы только не десяток луков против двух пистолей и одного арбалета — тут соотношение явно не в нашу пользу.

Вперед выступил широкоплечий детина. Вчера я часто замечал его с лесником; правая рука Андара. В полную противоположность Губошлепа голос у него был по-бабски высоким и тонким:

— Нам нужны два ублюдка! Имперская собака и урод в шляпе! — горец

недвусмысленно указал на Герингена и меня. — Вард! Пайс! Вы с нами?

Вместо ответа горцу усач повернулся к Тейвилу:

— Господин лейтенант, мы здесь, пока вы здесь. Мы с вами!

Слова драгуна дорогого стоили. Совсем немного офицеров, ради коих простые солдаты готовы положить собственные головы. Бульдог недобро покосился на меня, драгуны встали сюда явно не ради моей персоны.

— Спасибо, — просто и без высокопарных слов произнес Ричард и крепко пожал солдатам руки.

— Меня кличете? — я шагнул вперед. Близость боя щекотала нервы, заводила на дерзость — Вот он я!

Толпа горцев взорвалась озлобленным ревом, еще мгновение — и они ринутся на нас. Я вскинул пистолы на уровень переносицы. Двое первых, кто сдвинется хоть на шаг, получат по пуле! Горячка неминуемой схватки заполнила и меня! Это безумие!

Широкоплечий крепыш, что взялся предводительствовать в отряде, вдруг развернулся к нам спиной и бросился к своим, широко размахивая руками. Я видел, как дернулся граф, он едва не разрядил арбалет в горца. Лицо имперца исказилось гримасой остервенения. Близость неминуемого побоища затмила страх смерти, толкала меня и огсбургца в схватку!

— Гард! Гард! Уймись! — передо мной вырос Тейвил, буквально кинувшись на пистолы. Его медвежьи лапы смокнулись на моих запястьях, опуская оружие к земле. Тягаться с лейтенантом в грубой силе я не мог.

— Какого черта?

— Не дергайся! И смотри сам!

Потрясая золотым Распятием в высоко воздетых руках, отец Томас ворвался в наполненное ненавистью и предчувствием крови пространство, отделяющее нас от горцев.

— Во имя Святого Духа! Во имя Святого Духа! — повторял инквизитор. Его громоподобный глас перекрывал многоголосый ор горцев. — Молитесь! Молитесь!

Церковника с боков прикрывали оголенные палаши двух драгун. Тейвил перестраховывался, но кто бы упрекнул его за чрезмерную предусмотрительность?

Рев толпы постепенно стих. Отца Томаса знали не только в Бранде, про истового инквизитора слышали в самых глухих уголках Загорья, и набожные горцы вняли увещанию церковника. Окрестности заброшенного деревенского кладбища снова погрузились в ночную тишину.

— О Твоей защите просим... — в устах Томаса Велдона прозвучало начало очередной молитвы. Крестьянский отряд опустился на колени, осеняя себя знамениями. Люд повторял за монахом каждое святое слово, фразу за фразой.

Мы тоже встали на колени и погрузились в молитву. Я притворно играл роль добропорядочного сына Матери Церкви. Чертов монах! В который раз не выходило думать об Велдоне как-то иначе. После каждого нового вздоха толика решимости покидала меня. Место пьянящего чувства азарта, предвкушавшего неминуемую, скорую схватку и горячившего все мое нутро, заняла апатия.

Когда молитва закончилась, я поднялся с равнодушием в сердце и мыслью, что раз прикончат, то так тому и быть. А ведь пару минут назад рвался забрать с собой в могилу как можно больше горцев.

— Услышьте меня! — старый отец Криг тоже здесь, без посоха и привычной уже сгорбленной усталости. — Что полагается убийце по законам короны?

— Какого короля? — с ехидством прилетело из толпы. У старика не имелось даже намека на авторитет, каким среди простого народа располагал отец Томас.

Однако седой инквизитор не смутился:

— Короля Герарда!

Горцы откровенно и глумливо загоготали!

— Был такой да весь вышел! Нет больше в Загорье арнийской власти!

Оскорбления в адрес монарха, плоские и похабные шутки полились как из рога изобилия! Попытки нового предводителя отряда унять их оказались пусты, на него почти не обращали внимания. На арнийцев же было больно смотреть, в особенности на Ричарда Тейвила. Они-то полагали, что горцы скототили отряд из верноподданнических чувств. Трудно заподозрить барона в наивности, но он по-мальчишески верил в верность короне, ожидая подобное и от других, пусть не так ярко.

Вскоре я испугался, что хрупкое перемирие, отвоеванное инквизитором у судьбы, будет порушено. Замешательство драгун сменилось неприкрытой яростью, все трое не скрывали охватившее их бешенство. В Арнии красные мундиры значат больше, чем форменные камзолы. Это опора королевской фамилии уже не одно столетие, и не было случая, чтобы драгуны изменили присяге.

— Дайте ему ответ! — сильный голос Велдона вновь перекрыл гудение толпы. Прижав Распятие к груди, отец Томас застыл по правую руку от седого инквизитора. Теперь бросок насмешек и ехидных замечаний в старика также означал попадание в Томаса Велдона. Веселье горцев сделалось менее глумливым.

— Ну же! — требовательно воскликнул Велдон. Левая рука инквизитора покоилась на ящичке со святой реликвией. Последний резерв отца Томаса.

— За убийство — каторга на серебряных рудниках!

— Имперцы, поди, уже заправляют там. А к ним дороги у нас нет!

— Кончаем его!

Крики со стороны горцев вновь наполнились озлоблением. До меня вдруг дошло, почему они столь упорны в своей кровожадности. Они жаждут покончить с нами не только ради мести, они хотят отыграться за животный страх, пережитый этой ночью. Велдон вскинул к небесам золотое Распятье, громогласно призывая к тишине. Его в очередной раз послушали, но долго ли монах сможет сдерживать толпу?

— Как поступали наши прадеды? Еще добрую сотню лет назад? Мы, горцы, — отец Криг и сам родом с Загорья, — любим вспоминать те старые времена. Какой спрос с убийцы был у дедов наших?

Повисла немая тишина. Я насчитал десять вздохов прежде, чем в толпе кто-то неуверенно произнес:

— Вергельд?

Оба монаха удовлетворенно кивнули.

— Вергельд, — продолжил отец Криг, — он самый. Мера серебром за убийство.

Толпа ухнула. Крестьянский люд прижимист на деньги, они быстро смекнули, куда клонят инквизиторы и затаили дыхание в ожидании предложения, что вот-вот озвучат монахи.

— Вы сами сказали, что власти арнийской короны в Загорье больше нет, — напомнил отец Криг, — а по древнему обычаю предков за взрослого мужчину отсчитывается столько серебряных монет, сколько зубов у него во рту.

Из людей Губошлепа никто не проронил ни звука, они молчат, и, значит, расклад покамест не очень-то по душе.

— Он заплатит за двоих! За себя и за имперца! Но вдесятеро больше, — вмешался Велдон, — и золотом! Ручаюсь вам!

Горцы разразились восторженным ревом. Сказанное отцом Томасом решило дело. Сразу пятеро из толпы кинулись к мертвому телу бывшего вожака. Я отвернулся: противно смотреть, как торопливо зажигали факел и сколь бесцеремонно закинули голову Андара да разжали ножом рот, чтобы пересчитать зубы лесника.

Однако я благоразумно молчал. Инквизиторы в своем репертуаре — извернулись змеей и перевернули все с ног на голову и в свою пользу. Знать бы почто им еще Генрих фон Геринген понадобился, ну да то не мое дело. Нужно поблагодарить святых отцов. Для такого вора, как я, отыскать золото труда не составит. Николас Гард, считай, вышел сухим из воды, погрузившись в нее по уши. Пускай только кто-нибудь из церковников укажет, из какого кармана вытащить золото. В лесу сотворить такое затруднительно.

Отсбургец и солдаты выглядели обескураженными и с удивлением смотрели на меня. Мой теперешний облик горожанина скромного достатка никак не вязался с целым состоянием, что пообещал инквизитор. Дворянин из разорившейся фамилии, к которому также можно было причислить мою особу, тоже вряд ли найдет без малого три сотни золотых монет. Ричард Тейвил лишь устало отмахнулся и занялся невесть где отыскавшейся трубкой. Лейтенант недобро косился на горцев. Хорошо хоть понимал, что отстаивать честь его величества сейчас не время. Глядя на Тейвила, солдаты тоже успокоились.

Однако размен крови на злато устраивал не всех.

— Подождите! — тонко воскликнул крепыш. Очевидно, его лицо налилось кровью от негодования: в ночном полумраке оно было совсем темным. — При вергельде последнее слово за родичами убитого. Где Лилит?

— Я здесь!

Девушка выступила из-под раскидистых веток старого дерева, спящего у кладбищенской ограды. Её тонкие ладони сжимали охотничий лук с натянутой тетивой. Стрела смотрела в мое лицо, её наконечник всего в двух дюжинах футах.

— Да будет так! — произнесла Лилит и спустила тетиву.

Глава 26. Мести нет!

Я отпрянул. Тело среагировало запоздало, и дернулся уже после того, как стрела пролетела под полями шляпы. Дочь лесника чуть не подстрелила меня! Смерть просвистела в волоске, наконечник стрелы едва не разрезал щеку.

С уст сорвалось отвратное ругательство в адрес лучницы, но тихо, едва слышно, себе под нос. Примолкшие горцы ждали развязки, и какой бы та ни случилась, мою сторону люди Андара не примут. А Лилит потянулась к висевшему за спиной колчану. За новой стрелой!

Дьявол! Что делать?! Стрелять в ответ? Я вовсе не хотел убивать девушку, но собственная шкура дороже. Признаться, меня охватила откровенная паника, и не знаю, что бы произошло в сведущие несколько мгновений, кабы не инквизиторы. Рясы монахов отгородили от неё.

— Довольно! — Велдон снова вздел золотое Распятие к небесам.

— Слушайте все! — вторил ему отец Криг. — Божий суд свершился! Только одна стрела могла быть выпущена в убийцу и одна стрела минула его! Небеса не желают крови ради отмщения! Кровь не искупит его грех, но вина простится за наречённую цену!

Обычаи древней поры давно стерты с лица Орнора. Как будто никто и не знает о них кроме книжных червей, но в набожном Загорье, верном оплоте Матери Церкви, о законах предков не просто помнят, но и знают толк в них. Отец Томас морщился после каждого произнесенного стариком слова. В былые времена сказанное означало костер для седого инквизитора. Да и для него тоже: Томас Велдон не вмешался, не помешал.

Лилит сняла тетиву с лука, не сводя с меня взора, и, вскинув оружие над головой, крикнула:

— Мести нет!

Люди Губошлепа одобрительно загудели, даже тонкоголосый крепыш. Злата жаждали все. Они окончательно приняли вергельд, и мне не придется платить за убийство Андара своей жизнью, а монеты — это пустяк.

Восточный край неба начал сереть, светает. Я облегченно вздохнул: кровавая ночь подходит к концу — и направился вслед удаляющейся к деревьям девушке. Необходимо поговорить с ней. Я должен убедиться, думает ли она на самом деле, что мести больше нет. Не очень-то хочется вдруг оказаться подстреленным спустя несколько дней. Чтобы она ни сделала в отношении моей персоны, горцы примут все, даже на золото плюнут. Я уверен в том. Но слова, какие нужно сказать Лилит, по-прежнему не шли в голову, и я остановился, обдумывая начало разговора. Стоит ли вообще говорить с ней о чем-либо?

— Где отродье преисподней?

Мои сомнения разрешились после громкого возгласа отца Томаса. Сперва тень, потом все остальное. Я погнал от себя думы о разговоре с дочерью лесника, прикрываясь необходимостью узнать, что за дьявольское создание сеяло смерть среди нас.

Между людьми, столпившимися над мертвой тенью, пролегла незримая граница. Горцы сгрудились у ног тела, закутанного в черные одежды. Мы, то есть я, драгуны во главе с Тейвиллом и огбургец, стали напротив. Инквизиторы и Лилит держались особняком, в нескольких шагах от тени. С полдюжины запаленных факелов хорошо освещали мертвую.

— Держите руки и ноги, — произнес Томас Велдон.

Теперь понятно, почему церковники расположились в стороне. Понимая, чем может грозить неупокоенный мертвец, монахи предпочли проявить благоразумие. Но и крестьяне тоже не дураки.

— Ну же! — в голосе отца Томаса появились знакомые железные нотки. — Хватайте!

Приказной тон инквизитора подействовал. Крепыш назвал несколько имен, и над мертвой тенью склонились четверо, кто потяжелее весом. Горцы нерешительно переглядывались. Велдону пришлось повторить свое требование несколько раз, прежде чем крепкие молодцы придавили ноги и руки тени к земле. Горцы очень боялись. Я тоже.

Вспомнилась деревня под Брандом, где сельский священник и деревенский сход вскрывали могилу упыря. До сих пор в дрожь берет, когда память рисует глаза вампира с почерневшими белками, преисполненные нечеловеческой ненавистью. Потом была девочка... Минуло всего семь ночей после той деревни, где я впервые столкнулся с неупокоенным мертвецом, и теперь умершие всегда будут вызывать опаску. По меньшей мере здесь, в подбрюшье Запустения, где смерть ещё не означает, что покойник не вцепится в глотку.

Я непроизвольно схватился за пшагу, выдвинув клинок из ножен на два пальца. Еще не рассвело, и восьмая ночь в своем страшном праве. Мне было действительно не по себе.

— Отец Криг, — продолжил Велдон, — с вас молитва. И кто-нибудь! Пригвоздите её к земле! Бить мечом нужно в сердце.

Старый монах склонил седую голову и, сложив в молитвенном жесте ладони, забубнил новую молитву. Томас Велдон переводил свой тяжелый взгляд с одного лица на другое, неспешно откручивая крышку выжуженной из рясы фляги. Та самая отделанная серебром, из которой падало вино на девочку-упыря во время экзорцизма. Флягу вновь наполнили на хуторе Андара.

— У кого-нибудь есть меч на поясе и вера в сердце? — в очах инквизитора разгорался фанатичный огонь. — Лейтенант, может быть, у вас хватит смелости?

Обнажив палаш, Тейвил вогнал его в сердце черной фигуры. Я напряженного следил за взмахом клинка, ожидая, что тень вскинется после укола железа, изогнет спину и зашипит, но она не дернулась. Драгуны и граф Геринген шумно и с явным облегчением выдохнули, напряжение охватило не меня одного.

— Кровь Господа нашего, — отец Томас трижды смочил свое золотое Распятие красным вином и трижды осенил тень знаменем. — Поверните ей голову и освободите от капюшона.

Горцы и мы снова не шелохнулись.

— Гард! — церковник обратился ко мне. Как и прежде, в общении со мной монах не держался уважительных манер; ну да черт с ним. — Она твоей рукой сражена! Тебе и снимать тряпки с её лица.

Логики в словах инквизитора я нашел, зато обнаружил на себе испытывающие взоры множества глаз. Если откажусь, то распишусь в трусости. Кровь и песок! Что за бред в голове? Какое мне дело, что подумают другие?

Однако я нагнулся к черной фигуре. Сердце учащенно билось, на лбу выступила испарина. Но мертвое тело было по-настоящему мертво. Я осторожно приподнял голову и снял с нее глубокий капюшон. Из-под черной бархатистой ткани выпали густые каштановые волосы. Похоже, я не ошибся, определив тень женщиной, когда услышал её предсмертный вскрик.

Лицо закрывала маска, тоже из черной ткани с прорезями для глаз и рта.

— Снимай, — глухо произнес инквизитор. Напряжение крепко вцепилось и в него.

Веревочки, при помощи которых маска держались на лице, крепкими не выглядели, и маску я попросту сорвал.

— Проклятье!

Я непроизвольно отпрянул. С обезображенного лица на небо смотрели выпученные глаза. Из полуоткрытого оскаленного рта выпирали белые зубы.

— Что с ней?

Томас Велдон положил Распятие на грудь мертвой и дотронулся кончиками пальцев до изувеченной плоти.

— Словно обожжена, — пробормотал он, — и с такими ранами не живут. Губ и кожи почти нет, обуглились.

Прекратив чтение молитвы, старый монах присел рядом с Велдоном.

— Нежить? — спросил он.

— Не думаю, — покачал головой отец Томас. Его манера речи изменилась, стала походить на докторскую. Инквизитор надавил на скулу тени. — Видите? Под раной свежая кровь. Вероятней всего жизнь покинула её этой ночью. После удара шпаги Гарда.

— А ожог? — отец Криг по-стариковски вздохнул и поднялся. Усталость вновь завладела им, сгорбив узкие плечи.

— Колдовство, — ответил Томас Велдон. Он тоже поднялся. Золотое Распятие и фляга с вином перекечевали во внутренний карман рясы. — Её лицо сожжено черной магией, чтобы никто не смог узнать в сем дьявольском создании свою знакомую. Рискну предположить, что эта ведьма из Бранда, и вела там внешне добропорядочную жизнь.

— Но!..

— Увы, — перебил старика Велдон, — я все-таки полагаю, что она из столицы графства. В большом городе нетрудно затеряться.

Инквизитор рассуждал здраво, но он ошибался, именно с этой тенью я столкнулся на крыше брандской таверны. Той ночью она едва не убила Фосса, а слежка ощущалась с первых дней в Загорье. Я чуть было не поведал инквизиторам о своих воспоминаниях, но вовремя сдержал язык за зубами.

— В конгрегации ранее не фиксировались подобные случаи, — отец Криг задумчиво почесал подбородок.

— По прибытию к нашим братьям мы непременно опишем случившееся в мельчайших подробностях, — уверил его Велдон.

— Доберемся ли к ним? — тихо произнес старик, и снова присел у мертвой. Инквизитор принялся осматривать её, дюйм за дюймом, стараясь запечатлеть малейшие детали для переноса на бумаги. От них, сложенных в стопочки, аккуратно подшитых, и уберегла меня сдержанность. Пускай пишут свои отчеты без Николаса Гарда, лишнее внимание конгрегации Вселенской инквизиции еще никому не шло на пользу.

Томас Велдон велел крестьянам отпустить члены мертвой и собрать всех покойников у кладбищенской ограды.

— Наш долг предать всех земле, — сказал инквизитор.

День близился к концу. Быстро смеркалось.

Мы так и не покинули окраину заброшенного кладбища. Рытье могильных ям для

тринадцать мертвецов одной лопатой на два десятка человек вышло делом неблагоприятным, а достаточное количество лопат появилось лишь к полудню. Горцы раздобыли их на окрестных хуторах, несмотря на протест Тейвила. Он опасался, что посыльные наткнутся на имперцев. Обошлось, хотя тревога лейтенанта являлась отнюдь не безосновательной, ведь убрались от Бранда и тем паче от андарова хутора мы не далеко. Однако ж без инструмента похоронить жертв ночного побоища мы не могли. К моменту возвращения посыльных с пятком лопат вырыли лишь две могилы.

К вечеру за невысокой каменной оградкой появился ряд новых аккуратных насыпей. Первой упокоилась тень. С отсечением головы, колом в сердце и особой молитвой о Спасении и Прощении заблудшей черной души. Таким же образом земля приняла и остальных. По мне, их надлежало хоронить как обычных покойников; тем более Андара, павшего от моей руки. Но инквизиторы не думали менять обряд, горцы же не роптали и, благоговением слушая молитву, кто-то из них отсекал убитому товарищу голову или вбивал осину в грудь. Сумеречье.

Мертвые спят в земле, а живые на земле. Все, кто мог, уже видят сны. К окончанию погребения люди буквально валились с ног — длинный дневной переход накануне, страшная бессонная ночь и непростой день после забрали силы без остатка. Рядом закутались в плащи трое драгун и граф Геринген.

События прошлой ночи сложились таким образом, что пленник стал частью нашей маленькой группки. Волей-неволей ему пришлось держаться нас, а нам принять его. Огбургец отныне не связан и даже вооружен и придет, но только благодаря заступничеству Тейвила, его солдат и меня да безразличием к сему обстоятельству отца Томаса. А мы приобрели еще один клинок на случай, если холодное перемирие все-таки перерастет в горячую стычку.

Никто из горцев не собирался отказываться уговора, но лишь до поры до времени. Я переоценил жадность крестьян. Взгляды исподлобья, перешептывания за спиной и злоба, что порой вспыхивала в глазах при встрече со мной или Герингеном, давали множество поводов задуматься. По всему видать, мужички сговорились порешить меня, как получают свои монеты.

Я тронул палкой костер, в почти сгустившуюся темноту полетели искры. Первым быть на часах жребий выбрал меня. Люди из отряда Андара самостоятельно разбились на четверки для посменного караула ночью, и на нас при этом рассчитывали. Можно было бы падать в сон. Но наступит ли утром пробуждение? Не озарит ли рассвет перерезанные горла? Без лишних разговоров решили, что каждую ночевку в нашей пятерке отныне есть свои часовые. В сущности, мы теперь все в плену.

Ночь обещала быть тихой, не очень холодной и, надеюсь, спокойной. Новый лагерь разбились в стороне от прежней стоянки. Чтобы не ночевать на впитавшей человеческую кровь земле. В сгущавшихся сумерках захрапел конь. Лошадей удалось найти всех, они недалеко разбежались по округе. Тем более, как ни старались, но ни одного свежего волчьего следа так и не обнаружили, при том, что среди горцев читать звериные следы умели все. Вой слышал каждый, но отпечатков лап нет. По случаю Томас Велдон произнес перед крестьянами короткую речь о черном ведовстве и снова заставил помолиться.

Будь он неладен, этот инквизитор! Похоже, идет напрямик к нашему костру. Я чертовски устал и не желал разговора ни с кем. Хоть бы явился сам Господь Бог!

— Гард, я хочу поговорить с тобой.

— Что у вас? Не спится?

Пришлось подняться. Раздражения я таить не стал, слишком мало сил для учтивости.

— Это все не ради тебя, — без обиняков начал инквизитор, когда отошли подальше от посторонних ушей.

Я скрестил руки на груди. Если церковник надумал поговорить начистоту, пускай продолжает. У меня нет мыслей, что ему нужно на сей раз.

— Не ведаю, зачем ты убил Пола...

— Он хотел подстрелить пленника. Я не мог допустить, чтобы он убил безоружного, — пришлось врать; незачем посвящать инквизитора в мои замыслы.

— Ты лжешь, вор, — монах с нажимом произнес последнее слово.

Взор отца Томаса встретился с моим взглядом. Я приготовился к потоку обличений, но инквизитор не стал докапываться до истинных причин выстрела в Андара, вернувшись к начальной теме разговора.

— Мы вспомнили о вергельде по иной причине, — Томас Велдон скривился, вспоминая о собственном попустительстве полузабытым, но еще живым традициям Загорья. — Я попросил отца Крига помочь ради Лилит.

— Не понимаю, — я не лукавил и в самом деле не видел связи между дочкой убитого моей рукой и мной.

— Она не может находиться здесь после смерти... отца, — последнее слово непросто далось инквизитору. — Но она должна быть со мной!

Вид инквизитора сделался жалок. Родительские чувства взяли верх над долгом. После пострижения в монахи у него не могло быть дочери. На худой конец, он должен был отказаться от нее, отправить в приют и забыть.

— Все же, причем тут я?

— Ты, Гард, — церковник взял себя в руки, он снова стал похож на непреклонного инквизитора, — не просто заплатишь выкуп за убитого. У Лилит больше нет родни, и отныне ты ответственен за её судьбу. Покуда она не выйдет замуж.

— Хотите, чтобы я раздобыл деньги и для нее?

— Она обойдется и без твоих монет, вор, — процедил монах. Его взгляд буквально буравил меня.

— Чего же вам нужно? — кажется, я вспыхнул.

— Тише, Гард. Все просто. Пока ты рядом со мной, она тоже здесь. Ты переправишь меня в Ревентоль, а значит и её тоже! Если бы тебя прикончили, то Лилит прогнали бы прочь.

Пальцы церковника судорожно сжались на перекинутом через плечо ремне дорожного ящичка, с которым монах не расставался ни на мгновение. Среди горцев уже начали ходить пересуды о его содержимом.

Инквизитор повернулся ко мне спиной, давая понять, что разговор окончен.

— Отец Томас! Вы же помните, что мой путь в Ревентоль лежит через Запустение?

Церковник обернулся:

— Помню.

— И тогда, в тюрьме Бранда, вы сказали, что идете в Запустение со мной!

Слова Томаса Велдона, прозвучавшие в подземной камере, нередко всплывали в памяти. Зачем ему Запустение? Что он будет искать там и почему полагает, что найдет что-то, если отправится в проклятые леса в компании вора Николаса Гарда? Он же столь часто попрекает

меня за воровскую стезю. Вдобавок я не представлял, что ответит Фосс, когда узнает про Томаса Велдона.

— Сказал, и не собираюсь отказываться от своих слов.

— Но вы даже не знаете, куда именно в Запустение я направлюсь! Я и те, кто пойдет со мной, смертники. Без преувеличения!

— Понимаю, — монах изучающе и без эмоций на лице осмотрел на меня. Он снова в обличье истинного инквизитора.

— Зачем вам идти с нами? — я спросил напрямик.

— У конгрегации Вселенской инквизиции свои цели и интересы.

— А Лилит?

— Лилит будет ждать, когда мы вернёмся.

Я вдруг поймал себя на мысли, что захотелось довериться уверенности, которая теперь преполняла речь инквизитора.

— А мы вернемся, святой отец?

Томас Велдон опустил голову и положил ладонь на ящичек. Неожиданно его голос дрогнул:

— Вернемся. Частица святого Креста разгонит тьму вокруг нас. Мы непременно вернемся!

Инквизитор двинулся прочь, а я смотрел в его спину. Ему тоже страшно! Тоже человек, хотя порой думалось, что он выкован из стали переплавленного меча, разившего в былые века еретиков.

Разговор, начавшийся на повышенных тонах, закончился совсем неожиданно. Я почувствовал спокойствие и где-то в глубине души умиротворение. Реликвия будет с нами. Святой Дух не позволит пропасть ей! Может я не такой уж и безбожник, как кажусь самому себе? Мы вернёмся.

Я покачал головой. Или возникшая внутренняя успокоенность всего лишь результат циничного расчета, и я только надеялся на защиту священного обломка? Я не знал, что ответить самому себе.

Тем не менее, вернулся к костру с блаженной улыбкой на лице. Хорошо хоть кругом один храп, и никто не углядит глупое выражение на моей физиономии. Ночная мгла окончательно легла на стоянку. Подкинув в огонь пару сухих веток, я попытался поудобней устроиться на холодной земле, и...

Проклятый пепел! Внутренний покой вмиг порвался в рваные ошметки. Из тьмы наблюдал чужой взгляд. Я чувствовал его нутром и я узнал его!

Тень!

Глава 27. Дорнок

— Просыпайся.

Я очнулся от сна и растерянно уставился на Ричарда. Рассвело, а, значит, я все-таки заснул. При том, что взгляд, следивший за стоянкой со стороны кладбища, не оставлял меня. Передав смену огсбургцу, я держался какое-то время. Умогнулся у костра, закутавшись в плащ, с парой взведенных пистолей в руках и приготовился ждать: то ли рассвет, то ли новое ночное нападение. Однако усталость взяла свое, я вырубился и проспал до утра.

Стоянка гудела растревоженным ульем. Горцы сворачивали лагерь, громко перекликались и выводили на тропу лошадей.

— Купец, тебя не разбудишься, — Тейвил поправил пояс с палахом и кинжалами. Офицер выглядел бодро, свежо и даже где-то умудрился сбрить щетину.

— Вор, — я хрипло поправил его, непроизвольно проведя ладонью по своей небритой щеке. Во рту пересохло, я чувствовал себя разбитым, сон отдыха не принес. Поднимаясь, засунул пистолеты в кобуру на груди. За ночь я так и не выпустил рукояти оружия.

Драгун заметил маневр, какой совершили два ствола под моим плащом, и усмехнулся. Настроение у него преотличное, а я направился напрямиком к кладбищенской ограде. Нужно осмотреть могилу тени.

Её хоронили первой. Могила, в трех шагах от остальных, выглядела ровно также как накануне. Небольшой холмик из серой земли, без признаков, что покойник выбирался наружу. Но дьявол! Чувства меня не обманывали! Ночью я собственной шкурой ощущал взгляд тени! А сейчас... Ясное небо, светит солнце, слышится гомон людских голосов и лошадиный храп. Трудно поверить, что при свете луны ждал появления той, кого сразил вот этой рукой. Я взглянул на пятерню и медленно свел пальцы в кулак, представляя, что давлу собственный страх. Кровь и песок! Самые жуткие рассказы, какими пугают по ту сторону Долгого хребта, в Загорье всего лишь часть страшной обыденности. К черту все! Будь, что будет, и да поможет вору Харуз!

Под каблуком хрустнула сухая ветка. Снова Тейвил.

— Пришел с нечистью проститься? — весело пробасил он.

— Она следила за лагерем, — я поведал лейтенанту про свои ощущения во время ночной стоянки. Рассказ выдался коротким, поскольку барону незачем знать, что тень идет по пятам с моих первых дней в Загорье. Однако сказал достаточно, чтобы беспечный настрой Тейвила как рукой сняло. Он помрачнел и вспомнил мои предостережения в тот раз, когда схватились с девочкой-упырем.

— Надо раскапывать могилу, — прорычал Тейвил.

— Пошли к отцу Томасу.

Инквизитор выслушал мой рассказ без какого-либо интереса.

— Мы упокоили порождение тьмы по всем канонам, — сказал церковник, — она не может восстать.

— Но...

— Нет времени, — отмахнулся Томас Велдон, — имперцы близко. Необходимо уходить.

— Святой отец, — произнес Тейвил. Лицо драгуна побагровело, говорил он едва ли не сквозь зубы, — почему никто не сообщил, что огсбургцы рядом?

Барона задело, что его не поставили в известность. Он неизменно брал главенство в нашем небольшом отряде при близкой опасности. По меньшей мере, ныне покойные Брендон и Джон подчинялись ему, когда дело доходило до боя.

— И что бы вы сделали против трех десятков рейтар?

Тейвил замялся и замолк, но лишь на мгновение.

— Все одно, мне необходимо знать...

Томас Велдон не захотел слушать и его.

— Лейтенант, они проскакали по дороге в двух лигах отсюда. Разумеется, это еще не означает, что опасность миновала, но времени нет. Надо уходить, и это все, что у меня есть сказать вам, — инквизитор ткнул пальцем в сторону горцев, крутившихся у лошадей. — А если вам нужно знать что-то еще, спросите у них.

Окликнув отца Крига, беседовавшего с Лилит на некотором удалении от лагеря, Томас Велдон поспешил покинуть наше общество. После встречи с отрядом Губошлепа инквизитор перестал благоволить к нам.

Вскоре поредевший караван продолжил путь. Рой говорил, что Дорнок от Бранда в семи днях неспешной езды на крестьянской подводе. Мы двигали на своих двоих, сквозь леса и по полузабытым тропам. К концу каждого дневного перехода хотелось упасть под ближайшим деревом и забыться во сне. Особенно тяжкими выдались первые три дня, но лучше так, чем нарваться на разезд имперской кавалерии.

Старому отцу Кригу и Лилит повезло: они путешествовали в седле. Иначе седой инквизитор не выдержал бы заданный горцами темп, да и дочка Велдона тоже. Отныне я именовал её именно так; про себя, конечно. Перед каждым ночлегом, покуда солнце еще держалось в небе, Лилит упражнялась в стрельбе из лука. Наблюдая, как кучно ложатся её стрелы, у меня портилось настроение. В ту ночь, когда церковники заговорили о вергельде, стрела разминулась с моей головой вовсе не по воле случая, а потому что так решила четырнадцатилетняя девица. Меня злило, что жизнь Николаса Гарда висела на кончике её стрелы. В очередной раз, видя Лилит и вспоминая ночь на окраине заброшенного кладбища, я старался унять свое уязвлённое самолюбие. Ладно хоть пересекался с Лилит не часто — она тоже избегала встречи.

Как и её отец. Настоящий отец. Томас Велдон теперь редко заговаривал со мной или Тейвиллом. Куда чаще на очередном привале инквизитор изучал кольцо, снятое с пальца тени. Кроме нескольких ничем не примечательных кинжалов и этого кольца при ней ничего не имелось. Оружие схоронили вместе с мертвой. Кольцо же отец Томас прибрал себе, завив о праве Вселенской инквизиции на всякий плод дьявольской магии. Объяснить магическую природу кольца монах не удосужился. Я мог выкрасть его у церковника, но, во-первых, мое любопытство было не столь уж сильным, а, во-вторых, на кого падет подозрение при обнаружении пропажи?

Интерес Тейвила к кольцу проявлялся настойчивей. Она дважды пыталась подговорить меня изъять кольцо. Чтобы посмотреть поближе и потом незаметно вернуть. Ричард отстал лишь тогда, когда я спросил, зачем оно палате Тайных дел?

После заброшенного погоста под открытым небом ночевали только однажды. Выяснилось, что одинокие хутора, наподобие андаровой фермы, в здешних краях попадаются часто. По мере приближения к Дорноку барон и двое его солдат становились все мрачнее. Хозяева делились слухами, и по ним выходило, что сопротивление в окрестностях Дорнока подавлено. Имперцы крепко вцепились за северо-восток графства. Приданные

огсбургскому гарнизону в Дорноке орки несколько раз накрывали немногочисленные отряды селян, вздумавших взяться за оружие, и перебили всех до единого, а масштабное сопротивление огсбургскому вторжению так и не началось.

Настроение горцев в отряде тоже разительно изменилось. Больше никто не собирался бить имперцов. Для двадцати человек дело, мол, гиблое. Только и назад дороги нет. Рассудили, что в родных краях кто-нибудь да сообщит новым властям об уходе соседа в лес. Но Загорье большое, и, дескать, с золотом, что причитается за смерть Губошлепа, всяко найдут, где пристроиться, а там и переждут огсбургское лихолетье.

Драгуны Тейвила и он сам сыпали проклятьями в адрес малодушного мужичья, но втихую, и обсуждали дальнейшие планы, порой не сразу замечая, что поблизости имперец. Огсбургец пребывал рядом все время, подле кого-то из драгун или меня, только держался особняком. Обычно его лицо выражало угрюмую отстраненность.

— Граф, — улучив момент, когда оказались наедине, я решил откровенно поговорить с ним, — ваша жизнь принадлежит мне.

Полковник бросил хворост в крохотный костерок, какой было позволительно разжечь. Мы разбили лагерь на дне глубокой балки с порослью из густого кустарника и кривых деревьев. До Дорнока несколько часов конной езды. К обеду я буду уже в городе, а нынче вступает в свои права девятая ночь после бегства из брандской тюрьмы. Покачиваясь на корточках, огсбургец грел у костра руки и молча смотрел на огонь.

— Я помню об этом. Герингены всегда расплачиваются по своим долгам, — ответил он, дотронувшись до изувеченного лейтенантом уха, — и раз уж я в долгу, то манерность между нами ни к чему.

— Добро, будем на ты, — продолжил я, раздумывая как начать разговор о Загорье. — Мне нужно знать, прикроешь ли ты мою спину? Когда станет жарко.

— Не сомневайся, купец, — имперец часто слышал, как звал меня Ричард, — мне нечего терять, кроме чести. Я дворянин и офицер армии Его Императорского Величества!

Вспомнился хутор Андара и пьяные рейтары Герингена, которые надругались над малолетней заложницей. Можно ли верить графу? Слишком уж вольной вышла трактовка его офицерского слова, данного Губошлепу!

На меня имперец по-прежнему не глядел. Говорил он ровным голосом, почти без эмоций. Трудно понять, думает ли он в действительности то, о чем говорит. Хорош же должник и невольный союзник! Я определенно не мог довериться ему, и, следовательно, говорить о Запустении рано.

— Если будет нужда, твою спину я прикрою, Николас. Даже уплачу долг собственной жизнью, но против поданных империи сражаться не стану.

— А если мы поменяемся ролями, и в плену окажусь я?

— Ты не умрешь. Ты это хотел спросить?

— Не совсем.

— Ты не умрешь, — повторил Генрих, — но только лишь это.

К костру приблизились драгуны. Разговор с графом окончен. Я спас ему жизнь, и волею случая мы держимся вместе, но я услышал совсем не то, что хотелось бы. Надеялся получить от имперца если не заверения в личной преданности, то уж точно искреннюю благодарность. Однако чувство долга у графа оказалось весьма своеобразным: будет нужда, положит голову, но в кандалы закует при первой же возможности. И был ли он полностью откровенен? Я не знал. Одно точно — доверять ему не стоит.

Тейвил принес корзину с сыром, сушеным мясом и большим кувшином вина. Надо отдать горцам должное, голодом нас не морили, делились добытой снедью по справедливости. За ужином стемнело окончательно. Мне выпало бодрствовать вторым. Соседи уже храпели, а я все ворочался на импровизированном ложе из еловых веток. Тень здесь, я чувствовал на себе её взор. Она рядом каждую ночь, и каждая ночь проходит спокойной. Лишь однажды, когда за фермерским частоколом взвыли волки, отряд переполошился не на шутку. Волки не смолкали до утра, и люди почти не спали. Слишком свежи воспоминания о той страшной ночи, которая отняла жизни у одиннадцати из нас. При том, что кроме меня, Тейвила и Велдона про воскрешение тени не ведал никто. Боюсь представить общую тревогу, проведай остальные, что мертвая следует по пятам.

Для меня внимание тени стало едва ли не привычным. Послав её к чертям, я заснул. Будь, что будет, а отдых тоже необходим.

Кобылу подобрали спокойную. Из девяти лошадей, которые имелись в отряде, эту рыжую животину отличал самый тихий нрав. Я вел её под уздцы по звериной тропике, что должна вывести к торговому тракту — главной дороге от Бранда к Дорноку. Двое провожатых шли впереди. Скоро меж деревьев показался просвет. Горцы дали знак остаться на месте, а сами отправились на разведку. Спустя несколько минут один из них вернулся:

— Все спокойно, никого нет.

Выбравшись из леса, я набрал в легкие побольше воздуха и шумно выдохнул. Оказывается, я устал от постоянной чащи вокруг, веток над головами и узких троп. На широкой хорошо утоптанной дороге дышалось как-то свободнее.

Кивнув, мои проводники ушли в лес.

Ранним холодным утром я остался наедине с пустым трактом. Вскочил в седло, запахнул полы черного плаща, поправил шарф и шляпу. Звякнуло оружие. Было очень неудобно и зябко. Кобыла фыркала и переминалась с ноги на ногу, лошадь застоялась и нетерпеливо ждала, когда двинемся в путь. Легонько тронув её бока шпорами, отнятыми у полковника, пустил кобылу рысью.

Свобода! Нет, вовсе не лес давил на меня. В отряде мы были как в плену. Не совсем, подходящее определение для описания нашего положения, но для меня, драгун и Герингена получилось именно так. Теперь же я предоставлен собственной воле! Катись, Гард, на все четыре стороны!

Вор внутри меня уговаривал плюнуть на отца Томаса, Тейвила и этого треклятого огсбургца, забыть о них да убраться прочь. Но мои же слова, скрепленные магией клятвенного креста, тянули Николаса Гарда в Запустение. Я уже под Дорноком. Где-то рядом родовая стоянка Манрока, а там Фосс, Рой и путь в проклятые эльфами леса.

Не собираюсь погибать там даже ради клятвы и поволоку в Запустение упрямого графа с его странным Даром хоть за шкуру. Истовая вера Томаса Велдона и священный обломок в его суме тоже должны быть с нами! Благо инквизитор рвется в Запустение сам. Поэтому, как уговорились, спустя три дня вернусь с мешком золота, чтобы потом утащить за собой и монаха, и имперца.

Надеюсь увидеть по возвращению и Роя. Либо Манрока. Я рассказал Велдону, кто мне нужен, и церковник обещал подумать, как их найти. Пошлет к оркам, наверно, кого-то из горцев, они его слушались. Куда лучше, чем нынешнего главаря, крепыша с тонким бабьим голоском нелегко воспринимать всерьез.

Местные, с которыми общались позавчера, сказали, что после имперского вторжения в Дорноке и округе мало что изменилось. Лишь прибавилось солдат на дорогах и в городке, да арнийские чиновники сменились огсбургскими офицерами. Город сдали без боя. Его гарнизон из сотни наемников покинул Дорнок до появления основных сил имперцев. Слухи о дальнейшей судьбе кондотьеров разнились: или отступили к Долгому хребту, или всех их взяли в плен. Некоторые утверждали, что наемники укрылись в лесах. Однако, чтобы ни говорили, их мытарства уже не влияли на судьбу города.

Северо-восточная окраина Загорья представляла собой холмистый изрезанный многочисленными балками край, покрытый густыми лесами. Петляя, дорога то опускалась, то поднималась на очередную возвышенность. Как будто в древности огромные волны накрыли эту землю и в одно мгновение вал воды окаменел. Потом оброс зеленью, населился людьми. Много позже, когда здесь нашли богатые серебряные жилы, окрестности Дорнока превратились в край рудокопов и главный приз Загорья. Тем удивительней казалось размещение в городе столь откровенно слабого арнийского гарнизона и сдача дорнокских укреплений без боя.

По слухам, главную роль в радушной встрече имперцев сыграл Уил Укил. Богатейший из промышленников Загорья и истинный хозяина Дорнока, что при арнийском владычестве, что теперь под имперцами. Не мне судить, предатель ли он либо выбрал единственно верное решение в условиях, когда графство уже пало. Я просто направлялся в его поместье, дабы сделать Уила Укила чуточку беднее. Как мне сказали, поместье промышленника располагалось вне городской стены, недалеко от южных ворот, к которым вела эта дорога. Владения Укила охраняла маленькая армия. Особым распоряжением герцога Альбрехта промышленнику сохранили все прежние привилегии, в числе коих и личное войско в две сотни головорезов.

В Дорнок частенько наведывались охотники послужить за серебро Укила, и мой облик как раз соответствует подобным намерениям. Конный и хорошо вооруженный. С виду безземельный дворянин, у коего кроме шпаги и лошади за душой ничего не осталось, такие всегда нуждаются в деньгах.

Разумеется, по нынешним временам путешествующий в одиночестве дворянин может вызывать много вопросов. Правда, по рассказам местных, жизнь под дланью Карла Огсбурга почти не поменялась, и я не вызову больших подозрений, если отвечу, что держу путь до кошта мастера Уила Укила. Но всякое может случиться. Надеюсь, что выкручусь из возможных передраг. Я непроизвольно провел ладонью по рукоятям пистолей на поясе.

Первые встречные по дороге на Дорнок показались через час. Три подводы с мужичками навеселе; рудокопы из местных, на какую-то шахту ехали. Потом путники стали встречаться чаще. Имперцы тоже. Несколько раз мимо проезжали конные разъезды: драгуны и один раз орки. Огсбургским драгунам далеко до красных мундиров короля Герарда, выправка не та и лоска нет, обычные солдаты. Зато и придиричivosti, присущей арнийским драгунам, у них тоже нет. Проскакали по дороге, не обратив на меня никакого внимания. Одинокий всадник в их глазах не мог стать опасным.

Ближе к Дорноку появились деревни и хутора. Совсем не много, если знать о близости города. Щедрая на благородный металл земля могла бы стать богатейшим краем с многочисленным населением, только Дорнок граничит с Запустением, и его окрестности обжили мало. Даже по меркам Загорья.

Огсбургский говор звучал у частокола каждой встреченной деревни или хутора. Я ждал

окрика, но меня по-прежнему не замечали, и к полудню я благополучно добрался до столицы графства.

Город с земляным валом и деревянными стенами располагался за широким каменным мостом. Черная речка, берущая свое начало в горах Долгого хребта, несла свои воды к Запустению мимо Дорнока. Здесь, в среднем течении, река шла неспешно, вальяжно. Продвигаясь верхом, я хорошо видел пологий берег, отделенный от противоположной стороны водной гладью шириной в полсотни футов.

На дороге, а вернее уже на улице царила торговая суета. По левую руку вдоль обочины тянулся сплошной массив из потемневшего от времени дерева — глухие заборы, за которыми высились крыши и крытые двory постоялых дворов. Вдоль дюжины этих трактиров, а также на противоположной обочине дороги разбили палатки. Сегодня торговый день, и народу между лотками сновало изрядное количество.

Я спешил, чтоб ненароком не задеть кого-нибудь. Меня окружал гвалт людских голосов. Горцы, в основном крестьянский люд, если судить по одежде, и орки. Их среди толпы сновало больше, чем Бранде, сказывается близость резерваций. Все орки с окрестных стоянок. Нелюдь из огсбургского войска отличали бритые головы, на которых из растительности оставался гребень волос ото лба до шеи, и таковых я не видел. Имперцев на торжище также не обнаружил. Присутствие Огсбургской империи выдавал лишь бело-желтый флаг с черным коронованным орлом над воротной башней городских укреплений. Но в Дорнок мне не нужно.

Земля за торговым рядом, что вытянулся вдоль дороги на противоположной стороне от постоялых дворов, тоже спускалась в воду. Узкая речушка, название которой я не знал, впадала в Черную перед переправой в город, шагах в тридцати от каменного моста. На том берегу неширокой речки за полем высился еще один земляной вал с деревянными фортификациями поверх. Поместье Уила Укила. Более всего оно походило на хорошо укрепленный форт, размеры которого хоть и уступали Дорноку значительно, однако не высотой укреплений.

Велдон дал одну серебряную монету и семь медяков. Их хватит, чтобы снять любой номер в одной из гостиниц и с наступлением темноты навестить сундуки Укила. Только ночь в Загорье не лучшая пора, а еще тень. Она снова будет рядом! Я выругался, представив насколько уязвим окажусь, карабкаясь по внешним стенам.

К дьяволу! Нужно попасть в поместье сейчас! Я решительно направился к деревянному мосточку, перекинутому через безымянную реку, однако путь к нему преградили. Люд прижался к обочине, отгеснив к лоткам у постоялых дворов и меня. Ведя под уздцы лошадь, я не мог пройти мимо плотно стоявших людей.

Гомон голосов стих...

Глава 28. Поместье Укила

Мимо притихшего народа в Дорнок въезжал конный отряд имперцев. Огсбургские орки с гребнем волос на бритых черепаках. Лошади ступали шагом по две в ряд и образовывали длинный хвост из полусотни всадников.

— Спаси и сохрани! Спаси и сохрани! — шептала пожилая селянка. Женщина прижала к себе двух малолетних внуков и испуганно смотрела на орков; за седлами их коней на веревках болтались людские головы. Разных возрастов, мужские и женские, стариков и детей.

Проклятье! Кровь и песок! Дети! Я опустил глаза, пряча свой взор под широкими полями шляпы. Душу рвала ненависть. Хотелось забыть обо всем, вскинуть оружие и отправить на тот свет как можно больше проезжающих передо мной имперских шавок! Пускай убьют и меня! Но я стоял, вцепившись правой рукой в поводья, а другой схватился за спрятанную под плащом рукоять пистоля. Я стоял и повторял про себя оправдания своего бездействия. Жалкое я ничтожество!..

Николас Гард вор. Морской разбойник. На мне кровь множества людей, и я никогда не преступал порог церкви для искреннего покаяния, только я не отниму жизнь у ребенка. Я грешник, но есть черта, которую не преступлю. Эти же ублюдки, покачиваясь на спинах лошадей, самодовольно пялились по сторонам, словно ища кого-нибудь, кто рискнет бросить им вызов. Люд молчал, сгорбившись от страха и стараясь лишней раз не пошевелиться.

Несчастные погибли не в один день. Их казнили в разное время: и когда пал северо-восток Загорья, и совсем недавно тоже. Выходит, именно эти орки держат в повиновении округу Дорнока. Мимо проезжали последние всадники, и теперь я старался рассмотреть физиономию каждого из них. Колючие взгляды и нахальные ухмылки! Им нравится подавленность и страх людей, застывших по краям дороги. Проклятый пепел! Они убивали с удовольствием!

Жаль, не удалось разглядеть главаря этих вырожденцев. Чутье подсказывало, что он совсем не прост. Плохо дело! Люди Губошлепа не сдюжат против них. Тех рейтар, что перебили на хуторе Губошлепа, застигли врасплох, и не стоит обманываться в обратном. Эти же орки настоящие ищейки, натасканные на таких, как наш малочисленный отряд.

Последний из наездников въехал на мост. Торг тотчас загудел и со стороны, наверно, снова выглядел обычной пригородной ярмаркой. Люди закопошились, вернулись к лавкам и сумам. Однако ныне в движениях и взглядах читалась нервозность. Кто-то был подавлен, другие, наоборот, зло огрызались друг другу. Из места, наполненного ярмарочным оживлением, какое в глуши почти как праздник, торг превратился в сборище озирающегося народа.

Принесенная орками тягость скоро отпустит селян, а я поспешил покинуть это человеческое болото, не дожидаясь смены окружающего настроения. Подкованные копыта моей кобылы застучали по деревянному мосту через узкую речушку. Я поёрзал в седле, уместившись чуть удобней, и скривил рожу в ухмылке. Буря внутри меня стихала. Верховая езда редко доставляет мне положительные эмоции, но не сейчас. Слишком уж не терпелось убраться с помрачневшей улицы.

Вал и стены поместья Уила Укила вблизи выглядели внушительно. Эти укрепления сдержали бы небольшое вражеское войско, а не только нечисть из Запустения. Над земляной насыпью возвышались горизонтальные ряды из посеревших от времени бревен. Сложенная из окрестного леса стена поднималась над валом на два человеческих роста. Над верхней частью срубных стен нависала двухскатная крыша. Квадратные массивные башни с остроконечной кровлей выступали вперед, дабы обеспечить обстрел противника вдоль линии стен. Я заметил, что в башнях имелись по три бойницы для пушек: одна фронтальная и две фланговые.

Свой дом мастер Укила сделал по военной науке, и подобное сооружение по сию сторону Долгого хребта могло вылиться лишь в очень и очень кругленькую сумму. Инженер, выписанный сюда, в невообразимую дыру, и руководивший постройкой, оказался знатоком своего дела. Его услуги стоили дорого, а, значит, и я еду за золотом по адресу.

Дорожка, по которой ступала моя лошадь, вела к запертым двустворчатым воротам в башне, чья высота и ширина выделялись на фоне остальных. Когда я пересек половину поля, отделявшего поместье от речушки вдоль дороги с торгом и трактирами, справа от ворот распахнулась калитка. Из крепости показались двое.

— Почто приперся? — без предисловий выпалил один из них, едва я поравнялся с вышедшими. Одинаковые куртки из дубленой кожи и сабли на поясе выдавали в них головорезов Укила. Взлохмаченные волосы крикнувшего мне были белы, как у старика, но стражник все еще крепок, его голос звучал совсем не по-старчески. Второй значительно моложе, он сцепил руки на груди и ехидно поглядывал на прибывшего. Вблизи я угадал в нем орка.

— На кошт, — ответил я. — Здесь берут?

— А тебя возьмут?

Новый вопрос седого откровенно развеселил молодого орка. Меня ждала перепалка с остряком. Не сказать, что злая, но заткнуть его придется.

— Возьмут, — я откинул полы плаща, демонстрируя клинок и пистолы, чтобы соответствовать образу наемника, охочего до службы у богатого промышленника. — Веди!

Седой оценивающе осмотрел меня, пробежавшись цепким взором по оружию, и обернулся к компаньону:

— Вести его к Томену?

Орк пожал плечами. Седой вновь воззрился на меня и несколько ударов сердца молча крутил свой длинный ус. Новую пакость рожает.

— Пошли, — произнес он.

Я даже растерялся. Настроившись на долгий обмен любезностями, не ожидал, что колкости седого иссякнут столь быстро.

— Ну? Заснул что-ли? Тогда пойдем мы, Корк, пока господин думает. Завтра выглянем, узнаем, что он размыслил.

Все же я поторопился с выводами, стражник не думал униматься. Да дьявол с ним! Спешившись, последовал за седым остряком и орком в крепость Уила Укила через проход, сделанный как будто специально для лошади без всадника. Орк закрыл калитку, и мы погрузились в сумрак, царивший в проходе башни: ни фонарей, ни факелов. Свет падал лишь сквозь распахнутые внутренние ворота.

Изнутри форт также не отличался от небольшой крепости. Я полагал, что увижу роскошный особняк промышленника, но взору предстали казармы, конюшни, склады и

какие-то срубы, назначение коих я не понял, а также большая учебная площадка с дюжиной наемников, махающих деревянными мечами. Других почти не видно. Меж строений сновали женщины: кухарки, посудомойки и прачки.

Под навесом у каморки, разместившейся справа от ворот, играли в кости восемь наемников. Вместе с седоголовым шутником и молодым орком они составляли сторожевой десяток у воротной башни. Пять аркебуз и столько же арбалетов мирно дремали, прислоненные к стене караулки. Орк взял у меня лошадь, сказав, что отведет животину в ближайшую конюшню, а седой велел следовать за ним.

Мы направились в сторону бревенчатой стены с редкими башнями, разделявшей внутренне пространство крепости промышленника напополам. За ней на ветру качались голые верхушки деревьев и виднелись шпили каменного особняка. Дворец Уила Укила, куда мне дорога нынешней ночью.

Седой дымил трубкой, избавив меня от своих убогих остроумий, и вел мимо ряда казарм. Дома здесь не прятались за собственным частоколом, как это принято в Загорье. Очевидно, полагались на защиту крепостной стены. Но тяжелые ставни имелись у каждого окна.

Людей вокруг прибавилось. Первоначально мне казалось, что наемников в поместье совсем мало. Первое впечатление вышло обманчивым, но удивляло другое. По форту разлилась атмосфера расслабленного спокойствия, словно и не заняли огсбургцы Дорнок и округу. Одинокого гостя тоже не посчитали за угрозу, все мое оружие осталось при мне. Судя по всему, слухи о сговоре промышленника с имперцами не беспочвенны, его люди чувствуют себя в безопасности, и поместье спокойно спит по ночам. Тем хуже для сундуков Укила.

Нужно задержаться здесь до темноты и тихо выкрасть золото да сообразить, как по утру покинуть форт, не вызывая лишних подозрений и расспросов. Не думаю, что с этим возникнут трудности, если кража не вскроется.

Седой травился дешевым табаком. Поймав дым, я непроизвольно кашлянул, чем спровоцировал очередную порцию язвительных замечаний. Внутри начало расти раздражение, однако я смолчал, дабы не спровоцировать конфликт. Главное сейчас — устроиться на ночевку в поместье. Примут на службу к Укилу — считай, золото в кармане, но вряд ли шансы на вступление в ряды наемников промышленника возрастут, если сцеплюсь с одним из его головорезов.

— Пришли, — разочарованно буркнул стражник, не дождавшись моей реакции.

Мы остановились у сруба с широкими окнами и высоким крыльцом.

— Дом капитана Томена. Дальше сам.

Я шагнул на первую ступеньку, а седой наемник двинулся в обратном направлении. К воротам и игре в кости. Удивительна беспечность у стражи промышленника. Черт знает кого оставляют одного посреди крепости; так и наемного убийцу приведут напрямиком к Уилу Укилу, коль попросить о том. Я мысленно потирал руки. Ночная прогулка до сундуков с золотом может стать проще, чем я ожидал. Организация охраны поместья хромает сразу на обе ноги.

— Шляпу-то стащи!

Тут седой прав, головной убор я снял. Раз играю роль просителя, вид должен быть соответствующий. Дворянин может разговаривать с подлым сословием в шляпе или без оной, как заблагорассудится, и не имеет значения, пребывает ли он в этот момент в помещении. Но сейчас я разорившийся дворянин. Как говаривали арнидокских салонов для

знати, нет более жалкого зрелища, чем лицо благородного происхождения, пребывающее в зависимости от черни. Множество твердолобых дворян по закоренелой привычке чурались признавать равными себе купцов и промышленников. Пускай сами жили впроголодь, что в наш век не редкость.

Я толкнул дверь в сени. От нежданно возникших мыслей о сословиях вдруг подумалось, что и капитан Томен происходил от сохи. Не знаю, почему так решил, но предчувствия не подвели.

Сени продолжились просторной жарко натопленной комнатой с лавками вдоль стен, двумя шкафами, двумя дверьми и парой заваленных бумагами столов. За одним из них разместился крупнотелый мужчина в распахнутой кожаной куртке местного покроя, обитой по краям серым мехом. Уткнувшись в желтый лист, он что-то сосредоточенно читал, шевеля при этом губами. Горский меч в ладных ножнах, отделанных серебром, прислоненный к стене позади и брошенная на столешницу португеза с пистолем и кинжалом на ней позволили предположить в нем капитана наемников. Хотя облик мордатого субъекта как нельзя лучше походил на старшего приказчика преуспевающего промышленника. Но не щуплый же старикашка, что скрипит пером за столом слева, предводительствует охраной хозяина дорнокской округи?

— Милостивый государь, — начал я, ступив ближе, — позвольте...

— Что угодно? — грузный человек оторвался от изучения бумаги и обратил ко мне свое лицо. Красноватого оттенка и с крупными порами.

— Я ищу капитана Томена.

— Слушаю, — произнес горец. Отягощенные мешками водянистые глаза смотрели без всякого интереса, — говори кратко и именно то, что нужно, да проваливай. В особенности, если ищешь службу в сотне. У меня уйма хлопот и нет времени на болтовню, а мастер Укил не желает кормить лишние рты.

Я застыл в замешательстве, не зная, что и сказать. Слова Томена спутали все карты: грубостью, которая в поместье, похоже, в порядке вещей; и недвусмысленным отлупом, что порушил мои замыслы.

— Но может мастеру Укилу нужен лишний клинок? — спросил я. Не лучшее продолжение разговора после сказанного, однако ж ничего другого в тот момент на ум не пришло. — Разрешите продемонстрировать мое владение...

— Все ясно, — сказал Томен и, устало вздохнув, вернулся к изучению бумаг, добавив, — мастеру Укилу и мне нет никакого дела до этой демонстрации. В Дорноке, он тут рядом, можно демонстрировать что хошь, а из поместья мастера вон! И немедленно!

Последнее прозвучало в повышенном тоне.

— Но...

— Найди Сида, — велел писарю Томен.

Старичок юрко выскочил в сени, а я остался наедине капитаном. Меня он словно и не замечал более, всецело погрузившись разбор чернильных строк. Дьявол! Как нелепо все получается! Как же заночевать в поместье?

— Я бы хотел...

— Еще звук, — прорычал Томен, соизволив поднять разгневанный взор, — и я велю вышвырнуть за ворота крепости вперед ногами.

Сукин ты сын! Слово не дает сказать! Я разразился бранью про себя, но вслух не мычал. Вперед ногами выносят лишь в одном случае, и капитан Томен вовсе не шутил. Не скажу

каким образом, но я почувствовал, что обещания этого человека не расходятся с делом. Потому он и капитан наемников, хоть не лучшим образом управляет вверенными людьми. У меня начал вырисовываться иной замысел.

В сенях скрипнули половицы. Писарь привел веснушчатого рыжего паренька с близко посаженными маленькими глазами.

— Сид, выпроводи господина за стены, — поручил Томен.

Парнишка шмыгнул сопливым носом и картавым голосом пригласил идти за ним.

— Ваша кобыла в старой конюшне, — бросил через плечо Сид. — Разнузданная.

Он топал впереди, а я смотрел в ему в спину. Мертв он уже или нет? Убью ли я его через несколько мгновений? Я должен остаться в поместье до темноты и я найду способ сделать это. Рыжий парень ведет в конюшню. Есть ли там лишние глаза? Ладонь легла на кинжал под плащом. Я вор, я не убийца, но если кто-то оказывается преградой, то рука не дрогнет. Тело утащу в какой-нибудь угол, закидаю соломой, и затаюсь до полуночи.

— Конюх, поди, напился уже, а все разбежались. — Сид обернулся и выжидательно посмотрел на меня. — Токмо я тоже смогу оседлать лошадь. В подмастерьях хожу.

— Сколько?

— Совсем недорого, господин, — помощник надравшегося конюха расплылся в улыбке, показавшей неровные зубы, и двинул дальше.

До конюшни почти дошли. Я буравил взглядом спину паренька, прикидывая как его прикончить быстрее. Чтоб меньше шумел. Но если его кинутся? Что если его будут искать? Вокруг бродит куча народа. Вдруг кто-то вспомнит, что он зашел в конюшню с незнакомцем в шляпе и плаще?

— Послушай, Сид, — я оглянулся. Рядом никого. — В дорнокских тавернах для моего кошелька мест уже нет, а скоро ночь.

— Сколько ж у вас в мошне? — осклабился рыжеволосый пройдоха. Он моментально смекнул, к чему я клоню.

— Один серебряный найдется, — я, конечно, лгал. За один серебряный найму сразу половину номеров в любой дорнокской таверне, и Сид мог бы легко меня раскусить. Но верх над разумом взяла старая добрая людская жадность.

— Годно, — глаза паренька довольно заблестели, он снова растянулся в улыбке. — Давайте за мной!

Дурачок. Капитан приказал совершенно иное, но алчность спасла ему жизнь.

Подмастерье нырнул в конюшню. Я последовал за ним. Сид стоял у начала прохода, разделявшего сруб на две части. Справа и слева размещались лошадиные стойла. Почти все они заняты, вон и моя кобыла.

Сид озирался, сейчас он походил на хорька.

— Никого, — произнес подмастерье. — Деньги вперед!

Я достал заготовленный серебряник. Подмастерье облизнул пересохшие губы.

— Вдобавок получишь пять медяков поутру, приготовив мою лошадь к рассвету, — я не спешил отдавать монету, уговариваясь о новом раскладе, — и две сейчас. Хочу хорошенько набить живот. Уговор?

— Уговор, уговор, — закивал рыжий Сид.

Получив серебро, он приставил к отверстию в потолке лестницу.

— Сено там свежее, — сказал подмастерье, когда я поднимался наверх. — Снедь мигом принесу.

Сид не соврал, и быстро вернулся с корзинкой, накрытой белой тряпицей. Получив пару обещанных момент, довольный подмастерье убрался, а я остался наедине с ужином. Кувшин сносного вина, сыр, хлеб и кусок отварного мяса. Как я же я оголодал!

Втянув расшатанную лестницу на чердак, я хищно набросился на ужин.

Внизу похрапывали лошади. С сухим сеном под крышей было тепло. Я удобно устроился, оперевшись плечом о деревянную балку. В целом устроился неплохо. Конечно, есть риск, что подмастерье заложит меня, но что тогда со мной сделают? Просто вытолкнут за крепостные стены? Гораздо хуже, если обнаружат мертвого Сиды, а потом найдут чужака. Да и пять медяков за лошадь поутру, надеюсь, заставят подмастерье придержать язык на замке.

Покончив с ужином, я завернулся в плащ и принялся ждать. Ночь уже скоро.

Глава 29. Зверь

Лестница скрипела после каждого шага вниз. Черт! Если растревожу лошадей, животные поднимут шум, который разбудит спящее поместье. Поэтому тс-с... Я спускался, укрытый черным плащом и мглой. Под перчатками чуть покалывало кончики пальцев. Скоро пройдет, такое изредка бывает, когда тянулся к магии. Ночное зрение и бесшумный шаг помогут выскользнуть из конюшни, не нарушив ночную тишину.

Что есть магия? Для меня это загадка по сию пору. Нет, конечно, я бы многое рассказал из прочитанного в бытность студюозусом: и то, что изложено в догмате о разрешенной ворожбе Пятого собора Тимы, и кое-что из полузапретных трудов. Но как магия наполняет меня? Не знаю. Я хочу видеть сквозь сгустившуюся черноту, и через несколько ударов сердца по жилам бежит волна тепла, с которой приходит ночное зрение. Примерно также и с другими магическими талантами, дарованными Харузом.

Старик говаривал, ты вор, Николас, и просто довольствуйся подарком судьбы. Ночное зрение, острый слух, бесшумный шаг, слияние с тьмой и проникновение в устройство замка сделали из сопливого мальчишки лучшего среди ночных крыс. Да, я тот, кто я есть, и, когда вор выходит на дело, философствования или негаданные воспоминания только во вред. Я погнал непрошенные думы прочь.

Подмастерье Сид, конечно же, запер конюшню. Сквозь щель меж воротных створок виднелась перекладина засова. Выставив наружу утяжеленной клинок своей шпаги, я попытался поднять или переместить брус в сторону, но сдвинул перекладину только на палец вверх. Что-то держало её на месте, и скорей всего это навесной замок. Я посмотрел на темные очертания перекладины и закрыл глаза. Мысленный взор продолжил бег по деревяшке, посеревшей под дождями, и скоро уперся в железную скобу, прибитую к брусу парой ржавых гвоздей. Через нее и такую же изогнутую металлическую полосу на внешней стене сруба Сид продел дужку старого побуревшего от времени амбарного замка. Ничего нового — перекладина и навесной замок. Однако я бы не вскрыл его без магии, находясь внутри конюшни.

Мысленный взор не только рисовал предо мной внешний вид замка, он проникал в само устройство замка. Я видел механизм, как если бы разобранный замок лежал прямо предо мной. Вот пружина, а здесь фиксатор дужки. Представил, как провернулись детали механизма, и с негромким стуком замок упал наземь. Магия открыла замок, однако сама она справлялась лишь примитивными запорами. Например, таким, каким Сид запер конюшню.

С более сложным механизмом, тем паче, если к нему приложил руку гном, подобный фокус не прокатит. Но я все равно мог узреть, как устроен запорный механизм, а вору ничего другого не требуется. Иногда Дар Харуза натыкался на защитную магию. Тут уж как везло, и я мог ничего не увидеть, но ещё не встретилось замка, перед коим я спасовал. Может быть, воровская магия просто приносит удачу, только мне о том не ведомо.

Проклятый пепел! Крадясь от сруба к срубу, уличил себя на том, что снова пустился в измышления. К дьяволу!

Небо, затянутое тучами, сделало ночь безлунной, а почти полное отсутствие даже легкого дуновения ветра — тихой. И отчего-то я не слышал ни одной собаки, которые так любят побрехать по ночам. Я прижимался к стене очередного дома. Излишняя

предосторожность, на улице ведь ни души, но ночная крыса не вправе рисковать.

Поместье спало. Только из пары бревенчатых строений раздавались голоса, там играли в кости и пьянствовали. И вон ещё — по внешней стене прошли двое наемников с фонарями в руках. Скорей для показухи, потому как их маршрут пролег лишь меж ближайших друг к другу башен. Возможно даже, что и не ради караула они выперлись на стену, кто их знает.

Беспечность стражников Укила поражала. Они и их хозяин не боятся ни людей, ни Запустения, а до него рукой подать. Я пожал плечами и двинулся дальше. Сделал шаг и замер... Кровь и песок!

Она здесь! Тень рядом! На мне чужой взор! Таращась во тьму, я медленно поворачивался, пытаюсь услышать или увидеть хоть что-нибудь, что указало бы на тень. Но тщетно.

— Когда ж ты отвалишь от меня, — сорвалось с уст.

Вспыхнула злость и почти сразу досада, или скорей даже намек на безнадегу. Пока еще чахлую, но она уже вцепилась в меня. Я лично пронзил шпагой её грудь; по клинку, что в ножнах на моем поясе, текла горячая кровь. Я видел, как предали тень земле, вогнав под сердце кол и отрубив голову. И она снова здесь! Смерть её не брала, у меня же жизнь одна.

Я забубнил под нос. Отборная палубная брань принесла облегчение, разброд в мыслях ушел. Двигаюсь дальше к особняку Уила Укила. Тень здесь, но её присутствие не может отменить мой визит к сундукам промышленника. Золото нужно как воздух, да и возвращение в конюшню от тени не уберезет.

Процедив проклятье в адрес адского отродья, обнажив шпагу и кинжал, я продолжил скользить вдоль спящих срубов. В схватке с тенью буду как мышь против кошки, и лучше бы сжимать в ладонях по взведенному пистолю: пуля всяко быстрее любой нечисти. Но выстрелы поставят крест на планах позаимствовать у мастера Укила... Проклятый пепел! Кажется, она приблизилась!

Я облизнул пересохшие губы и оглянулся. Ни души! Магия Харуза не видит и не слышит её. Только я-то знаю, что тень крадется за мной! Я снова один против неё, и нужно идти вперед, за золотом. Без него дороги из поместья Укила нет.

Тьма, верная союзница вора, привела к башне у внутренней стены. Сверху раздавались приглушенные голоса: там тоже играли в кости. Я застыл, в очередной раз вслушиваясь в тишину, но тень по-прежнему не давала обнаружить себя.

Стены в углах башни соединялись уложенными внахлест бревнами и выпирали от перекрестия более чем на фут. Что твоя лестница! Вогнав клинки в ножны, начал подъем. Я лез вверх по единственной башне внутреннего укрепления поместья, которая бодрствовала. Однако тень уже за спиной, и нет времени, чтобы пробраться к другой. К тому же быть замеченным стражей я не боялся. В черном плаще, черной шляпе, и слившись с тьмой магией воровского бога, я почти не различим на фоне темной стены.

Перемахнув на господскую половину поместья, затаился у большого раскидистого дуба. Особняк Укила окружал ухоженный парк. В зимнюю ночную пору голые ветки деревьев вызвали мрачные ассоциации, а днем тут, верно, и в декабре недурственно: мощенные ровные дорожки, стриженные в разнообразные затейные фигуры кустарники. И тишина, в которой слышен каждый шорох. Я оглянулся. Шпага и кинжал снова наготове.

Что именно насторожило, понял не сразу. Тени рядом нет! Я больше не чувствовал её! По виску сбежала струйка пота. Не исчезла ли она, чтобы спустя миг вынырнуть из ниоткуда и вонзить в меня свои кинжалы? Или, выкарабкавшись из могилы, у неё теперь есть что-то

более смертоносное?

Я крутил головой, прислонившись спиной к коре старого дуба. Сердце бешено колотилось, дыхание сбилось. Я едва не запаниковал, но умиротворенный парк так и остался непо потревоженным. Словно бы и нет больше тени.

— Черт с тобой, — прошипел я, уняв нарушенное дыхание.

В сотне шагов спал особняк Укила. Большое трехэтажное каменное здание с вычурной лепниной и тринадцатью шпильями, пронзающими небо. Вместо ставен все окна защищены изогнутыми металлическими решетками. Подобной витиеватой архитектурой не удивишь в южных столицах, но для Загорья особняк смотрелся чужеродно. От него веяло чем-то неестественным. Когда рассматривал дом, вдруг почувствовал настойчивое желание убраться прочь. Что за нерешительность! Ругнувшись, я сплюнул и направился к малоприметной двери в правом крыле.

Невысокая дверь скорее всего отводилась слугам, а, значит, по обыкновению больших домов никогда не затворялась. Я ошибся. Все-таки близость Запустения не могла не наложить свой отпечаток на местный быт. Дверь заперли, однако внутренний замок оказался столь же примитивен, что и навесной у конюшни. Магия легко вскрыла его, я даже не доставал приготовленные загодя булавки и нож.

Ступив на порог особняка, долго вслушивался в тишину, что оставил снаружи. Тени нет, но, думая об исчезновении нечисти, я нервничал все сильнее. Лучше закрыть дверь за замок.

Длинный прямой коридор уходил от меня черным жерлом, в конце которого одиноко горел светильник из одной свечи. Я продвигался вперед больше на ощупь, почти не видя перед собой ничего. Магическое зрение помогает мало, когда нет хотя бы лунного света. В полной темноте, например, в подвале, вовсе ничего не углядишь.

По обе стороны от меня часто попадались двери. Из-за некоторых слышался храп; то были комнаты прислуги. Я надеялся, что терзавший меня страх уймется рядом с живыми людьми. Но нет, и глупо сие. Что они против воскресшей из могилы тени? Однако подсознательно хватался за эту мысль. Я боялся встречи с тенью, но не меньше тревожило и её исчезновение. Хотя еще вчера полагал, что привык к присутствию тени, ведь каждую ночь та появлялась у стоянок нашего отряда... Дурак.

Я почти ничего не различал в длинном коридоре, и каждый шорох сулил её появление. В горле стал сухой ком, очень хотелось пить. В доме Укила мне было очень не по себе, в полной темноте ощущал себя каким-то беспомощным.

Но вот и свеча! Коридор закончился и поднимается лестницей на второй этаж — к господским покоям. Переведа дух, я, наверно в сотый раз за сегодняшнюю ночь вслушался в тишину: наверху тоже ни звука. Станный дом, очень странный. Почти не освещенный спящий особняк, хотя вряд ли сейчас сильно за полночь. Я много раз видел богатые дома и дворцы и не припомню, чтобы даже глубокой ночью спали абсолютно все их обитатели. На той же кухне обязательно должен кто-то возиться. Черт знает, где здесь кухня, но копошения прислуги тоже не слышать. Только храп за дверьми.

Необычный порядок заведен в доме Укила, да шут с ним, пускай правит челядью, как пожелает, мне нужно лишь его золото. Перехватив поудобней шпагу, я ступил на лестницу, которая вывела в большой зал с богатой мебелью и высокими окнами. Рядом с ними как будто и дышалось легче.

Скоро я миновал третью роскошную комнату словно бы вымершего особняка и снова вышел в коридор. Его правая стена разрезалась еще большими окнами, чем в предыдущих

залах. Где же кабинет промышленника?

Опустив взор, чтобы поправить ременную перевязь на груди, на коей висели два из четырех моих пистоля, услышал впереди звук шагов. Я резко вскинув голову. По коже волной пробежали мурашки. В полусотне шагов в конце коридора кто-то стоял. Кто-то, кого я не успел разглядеть. Я моргнул, и коридор снова стал пустым.

— Что за...

Пальцы с силой сжали эфес шпаги. Что это было? Точно не тень, её присутствие я бы не спугал ни с кем иным. Но что или кто тогда? Или мне уже мерещится несуществующее? Я поспешил туда, где, как показалось, заметил темную фигуру, и не нашел ничего, чтобы помогло бы ответить, привиделась ли та или нет.

Зато теперь я стоял перед большими двустворчатыми дверями, которые явно выделялись на фоне всех остальных. Искусный резчик изобразил на дереве сцены охоты на оленя и инкрустировал свою работу серебром. Ручки тоже из серебра. Осторожно надавил на одну из них — левая створка тихо поддалась вперед, и я проскользнул внутрь.

Центральную часть огромной комнаты с изысканной мебелью, коврами и тисненными обоями занимала широкая кровать с балдахином. Пустая, с наполовину слезшим на пол одеялом. Не хозяина ли этих перин наблюдал минуту назад?

Через распахнутую балконную дверь тянуло свежим воздухом. В душе зашевелилось нехорошее предчувствие. Ночью в Загорье раскрытые окна сулили неприятности. Фоссу моя неосторожность едва не стоила жизни. Но где хозяин комнаты? Я метнулся к плотным занавесям, обрамлявшим выход на балкон, и заглянул за край тяжелой ткани. Никого.

Позади вдруг раздался отчетливый шорох. Я резко обернулся, выставив перед собой клинки. Но и теперь никого. Спальные покои все также пусты. Кровь и песок! Я же отчетливо слышал, как что-то прошелестело по ворсу ковра. Я замер, стараясь не дышать, и вслушивался в тишину, легшую на поместье и проникшую в особняк. Никого и ничего. Присутствие тени тоже не ощущалось, но надолго ли? Я закрыл решетку, отгородившую комнату от балкона, а затем и саму балконную дверь. После двух щелчков замка напряжение внутри меня несколько улеглось. Я снова осмотрелся.

В двух противоположных углах покоев темнели очертания еще двух дверей. За той, что проверил первой, скрывалась ванная комната; пустая как и спальня. А другая вела в кабинет с книжными шкапами и большим бюро со стопкой бумаг на столешнице. Каждый документ был подписан Уилом Укилом. Я в его кабинете.

Снова шорох в спальне, и опять я не обнаружил никого. Проклятый пепел! Ну не мерещится же мне! Я обошел спальню, заглянул в каждый шкаф и даже под кровать. Ничего. Воображение у тебя разыгралось, Николас. Воображение... Но отчего ж так муторно? Хотелось поскорей убраться из этого странного особняка, чтобы не вздрагивать от каждого шороха.

Только уйти без добычи нельзя, я опять сунулся в кабинет. В бюро обязательно найдется золото, а с замками на дверцах лакированной тумбы уж как-нибудь справлюсь.

Золото я нашел. О, Харуз! Тумба буквально ломилась от кошелей с золотом и серебром, и ни одного замка на бюро. Удивительно беспечный человек мастер Укил и не менее щедрый. Я набил карманы камзола кошельками, не тратя время на пересчет монет в серых мешочках. Хапнул вдвое, а то и втрое больше, чем хотели получить люди Губошлепа.

Пора уходить! И как можно скорее! Воровское чутье толкало прочь из особняка.

Снова показалось, что в спальне раздался шорох. Нервишки-то шалят, мниться всякое.

Ну да дело сделано. До рассвета ещё далеко, особняк и поместье спят, тень исчезла, и я убираюсь отсюда. В конюшню. После восхода солнца буду уже на пути в лагерь. Промышленник не сразу узнает, что обворован — на вид, кошель в тумбе не убавилось. Поэтому покину поместье спокойно. Под нос даже замурыкалась какая-то дурацкая песенка.

Я аккуратно задвинул ящик бюро и вернулся в спальню. Из распахнутой балконной двери несло свежим холодным воздухом.

— Гость? В моем доме.

Посреди просторной комнаты у изголовья кровати стоял человек с длинными седыми волосами до плеч и вздернутым подбородком с клинышком белой бородки. Верхнюю половину лица скрывала тень.

— Или это вор?

В первые мгновения от неожиданности я утратил дар речи, на спине выступил холодный пот. Однако ж человек в парчовом халате — это не вылезшая из могилы тень.

— Уил Укил? — поинтересовался я. Чтобы отвлечь хозяина особняка вопросом и незаметно достать нож.

— К вашим услугам, милостивый господин.

— Мне нужно кое-что рассказать, — я шагнул к нему. Лишь бы промышленник не успел поднять тревогу, а там сталь сделает свое дело. Не вовремя мастер Укил вернулся в свою спальню.

— Да ну? — Укил негромко рассмеялся и тоже шагнул навстречу.

Я вдруг увидел, как хозяин дома воспарил над полом на полфута и медленно поплыл в воздухе в мою сторону.

— Дьявол тебя подери! — я попятился и уперся спиной в закрытую дверь кабинета.

— Он самый! — Укил картинно засмеялся, откинув назад седую голову, и полетел над паркетом прямо ко мне.

Я мог бы тоже посмеяться, потому что тварь, коей оказался хозяин особняка, вела себя как упырь из дешевого уличного представления. Но липкий пот, колотящее сердце и сосущая пустота где-то в животе отнюдь не обрадовали меня этом спектаклем. Я рванул вдоль стены, обогнув приблизившегося Укила, и бросился к его кровати. Чтобы отгородиться ложем от промышленника.

— Поиграем? — голос Укила изменился, зазвучал утробно, в его глазах мелькнул неестественный отблеск. Он поднялся еще на фут, висел в нескольких шагах от края кровати и, не отрываясь, смотрел на меня. Нижняя челюсть Укила шевелилась вправо и влево. Я услышал низкий звериный рык. Какая-то часть меня захотела пасть к ногам хищника. Заскулить... И пусть рвет горло, лишь бы...

— Сдохни! — я хрипло выкрикнул, разорвав паутину наваждения, и сорвал с груди два пистоля. С такого расстояния промахнуться невозможно! Я нажал на курки.

И ничего!

Пистолы только тихо щелкнули, слово и не заряжены вовсе.

Укил опять рассмеялся, и теперь его смех походил скорее на рычание. Промышленник выбросил ко мне руку с открытой ладонью и со скрюченными пальцами. В тот же миг невидимая сила вырвала оружие из моей хватки, кинув пистолы к потолку.

— Матерь Божья!

Я вновь попятился назад и выставил перед собой кинжал рукояткой кверху, превратив

его в импровизированное распятие. Зашептать молитву! Но нужные слова напрочь забылись. Я с леденящим ужасом наблюдал, как лицо Укила вытягивалось в звериную морду с оскалом острых клыков. Пальцы удлинились длинными кривыми когтями.

Сквозь низкий рык прорвалась человеческая речь:

— Не поможет!

Тварь рванула на груди халат, обнажив большое золотое Распятие на шее зверя.

Заскулить!.. Упасть к ногам! Пускай клыки и когти рвут!

Тряхнув головой, я вновь вскинул оружие. У меня еще пара стволов!

Чудовищная сила снова вырвала пистолы из рук, и я сам, покачнувшись, едва не рухнул на пол. Укил взмахнул лапой, словно отбрасывая что-то невидимое перед собой, и огромная кровать с дребезгом разбитого стекла и оглушительным грохотом вывалилась в парк. Следующим жестом тварь ткнула в мою сторону. Невидимый кулак ударил под грудь и отбросил к стене, впечатав в камень, словно тряпичную куклу.

Спальня поплыла перед глазами, я боролся с собой, чтобы не вырубится, задыхался и пытался подняться. В ушах звучал смех вперемешку с хищным и голодным рычанием. Кажется, Укил не приближался больше, но мне оставались жалкие мгновения. Это конец! Я не мог сопротивляться этому чудовищу. Я даже не знал, что за тварь встретил в облике Уила Укила. Вампир? Или что?

Плевать! Я поднялся и выдернул из ножен шпагу. Качаясь, глядел в пол, не в силах оторвать от него взор, но сделал шаг навстречу! К своей смерти!

Беги... Беги!

Сквозь шум в голове донесся чей-то крик. Беги! Беги!

Я сумел поднять голову. Между мной и Укилом полуобернувшись стояла она. Тень!

Фигура в черном как будто убедилась, что дозвалась до меня, и полностью развернулась к зверю. В руках тени появились кинжалы.

Беги!

Я побежал. Вернее кое-как заковылял, спотыкаясь и едва не падая на качающемся полу. Предметы вокруг меня и на моем пути едва различались, их очертания то расплывались, то становились четче. В ушах гудело, а позади яростно, озверело ревел Укил.

Вырвавшись из спальни, я уже почти бежал. Не зная куда, я потерял ориентацию, но бежал. Падал и тут же поднимался. Лишь бы унести ноги из проклятого дома!

Не заметив лестницу, кубарем скатился вниз. Встал на ноги со вкусом крови на губах и побежал. Туда, где в распахнутой двери светил фонарь.

— Скорей! Сюда!

Я ввалился в комнату и упал лицом в жесткий ковер. Позади хлопнула дверь, и я погрузился в небытие.

Глава 30. Странный день, поступки, люди

Отворившаяся дверь впустила мою спасительницу. Сгорбленную маленькую старушку с высокой старомодной прической, какой она как будто хотела увеличить свой невеликий рост. С виду старушка казалась вдвое меньше почти любого взрослого человека.

Сейчас рассвет, а когда очнулся от выплеснутой в лицо воды, рядом со стеклянным кувшином в одной руке и фонарем в другой стояла миниатюрная седоволосая женщина в вязаном халате поверх ночной сорочки. Она представилась Аделаидой Укил, старшей сестрой здешнего хозяина и чудовища. Причем именно так и назвалась: сестрой хозяина и чудовища. Аделаида Укил пообещала защиту и уверила, что в её комнате безопасно. Дескать, сюда её брат ни ногой, ни лапой, а людям, если пожалуют в её покои, она как-нибудь укорот да даст. Но о людях, мол, не стоит беспокоиться.

— Не принято у нас в доме по ночам шастать, — отмахнулась она, когда я усомнился, что поместье все еще спит после очередного рева, сотрясшего особняк.

Тем не менее, в небольшую и уютно обставленную комнату старушки никто не ломился. Было тепло, даже жарко, комнату грела обложенная голубой плиткой печь с темным овалом варочной поверхности. Я доверился своей спасительнице, обессиленный и безоружный. При мне остался нож, пара кинжалов и пустые ножны. Шпагу потерял во время бега по шатающимся коридорам.

Постепенно приходил в себя. Где-то в глубине дома периодически ревел зверь. Старушка щебетала ничего не значащие фразы и поила меня горячим куриным бульоном, а едва за окном забрезжил рассвет, Аделаида Укил юрко выскочила из комнаты. Сказала только, что нужно забрать какие-то вещи. Следовало бы насторожиться, но не для того меня кормили наваристым бульоном, чтобы устроить пакость. Невесело усмехнувшись, я откинулся на резную спинку стула, вытянул ноги и решил ждать. Доверяться кому-либо неразумно, даже совсем глупо, но я не знал, что предпринять.

Рев зверя не мог не разбудить поместье, и наверняка за пределами особняка только и ждут, чтоб схватить чужака. Старушка же обещала не только укрыть в своих покоях, но и вывести из усадьбы. До сих пор она не обманула. По меньшей мере, до наступления темноты я не собирался покидать это неожиданное убежище, я просто ждал её, и вот Аделаида Укил вернулась.

Руки старушки сжимали большой сверток. Содержимое узла из плотной коричневой материи являлось почти неподъемным грузом для маленькой женщины.

— Сидит, смотрит, — заворчала сестра промышленника. — Помоги же, олух!

Я вскочил со стула и услужливо склонился над старушкой, забрав тюк, внутри которого что-то характерно звякнуло.

— Что там, мистресс Укил?

Она настоятельно просила называть себя мистресс, поскольку мужланы не для неё и замужем она не была.

— Клади на стол и разворачивай, — пожилая женщина отмахнулась от меня как от назойливой мухи и, положив ладонь на поясницу, заковыляла к креслу с клетчатым пледом.

В узле обнаружилось мое потерянное оружие: все четыре пистоля и шпага. Невероятно! Она вернула пистолы из покоев промышленника! Я окончательно поверил во все, что сказала

мне Аделаида Укил. Она действительно способна защитить меня.

— Но как? — сорвалось с уст. Проверив стволы и убедившись, что каждый из них по-прежнему снаряжен для стрельбы, я всовывал пистолы в кобуру. С оружием вернулась и уверенность.

Вместо ответа послышалось кряхтение и ворчание, я уловил только одно слово. Она пробубнила что-то про брата.

— Но почему вы помогаете мне, мистресс Укил? — вновь спросил я. — Вы толком и не знаете про меня ничего.

— Зато я знаю, что есть мой брат, — голос старушки задрожал от волнения, голова закачалась. — Он связан с Дьяволом! Да, он многое получил: огромное богатство, власть. Но мой милый маленький брат проклят! По ночам он превращается в чудовище! В зверя, которого ты видел. Он бродит по дому и поместью либо рыщет по округе, и горе тому, кто встретится на его пути.

Переведя дух, Аделаида Укил продолжила уже спокойно, обычным для неё ворчливым тоном:

— Но я молюсь за его душу, каждый день и каждую ночь. Я одна у него, и пока я жива, мой брат не обратится в зверя окончательно. Моими молитвами хотя бы дурь в его башке не затмевает разум. Он все еще человек, когда превращается в зверя; я даже могу разговаривать с ним.

— А люди? Ваши люди догадываются?

— Наши?

Мистресс Укил слезла с кресла и, словно забыв про меня, направилась к шкафу у печи.

— Наши-то все знают, — сказала она, заварив себе пучок сушеной травы, — токмо спи ночью дома, и все будет хорошо. Зато тут как у бога за пазухой.

Старушка осенила себя знамением.

— Твари из эльфийских лесов и те обходят поместье стороной.

— Неужели в окрестных деревнях и Дорноке ничего не заподозрили? — не поверил я.

Голова раскалывалась от вопросов. В кого он перекидывается? Оборотень? Но слишком уж силен. Я ругнулся про себя, вспомнив, как Уил Укил парил над полом и невидимой силой выхватывал из рук оружие. И почему тень стала между мной и зверем? Что это было? Тень прикрыла меня? Где тень сейчас?.. Вопросы, на которые нет ответов.

— Местные? — мистресс Укил предложила мне варенье. — Может, кто и догадывается, но братец умеет гасить слухи, а, если что случается, то на Запустение списывают. Идем.

Накинув на плечи горский пуховый платок из серой козьей шерсти, старушка выжидательно посмотрела на меня.

— Ну, — нетерпеливо пробурчала она, — надумал тут поселиться?

Я последовал за ней. Дом Уила Укила пробуждался. На господском этаже сновали две служанки, протиравшие от пыли мебель, внизу бегали повара. Где-то скворчало, и гремели посудой: кухня тоже проснулась. Перед особняком мели сухую листву три дворника. Мистресс Укил попросила помочь — я подал ей руку и мы неспешно спустились по широкой, отделанной мрамором, лестнице. Мощеная дорожка направила нас от ступенек к башне напротив.

— Почему вы помогли мне?

Аделаида Укил фыркнула, не удосужившись пояснить, и мы продолжили идти к стене внутреннего укрепления, не говоря ни слова. Сперва я принял молчание за старческую

взорность, но на самом деле сестра промышленника просто выбилась из сил. Шли медленно, я поддерживал мистресс Укил под локоть: дышала она, запыхавшись. Сколько же ей лет? И как смогла дотащить узел с оружием до своей комнаты?

— Почему помогла? — Аделаида Укил подняла трясущуюся голову и со старческим брюзжанием продолжила, ответив самой себе — Я ведь уже говорила, олух ты эдакий, что молюсь за душу брата, денно и ночью. Он проклят, но может быть лишняя жизнь, которую вырву из его лап, вернет его душу к Свету. Помолись за него, вор! Ради того, что я спасла тебя.

Старушка назвала меня вором. Я непроизвольно прикоснулся к карману камзола с тугими кошельками внутри. Меньше, чем нахватал из бюро промышленника, гораздо меньше. Убегая, растерял половину, но и того, что есть сейчас, хватит с лихвой. Старушка, верно, недолго гадала, кого укрыла в своей комнате.

— Эй, олух! — одернула меня за рукав Аделаида Укил. Она так и не спросила мое имя; да и зачем, коль можно называть просто олухом. — Ты слышал меня?

— Непременно, помолюсь, — соврал я. Молитва не для меня. Молюсь, только когда совсем прижмет, чаще вспоминаю Харуза, и уж точно не стану молиться за дьявольского зверя. Но мне было жаль маленькую ворчливую старушку. Я обязательно помолюсь за нее.

Дворники мели, не обращая на нас ровно никакого внимания. Мы доковыляли до запертых ворот внутренней стены. На зов Аделаиды Укил из окованной железом двери воротной башни вывалились двое стражников с помятыми лицами. Как и садовая прислуга, они не испытывали к моей персоне никакого интереса.

— Слушаю вас, мистресс Укил, — склонив голову, сказал один из них. Я несколько удивился, услышав, с какой почтительностью он обратился к сестре хозяина поместья. При здешнем-то раздолбайстве!

— Это мой гость! — Аделаида Укил с нажимом произнесла последнее слово. — Ты проводи его из усадьбы, а ты помоги подняться в мою комнату.

Старушка легонько оттолкнула меня и шагнула ко второму стражнику. Я хотел поблагодарить её, сказать что-то на прощанье. Однако Аделаида Укил лишь отмахнулась, бросив напоследок:

— Все! Иди! Иди-иди!

Моя маленькая сторбленная спасительница побрела прочь. Никогда раньше я не был обязан жизнью столь слабому созданию. Бабушка-божий одуванчик. Это сказано про неё.

Позади послышалось сопение. Стражнику не терпелось спроводить меня куда-то дальше.

— Сперва к конюшне, — молвил я, — а дальше я сам.

— Как скажете, господин, но я мог бы и за внешние ворота проводить, — наемник пожал плечами для приличия и повел за внутреннюю стену.

Мы шли по просыпающемуся поместью. Он впереди, я за ним, молча. Людей вокруг не намного больше, чем ночью, зато у сруба с лошадьми ждал рыжеволосый Сид. Его легко было узнать по шевелюре.

Доведя до конюшни, стражник быстро позабыл обо мне:

— Где конюх?

— Дрыхнет ещё.

— Чертяка! Напомни ему, как проспится, про долг. Десятку должен, уже седмицу, — сплунув с досады, стражник убрался восвояси.

— А вы мне тоже должны, — шурясь, произнес Сид.

— Они? — я показал пять обещанных медяков. — Седлай кобылу!

Только вопреки моим ожиданиям рыжий подмастерье не рванул в конюшню за моей лошадью и своими медяками. Над ехидной улыбкой жадно блестели пороссячи глазки. Пройдохой растёт.

— Интересно, знает ли конюх, что сруб на ночь не запирается, — я кивнул на снятую перекладину засова и лежащий рядом замок. Глаза Сиды выросли до размера перепелиного яйца. Надо же, не заметил.

Сиды как ветром сдуло. Скоро я получил лошадь, он — свои монеты, а обворованное поместье выпустило вора за свои пределы. Странное место, странные его обитатели, и хозяин тоже очень непростой. Я пустил кобылу в галоп, с облегчением оставляя усадьбу Укила за спиной.

Торговая улица перед Дорнокским мостом также быстро скрылась из вида. Почти пустая из-за ранней по зимней меркам поры. Мчался я недолго. Скоро осадил животное и пустил шагом, так как продолжительное время держать галоп лошадь не сможет. Когда на мой неискушенный взгляд кобыла восстановила потраченные на быструю скачку силы, перешел на рысь. Чередуя легкий бег и шаг, вчера добрался от лесной стоянки до Дорнока за полдня.

Но тяжело ж придется. Я поморщился. Второй день в седле подряд!..

Передо мной неспешно петлял тракт. С каждым часом на дороге прибавлялось путников, город всегда тянет к себе окрестный люд. Редкие имперские разъезды не обращали на одинокого всадника в черном никакого внимания, как и накануне. Я глазел на встречных. Перезарядил негаданно вернувшиеся пистолы. Пытался уснуть; говорят, в седле это легко. Но чуть задремав, едва не сверзился под копыта собственной лошади. Дьявол! Голова наливается свинцом, я не спал уже вторые сутки. Снова и снова думал о тени. Неужели она закрыла меня собой, и где тень сейчас?

Впереди раздались женские крики о помощи. От пустого нынче тракта вправо ответвлялась малоприметная дорожка. Кричали откуда-то из-за деревьев, куда уводила тропа. Не раздумывая, я направил кобылу в лес. Зачем я это сделал? Наверно, устал, и воровская осторожность на время оставила последнего из ночных крыс наедине с обычными человеческими слабостями. Я поддался призыву о помощи.

Дорожка вывела на поляну, усеянную опавшей листвой. У выпотрошенной крестьянской подводы лежал немолодой горец со связанными сзади руками. Его хорошо отделали и ладно, если только кулаками. Рядом, упав на колени, рыдала и заламывала руки женщина, что изрядно веселило двух нависших над ней орков. Еще двое с сальными словечками оттаскивали от телеги девицу с растрепанными белокурыми волосами. В десяти шагах фыркали четыре жеребца нелюдей.

Те самые орки! За седлами висят человеческие головы!

Я поглубже натянул шляпу. Так, чтобы широкие поля спрятали верхнюю часть лица и глаза, и направил лошадь медленным шагом к убийцам. Запахнутые полы черного плаща укрыли все мое оружие и руки, сжавшие по пистолю. Орки, глумившиеся на рыдающей матерью, почуяли неладное.

— Эй! — окликнул один из них.

Поздно. Дважды грянул гром! Я стрелял практически в упор, и оба орка рухнули к ногам женщины, вскочившей с гримасой смертельного испуга на лице. Откинув разряженные

стволы, схватился за вторую пару пистолей, нацелив оружие на двух других несостоявшихся насильников.

Отважное молодое дурачье! Забыв про свою добычу, орки бросились на меня, обнажив клинки. Еще два выстрела — и еще два мертвых орка.

Зачем я это делаю?

Легла гробовая тишина. Я спешил, чтобы подобрать брошенные стволы. Но сначала нужно помочь крестьянину. Когда перерезал путы стонавшего мужика, тишину разорвали новые крики. Обе женщины кинулись ко мне. Захлебываясь в слезах и словах благодарности, они буквально норовили поцеловать носки моих сапог!

— Заткнитесь! — прорычал я. Какого черта я все это творю!

Удивительно, но крестьянки послушались. Упали задами наземь и тихонько заскулили, размазывая влагу на щеках. Наконец, и битый глава семейства смог подняться на ноги.

— Держи! — я кинул ему один из кошель с золотом. — Бросайте все. Сейчас же! Да уезжайте, как можно быстрее и дальше отсюда.

Я крутанул на каблуках, чтоб не слышать и не видеть спасенное семейство, и скорей влезть в седло. Однако уезжать рано, один из орков подавал признаки жизни. Тот, что упал последним. Вытащив из сапога орка тяжелый нож, я вогнал сталь глубоко в глаз живучего гаденыша. Нелюдь дернулся и затих. Я добил его не из жалости, не ради прекращения страданий, а чтоб не вздумал выжить. Прикончил без ненависти, злобы и даже без безгливости. В душе пустота, все-таки я устал.

Не оборачиваясь больше, вскочил в седло и покинул место, где совершил столь странный поступок этого странного дня. А может все проще? Может быть где-то наверху, или внизу, зачтется за мое сегодняшнее неожиданное и тоже странное спасение?

Но теперь есть все шансы заполучить хвост из нескольких десятков жаждущих мести огсбургских ищеек. А... Проклятый пепел! К дьяволу все!

Через три часа я был у рощи, от которой вчера начался путь к Дорноку. Только я и пустой тракт. Меня должны заметить и выйти навстречу.

Из леса показались люди.

— Как же я рад тебя видеть, Гард! — восторженно проревел толстяк.

Глава 31. Становище орков

На тракт вышли четверо: Акан Рой, человек Губошлепа и двое орков. Я непроизвольно натянул поводья и дернулся, чтобы схватиться за оружие. Но за толстяком ступали местные орки; наверняка, из клана Манрока. Длинные волосы до плеч вместо бритых голов гребнем ото лба до шеи.

Довольно ухмыляясь, я спрыгнул с лошади и обнялся с толстяком. Я искренне обрадовался, когда узрел Акана; он из числа немногих, кому мог бы доверить спину. По меньшей мере, пока не выкрадем перстень Бога Сына из замка ордена Грааля.

Тяжелая лапа несколько раз хлопнула меня по плечам, чуть не сбив дыхание.

— Кровь и песок! Гард, ты живой!

— Как видишь, — я криво улыбнулся, вспомнив о Шраме. — Только Джон...

— Знаю, — Акан помрачнел, — отец Томас сказал про него. Он исповедовал его перед казнью.

— Милсдарь Рой, — произнес стоявший рядом горец. Его вытянутое лицо напоминало ослиную морду, — уходить надо. Не ровен час, имперцы на тракте покажутся.

Я согласно кивнул. Позади четыре застреленных огсбургских орка. Нужно поскорей укрыться в лесу. Впрочем, никто и не думал спорить. Мы без лишних слов убрались с тракта на звериную тропу, которая вчера вывела на дорогу к Дорноку.

— Акан, — окликнул я толстяка; тот двигался впереди в двух шагах за осломордым проводником, я следом, а орки вели под уздцы кобылу сзади чуть на отдалении. — Ты как здесь очутился?

— Сам же просил отца Томаса отыскать стоянку Морока.

Значит, нашли, и, раз толстяк ждал меня, до неё рукой подать.

— Далеко до вас от нашего лагеря? — спросил я. — Фосс там?

— Далековато. Сюда, к тракту, мы с час назад добрались. Сменили парней, ждущих тебя, да начали сами на дорогу глядеть. А Оливер в доме у Манрока отлеживается, слаб ещё. Вот Барамуд и я полностью оклемались. Эльф мазал наши раны каким-то вонючим дерьмом, но и зажили они быстро. Как на собаке.

— Ночевать у орков будем?

— Нет, — сказал Рой, — к темноте не успеем. До становища Манрока полдня добираться, а еще к вам попасть нужно.

Пока пришли к лагерю, лес погрузился в сумерки. Нас, а, вернее меня, уже ждали: кто-то из дозорных успел предупредить. Горцы, все кто был в лагере, столпились в кучу позади отца Томаса и Лилит. Тейвил шевелил палкой в небольшом костерке у края стоянки, рядом сидел на корточках имперский полковник.

Девушка посмотрела на меня с бесстрастным выражением лица. Лилит опиралась на длинный лук со снятой тетивой; прежний охотничий, с которым она почти не расставалась, исчез, и теперь она обладала настоящим боевым оружием. Я решил, что кто-то из горцев отдал её свой. Не иначе, как инквизитор приложил к этому руку.

— Вернулся? — сухо произнес он. Показалось, что инквизитор не очень-то верит собственным глазам. В понимании монаха трудно найти место для вора, который держит слово. Может и так, но клятвенный крест кардинала Антуана связал меня с походом в

Запустение крепче железных оков, а без графа Герингена и фанатичного инквизитора с его священным обломком туда соваться я теперь не собирался. Посему не мог не вернуться. Только где ящичек с реликвией? Впервые после побега из Бранда я увидел инквизитора без него.

— Золото? — раздался из толпы крестьян жадный возглас. — Золото принес?

Я выудил из кармана кошель с монетами, поднял его высоко над головой и бросил под ноги. Следом все остальные. Толпа возбужденно загудела!

— Тихо! — возглас инквизитора осёк гомон двух десятков глоток. Инквизитор дождался, когда замолкнет последний из крестьян, и продолжил. — Вергельд уплачен.

— Надо пересчитать... — робко возразил тонкоголосый крепыш, нынешний предводитель отряда.

— Так считайте и делите по своему усмотрению, — инквизитор двинулся прочь.

— Святой отец, — я догнал церковника.

— Чего тебе вор?

— Где реликвия?

— Я отослал отца Крига с ней.

— Отца Крига? — только сейчас я понял, что в лагере нет старого монаха и двух драгун.

— Господин лейтенант согласился, чтобы его солдаты проводили отца Крига в безопасное место.

— Но куда? Почему? — сдавленно вырвалось у меня. Получается, я вернулся только ради Дара пленного имперца. Без реликвии шансы выбраться из проклятых лесов сильно уменьшились.

— Не твое дело, вор, где это безопасное место, — резко ответил инквизитор. — В последнее время слишком много косых взглядов да пересудов о том, что я ношу на плече.

— И что же, святой отец, отныне я свободен от данной клятвы? Более не требуется ничего переправить в Арнию?

— Нет, от клятвы ты не освобожден. Ты по-прежнему должен помочь мне перебраться за Долгий хребет.

— После того, как вернемся из Запустения, — я невесело поправил монаха.

— Да, — на сей раз согласился монах, — как вернемся из Запустения.

К нам приблизилась Лилит.

— Они посчитали, — сказала она. — Золота даже больше, чем нужно.

— Вергельд уплачен, — отец Томас посмотрел мне в глаза.

Я отвел взгляд. Состязаться с его взором не имел никакого желания. Я очень устал и просто направился к костру Тейвила и Герингена, где уже уютились Рой и двое орков. Тут было весело: толстяк достал объемную флягу и под нарочито напыщенное разглагольствование пустил крепкий напиток по кругу.

Акан угощал ромом. Чертовски неплохим ромом, надо сказать. Горячительное потекло в нутро, меня развязло. Я облокотился спиной о ближайшее дерево, глаза налились свинцом. И тень... Она снова рядом, но сейчас мне совершенно все равно, здесь она или нет... Только почему она защитила меня от зверя?..

Я погрузился в небытие.

— Просыпайся, Николас, пора в путь.

Акан Рой потормошил меня. Я сонно посмотрел на улыбающегося горца и спросил:

— Давно солнце встало?

Сквозь просвет в древесной кроне виднелось ярко синее небо, какое редко увидишь в декабре. Стоянку окружала почти полная тишина, я не слышал привычного гула голосов людей из отряда Губошлепа.

— Часа два, — пожал плечами Рой. — Не будили тебя, раз не просыпался, но пора отправляться.

Поднявшись, я оглянулся. Я чувствовал себя отдохнувшим, но внутренне опустошенным. Путешествие за выкупом отняло неожиданно много сил. Спал как убитый и проспал бы еще долго, не растолкай меня Рой.

Лагерь опустел: вон молятся Велдон и Лилит, Геринген и Тейвил крутятся у двух жеребцов.

— Где все?

— Нету их, — Рой почесал щетину на мясистом подбородке и с явным сожалением поднял пустую флягу, брошенную с вечера у остывшего коста. — Смылись они с твоим золотом в карманах. Но сперва святой отец говорил с каждым и после благословения отправлял восвояси, оттого проводы и растянулись. Сейчас же отец Томас читает молитву за путешественников.

— Лошадей тоже забрали? — поинтересовался я. Вчера их было девять.

Акан кивнул.

— А ловко ты придумал с золотом. Легко отделался за убийство.

— Это не я. Это инквизитор, — хмуро ответил я.

Дьявол! Чего я недоволен? Горцы убрались и довольствовались золотом, а про мою шкуру позабыли. Нужно радоваться, что столь дешево заплатил за смерть Губошлепа, только что не так?.. Тень. Она по-прежнему здесь. Я чувствовал её присутствие совсем рядом, и впервые за все время пребывания в Загорье она таилась поблизости при свете солнца.

— Будь настороже, — произнес я и поведал о нечисти, которая едва не прикончила Фосса и проредила отряд Губошлепа. Легкомысленный настрой толстяка улетучился в одно мгновение.

— Нужно рассказать остальным, — Рой посмотрел в сторону поднимающегося с колен монаха и беседующих лейтенанта и огсбургца.

Я не возражал. Случайных людей здесь уже не осталось, и новость о тени панику посеять не должна. Жаль только, что нас столь мало. Рой, я, монах с девчонкой и двое рубак-офицеров. Кабы не истовая вера Томаса Велдона и не Дар графа Герингена, четверо вооруженных людей против тени — это, считай, ничего. Вспомнив жуткую туманную ночь, которая унесла одиннадцать жизней, поежился и сплюнул на листву под ногами.

— Куда делись твои орки? — я поинтересовался о паре воинов, что сопровождали вчера толстяка.

— Следят за ушедшими. Чтоб никто на хвост не сел, — ответил Акан. — Идем же. Предупредим остальных о нечисти и убираемся отсюда.

Когда мы подошли к отцу Томасу и позвали Ричарда и имперца, из леса появились два орка из клана Манрока. Весьма кстати, так как не пришлось дважды говорить об одном и том же. Сообщение о тени встретили молча. Отец Томас осенил себя и уменьшившийся до шести людей и двух нелюдей отряд знаменем, и мы покинули место ночевки. Тропа повела на северо-восток.

Шли почти весь день. Я нервничал: иногда казалось, что тень всего в нескольких шагах.

Близость тени ощущал лишь я, но напряжение охватило всех. Орки, ступавшие чуть впереди, то и дело замирали и вслушивались в лесные звуки; их движения чем-то неуловимо напоминали звериные повадки. Огсбургский граф и арнийский барон проделали весь путь с обнаженными клинками, инквизитор ежечасно молился, а Лилит натянула на лук тетиву и не снимала до самого вечера, не пожалев загубить витую пеньковую нить. Я же полагался на четыре готовых к бою пистоля.

К сумеркам мы добрались до расчищенных от леса полей. Впереди виднелся частокол из заостренных кверху толстых бревен на земляной насыпи.

— На месте, — облегченно выдохнул Рой. — Главная стоянка манрокова клана. Еще одна, поменьше, срублена в полудне на север, и совсем небольшая, новая, на — юге.

Я тоже хотел бы почувствовать облегчение. Только тень все также идет по следу, и стены любой высоты для нее не преграда. Но хоть кров над головой будет, и то ладно.

— Сколько тут обитает? — Тейвил оценивающе осмотрел на деревянное укрепление рочьего рода.

— Морок говорил, что сотни четыре вместе с бабами, детьми и стариками.

Сопровождающие нас орки побежали вперед, чтобы предупредить своих об остутствии опасности со стороны прибывших, и, когда мы приблизились к деревянной стене, через распахнувшиеся ворота высыпала, наверно, половина обитателей становища: ребятишки, женщины, воины. Мужчины смотрели на нас с любопытством, держась при этом с достоинством, а малышня и бабы галдели и показывали пальцами без стеснения. В особенности на инквизитора, потому как даже в резервации львиная часть орочьего народа с упорством держалась за своих старых богов, и Мать Церковь давно отказалась от обращения орков в истинную веру. Церковников в их селениях не видывали уже много-много лет.

— Чего это они? — спросил я, удивленный шумной встречей.

— Гости здесь в диковинку, — ответил толстяк, по-свойски махая рукой. Он приветствовал каждого второго, — мы для них, что твое развлечение.

В орках, встреченных мной в столице графства, чувствовалась внутренняя сила. Тем не менее, я ожидал увидеть убогую стоянку посреди леса с нищими, полуголодными обитателями. Однако становище клана ничем не отличалось от обычного горского поселения, укрывшегося от дыхания Запустения частоколом, крытыми дворами и массивными ставнями на окнах. Хотя нет, на орочьих домах как раз ставень и не имелось, потому как отсутствовали окна. Срубы щурились на мир темными щелями бойниц; позже выяснилось, они запирались на ночь изнутри. И еще одно отличало дома нелюдей. Мы подошли к крыльцу дома вождя, и я с изумлением уставился на дверь в жилище Манрока. Её высота едва доходила мне до груди.

— Что это? — я оглянулся. Судя по лицам Велдона, Лилит, Тейвила и Герингена размер двери их тоже привел в смятение.

— Проход в дом, — еле сдерживая смех, молвил Рой. Он широко улыбался и явно ждал моего вопроса. — Низкий, чтоб врагу неудобно было. Заходи, Николас, а вы, милостивые государи, обождите пока снаружи.

Сняв шляпу, я отворил дверь и, согнувшись, нырнул внутрь; вперед головой и вытянув шею. Представил, что рвусь в этот дом в пылу схватки, и, когда поднялся, передернул плечами и непроизвольно провел ладонью по загравку. По нему бы и рубанули сталью, будь сейчас бой. Проход из полутемных сеней в жилую часть сруба столь же низок. Ругнувшись, я

снова поклонился и нырнул в дверь. За ней в комнате, освещенной множеством лучин, работали несколько пожилых женщин. Они штопали одежду. С виду обычная крестьянская изба, а не дом вождя.

— Я ищу Оливера. Оливера Фоссато.

Орчиха с проседью в черных волосах указала на дверь напротив себя:

— Там он.

Такой же низкий проход, и я снова поклонился. Центральную часть комнаты, где поселился Фосс, занимал покрытый картами стол. Сам бывший наемник сидел на кровати, у спинки которой дремал взведенный арбалет, а у изголовья — несколько клинков в ножнах. Вдоль стен аккуратным рядом лежали набитые заплечные мешки, пять аркебузов и столько же арбалетов. Штаб нашей экспедиции.

— Гард! — воскликнул Оливер. — Я и не чаял тебя увидеть!

— А он взял и появился!

Фосс рассмеялся и попросил помочь подняться.

— Подсоби, — произнес он, — эта дрянная слабость...

Я подал руку, и, вцепившись за неё, Фосс с видимым усилием встал на ноги.

— Дальше сам, — прошипел бывший наемник. Сделав нетвердой походкой три шага, он упал на стул. — Кровь и песок! Как дряхлый старик.

— Со мной прибыл отец Томас. Именно его святая магия вытащила тебя с того света. Может ещё чем-нибудь поможет.

— Хорошо бы, — Фосс дотронулся до шрама на шее, мотнув головой вправо и влево. — Морок почти закончил подготовку к походу. Завтра-послезавтра он вернется в становище, чтоб идти с Роем в Запустение.

— Без меня думали отправляться?

— Без тебя. Мы рассудили, что ты погиб. Той ночью напали дьявольские гончие, от них не уйти. Если только кто-то один не пожертвует собой... Тогда... Тогда они прекращают охоту.

— Я не жертвовал собой.

— Знаю, — произнес Фосс и опустил взор. Он стал похож на побитую собаку. Я впервые видел его таким. — Прости, но с гончими только так. Или один, или все.

Мне вдруг захотелось, чтобы мы — я, церковник и лейтенант — задержались в пути на несколько дней. Чтобы люди кардинала Антуана ушли в Запустение без меня. Ведь я только инструмент для них, коим можно и пожертвовать. Давние подозрения о собственной роли в походе за перстнем вспыхнули с новой силой... Или один, или все... Не все вместе... Хотя без меня они тоже обречены. Но мое предназначение становится предельно ясным.

— Рассказывай, — Оливер попытался ободряюще улыбнуться.

Эх, Фосс, у тебя куча достоинств, но только не притворство. Чего не скажешь о воре, выросшем в Семиградье. Я отбросил на время все домыслы и начал обстоятельное повествование про то, что случилось с момента нашего расставания. Я ничего не таил и постоянно подчеркивал силу веры святого отца, лихость палаша Тейвила и Дар Герингера. Теперь я вижу в них шанс не только против ужасов Запустения: они не служат арнийскому первосвященнику, и вместе с ними я не окажусь в одиночестве среди людей кардинала. Уверен, что и Морок пляшет под дудку Фосса.

Повествование выдалось долгим. Появившаяся молодая орчиха затворила бойницы. На дворе окончательно стемнело. Тень, как мне казалось, затаилась сразу где-то за частоколом.

Но сейчас больше волновала не она — я настроился на долгий спор с Оливером о троих новых участниках похода.

— Ты хочешь, чтобы офицер из палаты Тайных дел следил за пленником с его странным Даром, а молитвы инквизитора отгоняли нечисть? — дымя трубкой, спросил Оливер. Ответить я не успел, потому что бывший наемник произнес. — Согласен.

— Согласен? — я не поверил услышанному.

— Да, — кивнул Фосс, — твои доводы разумны. У вас есть пара дней, чтобы перевести дух. Квартировать будете в доме Манрока. Сходи узнай, где вам постелят да и насчет ужина тоже спроси, а я над картами еще посижу. Поутру с лейтенантом загляни, потолкуем.

— Ладно, — я поднялся с табурета, на котором сидел во время разговора. — До завтра.

В помещении, где раньше сидели портнихи, сейчас у печи возились две женщины. Вкусно тянуло тушеным мясом. Ох, есть-то хочется! Однако женщины в мою сторону не взглянули. Да и ладно, хотелось выйти на улицу, чтоб в одиночестве обмозговать сговорчивость Фосса. Неспроста его покладистость! Нельзя допускать до секретной миссии чужаков, а он согласился. Значит, лишние глаза и уши из Запустения не вернутся. Как и вор...

Дважды поклонившись, я вышел на улицу и натянул на голову шляпу. Похолодало, я поправил шарф и закутался в плащ Ночь, как и день, выдалась безоблачной. На небе светили яркие звезды. Становящие погрузилось в темноту, которая лишь в нескольких местах разгонялась факелами. Но деревня орков ещё не спала, то там, то здесь слышались голоса.

Свернув за угол, я очутился в укромном месте. У глухой стены без бойниц, в тупике, огороженном с трех сторон запертыми сараями. В дальнем углу у поленицы стояла колода для колки дров. Я уместился на ней, чтобы еще раз все обдумать в тишине и покое. Память вернула к трактиру «Гусь и окорок» и Антуану! Проклятый пепел! Как же угораздило тогда попасться на клятвенный крест! Второй раз за мою треклятую жизнь.

Вдруг повеяло холодом, и отнюдь не дуновением ветра.

Из темноты шагнула черная фигура. Тень!

— Здравствуй, Николас, — прозвучал знакомый голос.

— Алиса?..

Глава 32. Убийца

— Алиса, — повторил я. — Что вы тут делаете?

Магия обострила слух, усилила зрение. В семи или восьми футах стояла темная фигура с надетым на голову капюшоном и черной маской на лице. Я вскинул два пистоля, но в тень не разрядил. Потому как голос принадлежал Алисе Кайлер — племяннице кардинала Антуана.

Она приблизилась на два шага. Левый пистоль задрожал. Проклятый пелеп! Что, если предо мной не Алиса? Что, если это дьявольская уловка? По виску сбежала струйка пота.

— Не стреляй!

Дьявол! Но это её голос! Она подошла, оперевшись грудью в пару стволов. Тень медленно подняла руки и откинула капюшон, на плечи упали золотистые локоны; затем она сняла маску. Алиса Кайлер!

— Кто ты или что ты такое? — сдавлено произнес я.

— Я люблю тебя, Николас.

Кровь и песок! Оружие опустилось, дула пистолей смотрели на землю, а я отступил на шаг назад. Дальше не мог, мешала бревенчатая стена.

— Что ты сказала?

— Я... я люблю тебя.

Она говорила взволновано. Я непонимающее уставился на тень, превратившуюся в Алису Кайлер и признавшуюся в любви.

— Что происходит? — только смог произнести я.

Тень сняла перчатку с правой руки, осторожно коснулась моей скулы и провела пальчиками по щеке. Затем она поцеловала. Жарко, горячо впившись губами в мои губы. Я утонул в её поцелуе.

— Теперь слушай, — прошептала Алиса, отстранившись и чуть отойдя в сторону, чтобы видеть мои глаза. — Я действительно та, за кого себя выдаю. Алиса Кайлер, сирота и единственная племянница Антуана де Сош. С двенадцати лет пребываю в Тиме в девичьем пансионе при папском дворе, и с четырнадцати лет моя жизнь и душа более не принадлежат мне.

Она произнесла избитую фразу, какую часто бросали бывшие воспитанницы пансионов благородных девиц, но в устах Алисы эти слова приобрели жуткий смысл:

— Пансион для девиц благородного сословия при дворе Его Святейшества на самом деле не совсем то, чем называется.

Тень, вернее Алиса, произнесла полное наименование самого известного дома для воспитанниц на всём Орноре, здание этого пансиона примыкало к дворцу самого папы в Тиме. Я слушал и не понимал, что будет дальше. После поцелуя чувства пришли в полное смятение. Черт возьми! Она сказала, что любит меня? Но Алиса, милое создание встреченное мной на дороге к замку Сош, оказалась жуткой тенью, что шла по пятам, оставляя позади себя кровавый след!

— Наш пансион — это место... — продолжив, Алиса тут же осеклась, опустила взор и зачем-то извинилась — Прости, мне трудно говорить... Уже долгие годы шефом пансиона является епископ Лаззар Примас. Его слово закон даже для матушки-настоятельности.

Лучшие воспитанницы получают стипендию, которую оплачивает Лаззар, и он лично курирует дальнейшую учебу и судьбу выбранных им девиц, устраивает их замужество. Всегда очень удачное. А еще епископ Лаззар часто беседует с воспитанницами, подолгу запершись в своем кабинете. В Тиме ходят неприличные слухи на сей счет, но лучше бы они оказались правдивы...

Леди Кайлер произнесла последние слова с горечью. Даже в темноте было заметно, как она побледнела.

— Три года назад, после четырнадцатых именин, и я удостоилась стипендии Примаса. Скоро меня пригласили в его кабинет. Он находился там не один... — слова давались ей с трудом. — Еще одиннадцать человек в монашеских рясах и матушка-настоятельница. Они окружили меня и...

Алиса вновь замолчала на мгновение.

— Не помню, что случилось потом. Только знаю, что тогда произошло... Они обратили меня.

Часто доводилось слышать истории, которые любят называть страшными, про несчастных, что были обращены на службу дьяволу против их воли. Для темного обряда непременно требуется тринадцать черных магов. Старая байка. Одна из множества по ту сторону Долгого хребта, но за короткое время в Загорье я успел насмотреться на ожившие страшные истории.

— Что значит быть обращенной?

Алиса Кайлер посмотрела в сторону отрешенным взглядом:

— Ты ведь знаешь, что такое клятвенный крест?

Я нехотя кивнул. Но откуда ей ведомо, что я клялся на магическом кресте?

— Мы перевоплощаемся в избранных! — взор девушки вдруг изменился. Она немигающее уставилась на меня, а вместо неё словно заговорил кто-то другой. — Мы избранные! Мы возвышаемся над смертными и бессмертными! Мы служим только Ему! Низверженному! Он грядущее! Он восторжествует!

— Ты служишь Сатане, — негромко сказал я. Я снова видел вместо неё тень.

— Слишком просто и неверно сказать, что я служу ему. Низверженный — это не Сатана.

Я вспомнил о Харузе. Церковники называют его демоном ада, а ночные крысы просто помнили о древнем воровском боге. Однако меня не заставляли служить древнему и почти забытому божеству против воли.

Взгляд Алисы прояснился, она снова походила на саму себя.

— В тот день я и родилась заново и превратилась в кинжал маркизы Даон ди Регель. Она одна из высших сиятельных в Тиме. Избранные подчиняются сиятельному, мы не можем послушаться их.

— Не понимаю.

— Вы называете их рыцарями Грааля. В их замок ты идешь за перстнем... — леди Кайлер поморщилась и добавила, — за перстнем Бога Сына.

— Тебе многое известно, — сухо произнес я. Воры не любят, когда им рассказывают про их тайны.

— Про этот поход я знаю все, милый мой Николас, — она прильнула ко мне и снова провела внешней стороной пальчиков по моей щеке. Горячий шепот Алисы будоражил кровь. — Сиятельным известно о замыслах Антуана, и мне велено остановить тебя.

— Кто же ты есть?

— Я ведь сказала. Я кинжал маркизы ди Регель, лучшая из её кинжалов.

Кровь и песок! Я начал догадываться, что такое кинжал сиятельных.

— Она сделала тебя тенью, убивающей в ночи, — молвил я, глядя в её глаза сверху вниз.

Девушка была ниже на полголовы.

— Убивать так сладко, — с мурлыканьем произнесла она. — Сладко-пресладко...

Её губы вновь наши мои. Я целовал безжалостную убийцу, находящую в смертях своих жертв истинное удовольствие, и словно вкусил часть этого порочного греха. Я осознавал грех, но не мог оторваться от влажных губ златовласой убийцы.

— Я тоже убивал.

— Но ты не избранный. Ты не знаешь, что значит убивать, будучи избранной.

Девушка отступила на два шага, её взгляд осматривал меня с головы до ног. Проклятый пепел! Кто она? Сначала она рассказывала о своей судьбе как будто с горечью. Но теперь ликует, когда говорит, что существует только ради убийств. Алиса Кайлер... Я часто вспоминал племянницу кардинала после отбытия из замка Сош. После Бранда все реже и даже почти забыл про неё, и вот она рядом. Целует и признается в любви, а меня тянет к ней, к её губам.

— Ты здесь, чтобы убить меня? — после этого вопроса я должен был схватиться за оружие, но просто ждал ответа.

— Мне приказано остановить тебя.

— Кем?

— Про то я не поведаю.

— Но ты уже рассказала многое.

— Верно, и скажу еще большее.

— Почему ты рассказываешь о тайнах ордена?

Я не заметил, как перешел на ты. Сейчас это казалось естественным.

— Я свободна. Каждый избранный обретает настоящую свободу. Я по-прежнему человек.

— Но ты подчиняешься сиятельным.

— А ты подчиняешься своей клятве.

— Ты их покорная слуга! — не сдавался я.

— Ты раб божий!

Я глубоко вздохнул. Она сказала, что всё еще человек, но человеческое ли движет ею, когда она называет убийства сладкими? Человеческое ли начало подчиняет её велениям сиятельным? И человек ли любит меня?

— Я хочу помочь тебе! — произнес я.

Алиса улыбнулась, с нежностью глядя на меня. В её облике сейчас не было ничего дьявольского.

— Николас, я люблю тебя, — повторила она. — Но сперва именно ты должен помочь самому себе. Не иди в Запустение! Уезжай за Долгий хребет, и однажды мы снова встретимся. Обещаю, что скоро.

— Моя клятва...

— Твоей клятвы больше нет. Антуан мертв!

Я потрясенно посмотрел на девушку в черном одеянии перед собой. Та самая жуткая тень. Я смотрел на вдруг сделавшееся бесстрастным лицо Алисы и боялся спросить о

кардинале.

— Ты убила его?

Леди Кайлер кивнула. На сей раз она ничего не сказала о сладости убийства и отвела взгляд.

— Ты убила собственного дядю? Своего единственного родича?

— Так было велено. Но ты-то знаешь, его смерть сняла с тебя клятву. Ты свободен! Ты понимаешь это?

После известия о смерти Антуана де Сош внутри меня образовалась непонятная пустота. О, Харуз! Что происходит? Мне в общем-то плевать на кардинала, он мертв, и клятвы больше нет. Но отчего-то я знал, что все равно пойду в Запустение. Почему?

Из-за неё? Она сказала, что любит меня, и после поцелуев во мне вспыхнула страсть. Только, черт возьми, не она тянет меня в проклятые леса! И люблю ли я стоящую предо мной девушку? Могу ли я полюбить убийцу в черной, сливающейся с ночной мглой одежде? Нужна ли мне такая любовь?

— Ты слышишь меня, Николас? Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Но...

Как задать следующий вопрос? Так, чтобы он прозвучал без резкости? Я боялся услышать ответ, но не мог не спросить.

— Сколько жизней ты отняла?

Алиса пристально посмотрела в мои глаза и тихо произнесла:

— Ты в самом деле хочешь узнать?

Я кивнул.

— Я избранная уже три года, и давно сбилась со счета. Но это не важно, — Алиса вновь заулыбалась, только другой, не скромной, а какой-то хищной улыбкой, и положила руки мне на плечи.

— А что важно? — во мне бушевало желание оттолкнуть её, но одновременно я жаждал нового поцелуя.

— Ты мой!

— Но ты не принадлежишь себе.

— Я избранная и я свободна!

— Ты убиваешь, когда тебе велят.

— Ты тоже убиваешь.

— Чтоб защититься!

— И я защищаю! Но не себя. Верь мне, Николас, и тогда ты узнаешь, что у кинжала сиятельных гораздо больше свободы, чем ты можешь вообразить.

— Верить тебе, Алиса? Тогда расскажи, как сиятельные проведали о замыслах Антуана.

— Хорошо, — девушка на краткий миг прильнула к моим губам, заставив позабыть, кто она есть. — Я расскажу тебе, что знаю, чтобы ты верил мне. Хотя мне известно не столь уж и много. С чего начать?

— С какого времени ты следишь за мной?

— Помнишь даму в черном в таверне «Гусь и окорок»?

— То была ты?

— Я. Мне приказали помешать планам Антуана. Я ждала его приезда и разговора, который он будет вести со своими людьми. Оливера Фоссато я знала в лицо и догадывалась, что ты делишь с ним номер неспроста. Однако именно после приезда кардинала и твоей

клятвы, мне велели остановить именно тебя, и каждый день я благодарю Низверженного, что не услышала тогда одного короткого слова. Убить! Я...

— Постой, — я перебил Алису, — кто стоит за тобой? Маркиза ди Регель? Как ты прознала о содержании моего разговора с Антуаном? Ведь в таверне Кампо невозможно следить или шпионить.

— Сколько вопросов, — улыбнулась леди Кайлер, — и снова ты спрашиваешь, кто повелевает мной, но я не отвечу. Даже не пытайся больше узнать. Но это не Даон ди Регель, она Тиму не покидает.

— И все же, как ты узнала разговоре?

— Все проще, чем ты думаешь. Каждый, с кем ты разговариваешь, может являться сиятельным или избранным.

— Фосс? — я покрылся холодным потом. При той беседе с покойным кардиналом присутствовал лишь Оливер.

— Нет, не он. Лека! Она избранная.

— Но..., - я попыталась возразить, однако смолк. Что я мог сказать о слепой эльфийке?

— Великий господин наградил её тремя Дарами. Хозяин таверны ведаёт лишь о двух: о том, что её близость гасит чужое колдовство, и что эльфа чувствует, когда рядом пытаются шпионить. Но она также в силах услышать любое слово, сказано в таверне. Для этого ей нужно лишь запомнить голос нужного человека.

Умно. Я мысленно ругнулся. Выходит, шпионы ордена знают о содержании всех тайных переговоров, что ведутся в гостинице «Гусь и окорок». А перворожденная тоже неспроста появилась близ номера, где жил я и Фосс. Ей требовалось услышать мой голос. Я вспомнил, что использовал магию в таверне и прослушивал собрание масок, но эльфа не выдала меня. Теперь понятно почему: чтобы не угодил в чужие руки. Вероятно, тогда Лека и Алиса еще не получили указания на мой счет.

— Лека появилась в окрестностях Ревентоля не случайно, и не также не случайно подялся мастера Кампо, — Алиса словно подслушала мои рассуждения.

— Он тоже?

Девушка покачала головой.

— Не знаю. Я всего лишь кинжал.

Проклятый пепел! Она сказала, что она всего лишь убийца! В семнадцать лет быть убийцей, какой не помнит, скольких убил... Я чуть не оттолкнул её от себя, но ведь её душа в чужой власти. Её обратили!

— А что же ты? Как тебе удавалось преследовать меня?

Алиса сняла вторую перчатку. Безымянный палец украшало кольцо. Точно такое отец Томас снял с руки мертвой тени.

— Тогда в лесу... — я по-настоящему испугался.

— Вы убили другую, — Алиса кровожадно ухмылялась. — Она тоже кинжал, но всегда была душой и подставилась по-дурацки. Её прислали поторопить меня.

— А туман?

— Её колдовство.

— Я видел, как она появилась из ничего. Ты тоже шагнула из воздуха.

— Кольцо, — она подняла кисть с темным камнем на золоте, — в нем моя магия. Я могу укрыться облаком невидимости и миновать расстояния в дюжину раз быстрее, чем обычный смертный. Если я хочу кого-то догнать, время словно замедляется, когда я в пути и

использую силу кольца.

— Оно делает тебя почти неуязвимой.

— Это не так. Когда становлюсь незримой, то как будто превращаюсь в бесплотный дух. Я чувствую свое тело, могу потрогать свою одежду или оружие, что при мне, но более ничего, что окружает меня. Я не могу ухватиться за какой-нибудь предмет, пальцы проходят насквозь. И в то же время не в силах пройти сквозь стену или запертую дверь, да и просто через обычный бурелом либо другие преграды. Мир вокруг погружается в серые краски, нет ни дня, ни ночи, а только вечные сумерки, какие бывают в самом их начале, когда окружающее вокруг еще хорошо различимо.

— Вот как ты появлялась из ниоткуда, — пробормотал я.

Нужное кольцо. Вору пригодится невидимость, пускай и отрезанная от воздействия на мир. Зато смогу пробраться незамеченным до любой двери или замка, а там сниму кольцо и продолжу по старинке. Очень скоро отец Томас не найдет кольцо убитой тени.

— Магия кольца доступна лишь избранным, — Алиса опять угадала, что у меня на уме. Девушка вновь коснулась моей щеки кончиками пальцев и, проведя ими вниз, дотронулась до уголка губ.

Сколько она убила этой самой рукой? Кольцо на безымянном пальце притягивало взор.

— Теперь понятно, как тень все время настигала меня.

— Я могла бы вовсе не следить за тобой, и все равно знала, где ты находишься.

Вор внутри меня напрягся. Висеть на чем-то крючке есть верная смерть для ночной крысы. Это и сгубило нас, когда Старик опрометчиво связался с тем таинственным незнакомцем, что нанял буквально всех ночных крыс, чтобы в одну ночь обчистить дома тридцати главных богачей Лерпо. Каждому из нас отводился свой странный заказ. Мне, например, статуэтка Богоматери с младенцем из дворца магистрата Дерлини, внутри коей якобы запечатали бумаги особой ценности для нашего нанимателя. Однако бумаги внутри не оказалось. Я сломал статуэтку, когда выбрался из ловушки в дома Дерлини.

Я ушел из западни один. Все остальные погибли, даже Старик... Паоло Дерлини прожил недолго, я убил его. Но трясущийся от страха магистрат так и не смог выдавить из себя хоть что-нибудь про человека в темной карете и бархатной маске, который арендовал левое крыло его дворца на одну ночь. Ту злополучную ночь... Дерлини не сказал и о причинах, побудивших его сдать часть своего дома незнакомцу, в который заготовили ловушку для вора. Следующей ночью, трясая насмерть перепуганного Дерлини, я лишь уверился, что человек в маске, беседовавший с магистратом, и наниматель ночных крыс — это один человек. Старик описывал его ровно таким же образом, как и магистрат.

Незнакомец бесследно исчез. Я искал хоть какую-нибудь зацепку, чтоб выйти на него, но тщетно. Через полгода, когда смерть настигла последнего из тридцати богатейших людей Лерпо, я навсегда покинул город моего детства и юности... Я тоже убивал, и не так уж и мало.

— Ты о чем-то задумался.

— Дело прошлого, — отмахнулся я.

Ночных крыс больше нет, и это моя вина. Я нарушил ту первую клятву.

Но как же быть с тенью, которая оказалась Алисой Кайлер? Разум требовал вонзить нож под её ребро, однако я не мог воткнуть сталь в Алису Кайлер.

— Наша встреча в замке Сош тоже не случайна, как и проведенное там вместе время, —

продолжила убийца, на сей раз застенчиво. — Мне нужно было всего чуточку тебя. Всего лишь оброненный с головы волос.

— Черное ведовство, — сказал я.

— Старое ведовство, — поправила Алиса. — Сиятельные помнят очень многое из прошлого, что забыто сейчас. Раздобыв частицу тебя, я привязала твой образ к себе. С того дня я всегда знаю, далеко ли или близко Николас Гард, и в каком направлении тебя искать. Только у этого колдовства имеется обратная сторона. Догадываешься, какая?

Я покачал головой. Хотя...

— Я привязана к тебе, — Алиса подтвердила мою догадку, — ты ощущаешь мое присутствие, когда я близко.

— Ты всегда знала, где меня искать и всегда могла настигнуть, уйдя я вперед, — сказал я, — но зачем ты напала на Фосса?

Алиса задумалась на несколько мгновений.

— В ту ночь, — заговорила она после короткой паузы, — когда мы схватились на крыше гостиницы, я окончательно поняла, что не хочу убивать тебя. Не спрашивай почему, я и сама не знаю, откуда ты в моем сердце.

Девушка мило улыбнулась, и снова наши губы сошлись в страстном поцелуе.

— Но я по-прежнему должна была остановить тебя. И сейчас должна!

Глаза Алисы вдруг опасно заблестели. Она не похожа племянницу кардинала. Та Алиса в замке Сош искусно претворялась, чтобы выдать себя за другую, и, признаться, я поверил ей. А сейчас меня обнимала жуткая убийца, может быть и не человек в привычном понимании этого слова. Но она больше не прятала свое истинное лицо, и я наслаждался её близостью. Гораздо сильнее, чем в замке. Кто она после обращения? Что делается с душой обращенного? Я заметил, что настроение Алисы изменчиво и разнится, как огонь и лед. Она то робкая и милая, то слишком уж становится похожей на безжалостную убийцу.

Кровь и песок! Но меня тянет к её губам! А любовь?.. Нет! Но это ничего не меняет!

— Когда ты упал с крыши, я снова затаилась, а чуть позже направилась к открытому окну вашего номера и услышала, что внутри кто-то есть. Магия кольца позволила подобраться до Фосса незамеченной. Я оглушила его и перерезала горло. Особым ножом, который оставляет рваную рану, как от клыков зверя. Я полагала, что без Оливера ваш поход прекратится.

— Но он выжил.

— И я шла по твоему следу, как гончая.

— Твоих рук дело?

Алиса непонимающе посмотрела на меня.

— Дьявольские гончие! Ты наслала их?

— Нет. Я спасла тебя от них. Я была совсем близко, когда одна из них напала на тебя, и оттащила тебя в сторону, куда ты пребывал без сознания.

— Отогнала?

— Ночные дети не могут напасть на избранных.

— Ночные дети? — я задал новый вопрос.

— Все, кого вы называете нечистью, отродьями Запустения и прочими тварями. Никто не смеет напасть на слуг Низверженного. Почти никто.

— Низверженный... — опять осторожно начал я, — это Дьявол?

— О, нет, милый мой Николас, — Алиса обворожительно улыбнулась, — не он.

Сколько можно повторять, что Он не Сатана. Но ты можешь познать сущность Низверженного.

Глаза девушки загорелись фанатичным огнем.

— Будь избранным!

Я решительно покачал головой. Я ждал града возражений и яростного фанатичного натиска, но огонь в очах Алиса мгновенно стух, едва я задал следующий вопрос.

— Та ночь с гончими... Зачем ты спасла от них и оставила в снегу? Чтобы я замерз и умер?

— И да, и нет, — простодушно ответила Кайлер. — В то время во мне еще боролись два противоположных начала: наказ остановить тебя и чувства к тебе. Но я не могла сделать окончательный выбор. Я убила гончую, которая вернулась за добычей, и, положив тебя рядом с еще теплым телом зверя, доверила твою судьбу Низверженному, чтобы Он решил очнуться тебе или замерзнуть!

Алиса вновь прильнула ко мне и горячо зашептала на ухо:

— Он выбрал для тебя жизнь! Ты мой! Ты в Его длани! И Он хранит тебя! Когда Укил превратился в чудовище, я снова была рядом, а Он всегда ведет меня.

Мне стало не по себе. Глупо бояться как-то неизвестного Низверженного, но если обнимает его слуга и шепчет, что я в его руках? При том, что я точно знаю, что слова Алисы не расходятся с делом: она убийца, она избранная и владеет черной магией, её боятся жуткие создания из Запустения, и она говорит, что я руках её божества!

— А мертвая девочка?

— Нет, то твое собственное невезение.

Алиса беззаботно рассмеялась. Меня же проняла дрожь от воспоминаний о маленьком упыре с черной челкой на глазах. Но, дьявол! Хватит прошлого!

— Так что же теперь!

Лицо девушки сделалось серьезным:

— Уходи! Уезжай из Загорья! Забудь о Запустении! Твоей клятвы больше нет!

— И что потом?

— Потом я найду тебя!

— А, если я не отступлюсь и пойду в ваше логово за кольцом?

— Зачем оно тебе? — Алиса посмотрела на меня с вдруг вспыхнувшей злостью.

— Ответь, что будет, если я не послушаю тебя?! — мне захотелось схватить её за плечи и сильно встряхнуть. Чтобы вытрясти всё, что было в ней от убийцы.

— Я обязана остановить тебя и я сделаю это! — выпалила она.

— Убьешь меня?

— Сначала я убью всех, кто будет вокруг тебя. Одного за другим, а потом и тебя. Да, тебя.

Мы разговаривали почти в полной темноте. Не слезы ли на её глазах?

— Если вы забредете в лес слишком глубоко, я не смогу противиться властной воли. Я убью и тебя.

Алиса опустила голову, её плечи осунулись. Она говорила правду.

— Откажись! — девушка резко вскинулась, отпрянув на три фута. — Послушай меня!..

За углом вдруг раздались голоса.

— Эй! Гард! Ты там?

Толстяк Рой искал меня. Через несколько ударов сердца он окажется здесь, ответ

факельного огня уже виден у края бревенчатой стены.

— Откажись! — взмолилась Алиса. — Иначе тебе не жить! Ночные крысы однажды перешли ему дорогу! Он не Низверженный, но очень силен. Не иди к нему! Что ты сможешь один, когда он покончил со всеми вами!

— Кто он? Алиса! Кто? — у меня перехватило дыхание, сердце заколотилось в бешеном ритме.

Алиса отвернулась, я потянулся, чтобы схватить её за руку, но девушка исчезла. Растворилась в ночи в одно мгновение.

— Кто? Кто? — в отчаянии шептал я.

— Да вот же наш Николас! — радостно объявил Рой.

Уже навеселе. За толстяком бубнили двое орков, тоже выпившие. Укромное место наполнилось пьяным гоготом.

— Пошли, Гард, выпивка стынет! Тебя ждет!

Я последовал за ним. Акан и орки смеялись, что-то говорили, а я ступал словно во сне. В котором воздух стал вязким, давящим на плечи и приглушающим все звуки вокруг. Убеждая меня, Алиса достала из рукава последний козырь. Неужели она думала, что, упомянув о том, кто уничтожил ночных крыс, испугает последнего их них? О, Харуз! Клянусь пред тобой своей бессмертной душой! Я найду логово этих сиятельных и того, кто уничтожил Старика и остальных!

Теперь я знаю, где он прячется! В сердце Запустения!

Еще вчера я мечтал забыть о Фоссе, Антуане де Сош и перстне Бога Сына! Еще несколько минут назад я говорил Алисе, что не пойду в Запустение исключительно из-за ослиного упрямства. Отныне все иначе! Ночные крысы будут отмщены!

Назад дороги нет! Впереди Запустение!

Запретная магия вернула дух убитого в остывшее тело. Положенный на дощатый пол посреди тускло освещенной комнаты мертвец открыл глаза, поднял туловище и обратил лицо к Нуруггу. Дабы ответить на вопросы командира дорнокской сотни орков.

В распоряжении Нуругга имелось немного времени, в двести ударов сердца, но он вопрошал далеко не в первый раз. Он вызнал все, что хотел, и успел привязать к себе нить к убийце. Каждый, кто отнимает чужую жизнь, оставляет отпечаток на душе убитого. Призраки не могут лгать, и расскажут вопрошающему все, что тот пожелает узнать, а ищущий сорвет и впитает в себя частичку черного пятна, проступающего по краям смертельной раны на мертвом теле в момент призыва.

Нуругг был и вопрошающим, и ищущим одновременно. Редкий Дар.

Время призыва истекло. Тело сидящего на полу мертвеца обмякло и рухнуло бы на дощатый пол, не придержи его Нуругг за плечи. Орк бережно опустил мертвого наземь.

— Спи с миром, — хрипло произнес орк. Тяжело прощаться с младшим братом.

Когда Нуругг поднялся, чтобы выйти во двор, лицо орка сделалось каменным, не выражающим эмоций. Но взгляд сотника и мага по-прежнему выдавал его чувства. Нуругг жаждал мести! Взор Нуругга, высокого, крепко сбитого, в самом расцвете сил орка излучал свирепость.

Теперь он знает, как погибли четверо его разведчиков и где искать убийцу брата. Выйдя на крыльцо, орк втянул широко расставленными ноздрями воздух. Запах убийцы указывал на северо-восток. Ненастоящий запах, но магия предков показывала направление поиска. Он прячется где-то в лесах в двух дневных переходах отсюда.

— Поднимай сотню с рассветом, — приказал Нуругг старшему десятнику. — Мы начинаем новую охоту.

* * *

Лилит тяжело, прерывисто дышала. Угнаться за лодками, идущими впереди по Черной речке, оказалось очень непросто. Мешал густой лес, но девушке все ещё удавалось не отпустить лодки от себя далеко и держать их в поле своего зрения.

Только сил почти не осталось. Лилит стиснула зубы и продолжила преследование. Деревья вокруг неё совершенно обычные, не скажешь, что она уже в Запустении. Сперва она старалась не выдавать себя лишним звуком и почти сразу же начала отставать. Тогда пришлось бежать, отбросив всякую осторожность.

Отец сокрушенно покачал бы головой, услышав, какой шум она подняла... Лилит споткнулась... Отец? Для неё не являлось тайной, что Пол не является её родителем. Но как иначе называть человека, что воспитывал её с младенчества?

Томас Велдон — вот её настоящий отец. Он часто навещал ферму. Сколько себя помнила, Лилит знала, кем для неё приходится инквизитор, и она любила его тоже. Она и его называет отцом.

Вчера снова спорила с ним, и он в очередной раз непреклонно заявил, что в Запустение она не идет. Внешне Лилит смирилась, но еще у могилы Пола Андара она поклялась, что

никто больше не будет определять, как ей жить!

Покинуть деревню орков незамеченной труда не составило, оркам не было никакого дела до неё. Поначалу намеревалась идти за лодками до темноты и объявиться, когда маленький отряд пристанет к берегу на ночлег. Они заплывут уже далеко, и вряд ли кто-то будет возвращаться, чтобы доставить её обратно на стоянку Манрока.

Она снова окажется рядом с отцом! А убийца Пола и огсбургец окажутся поблизости! Томас Велдон уговорил её отказаться от мести, и поначалу она согласилась с его доводами, однако с каждым днем в Лилит росло желание всадить в Гарда стрелу! Но духу не хватало. Может быть, в Запустении она решится на месть? О! Как же она мечтала убить его! А потом прикончить имперского полковника! Ну почему она не решалась на это раньше?

Лилит прижалась спиной к шершавой коре старого дерева, чтобы перевести дух. Она не выдержит такой темп до темноты. Нужно скорей нагнать лодки и жалобно позвать отца. Она очень устала, ей и притворяться не потребуется, чтобы разжалобить отца.

Послышался шорох, как будто кто-то появился рядом, и сердце Лилит ушло в пятки. Она услышала позади:

— Что ж ты, дурочка, не осталась у орков...

* * *

Пять каркасных лодок, обшитых крашеной берестяной корой, шли по Черной речке почти без помощи гребцов. Сильное течение само толкало лодки вперед, и весла требовались, лишь чтобы поправить курс.

Движение получилось неспешное, со скоростью человека, идущего по берегу. Хотя нет, густой лес по обоим берегам сильно бы замедлил наш ход, следуя мы по суше вдоль русла реки. Но судьба, наконец, улыбнулась: поход в проклятые леса начался крайне необременительно — мы плывем. Снаряжение и припасы не отягощают плечи, а мы вольготно располагаемся в орочьих лодках.

Лес вплотную подступал к неширокой речке. От берега до берега футов тридцать, не больше. Иногда мне казалось, что за нами следят.

Я делил челнок с отцом Томасом и угрюмым орком из числа четверки нелюдей, отобранных Манроком для этого рискованного путешествия. Наша лодка шла в середине цепи из берестяных суденышек. Позади разрезал речные волны челнок с Криком, Барамудом и ещё одним орком на борту.

Спереди — лодка Тейвила со связанным Герингеном и третьим манроковым орком. Имперец устроил бунт, узнав, что мы тащим его с собой в Запустение. Пришлось утихомиривать его силой, благо оружия у хмельного огсбургца в тот момент при себе не нашлось. Связанного графа с разбитым лицом и взглядом загнанного волка положили в лодку как прочий груз. Я надеялся, что через несколько дней, когда доберемся до Гнилого водопада, до Герингена дойдет безысходность его положения, и он вновь согласится стать нашим союзником. В одиночку выбраться из Запустения он все одно не сможет.

Первыми плыли Рой и Морок. Вместе с ними в лодке сидел еще один орк, последний из тех, кого взял с собой Манрок. В лодке, шедшей последней, сидели пятеро орков. Они погонят челноки обратно, когда мы оставим их у Гнилого водопада. По прикидкам Фосса и Манрока, составлявших маршрут, к верхнему течению Черной речки, мы вернемся уже налегке, и лодки не понадобятся.

Вернемся ли? Снова полезли мрачные мысли о перспективах похода в сердце Запустения. Но нынче я рвался туда сам. Там логово сиятельных и того, кто уничтожил Старика и остальных. Мне неведомо, кто он или что он, но я отомщу за ночных крыс. Либо он прикончит последнего из нас. Меня.

Никто из моих спутников не знал, что Антуан мертв. Скорей всего эта новость поставит крест на походе за перстнем Бога Сына, и я окажусь один на один с Запустением. В последние два дня часто чувствовал себя подлецом: окружающие меня идут на верную смерть, и получается, что зря. Чертово кольцо кардиналу уже точно не потребуется. Однако я не доберусь до замка в глубине Запустения в одиночку. Тут я иллюзий не испытывал.

Подло? Конечно, но мир несправедлив.

Я также надеялся вырвать из плена дьявольского обмана Алису Кайлер. Возможно, повернув её обращение вспять, отдам долг Антуану. Как ни крути, я обязан ему жизнью, а по таким долгам нужно платить.

Что нужно, чтобы освободить Алису?.. Я представлял это в еще меньшей степени, чем месть. Но теперь у меня две цели в моей никому не нужной жизни...

Эх, приуныл ты Николас Гард! Я зачерпнул ладонью воды из реки и выплеснул на лицо, чтобы смыть тоскливое наваждение.

Запустение — это не конец моей истории. Я еще увижу жаркое летнее солнце по ту сторону Долгого хребта и бирюзовые волны южных морей! Услышу смех на заполненных яркими красками улицах Семиградья! Навещу тех немногих людей, кто обрадуется мне.

Мы непременно встретимся вновь!

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net